

Марина Эльденберт

Поющая для дракона.
Между двух огней

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Он считает, что я в его власти, но он ошибается. Мир иртыханов не прощает слабости, а значит, мне придется научиться играть по его правилам. На его условиях. По законам, которые скорее ближе к звериным, чем к человеческим. Чем закончится наше противостояние? Я не знаю. Знаю только, что буду петь. Даже если сердце в огне.

- [Марина Эльденберт](#)

-
-
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Марина Эльденберт
МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

Читателям, которые были с Леоной и Рэйнаром все это время.

Спасибо за вашу поддержку и вдохновение!

ГЛАВА 1

— Отдай кость!

Вцепившись в большую берцовую... Ну ладно, я понятия не имею, как называлась эта кость, которую Марр пытался вырвать из моих рук. Или я пыталась выдрать из пасти Марра, что, по сути, не имело особого значения, мы просто тягали ее туда-сюда. С переменным успехом, потому что сил во мне было не так много, а еще я постоянно зевала. Неудивительно, учитывая тот факт, что я всю ночь читала ир்தханские законы — до тех пор, пока глаза не превратились в узенькие щелочки, а мозг не перестал воспринимать информацию. О наставничестве и связавшем нас с Халлораном магическом договоре там ничего не нашла, но сдаваться я не собиралась.

— Развлекаетесь?

— Р-р-рышк!

С таким звуком добыча выскользнула из зубов Марра, когда он отвлекся на вошедшую в кухню сестру. В два прыжка преодолев расстояние до мусоросборника, я метнула кость туда и захлопнула панель, за что заслужила немного укоризненный взгляд виара. Впрочем, сейчас меня гораздо больше волновала Танни, а вот ее интересовал только холодильник. С равнодушным видом дернув на себя дверцу, она окинула взглядом полупустые полки и вытащила контейнер с замороженным быстрым обедом. Такие лежали в морозильной камере на случай, когда совсем нет времени, что случалось довольно часто.

— Я сейчас приготовлю, — сказала, намекая на то, что должно было вскоре превратиться в запеченное жаркое и лежало рубленой горкой на доске. Собственно, пока резала мясо, Марру удалось стянуть кость. — Поедим нормально.

— Обойдусь.

Танни сунула полуфабрикаты в микроволновку, включила таймер и отвернулась. С таким видом, словно ее ничего не касается, от временного потепления и следа не осталось. Впрочем, возможно, и не было никакого потепления, просто мне очень хотелось в это верить. О том, что придется говорить с ней о новой школе, пока старалась не думать. Сегодня я вообще старалась гнать от себя всякие мысли. Получалось с трудом. Но все-таки удавалось.

И вообще. Надо бы уже включить телефон.

Тишину нарушали едва слышный шум микроволновки и обиженные вздохи Марра. Чтобы прервать неловкое молчание, взялась за овощи. Хотя Лэм и говорила, что Танни лучше не трогать и как можно меньше обращать внимание на случившееся с Миком, мне было не по себе. Я то и дело поглядывала на сестру, которая сидела на барном стуле, вытянув ноги и зажав ладони между колен. Понять, что она сейчас чувствует, невозможно. Наверное, только отчасти. Едва разлепив веки в той сладкой полудреме, когда разум еще не отделяет реальность от сна, подумала, что мне приснился дурацкий кошмар. Но потом потянулась к шее и наткнулась на пламенеющую вязь. Пальцы словно разрядом тока ударило, сердце тут же сбилось с ритма, а весь сон как рукой сняло.

— Виу! — Марр решил заявить о себе погромче и потерся об ноги, выпрашивая мяса.

— Ай!

В умирительном состоянии виар растопыривал находящиеся под шерстью чешуйки, чтобы выглядеть еще более пушистым и очаровательным. Может, со стороны это и было мило, зато для человеческой кожи весьма ощутимо даже через джинсы. Танни фыркнула, но тут же снова нацепила маску полнейшего безразличия. Микроволновка запищала, и сестра вытащила контейнер, сквозь дырочки в упаковке потянулся запах горячего. Выхватив вилку из ящичка, она обошла Марра, и мы снова остались на кухне вдвоем.

— Виу! — заявил он.

— Ты прекрасно знаешь, что кости тебе нельзя. Это опасно.

Виар вздохнул. Покосился на мясо, но понял, что больше не перепадет (и так полкуска слопал, пока нарезала), после чего обиженно развернулся попой, плюхнулся на пол и принялся икать, выпуская из ноздрей колечки дыма. Исключительно от голода, видимо. Я же выложила овощи и мясо в большую стеклянную миску и отправила в духовку. Стоило захлопнуть дверцу, как перед глазами вспыхнуло яркое воспоминание: первый обед в квартире Рэйнара. Слишком отчетливое и обескураживающее, чтобы успеть закрыться.

Ну уж нет.

Подхватила телефон и отошла к окну: укутанный в снег Мэйстон по-прежнему оставался холодным, как запертый внутри магический огонь. Жаль, что нельзя точно так же запереть чувства, хотя бы на пару дней, пока не пройдет накатывающая волнами боль и заморозка больше не потребуется. Зимнее солнце обманчиво раскаляло иглы высоток, лучи впивались в вершину Лаувайс, чтобы отразиться слепящим светом.

Смотреть на нее было невозможно даже через бахрому ресниц, прищурившись.

Мобильный ожил от едва уловимого прикосновения.

Пока загружался, я упорно не думала о том, что увижу. Или чего не увижу.

В итоге высветился только пропущенный от Хейда.

Агент звонил мне поздно ночью или очень рано утром. Учитывая, что сейчас перевалило за полдень, выспаться он наверняка успел. Поэтому набрала сразу.

— Что ты вчера сказала Гроу?

Судя по бодрому голосу, Хейд уже давно на ногах.

— Ты только поэтому звонил?

— Этот вопрос я задавал себе всю ночь. Вчера он начал разговор с того, что обожает женщин с характером.

Я закатила глаза.

Мелькнула странная мысль, что, если бы Халлоран узнал о нашей беседе или услышал что-то в этом роде, одним постановщиком в мире стало бы меньше. Представила их лицом к лицу и поняла, что не знаю, как себя поведет Гроу. То есть если Вальнар в такой ситуации стремительно уменьшался бы в размерах и вращался в пол, то вообразить напуганным Гроу никак не получалось. Вообще.

О чем я думаю, а?

— Сказала ему, что все переговоры веду через своего агента.

— И в этом ты права. — Хейд усмехнулся. — Я буду настаивать на внесении корректив в оплату репетиций. И есть еще один пункт, на котором настаивает Гроу. Собственно, о нем я и хотел поговорить.

Что-то в его голосе заставило насторожиться.

— Какой пункт?

Отвернулась от окна.

— Ты должна полностью соответствовать образу Люси.

— То есть?

— Тебе придется сменить имидж, Звездочка. Он хочет видеть тебя блондинкой.

А больше он ничего не хочет?

К счастью, я удержалась от этого вопроса до того, как он слетел с языка, зато спросила другое:

— А что ты думаешь по этому поводу?

— Считаю, что это довольно спорный... но интересный ход. Публике нравятся перевоплощения, но чем ближе ты будешь к образу, который

раскрываешь на сцене, тем лучше. Тем проще ассоциация.

Значит, решено. Не то это условие, чтобы идти на принцип. В конце концов, почему бы и нет. Мой родной цвет волос светлый, как у Люси. Придать ему какой-нибудь интересный оттенок, и будет замечательно. Как сказал известный фервернский стилист Брайдерматт Торхан, все положительные перемены в жизни начинаются с нового цвета волос. Бриаль Бетрой осталась в прошлом, а Леоне Ладэ пришла пора стать собой.

— Звездочка?

— Меня это не смущает.

— Точно? — удивился агент.

— Точно, — сообщила я. — Если ты считаешь, что этот пункт необходим.

Из трубки донесся смешок.

— Я что-то не то сказала?

— Нет, просто пытаюсь понять, где же я был раньше. Женщина, которая не возражает против кардинальной перемены внешности...

Имеет на это свои причины.

Вслух я, правда, этого говорить не стала.

— Ни за что не поверю, что до меня никто не соглашался сменить цвет волос.

— Соглашались, но знала бы ты, на каких условиях и с какой нервотрепкой...

— Намекаешь, что я должна стрясти с Гроу денег на самого дорогого стилиста?

Хейд расхохотался.

— Для этого у тебя есть я.

Теперь уже я не сдержалась и фыркнула.

— Превосходно, — хмыкнул агент. — В таком случае осталось обсудить с ним то, о чем я уже говорил. В течение часа, максимум двух, сброшу договор. Репетиции начнутся со следующей недели.

Мы распрощались, и я прислонилась к стене, глядя на поводящего носом Марра, его всерьез взволновал аппетитный запах мяса с овощами. Перевела взгляд на дверцу духовки, где отражалась растерянная я с большими глазами. Поверить не могу — репетиции! На следующей неделе. Одно дело предварительная договоренность, совсем другое — договор! Контракт, который станет пропуском на сцену Мэйстонской оперы. Последний шаг на пути к мечте, и от нее отделяет только электронная подпись. Если бы не пламенеющая на шее вязь, я бы пустилась по кухне в

пляс.

Сейчас же только отложила телефон и покосилась на таймер.

Молчание Рэйнара напоминало затишье перед бурей. Я бы даже сказала — ураганом, причем гораздо более страшным, чем вчерашняя непогода, укутавшая Мэйстон в белое покрывало. Надо в срочном порядке продолжать штудировать права и обязанности, но пока я не выпью кофе, я ничего изучать не смогу. Пить кофе на голодный желудок тоже не лучший вариант, а обеду еще минут двадцать готовиться.

— Как думаешь, успеем мы погулять?

— Виу, — ответил Марр.

Собралась быстро, на ходу влезла в ботинки и куртку. Вжикнула молнией до подбородка, но вовремя вспомнила, что полностью воротник поднимать нельзя. Поэтому соорудила из широкого шарфа «горку», которая относительно прикрывала шею и создавала подобие кокона. Надеюсь, так не загорится.

Едва открыла дверь, пританцовывающий от нетерпения Марр радостно рванул к лифтам, но тут словно на невидимую стену наткнулся и сделал стойку. Обернувшись, я увидела незнакомца, отделившегося от стены рядом с нашей дверью. Мощного и высокого. Цепкий взгляд не позволял усомниться в роде его деятельности: служба безопасности правящего.

— Добрый день, эсса Ладэ. — Голос мужчины звучал сухо, холодно и жестко, будто вместо человека под дорогим костюмом скрывалась экспериментальная модель робота. Взгляд был точно таким же, а еще смотрел он на меня сверху вниз. Губы на миг искривились, как если бы он на спор разжевал горсть незрелых литтоновых ягод, но только на миг. Потом на лицо вернулась ледяная маска. — Меня зовут Дармин Тергран, сегодня во второй половине дня я буду вас сопровождать.

Еще до того, как он заговорил, внутри все похолодело. Если здесь этот человекоподобный шкаф с выражением лица, по эмоциям тоже не особо уступающим шкафу, то Рольген...

— Лидс Рольген...

— Лидс Рольген уволен. — Уголок его губ презрительно дернулся, как будто он говорил о ком-то, кто недостойн его высочайшего внимания.

Не говоря больше ни слова, развернулась и направилась к лифтам, увлекая за собой Марра. Виар потопал следом, изредка оглядываясь на сопровождающего и дергая ушами. Умом понимала, что отделаться от безопасника не получится, но сердце ходило ходуном. Все внутри ходило ходуном, руки мелко подрагивали. Халлоран действительно уволил Лидса.

За что? За то, что он помог мне? За то, что не потащил к его ногам, как того требовало его иртхамское бесподобие?

Понимая, что могу наделать глупостей, резко сунула мобильный в карман. Теплые гловелетты позволяли не выпускать телефон из рук даже во время прогулки, но искушение было слишком велико. Поэтому я застегнула карман на молнию и не проронила ни слова. Молчала, когда безопасник шагнул за нами в кабину и когда проследовал за мной через стоянку на улицу, на ходу набрасывая пальто.

Что это, если не конвой? Он сказал «во второй половине дня», значит, в первой был кто-то другой. Кто-то, кто стоял под дверью в ожидании меня, чтобы не смогла выйти из квартиры одна.

И уж тем более куда-то отправиться без сопровождения.

— Вы теперь будете торчать под моими дверями круглосуточно? — спросила, чтобы подтвердить свои подозрения.

— Сегодня да.

— А завтра?

— Мы с напарником будем сопровождать вас посменно.

Что и требовалось доказать. К любому ошейнику полагается поводок.

Грудь обожгло, словно огонь каким-то чудом проснулся, но к огню это не имело ни малейшего отношения.

Чтобы не думать об этом, стремительно зашагала к парку.

Дорожки уже расчистили, а вот газоны остались под снегом. Виар ввинтился в сугроб и взмыл ввысь, распушаясь на лету. Искрящийся в ослепительных лучах снежный фонтанчик напомнил о встрече с Вэйларом. Кофе и булочки, фонари, спирали которых рассыпали островки света, и ощущение удивительно уютного тепла, несмотря на падающий снег. Если бы не общалась с ним лично, ни за что бы не поверила, что иртхан-аристократ может быть таким. В отличие от остальных он никогда не смотрел на меня сверху вниз. Да еще и местрель назвал при первой встрече.

Забавно, что его предположение обернулось правдой.

Солнце отражалось от снега и слепило глаза. Марр радостно ускакал в сугроб, напоследок оглянувшись на сопровождение, — Тергран вышагивал в отдалении, старательно делая вид, что не со мной. Еще и солнцезащитные очки нацепил, и обтягивающую шапочку, в результате стал похож на обычного бизнесмена, который решил прогуляться после бизнес-ланча. Смотрел он куда угодно, только не в нашу сторону, обманчиво-расслабленно засунув руки в карманы.

Идея пришла в голову неожиданно, как вспышка. От волнения даже

ладони вспотели, хотя мороз был знатный.

Вот только я при всем желании не могла вспомнить, как зовут этого парня.

Драмир? Дагмар? Дарнгир?

В общем, помню, что там было много «р» и начиналось оно на «Д».

Ладно, разберемся.

— У вас какой оклад? — поинтересовалась без предисловий.

Он как-то многозначительно завис, после чего сдвинул очки на переносицу и посмотрел на меня сверху вниз.

— Вопрос без подвоха, — отмахнулась я. — Ну примерно. Сколько ноликов после цифры? Мне исключительно в практических целях, которые не имеют к вам никакого отношения.

— Я не имею права говорить о чем бы то ни было, только о вашей безопасности, эсса Ладэ.

Понятно.

Дабы не повторилась ситуация с Лидсом, теперь охрана будет меняться. И не только — разговаривать со мной они тоже не будут. Действительно, вдруг кто-то еще попадет под мое обаяние и нарушит приказ.

Подняла голову, мой зверь порхал над деревом и явно примеривался отгрызть веточку, что грозило огромным штрафом.

— Марр!

Виар обернулся и тут же спикировал ко мне. Плюхнулся на дорожку, взметнув облачко снежинок, и стремительно побежал вперед. Я же ускорила шаг и свернула на боковую аллею. После чего вытащила телефон и набрала номер Лидса, надеясь, что он ответит.

— Привет. — Голос Рольгена не был хмурым, но и веселым его было сложно назвать.

— Привет. Лидс, мне очень жаль.

— Леона, не бери в голову. Это было мое решение.

— Ты потерял работу.

— Зато сохранил дружбу, — хмыкнул он. — Мы же друзья?

— Да. — В горле почему-то запершило. Или просто голос сел, по крайней мере, когда я заговорила снова, прозвучало немножко хрипло. — Конечно.

— Ну вот и здорово.

— Мое предложение все еще в силе. По поводу кофе, — сказала, чтобы разбить нарастающий внутри лед. — И не только.

На миг в трубке повисло многозначительное молчание, которое

позволило мне самой немного прийти в себя и сформулировать то, что я хочу, а главное, могу ему предложить. Халлоран его уволил. Но это еще не значит, что он лишился работы.

— Я хочу предложить тебе работать на меня.

— Леона...

— погоди. Позволь, я договорю.

Приглашая Лидса стать моим телохранителем, я снова подставляю его под удар. Но, предлагая ему работу, мне вовсе не обязательно ставить его на пути Халлорана или службы безопасности в лице ферна Норгхара.

— Тот урод оклемается и вспомнит, с кем разговаривал. И кто заставил его сверкать пятой точкой. У этого парня пунктик вседозволенности и виары бойцовской породы. Ко мне он не сунется по понятной причине, но Танни... — Я сделала паузу. — Ей придется ездить в новую школу. Пока еще не представляю куда, но скорее всего это будет достаточно далеко. Ты мог бы защищать мою сестру, Лидс. Если, конечно, ты этого хочешь.

Пауза в трубке повисла еще более многозначительная.

За это время я успела сложить пальцы колечком и досчитать до восьми.

— Значит, кофе, — вздохнул он, и у меня отлегло от сердца.

— Кофе, — подтвердила я. — Сможешь подъехать завтра в обед? Обговорим условия и составим договор.

— Договорились.

— Договорились!

Домой возвращалась в приподнятом настроении. Надо будет сегодня попытать Лэм (кажется, у ее коллеги муж работает в частном охранном агентстве) о том, сколько стоят услуги безопасника. Точнее, отличного безопасника, коим Лидс и является. Думаю, я вполне смогу себе это позволить. Дело осталось за малым — сообщить Танни, что у нее теперь будет телохранитель.

М-да...

Драгмир-Дармар-Дармхор с кем-то говорил по телефону, я же вышагивала в ногу с Марром, который то и дело дергал задними лапами — подушечки прихватывал морозец. Теперь улыбка не сходила с моих губ. То ли потому, что улыбка после ответа Рольгена просто застыла на моем лице, то ли потому, что после разговора с ним солнце засветило еще ярче. Внутри. И оно никак не зависело от воли и настроения местра Халлорана. По крайней мере сейчас.

Пока поднимались на лифте, безопасник успел «расчехлиться»: снял

шапочку, очки и пальто. Почему на него так глазел Марр, оставалось загадкой. Виар переминался с лапы на лапу, дергал носом, поглядывал на меня, а к новому охраннику осторожно пододвигался и задира голову, чтобы поймать взгляд. Но куда уж нам, высокопоставленным, до скромных виарых. Дыр-Дыр отдернул ногу, когда его в осторожном приветствии коснулась лапа, и разве что не скривился.

Боится виаров, что ли?

Впрочем, мысли о Марре вылетели из головы, как только двери лифта раскрылись.

У нашей двери стоял мужчина, перекинув через руку два длинных непрозрачных чехла. В другой руке у него была коробка, которую он держал на ладони с ловкостью вышколенного официанта. И, судя по всему, что-то еще оставалось в стильной черной сумке, на которой красовалась надпись: «Агентство VIP-доставки Каэри». Курьер? Да его язык не повернется курьером назвать — так выглядят управляющие в дорогих отелях. Заметив, что я направляюсь к нему, мужчина расплылся в доброжелательной улыбке.

— Добрый день! Эсса Лад...

Я одернула Марра, ткнувшего носом ему в бедро.

— Простите. Добрый день.

— Вам доставка. Два платья от «Ферначьери» и «Гармо». Комплект драгоценностей от «Ламкар». И купальные костюмы от «Маррахью Файнтер».

С минуту я хлопала глазами в надежде, что ослышалась.

Потом открыла дверь, пропуская его вперед и придерживая виара.

— Гуляй, чудовище.

Марр радостно убежал в сторону кухни, а курьер вздохнул с облегчением. Я взяла у него коробку и положила на полочку. От меня не укрылось, что безопасник отступил — помогать, судя по всему, не собирался. По всей видимости, в его служебные обязанности это не входило.

Курьер устроил оба чехла на вешалках, кивнул:

— Проверять будете?

Покачала головой.

Из сумки вынырнул футляр со знакомым логотипом, который перекочевал ко мне в руки. Он вытащил планшет, открыл бланк заказа.

— Пожалуйста, распишитесь.

Не глядя, черкнула роспись.

— Минуту.

Вытащила карточку и провела над планшетом.

— Спасибо.

— Благодарю. Хорошего дня, эсса Ладэ. — Мужчина вежливо улыбнулся и скрылся за дверью.

Не было необходимости даже заглядывать в прикрепленную к коробке карточку, чтобы понять, от кого подарочек, но я все-таки посмотрела, чтобы увидеть одно-единственное слово: «Моей».

Внутри полыхнуло так, что никакой огонь не нужен.

Желание порезать наряды на тряпочки и отправить в Лаувайс с тем же курьером боролось с женским любопытством. Победило второе, и я расстегнула первый чехол. Роскошное платье алого цвета с открытой спиной и тончайшим кружевом. Второе оказалось темно-синим, к нему прилагались черные перчатки. Оба длинные, в пол. Камни украшений пламенели на кремовом бархате в оковах белого золота. Купальники — один открытый цвета снега под солнцем и другой, черный с серебром, лиф и трусики которого соединялись тонкой полоской вдоль живота, наверняка стоили целое состояние.

Я смотрела на свалившееся богатство, прикидывая, не скормить ли его Марру прямо здесь.

Как бы там ни было, такие подарки в высшем обществе не принято оставлять без внимания. Поэтому я набрала номер.

Халлоран ответил спустя пару гудков, слишком быстро для вечно занятого правящего. Голос его звучал спокойно и отстраненно, словно вчера ровным счетом ничего не случилось.

— Слушаю, Леона.

Сердце обиженно тюкнулось о ребра. Ну а чего я ждала, собственно? Извинений? Заверений в том, что это какая-то ошибка?

— Считаешь, что я пойду с тобой в оперу? — поинтересовалась в тон ему.

— Уверен.

Странно, что иней по трубке не побежал. Зато лицо полыхнуло жаром, точно изнутри прорывался огонь. Подавила желание потереть горящую таэрран, потому что сейчас она обжигала не пламенем, а льдом. Сердце превратилось в мячик и скакало в груди, мне почему-то невыносимо хотелось зажмуриться. Хотя говорили мы не по видеосвязи, перед глазами стояло жесткое лицо: сдвинутые брови и вертикальный разрез в алом пламени глаз.

— Я не поеду в Зингсприд, — сказала неестественно спокойно.

То ли потому, что дыхание перехватило. То ли потому, что понимала

— если сейчас дам волю чувствам, остановиться уже не смогу. Скажу ему, что свою уверенность он может засунуть себе в... ведро. А после нацепить верх от купальника на голову, кольцо — на причинное место, и в таком виде явиться в оперу или на Зингспридское побережье. Но с ним нужно говорить на его языке и никак иначе.

— Потому что не могу оставить сестру.

Того немногого, что я прочитала, сейчас оказалось достаточно.

— По закону никто не имеет права приказать иртехану оставить дом, если кто-то из членов его семьи окажется беззащитен в его отсутствие или переживает сложный период в своей жизни.

Молчание растянулось секунды на две и вполне могло бы сойти за замешательство. Если бы я не знала, кто на другом конце провода, и если бы не холодное резкое:

— Значит, возьмешь ее с собой.

Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!

— Что значит — возьмешь? Она тебе что, чемодан без ручки? Танни только что...

— Приказ правящего, Леона. — Рычащие нотки напомнили о затаившемся в ущелье разъяренном драконе. Если еще недавно в его голосе проскальзывал холод, то теперь напоминал раскаленный металл. — Судя по твоей осведомленности, ты прекрасно понимаешь, что это значит.

О да! Это я тоже теперь понимала.

Приказ правящего не подлежит обсуждению. Разумеется, если он не несет в себе «непосредственной угрозы здоровью исполнителя и не причиняет вред окружающим, за исключением пунктов, оговоренных далее». За нарушение полагается наказание на усмотрение иртехана, приказа которого ты послушался. Предположим, таэрран мне уже не страшна, но помимо нее есть еще такие наказания, как домашний арест и прекращение профессиональной деятельности на неопределенный срок. Мысль о роли Люси, которую я вот-вот получу, была обжигающей. Сердце подскочило до подбородка и забилося там.

— Понимаю, — вытолкнула я.

— Замечательно. Перезвони моему секретарю и сообщи все, что необходимо для бронирования отдельного номера. До встречи в пятницу.

Негромкий звук отбоя разомкнул что-то в сердце. Не выпуская телефона из рук, отправилась на кухню и втянула себя на барный стул. Марр кружил у ног с намеками, что надо бы поесть, но я смотрела только на потемневший дисплей. В том, что по щелчку пальцев Халлорана меня не выкинут из постановки, я не сомневалась, ведь есть же контракт, но...

Контракт — это по законам человеческим. По законам иртханов (из того, что мне удалось прочесть), он действительно может запретить мне выступать, и я не смогу ничего сделать. Именно потому, что я на его территории. Потому что я наполовину иртханесса и в его власти. Потому что звериные законы действовали на протяжении тысячелетий и в наше время ничего не изменилось.

Точнее, не менялось.

Сейчас самое время начать.

ГЛАВА 2

— Чудесно выглядишь, — сообщил Айн и отступил, чтобы полюбоваться делом рук своих. Ну и магии современных технологий, разумеется.

Раньше для смены цвета волос требовалось просиживать в салонах часа три-четыре. Колорист поведал об этом, когда мы только познакомились. Сам он эти времена уже не застал, но вот его отец, который тоже работал в сфере красоты, как раз много рассказывал о старых методах окрашивания и о том, как сильно они портили волосы. Зато сейчас на такую длину требовалось пятнадцать минут для сведения цвета (в специальной колористической капсуле), столько же для нанесения нового оттенка, после чего на усмотрение мастера оставались процедуры ухода и восстановления. Последнее, честно говоря, относилось больше к спа-направлению, потому что окрашивание в наше время волосам почти не вредит.

Я смотрела в зеркало, пытаюсь привыкнуть к себе новой. Это было, по меньшей мере, необычно. Собранный из нескольких платиновый оттенок на родной цвет лег идеально, сейчас даже казалось странным, что я не выбрала его раньше, когда задумалась о сценическом образе. Черты лица стали более мягкими и, почему-то мне так показалось, более тонкими.

Действительно необычно, но мне нравилось.

— Спасибо, — искренне сказала я. — Особенно за то, что нашел время так быстро.

— Брось. — Он ослепительно улыбнулся. — Для тебя я всегда свободен. Почти всегда.

На самом деле мне просто повезло, особенно учитывая, сколько у него клиентов. Я позвонила Айну вчера, и он записал меня на раннее утро сегодня. По-хорошему, смена образа по контракту ждала еще пару недель — с того момента, как меня официально представят прессе как Люси, но я решила не затягивать. Одной из причин стали присланные мне платья, которые вместе с купальниками и драгоценностями отправились в Благотворительный фонд местры Халлоран. Надеюсь, там найдут достойное применение щедрым дарам ее сына.

— И с татушкой клево смотрится, — подвел итог стилист.

Похоже, пора привыкать к тому, что таэрран называют татушкой — это было первое, на что Айн обратил внимание и сказал в точности то же, что

и Танни. К счастью, Лэм сегодня была во вторую смену, случись нам пересечься, ей бы я точно соврать не смогла. Как бы там ни было, именно из-за таэрран мы выбрали прохладный оттенок, который сочетался с алой вязью не меньше, чем темные волосы. О магической подчиняющей росписи я вчера читала весь вечер, пытаюсь понять, что же она представляет и с каким отношением из-за нее я столкнусь в Зингсприде. В мире иртханов таэрран начинали надевать на детей со дня пробуждения первых признаков силы за проступки и неповиновение.

Варварская традиция истоками уходила к временам Погасших костров. В те века многие иртханы безнаказанно пользовались своей силой в отношении людей и более слабых иртханов. Это привело к первому серьезному и кровопролитному восстанию против их власти. Выступление было подавлено, а запирающую роспись-заклинание впервые создал и применил на своих подданных правитель Огненных земель — так тогда называлась Аронгара. Из-за колоссальных залежей золота в горных породах и постоянных пожаров, которые случались по вине смельчаков, пытающихся это золото добыть, тревожа обитателей пустошей и гор.

Вначале таэрран наносили даже на драконов, усиливая ее действие их кровью, чтобы они не могли жечь поселения. Заканчивалось это в большинстве случаев печально, попытки усмирить силу зверя с помощью таэрран неизменно приводили к гибели дракона, а это провоцировало налеты его сородичей. В конечном итоге опыты с таэрран и драконами оставили, зато на провинившихся иртханов надевали без малейших проволочек. Избавить от нее мог только тот, кто наносил (в каждое плетение добавлялась частичка личного огня иртхана — клеймо или роспись), и только в самом крайнем случае.

Впоследствии иртханы признали таэрран как меру наказания не только за злоупотребление магией, но и за любые провинности. Таэрран наносят сроком от одного дня до нескольких лет. Пожизненную получил правящий, допустивший налет. Гаррмаланх Хаатхар Эаррн оставил город под угрозой нападения разъяренных драконов, чтобы спасти свою жену, которую похитили его недруги. Произошло это четыре столетия назад.

— А ну, покрутись! — потребовал Айн, вырывая меня из размышлений.

Я покрутилась. Волосы взметнулись за спиной и плавно легли на плечи. После того как ко мне вернулся светлый цвет, объема почему-то стало больше.

— Ну, что я говорил? Шик!

Пепельную шевелюру колориста украшали черные «штрихи». В

сочетании с его темными глазами и белой кожей смотрелось на удивление стильно. Хотя сейчас рядом мы вообще выглядели гармонично, как модели перед показом.

— Так... — Он ткнул пальцем в стенд, где стояло бесчисленное множество средств для волос. — Пока не забыл. Оттеночные средства для поддержания цвета «Латрикс». И еще шелк для светлых волос. Рекомендую, особенно оттеночные, потому что с твоим натуральным ты сможешь бывать у меня в два раза реже. Это, несомненно, меня печалит, но...

Фыркнула.

— Подбери мне что-нибудь, Айн. На свое усмотрение.

— Договорились. Соберу самое необходимое и передам Ирни.

Зная его, можно было представить, что самое необходимое поместится в большой пакет. В очень большой пакет.

Распрощавшись, я вышла в коридор и наткнулась на ледяной взгляд безопасника. Сегодня меня сопровождал другой мужчина, но он не потрудился даже представиться.

Валентен снова молчал, от дружелюбной обстановки, которая царила в присутствии Лидса, не осталось и следа. Впрочем, сейчас у меня все мысли были заняты сестрой. Разговор с ней я отложила, потому что после общения с Халлораном мои нервы можно было сравнить с оголенными проводами под напряжением. Рассудив, что нам с Танни сейчас лишние эмоции ни к чему, решила немного остыть и подумать. Тем более я пока не решила, с какой новости начать: с поездки в Зингсприд или с телохранителя.

Или с новой школы.

Броджек прислала все необходимые документы, кроме выплаты по неустойке, объяснив это тем, что я забираю сестру по своей воле. В ответ я написала, что если она хочет решать вопрос через юриста, это вполне можно устроить. С тех пор ответа так и не получила, но разбираться с директрисой пока не было времени. Вчера я занималась контрактом, законами, а заодно пообщалась с секретарем Халлорана.

То есть сообщила ей, что необходимо забронировать отдельный номер. Для меня и для Танни.

Приказ ведь подразумевал, что я должна сопровождать его в оперу. Но это вовсе не значит, что я буду сопровождать его в номер.

С приказами правящих вообще все было «чудесно». То есть фактически любой иртхан, проживающий в Мэйстоне, безоговорочно подчинялся местру Халлорану. Был еще свод законов об иерархии и рангах,

но в него я закапываться не стала. Все равно вальцгардом мне стать не грозит. К счастью. Что касается гражданских, подчиняться и контролировать эмоции иртыханы учились с самого детства в семье. Преимущественно из-за силы и звериной сути, которая пробуждалась, пусть и поздно, вместе со стихией, но могла сыграть злую шутку, если не уметь с ней справляться.

Приказ правящего считался неправомерным в следующих случаях (это я запомнила буквально по пунктам):

1. Если он несет угрозу жизни или здоровью исполнителя.
2. Если исполнитель не способен выполнить условие приказа по ряду объективных причин, включая недостаточный уровень магии или физические недуги.
3. Если он идет вразрез с нормами морали современного общества.
4. Если он содержит принуждение к физическому контакту.

Судя по тому, как подробно был расписан раздел «Злоупотребление властью» и соответствующие меры пресечения, такое случалось не раз. Наказания там тоже полагались соответствующие, начиная от таэрран и заканчивая смещением с должности и экстренными перевыборами. Как бы мне ни хотелось найти лазейку, ее не было. Даже в том, что касалось Танни, — во время путешествия в Зингсприд Халлоран обеспечивал мою сестру не только надлежащим уровнем защиты, но и сменой обстановки, которая, по сути, сейчас пришлась бы ей как нельзя кстати.

По-хорошему, и мне самой не помешало бы отдохнуть, особенно учитывая, что предстояли длительные репетиции. Премьера назначена через пару дней после Смены Времен, а значит, репетировать будем с утра до ночи. Из сопроводительного письма Хейда я поняла, что скоро уже начнется рекламная кампания. Поскольку таэрран на мне будет целый месяц, в таком виде я и предстану перед прессой, и меня увидит весь Мэйстон, поэтому... остается только носить его с гордо поднятой головой. С первого до последнего дня. И наплевать, кто и как будет на меня смотреть.

С этой мыслью я шагнула в холл, размотала шарф и уже совсем спокойно посмотрела на «татушку». Осталось только подобрать наряды и украшения для выхода. Хотя к таэрран обычные украшения не пойдут, придется импровизировать. Потрепала по голове крутящегося у ног Марра, улыбнулась. Вывернулась из куртки и замерла, одежды сестры на вешалке не оказалось.

— Танни?

В последние пару дней после прогулки с Марром она умудрялась

подниматься к себе даже в ботинках, не говоря уже о том, чтобы толком раздеться. Но почему так тихо? Не считая пыхания виара, не доносилось ни звука. Не было даже привычных взрывающих мозг басов и вопящих под них рок-гитаристов. Надрывающих голоса так, что мне самой становилось больно.

Взбежала по лестнице, толкнула дверь. Сестры в комнате не было, зато увидела бардак; такое ощущение, что после уборки Мэлз прошел целый месяц. На полу валялись разбросанные вещи, щедро «сдобренные» фантиками и палочками от леденцов. Поднос с пластиковой посудой, в которой застывали остатки еды, упаковка из-под гамбургера и вскрытая банка шипучки. Взгляд зацепился за магнитную шайбочку, валявшуюся на кровати поверх кислотно-сиреневой пижамы с дракончиками. Обычно Танни оставляла на ней сообщения, если не хотела меня будить после ночного выступления в Ландстор-Холле.

Сжала в руке и слышала: «Я знаю, что ты мне не сестра».

Миг — и меня бросило в холодный пот. Пальцы противно затряслись, шайбочка выскользнула и закатилась под кровать. Я бросилась к вещевому шкафу, и дверь отъехала в сторону, часть вещей пропала. Походный рюкзак Танни, который она таскала с собой на пикники с Имери и друзьями, тоже.

Чувствуя, как бешено колотится сердце, набрала ее номер, чтобы наткнуться на автоответчик.

«Если вы слышите эти слова, я либо сдохла, либо сижу на уроке эссы Руйкер. Неизвестно, что хуже. В общем, говорите все, что хотели».

Не дожидаясь сигнала, нажала отбой.

Как? Как она могла узнать?

Так, это сейчас не главное. Главное, найти ее до того, как...

До того как — что?

Куда могла пойти Танни, если ей плохо? Раньше поехала бы к Имери, но с ней она серьезно поругалась. К отцу она теперь на расстояние драконьего дыхания не подойдет, а значит... остается только одно место, где она могла быть.

Из квартиры вылетела, на ходу заворачиваясь в куртку.

Дежуривший на стоянке Валентен тут же выскочил из машины, чтобы подать мне руку, но я отмахнулась.

— Двадцать третий остров.

Собственно, островом он назывался чисто символически, потому что плавно перетекал в пустоши. Дом, где мы жили в прошлом, сейчас со всех сторон окружен новостройками. В основном небогатых торговых компаний, построивших складские клетушки повсюду, из-за чего ночью

здесь, наверное, стало еще страшнее ходить. Наш район всегда был не особо благополучным, но в моем детстве еще не боролись за каждый клочок земли, а переулки были гораздо шире.

Валентен с трудом выбрал место, где посадить флайс. Собственно, и парковок здесь было наперечет. Жители двадцать третьего в большинстве своем не могли похвастаться личным транспортом. Стоило припарковаться на свободном пяточке, на нас тут же начали коситься трое здоровенных парней в потертых куртках. Смотрели ровно до того момента, как из флайса вышло мое сопровождение, после чего они мигом утратили интерес и к машине, и ко мне.

Выскочив прямо в грязное месиво, в которое превратился посыпанный какой-то химией снег, я бросилась к бывшему дому.

Когда мы только-только переехали, у Танни был не самый легкий период.

Расставание с Имери и друзьями, перевод в новую школу. Как-то мы очень сильно поцапались, после чего она убежала сюда. Села на спинку скамейки и часа три глядела в окна квартиры, где прошло ее детство. А потом приехала домой и рассказала, что от нашего двора остались одни воспоминания. Тогда мы обнялись и пообещали друг другу, что больше никогда не будем ссориться.

Потому что мы сестры и мы есть друг у друга.

Вот только сегодня Танни здесь не оказалось, а сваленный в кучи снег полностью закрывал скамейку.

— Что мы здесь делаем? — подал голос безопасник.

И меня прошило воспоминанием. Коротким, но отчаянно острым, как игла ледяного дыхания.

«Что мы здесь делаем?» — спрашиваю я.

«Маму ждем». — Танни потирает замерзшие руки, в подземке сыро, даже когда от раскаленного асфальта становится трудно дышать. Она еще совсем маленькая, хвостики одного цвета торчат в разные стороны. Один повис, потому что съехала резинка.

«Мама больше не придет, Танни», — говорю я. И на глаза наворачиваются слезы, поэтому приходится запрокинуть голову и смотреть в высокий, с наспех замазанными трещинами потолок станции. Недолго, ровно столько, чтобы проморгаться.

Опускаю голову, протягиваю сестре руку, чтобы увести, но она упрямо качает головой.

«Еще пять минуточек. Пока поезд не приехал, я могу ждать».

И высматривает грохочущий в глубине тоннеля поезд, на котором мама

обычно возвращалась со смены.

Мы ждали ее по утрам, когда она работала в ночную смену, и по вечерам, когда в дневную. Эстерд Барт с нами не ходил, потому что уставал на работе, а сотрудники подземки уже узнавали нас в лицо и пропускали без оплаты, чтобы мы не тратили лишние жетоны.

Мы ждали ее вместе.

В то утро тоже. А потом вместе поднялись наверх и больше не встречали поезда.

Когда я очнулась, безопасник смотрел на меня так, словно я тронулась умом.

Может, и тронулась, потому что припустила в сторону подземки, поскользываясь и рискуя грохнуться прямо в грязь. Собственно, бежать здесь было недалеко, сразу за поворотом — вход. Подземку протянули от центра к бедным районам, хотя ее станции встречаются гораздо реже, чем остановки аэроэкспрессов. Это единственный способ передвижения для мэйстонцев, которые не могут позволить себе абонемент полета.

Дыхание перехватывало, когда я спешила вниз по потрескавшимся ступенькам в грязных потеках.

Не знаю, что буду делать, если ее там не окажется.

Не знаю, но...

Я сунула карту в терминал и поймала выскочивший в ладонь жетон. В ушах грохотал пульс, за спиной — шаги безопасника. Что он там будет делать, меня волновало мало; сожравший жетон турникет моргнул, раздвинув скрипучие железные лапы. На эскалаторе приходилось обегать пассажиров. Кто-то толкался, кто-то ругался, когда я задевала локтем или ногой, но я продолжала движение и, только выбежав на станцию, остановилась. Грудь жгло, пришлось опереться руками о колени, чтобы перевести дух.

Обычно мы сидели в самом начале под корявыми граффити, которые перекрывала пошлая надпись. Сейчас от нее ничего не осталось, граффити тоже затерли, но...

Танни сидела на скамейке, подтянув колени к груди и уткнувшись в них лицом.

Разноцветные пряди рассыпались по капюшону, между коленями зажат рюкзак.

Я на миг замерла, не веря своим глазам.

А потом бросилась к ней.

— Танни.

Мой голос звучал удивительно ровно, как будто сердце не сбивалось с

ритма все это время.

Сестра вздрогнула и подняла голову. Недоверчиво посмотрела на меня и нахмурилась.

— Я не вернусь домой.

Вместо ответа я опустилась рядом с ней. На холодное металлическое сиденье, серая краска с которого частично облупилась и кое-где проступала ржавчина. Надо отдать должное безопаснику, он приближаться не стал, застыл в паре метров от нас, у стены. Заметив сопровождающего, Танни уставилась себе под ноги на побитую плитку, узор которой давно перестал быть четким. Вцепилась в рюкзак, словно я собиралась его отнять или волоком тащить вместе с ней к выходу из подземки. Пальцы ее побелели, но она упорно смотрела в одну точку, как если бы меня не было рядом. А я пыталась подобрать слова, которых было слишком много, но нужных сейчас не хватало. Наверное, потому что чувства сложно передать словами, а если получается легко, то это уже не чувства.

— Я сама недавно узнала, — произнесла тихо, но твердо. — И это оказалось... слишком. Я не знала, как тебе сказать.

Да что там, и сейчас не знаю.

— У папаши таких проблем не возникло, — фыркнула сестра, не отрывая взгляда от плитки.

Диран?

Хотя чему я удивляюсь. После его поступка в школе и нашего разговора...

— Не возникло, потому что ему все равно. Но мне не все равно, Танни.

— Неужели? — Она упрямо не поднимала глаз. — С чего бы?

— Потому что для меня важна ты. Твои чувства. Потому что я боялась тебя ранить, понимаешь?

— Броджек позвонила ему и сказала, что ты срываешь меня посреди года и что он должен на тебя повлиять. — Сестра принялась колупать значок с героем комиксов, которые собирала несколько лет назад. От увлечения остался только один — подарок Имери. — Судя по всему, повлиять на тебя он сдрейфил, поэтому позвонил мне. А я сдуру ответила. Потому что так и не сохранила его мобильный в контактах. Говорил, что я должна остаться в школе, потому что у тебя совсем другие приоритеты. И что тебе плевать, даже если я стану драить квартиры богатеньких.

Ну разумеется. А он с радостью воспользовался растерянностью девчонки, чтобы вывалить на нее новость, которую мама просила его сохранить в тайне. Я мысленно пожелала отчиму добровольно сигануть в

налий для аккумуляторов. Может, переплавится во что-то более дельное. Хотя вряд ли. Если из него до сих пор ничего путного не получилось, уже не получится.

— И ты поверила?

— Поверила, потому что... — Танни вскинула голову. — Ты ведь одна из них, Леа? Поэтому ты встречаешься с правящим.

Ну что за...

— А об этом ты как догадалась?

— Как-как... Иртханы не встречаются с людьми. Я имею в виду, не сопровождают их до дома. И вообще... Просто раньше я думала, что дело в твоём папаше.

М-да. Сестра у меня, оказывается, очень наблюдательная.

— Для меня это ничего не меняет.

— Уверена? — Она усмехнулась. — Ты действительно хочешь, чтобы я жила с тобой? Просто человек рядом с такой, как ты?

Загрохотал поезд, принося с собой волну затхлой сырости из тоннеля.

— Мама всегда выходила из последней двери последнего вагона, — сказала я, чтобы разорвать молчание. — Прямо напротив нас.

Сестра неверяще взглянула на меня.

— Ты так поняла, где меня искать?

Кивнула.

— А что ты помнишь еще?

Ее слова слились с грохотом синхронно раскрывшихся дверей и шумом устремившихся на станцию и в вагоны людских потоков.

— Многое. Помню, как мы ходили выбирать подарок на ее день рождения и ты расстроилась, потому что наших карманных денег за полгода не хватило на сумочку, которая нам понравилась.

— Поэтому мы купили шляпку, — фыркнула Танни.

Мама носила эту шляпку, хотя к тому времени они уже выходили из моды и у нее не было решительно ни одного подходящего под нее платья. Носила, пока края совсем не обтрепались, но даже тогда она ее не выкинула.

— Она стоила ровно столько, что еще осталось на замороженный крем в стаканчике. И ты жаловалась, что я ем быстрее, поэтому тебе достанется меньше.

— Ты действительно ела быстрее, — хмыкнула сестра и обхватила себя руками.

— Мама больше не придет, Танни, — повторила свои же слова, не позволяя ей снова закрыться. — Но я здесь. Я приду всегда. Я всегда буду

на твоей стороне, что бы ни случилось. Потому что я твоя сестра, и это тоже навсегда.

Танни моргнула. Фиолетовые глаза, один в один мамины, стали еще больше, а потом губы у нее задрожали. Она поспешно отвернулась. Пожалуй, слишком поспешно, рюкзак с глухим стуком свалился на пол. Сестра потянулась, чтобы его поднять, под дрожащими ресницами сверкнули непролитые слезы.

— Эй, — прошептала тихо. — Я люблю тебя.

А потом мягко притянула ее к себе, позволяя уткнуться лицом в куртку и глядя поверх растрепанных разноцветных прядей на растекающиеся по станции людские потоки. Танни плакала мне в плечо тихо, вздрагивая всем телом, я же все крепче сжимала ее в объятиях, осторожно гладила по голове. Почему никто не говорил, что быть ир்தханессой — это чувствовать так... проникновенно. Яростно. До глубины сердца, до сбивающегося дыхания.

Будь то отчаяние или...

Нежность, переходящая в светлую радость.

— Хорошо, — прошептала во вздрагивающую макушку. — Все будет хорошо.

Так мы и сидели, позабыв обо всем. До тех пор, пока тихие всхлипы не сошли на нет, а с противоположной стороны не загрохотал очередной поезд.

— Леа... — Танни икнула и судорожно выдохнула мне в шарф.

Осторожно отстранилась, словно смутилась минутной слабости.

— Что?

Она подняла глаза, поспешно вытирая их рукавом.

— Это ведь ты заставила Мика скакать без штанов?

Разумеется, ей уже донесли, что Мик припустил по стадиону именно после нашего разговора. Глупо было надеяться, что она не узнает. Даже при условии, что Танни почти не общалась с одноклассниками, эта история наверняка прогремела на всю школу. Ну и пусть. Несмотря на то что благодаря случившемуся я обзавелась таэрран, ни на минуту не пожалела о содеянном. Пусть Лодингер на своей шкуре испытает всю прелесть высокого звания «голозадый скакун».

— Да, — призналась честно.

— Как? — Глаза ее по-прежнему блестели, но теперь уже не только от слез. — Ты что-то ему сказала или...

Ну все, если в ход вступило здоровое подростковое любопытство, значит, можно спокойно выдохнуть. Хотя бы на время.

— Или.

Танни закусил губу, взволнованно глядя на меня.

— Ты... то есть все это время... слушай, а что ты вообще умеешь?

Так, а вот это лишнее.

— Поговорим об этом позже.

Сестра разочарованно вздохнула.

— Позже так позже. А что мы будем делать сейчас?

— Поедем домой и выберем тебе новую школу.

Танни фыркнула и закатила глаза.

— Почему я не сомневалась, что этот вопрос не заставит себя ждать?

— А вечером отправимся в торговый центр за купальниками. Как ты смотришь на то, чтобы устроить себе небольшие каникулы?

Решила закрыть тему сразу, пока сестра не успела опомниться.

— Каникулы?

— Да. Пара денечков отдыха на Зингспридском побережье нам не помешает.

Глаза ее загорелись.

— Зингсприд? — Танни вскочила так резко, что я едва успела подхватить рюкзак, чтобы он снова не кувыркнулся. — Погоди-ка... Ты едешь знакомиться с семьей?

Вот теперь икнулось мне.

— С чего бы?

— Ты ведь знаешь, кто твои родители? Или ты уже с ними встречалась?

— Нет.

— Но...

— Моя семья не особо жаждет меня видеть.

Сама не знаю, зачем это сказала. Не собиралась ведь, слова просто вырвались сами. И я рассказала ей все, начиная со вспышки на юбилей и заканчивая тем, что удалось узнать в Рагране. Рассказала, избегая подробностей, с упором на свое происхождение, а не на магию. О том, что в прошлом моя настоящая мама была вынуждена бежать в другую страну, что все документы, связанные с ее жизнью, по чьей-то милости были уничтожены и нужно проводить расследование, чтобы выяснить, кто я на самом деле. Танни слушала, не перебивая, слезы высохли окончательно. Странно, но говорить об этом с сестрой было легко. Я чувствовала, словно внутри трескается панцирь так долго сковывающего меня напряжения.

Даже удивительно, как спокойно стало на душе после этого разговора.

Впервые за все время после ужина в Скай Стрим.

— Вот же наблы, — подвела итог Танни, когда я замолчала. — Не переживай, Рэйнар точно их найдет.

Мне икнулось второй раз.

Говорить о Рэйнаре я сейчас точно была не готова, равно как и о том, что поисками родителей теперь намерена заняться сама. Поэтому поспешно поднялась.

— Поехали домой.

Танни взяла у меня рюкзак, и мы направились к эскалатору.

— А он что, постоянно за тобой таскается? — Сестра кивнула на сопровождение.

— Это временно.

— Потому что ты с Рэйнаром, и у вас все серьезно?

— Танни!

— Ладно, молчу.

Молчала она недолго, до выхода из подземки.

— А ты уже видела драконов?

— Видела.

Танни задохнулась.

— Серьезно? Страшно было?

Страшно? Ну, если вспомнить пустоши, наверное. Хотя сейчас, после всего, что узнала, я бы не назвала страхом то, что испытала в тот вечер. Не говоря уже о чувствах, которые вызывал ковыляющий по полигону драконенок, переваливающийся с лапы на лапу. Или дракон, который смотрел мне в самое сердце, когда наши сердца бились в унисон. Когда пламя текло от меня к нему и обратно.

— Нет, — покачала головой.

— Нет?

— Разве что немного. Драконы очень красивые.

— И ты не боялась, что тебя могут спалить? Ничуточки?

— Драконы не нападают без причины.

— Совсем? Никогда?

Покачала головой:

— Никогда.

— А...

— Танни, на сегодня достаточно.

Надо четко оговорить с сестрой, что можно обсуждать, а что нет. По идее приближенные к иртханам люди в курсе многих нюансов, в том числе и магии, но все они подписывают бессрочные договоры о неразглашении. Неустойки и методы пресечения за длинный язык по ним драконовские.

Буквально. Неудивительно, что в мир людей просачиваются самые крохи — те, что иртыханы считают незначительным. Разумеется, Танни никакой документ подписывать не будет, но серьезно поговорить на тему конфиденциальности все равно придется.

— Очешуешь! Личный водитель. Привет!

Танни помахала Валентену, плюхнулась на заднее сиденье флайса и первым делом откинула крышку портативного визора.

— Включу, ты же не против?

Ответить не успела, потому что главный канал Мэйстона явил нам местрель Стоунвилл во всей своей неповторимой идеальности. На сей раз она принимала Мэйстонского репортера в резиденции отца во Флангстоне, о чем сообщалось в бегущей строке. Надо отдать должное, место было шикарное, но, судя по отведенному на передачу времени, попали мы на самый конец трансляции.

— ...Счастливы, что вы возвращаетесь. С чем был связан столь скорый отъезд? Если мой вопрос уместен, разумеется.

— Разумеется. — Ирргалия ослепительно улыбнулась. — Это было небольшое семейное недоразумение, которое, к моему счастью, недавно благополучно разрешилось.

— Это кто? — поинтересовалась Танни.

То ли выражение лица у меня было ошарашенное.

То ли челюсть неудержимо стремилась вниз.

Небольшое? Семейное? Недоразумение?

Благополучно разрешилось?

— Что ж, взаимно рад. — Репортер расплылся в улыбке. — Что бы вы хотели сказать мэйстонцам, которые с замиранием сердца ждут вашего возвращения?

Местрель Стоунвилл посмотрела в камеру своими пронзительно-сиреневыми глазами.

— Я жду встречи с вашим гостеприимным городом и со всеми вами. И искренне счастлива, что в самом скором времени Мэйстон станет мне родным.

— Вы смерти моей хотите! — патетично воскликнул стилист.

Тот же самый, который готовил меня к выступлению на юбилее. О его приезде мне вечером сообщила секретарь Халлорана. Я не стала возражать, тем более что платье все равно уже было куплено, а собираться самой намного сложнее, когда вокруг тебя не порхают стилист и визажист.

Сейчас же только развела руками.

— Но... как? — взвыл он. — В прошлый раз, когда мы виделись, вы были брюнеткой!

— Шатенкой, — поправила я. — Мне захотелось перемен.

— И платья! У вас же должно быть красное на сегодня...

— Красный не подходит к моему новому образу.

К слову, я выбрала бледно-розовое платье в пол. Остановилась на стильной классике с элегантным вырезом-лодочкой, потому что «украшение» на шее других не предполагало. Зато руки были почти открыты полностью, не считая перчаток. Спина тоже — хоть и менее откровенно, чем в платье для выступления в Ландстор-Холле, все равно достаточно, чтобы притягивать взгляды. Пока стилист приходил в себя, я устроилась у зеркала и приготовилась становиться красивой. Очень красивой.

Вчера, несмотря на крайне насыщенный день, я долго не могла заснуть. Сначала пыталась не думать об Ирргалии. Часа так два с половиной. Возвращалась она на свою помолвку, которая должна была состояться на следующей неделе. По всему выходило, что Шахррейн с сыном ездили во Флангстон, чтобы просить у Стоунвилла ее руки. Странно, что метящий в Председатели согласился отдать дочь не за правящего. Но, видимо, такое родство его полностью устраивало. То ли он рассчитывал на статус ректора Райгенсфорда, почетного гражданина и второго лица Мэйстона, то ли на то, что рано или поздно Шахррейн станет правящим. С наибольшей вероятностью второе. Поскольку сила крови древнего рода (в сочетании с поддержкой Председателя Совета, разумеется) способна поставить их на одну ступень с Халлоранами.

По-хорошему, Шахррейн и Стоунвилл провернули стратегически верную комбинацию. Запретить невесте аристократа въезд в город — значит не только окончательно поставить под угрозу дипломатические отношения между городами, но и вбить клин между сильнейшими семьями Мэйстона. Что, в свою очередь, приведет к распрям уже в нашем городе.

Короче, как ни крути — дерьмо.

От таких мыслей у меня в прямом смысле пухла голова. Хотелось пойти на кухню, потопать ногами и разбить чашечку, а лучше две. Впрочем, можно и больше об голову Ирргалии и ее папаши, не жалко даже кофейного сервиза на четырнадцать персон. Ну и о головы Шахррейнов заодно. Сама не представляю, с чего так завелась, по большому счету все эти ир்தханские политические игры меня не касались. Но заснуть все равно почему-то не могла. С политики мысли то и дело перескакивали на встречу с Рэйнаром. Сердце начинало биться в горле, а губы гореть. Не знаю,

почему именно губы. Я несколько раз одергивала себя, однако тщетно. В итоге плюнула и опять взялась за законы, если прочистить себе мозги не получается, нужно их забить.

— Как вы смотрите на то, чтобы убрать волосы наверх? С вашим, э-э...

Я не знала, в курсе ли стилист, что такое таэрран, поэтому внимательно посмотрела на него.

— Целиком и полностью доверяю вашему вкусу.

Он улыбнулся.

— Тогда поднимем и пустим волну по лбу справа налево. К такому фасону и с вашими чертами будет идеально.

Кивнула и закусила губу.

Танни уже должна была собраться — по крайней мере, с утра она носилась как заведенная. Даже представить не могла, что предстоящая поездка ее настолько увлечет. Сестра на удивление спокойно восприняла новость по поводу Рольгена, а во время знакомства сама вызвалась приготовить нам кофе, который, правда, у нее вышел как обычно, вот только сути это не меняло. Поскольку прибежали мы вчера как раз к приезду Лидса, вопрос со школой решила отложить до возвращения. Пусть отдохнет и развеется, а на свежую голову подумает, чего хочет на самом деле.

Главное сейчас, что между нами не осталось никаких тайн. Почти. Я постоянно ловила на себе любопытные взгляды и не сомневалась, что как только выдастся минутка посвободнее, меня снова забросают вопросами об иртханах.

Честно говоря, это беспокоило гораздо меньше предстоящего.

И уж тем более того, что все-таки удалось вычитать по поводу наставничества. Неудивительно, что я ничего не нашла сразу: «хаэррмарэ вэйлерр» в переводе с древнеиртханского означает «единство пламени». Довольно древний ритуал, в современном мире такое случалось крайне редко и являлось скорее прецедентом, нежели нормой. Оно и понятно — зачем кому-то избирать себе наставника, если существуют академии? Да еще и связывать себя почти неразрывными узами на все время обучения.

Вэйлар оказался прав, этот договор действительно нерасторжим.

За исключением одной маленькой поправки: оспорить наставничество после проведения ритуала мог только верховный правитель. Он единственный мог заменить наставника без претензий и политических конфликтов. Если бы рассмотрел в ученике потенциал, который захотел развивать лично.

Верховный правитель.

Гердехар Аррингсхан.

И у меня осталась его визитка, на которую я сегодня смотрела бесчисленное множество раз.

Перед тем как убрать в клатч.

Чтобы не смахнуть что-нибудь с туалетного столика, пришлось положить вспотевшие ладони на колени и уставиться в свое отражение. Прямоком в таэрран. Всякий раз, когда я смотрела на пламенеющую вязь, взгляд вопреки всякой логике холодел и разум тоже. Внутри нее, как в реалистичном 3D-шоу, текли огненные реки, словно магма по ущельям, раскаляя четко очерченные контуры, зато мысли выстраивались стройными рядами и дышать становилось проще.

— Вы великолепны. — Визажист отступила. — Нравится?

Удивительно, но, несмотря на бушующий внутри меня ураган чувств, сейчас моему взгляду могла позавидовать даже местра Халлоран: теплый макияж не сумел растопить холод. Прическа по последней моде была безупречна. Крупные волны собраны на затылке, лоб и лицо обрамляет почти касающаяся правой брови прядь. Браслет и серьги из белого золота подчеркивали теплый оттенок платья: неброские драгоценности шли к волосам, туфелькам и клатчу, поэтому все было гармонично. Наверное, никогда раньше я не казалась себе такой... местрель.

— Недурственно! — бормотал стилист, разглядывая меня с разных сторон. — Недурственно... невероятно!

Не представляю, что означало «невероятно» в его исполнении, но довольное выражение лица однозначно говорило о том, что образ удался. Впрочем, когда я вышла из комнаты, большие глаза Танни развеяли остатки сомнений. Пока спускалась по лестнице, она рассматривала меня так, будто видела впервые.

— Тебя даже обнимать страшно, — сообщила сестра, когда я приблизилась.

Вместо ответа я обняла ее сама.

— Так лучше?

— Значительно. — Она широко улыбнулась и показала на сумки, стоявшие у дверей. — Все готово.

— Тогда выдвигаемся. Не скучай, чудовище, и веди себя прилично.

— Виу! — Виар заглянул в глаза и принялся умилительно переминаться с лапы на лапу: «Не уезжайте!»

Присмотреть за Марром вызвалась Лэм. Мы договорились, что он останется дома, но они с Дрэйком по очереди будут к нему заглядывать —

погулять, покормить, почесать между ушами, чтобы ему не так отчаянно «скучалось» и «грустилось».

Потрепала Марра по голове и шагнула к дверям. Стилист накинул мне на плечи полушубок, который предстояло снять сразу после прохождения телепорта в Зингсприд. Хотел помочь сестре, но Танни уже привычно упаковалась в дутик, который скрыл майку-безрукавку. Легкие джинсы с дырками на коленях и не только особенно интересно смотрелись в сочетании с зимними ботинками.

— Что? — поинтересовалась она, поймав мой взгляд. — Не хочу тратить время на переодевание.

— Так и будешь гулять по Зингсприду? — хмыкнула.

— Только шлепанцы надену.

Глаза сестренки сияли, она уже предвкушала приключения. Мне предстояло сразу ехать в оперу с Рэйнаром, а Танни в отель, весь вечер будет в ее распоряжении. Вчера после шопинга она сразу уселась составлять список мест, где хотела бы побывать. Как все это можно успеть за два дня — не представляю, но главным пунктом в программе был музей 3D-моделирования при известной киностудии «Ларгори Стейзерс».

Стоило открыть дверь, Дыр-Дыр окинул меня небрежным взглядом, стремительно меняясь в лице.

Стилист театрально вздохнул и бросился к лифтам. На этот раз мы не опаздывали, но мне все время приходилось себя сдерживать, чтобы не бежать в ритме ускоряющегося сердца. О том, что последние минуты отсчитывают время до встречи, тоже старалась не думать. Перехватила удивленно-восхищенный взгляд Валентена, ответила короткой улыбкой и села во флайс. Танни сразу прилепилась к стеклу. Она явно не собиралась упускать ни минуты полета в лучах зимнего солнца по верхней аэромагистрали.

— Чудесно выглядите, эсса Ладэ.

— Спасибо, Валентен.

Поправлять не стала — если водителю хочется держать дистанцию, это его право.

— Передадите ключи Лэмерти Долливан, как мы договаривались?

— Разумеется.

— Танни, ты не забыла?

— Что?

— Ключи, разумеется.

— Не-а. — Сестра сунула руку в карман дутика и помахала карточками.

Добрались быстро, снова шли уже знакомой дорогой к ВИП-залам. Танни озиралась по сторонам, запрокинула голову, когда над нами раскрылась голограмма, я же смотрела перед собой. Тем не менее постоянно ловила на себе взгляды, раньше такое было только на сцене. Сейчас же чувствовала, как они скользят по моему лицу, одежде и волосам. Самые разные — от восхищенных до завистливых.

— Эсса Ладэ, — сотрудница Мэйстон-телепорт одарила меня неизменной улыбкой, такая же досталась Танни. — Эсса Ладэ.

Прежде чем я успела сделать шаг, Танни дернула меня за рукав и зашептала:

— Меня называли эсса Ладэ! ВИП-зал! Seriously?! Ты видела, как она на нас смотрела?

Мне удалось нацепить маску ледяного спокойствия, но, когда я шагнула в зал, внутри все перевернулось. Успела только отметить, что охраны здесь сегодня как на пресс-конференции.

Иртхан повернулся ко мне и замер, пробежавшись взглядом по волосам, по губам, по сгибам локтей. Огонь его глаз прожег от завитушек таэрран до кончиков пальцев.

Мгновение узнавания между ударами сердца.

Неверие. Темнеющий взгляд.

Яростное алое пламя отозвалось в каждой клеточке тела, словно на мне была не одна, а тысячи его меток.

— Эсса Ладэ. — В сильный голос ворвались едва уловимые рычащие нотки.

Глубоко вздохнула и ответила легкой улыбкой. Удивительно, но во мне почти не осталось переживаний. А те, что остались, я затолкала так глубоко, как только была способна. Сегодня в Зингсприде увидят не наказанную полукровку, а иртханессу, которая даже таэрран носит с достоинством.

— Местр Халлоран, — чуть понизила голос.

И протянула руку для поцелуя.

ГЛАВА 3

Зрачок его сузился до крохотной точки, показалось, что сейчас взметнется в вертикаль и заполнит радужку цветом огня, но нет. Иртхан коснулся моей руки и поднес к губам. Сжимая пальцы чуть сильнее, чем того требовал этикет. Обжигая обманчиво-человеческим взглядом, однозначно говорящим, что я — его. И поцелуем, который даже через шелк перчатки заставил сердце подпрыгнуть к горлу. Только когда Халлоран отвлекся на Танни, поздоровавшись с ней, мысленно вздохнула с облегчением. Мне вообще удивительно повезло, что с нами была Танни и эскорт охраны: при них держать лицо было намного проще. Да и не собиралась я больше доставлять ему удовольствие и срываться.

Ни за что!

Поэтому спокойно положила руку поверх предложенной мне, направляясь к телепорту.

— Надеюсь, больше сюрпризов на сегодня не предвидится? — Тихое рычание только для меня.

— Смотря, что ты подразумеваешь под сюрпризами. — Я мило улыбнулась.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я, — прозвучало обманчиво-спокойно.

— О чем же? — Невинно хлопнула глазами.

Это скрип зубов или он раздавил что-то?

— О твоей непредсказуемости.

Ответить не успела, мы шагнули в зал перехода, и Танни не сдержала восхищенного возгласа. До этого дня она видела телепорты только в блокбастерах, сети и всяких научно-познавательных передачах. Поэтому сейчас с любопытством озиралась по сторонам, пока часть охраны правящего уже проходила в Зингсприд, чтобы встречать нас на другой стороне.

— Круто! — заявила сестра, пока над ее рукой скользили сканирующие лучи.

Оглянулась на нас и подмигнула.

— Предсказуемость — это скучно, — шепнула я, когда Танни нырнула в арку перехода.

Разумеется, я не собиралась устраивать ничего такого, но если ему так хочется...

Пусть понервничает.

Одарила Рэйнара очаровательной улыбкой и положила ладонь на медицинский сканер. В арку мы шагнули вместе, легкое головокружение — и мы уже в Зингсприде. Столичный ВИП-зал отличался только масштабами и цветами: сталь и синева. В этих же тонах была форма улыбчивых портпроводниц. В сопровождении охраны и не прекращающей озира́ться Танны мы вышли в зал ожидания, где Рэйнар помог мне снять полущубок.

Сестра уже снимала дутик. За окнами в высоком небе с подкрашенными в разные цвета облаками самое большое срезало взошедшую над городом первую луну, по-летнему огромную. Танни вертела головой, как сигнальным маячком, кажется, даже забыла о том, в каком составе мы прибыли. Впрочем, распрощаться нам пришлось именно здесь, ее должны были сопроводить в отель, и она уже была на низком старте от нетерпения. Только рукой помахала, исчезая за дверями вместе с одним из безопасников.

Нас с Халлораном вывели в коридор к другому выходу.

Вывели в прямом смысле, еще никогда в жизни у меня не было ощущения, что вокруг меня сжимается кольцо из людей. В данном случае — из охраны правящего. Мы шли не через общий зал, минуя лабиринт безграничного Зингспридского телепорта. Все было быстро, слаженно, профессионально, по дороге нам попадались исключительно сотрудники местной службы безопасности, один из них и распахнул дверь, ведущую на отдельную стоянку, где стояло лишь несколько флайсов.

Для нас и для охраны.

В лицо ударил горячий воздух, на миг стало нечем дышать.

Не то из-за влаги, которой он был насыщен, не то из-за чувства, что я шагнула из зимы в лето. Но ведь и правда шагнула: там, в Мэйстоне остались снега и мороз, а здесь... Я даже замешкалась на миг и тут же почувствовала пристальный взгляд безопасника. Ну и пусть, у него работа такая, а я дышала влажным воздухом, впитывая новые ощущения и наслаждаясь теплом. Правда, наслаждалась на ходу по пути к машине, потому что иначе меня бы снесло стремительной охраной.

— До океана здесь далеко, — сказал Рэйнар, пока мы шли к флайсу. Оно и неудивительно: Зингсприд разрастался от береговой линии вглубь материка, телепорт на самой его окраине. — На побережье влажность еще выше.

Не представляю, куда уж выше.

Хотя там наверняка одуряюще пахнет солью. Как в некоторых соляриях и бассейнах с океанской водой. Пока что тянуло только кожей,

кондиционированной прохладой и дорогим парфюмом. Стоило водителю поднять флайс, перед глазами по нарастающей засверкали иглы высоток.

Зингсприд построен полукольцами, точнее, районы в нем так расположены. Самая дорогая жизнь — на побережье, где разместились элитные дома и самые высокие многоэтажки. Насколько я знаю, там очень много зелени. Дальше идет деловой центр, за ним районы попроще, а потом окраина. Здесь черед промышленных предприятий, но телепорт стоит особняком, как и в Мэйстоне, дальше тянутся необитаемые территории, а за ними начинаются пустоши.

Что и говорить, Зингсприд был прекрасен.

Невероятен.

Огромен. Стоило нам выйти на верхнюю магистраль, как я оценила масштабы раскинувшегося вокруг мегаполиса.

И, конечно, возвышающуюся впереди пока еще тоненькую, но даже отсюда величественную иглу Вайовер Грэйс, Зингспридской Лаувайс.

Не представляю, какая сила требуется, чтобы удержать такой город в безопасности.

— Бесподобно. — Негромкий голос Рэйнара заставил очнуться.

— Бесподобно, — подтвердила я и откинулась на спинку.

— Ты выглядишь бесподобно.

От неожиданности я чуть не свалилась с сиденья, благо падать особо некуда, с одной стороны дверца, с другой он. Валиться в руки его иртвамства тоже не было ни малейшего желания. Зато, судя по темному взгляду Рэйнара, он только этого и ждал, потому что потянулся к моему лицу, почти коснулся светлой пряди. Я перехватила его руку раньше, чем успела на себя разозлиться — за полыхнувший внутри костер и желание почувствовать это прикосновение.

Всем сердцем. Всем существом. Всей кожей.

На себя за минутную слабость, на него, потому что...

Потому что смотрел он на меня как на свою собственность.

Вот не собиралась я этого делать, но сейчас плавно подалась вперед.

Почти вплотную к нему. Касаясь коленями коленей, дыханием — дыхания.

— Благодарю, — прошептала прямо в губы. — Местр Халлоран.

После чего мягко отвела его руку.

Вот теперь его зрачок действительно вытянулся, в глубине алого пламени заворочался зверь, но я отвернулась к окну. Гулко ухающее в груди сердце согласно унялось, зачарованное видами.

Собственно, посмотреть действительно было на что: вдалеке уже

маячила кромка побережья. Стемнело на удивление быстро, и цвет океанской воды, подкрашенной огнями, напоминал опрокинутое ночное небо. Верхняя магистраль стелилась огненной лентой, стремительно стягиваясь за спиной в нить, рекламные голограммы вспыхивали там и тут, стальные змеи аэроэкспрессов — ощутимо длиннее, чем в Мэйстоне, — извивались под нами сверкающими нитями.

Поворот, еще и еще.

Вблизи Зингспридская опера раскрывалась огненными лепестками, свет от которых плескался в темном зеркале воды. Чаша, на которой располагалось здание, казалась парящей над побережьем. Разумеется, удерживали ее прочные конструкции, однако из-за особенностей архитектуры и подсветки сейчас их не было видно. От красоты захватывало дух, казалось невозможным представить, каково будет ступить туда и очутиться рядом с раскаленными кристаллами, пронзающими темное небо. В зале, где голос Шайны возносился под высокие своды, сводя с ума миллионы людей.

Стоило мне об этом подумать, как мы пошли на снижение.

В подсветке «купалось» не только здание оперы, но и расцветающая под огнями зелень. Высокие пальмы и ухоженные газоны, сверкающая россыпь светильников вдоль многочисленных дорожек, оплетающих «драконий цветок». Садилась рядом с центральным входом, полыхающим огнями у зазубрин дверей. Тонкие полоски постоянно то смыкались, то размыкались, впуская роскошно одетых женщин и мужчин во фраках. До начала оставалось совсем немного времени, поэтому снаружи никто надолго не задерживался. Впрочем, стоило нашему флайсу опуститься, как все взгляды, словно магнитом, потянулись к нему.

— С прессой не общаемся, — произнес Халлоран, когда дверца флайса пошла наверх. — Все комментарии даст моя пресс-служба.

— Надеюсь, никаких сюрпризов не предвидится? — повторила его же слова.

Иртхан прищурился.

— О чем ты?

— О твоей непредсказуемости.

Холодно улыбнулась и подала ему руку, шагнув в царство вспышек. Мне не привыкать к выходам, но сейчас взгляды цеплялись за меня, сканируя с головы до ног. Оценивая, сопоставляя: она и правящий? Журналисты, которых оттесняла охрана, публика, которая собралась насладиться голосом Эллины Райт. За время, что мы поднимались по широким низким ступеням, протянувшимся на длину аэроэкспресса и

сужающимся ближе к дверям, улыбка приклеилась к губам. Точно так же, как моя ладонь — обманчиво легко — к сгибу его локтя.

— Поговорим в ложе. — Его шепот скользнул по щеке, когда он склонился ко мне, и вспышки со всех сторон не преминули это отметить. Сильная ладонь уверенно накрыла мои пальцы. Теперь я при всем желании не смогла бы убрать руку.

Стоило нам шагнуть в холл, как брызги света потекли по платью, оживляя невидимый до этой минуты отражающий узор. Темная сталь фрака Халлорана посветлела, как разогревающийся металл. Толпа обтекала нас и расходилась под хрусталем сводов к лестницам и лифтам. Не удержалась, подняла голову, рассматривая бегущие ввысь стеклянные переходы, изящные мраморные опоры. Раскатистое рычание дракона, сопровождаемое хлопаньем крыльев, прокатилось по зданию, оповещая о скором начале.

— Нравится? — негромко спросил ирлхан.

— Очень, — призналась честно.

— Я рад. И еще больше, что ты сегодня со мной.

Мне захотелось пнуть его под коленку.

За мягкие вкрадчивые нотки довольного дракона.

За то, что он говорил со мной так, будто ничего не случилось.

За то, как это было сказано, — чтобы наверняка, в самое сердце.

За скольжение ладони по пальцам.

Вот только в длинном платье это делать неудобно. К тому же я обещала, что буду вести себя прилично.

Не ему, себе.

— Мы оба знаем, что я с тобой исключительно по твоему приказу.

Сильная рука на мгновение окаменела, но затем снова обманчиво расслабилась.

— Я помог тебе определиться с выбором. Наслаждаться вечером или нет, решать только тебе.

— Роскошный выбор, — хмыкнула я. — Согласиться и насладиться или согласиться и не насладиться. Я выбираю первое, а ты?

— Я собираюсь наслаждаться им вместе с тобой. — От двусмысленного заявления и низкого грудного рычания все волоски на коже встали дыбом.

Перчатка под его ладонью не заискрила только чудом, но, к счастью, мы пришли. Первым делом охранники проверили ложу, и лишь потом отступили в сторону, чтобы позволить нам шагнуть за раздвижные двери. Кресло, к которому меня проводил Халлоран, мгновенно подстроилось под

фигуру. Оно «зависло» в воздухе, регулировать высоту подъема можно было на панели управления, вмонтированной в подлокотник. Стоило иртехану сесть рядом со мной и легко коснуться дисплея, прозрачное стекло дверей стало матовым. Словно запотело или его затянул морозный узор.

Прежде чем успела бросить взгляд на сцену, уже догадалась, что мы в председательской ложе. Я видела ее в сети: снаружи она напоминает парящую в невесомости платформу (за счет тончайшего на вид, но очень прочного стекла), отлитую в форме драконьего цветка и повторяющую здание в миниатюре. Внутри — места на восьмерых, ультрасовременная обстановка. Пока разглядывала ложу, иртехан снова коснулся панели на подлокотнике. Откидной планшет тут же высветил голографическую программу, а очередное рычание еще немного приблизило начало «Артомеллы».

— Четыре действия, — произнес Халлоран. — Самый большой антракт между вторым и третьим. Посмотреть меню и сделать заказ на ужин можно либо сейчас, либо после первого действия.

Какой ужин? Глянула под ноги, и голова закружилась. Огромный зал, тысячи мест, и кажется, что можно коснуться рукой головы любого, кто сидит внизу. Визуальный обман, точно так же, как для других зрителей наша ложа. Обманчиво хрупкая, в хрустальных кристаллах, раскрывающихся лепестками напротив сцены. На верхнем герб Аронгары: двенадцать драконов, сплетающихся в нерушимое стальное кольцо на фоне взрезающих небеса гор.

Ух!

Меня вдругхватило чувство пьянящего, будоражащего восторга.

Я смотрю на сцену, где пела Шайна!

Огромное, залитое пока еще приглушенным светом пространство, над которым вот-вот раскроются голограммы декораций и начнется история Артомеллы!

— Рэйнар... — Повернулась к нему и осеклась, так жестко он на меня смотрел.

Или не на меня?

А потом вдруг и сама, не зная как, я выхватила из многолюдного зала Вэйлара. В ложе, которая как раз хорошо просматривалась из нашей. То ли дело было в огненных волосах, то ли в том, как горели глаза истинного. У меня даже щеки закололо, а таэрран запылала с удвоенной силой. Глаза Рэйнара, напротив, стремительно потемнели, превращаясь в угли.

В эту минуту над залом прокатилось третье рычание, а мгновением позже погас свет.

Чтобы взорваться сотнями светил над сценой.

Улыбка на губах иртыхана тоже погасла. Вэйлар сдержанно кивнул в знак приветствия и опустился в кресло. Даже в полумраке ложи его волосы горели огнем. Молодая женщина, сидевшая рядом с ним, посмотрела на меня и подалась к истинному. Вэйлар наклонился к ней, а я с трудом заставила себя переключиться на сцену. На распластавшийся внизу древний город, потрясающий своей детализацией. Пыталась отрешиться от нахлынувших на меня чувств, но получалось с трудом.

В груди горело, как если бы по неведомой причине отказала таэрран, но отказать эта дрянь не могла. Едва удержалась, чтобы не прикрыть шею рукой, в темноте роспись напоминала раскаленный докрасна ошейник. Конечно, Вэйлар все равно увидел бы меня с ней. В новостях или в сети, но почему-то именно сейчас вышло так неожиданно. Знал ли Халлоран, кто будет в соседней ложе? Наверняка, он ведь привык все контролировать!

Разумеется, заявить всему миру, что я — его, это чудесно.

Особенно чудесно, если рядом будет тот, кто посягнул на его собственность.

Я смотрела на сцену, тщетно вслушиваясь в льющие над залом голоса. История Артомеллы начиналась с детства, когда в маленькой девочке проснулась сила, неподвластная даже мужчинам. Ее стихия проснулась, и, чтобы уберечь дочь, правящий отец лично взялся за ее обучение. Он намеренно скрывал ее силу, потому что у него был наследник. Невероятная магия сестры способна была поставить под угрозу авторитет брата. К тому же в те времена к иртыханессам относились как к красивому дополнению братьев, отцов и мужей.

Впрочем, в настоящем существенно изменилась только видимость.

— Эта женщина могла бы остаться жива, — негромко произнес Рэйнар во время короткой паузы. — Если бы отец сразу объяснил ей, что к чему.

Акустика здесь и впрямь была потрясающая: голоса возносились под своды, чтобы расплескаться над восхищенным залом, отдаваясь в каждом сердце. Даже голос маленькой девочки, приглашенной на роль Артомеллы в детстве. Говорить, когда дыхание перехватывает от звучания, казалось кощунством, но я все-таки ответила. Так же еле слышно.

— По-твоему, он должен был посадить ее под замок?

— Он воспитывал воина, а не женщину.

— Если бы он воспитал женщину, от города остались бы одни угольки.

— В этом сущность всех драм. Преувеличение.

Я оторвалась от сцены, чтобы взглянуть на него: хищный профиль,

жесткая складка у губ. Рэйнар повернулся ко мне, ни одна черточка на лице не дрогнула. Только в глазах под тонким настилом изумрудного льда мелькнуло что-то такое, от чего сердце пропустило удар.

— В чем же ты видишь преувеличение?

— Ни одна женщина не способна справиться с налетом.

— Но она справилась.

— Она умерла.

— По-твоему, ей нужно было позволить драконам спалить город?

— По-моему, ей нужно было выбрать другого мужчину. Который был бы способен ее защитить.

Я сцепила руки на коленях.

— Любовь не выбирает и не оценивает. Она просто есть или нет.

— Отношения со слабаком — это не любовь. Это безумие.

— Безумие — это отношения с тем, кто тебя не слышит, — хмыкнула я.

Он сощурился, но я уже отвернулась, не было ни сил, ни желания выдерживать этот пронизывающий взгляд. А вот мой странным образом притягивался к ложе Вэйлара, лишь усилием воли я заставляла себя туда не смотреть. То ли дело было в воспоминаниях, то ли в том, что у нас родственные огни. Истинная и истинный... Таэрран запирает магию, но не звериную сущность. Запечатанное пламя все равно останется пламенем, а драконица во мне засыпала только вместе с человеком.

Может, все дело в этом?

Первое действие закончилось, и в зале вновь вспыхнул свет.

Аплодисменты прокатились по залу не менее сильно, чем несколькими минутами ранее ария «Встреча». Публика забурлила, оживленно обсуждая выходы Эллины Райт — пока еще совсем юной Артомеллы, и Адрена Кромаха, которому досталась партия ее возлюбленного Регхарта.

Рэйнар коснулся панели управления, и двери, ведущие в коридор, снова стали прозрачными. Столпотворение у нашей ложи напоминало среднестатистический рынок в бедном районе. С поправкой на наряды и вежливость, разумеется: просто большинство делали вид, что замешкались рядом или разглядывали что-то с балкона, расположенного как раз напротив наших дверей. Безопасники неподвижно застыли у стен, даже не шевелились, ожидая нашего выхода, а иртхан подал мне руку.

— Леона.

Вложила пальцы в сильную ладонь и грациозно поднялась. От меня не укрылось, как вспыхнули его глаза, когда он скользнул взглядом по

обтекающему фигуру платью.

— Куда пойдем?

— Начнем с холла, посмотрим выставку.

— Выставку?

— История «Артомеллы» от первой постановки Зингсприда до наших дней.

По-настоящему оценить всех желающих поглазеть на правящего и его эскорт смогла, только когда мы вышли наружу. Этаж был заполнен народом, хотя в красивом холле было на удивление свободно. Губы сами собой растянулись в улыбке, как ответ на праздное внимание. Выставка начиналась в соседнем с холлом павильоне (из которого открывался невероятный вид на город), тянувшемся вплоть до самого ресторана. К нему вели две роскошные лестницы, но одной из таких мы сейчас и спустились в сопровождении охраны.

Возможность насладиться исторической экспозицией «Артомелла» с кадрами и описаниями постановок Зингспридской оперы разных лет раньше захватила бы с головой, но сейчас я не могла перестать думать о Вэйларе. Слишком отчетливо помнила, как тронувшая его губы улыбка исчезает при взгляде на таэрран. Что он подумал, когда увидел ее? Почему не подошел к нам сразу, ведь наши логи совсем рядом?

Стоило нам оказаться в арке павильона, все мысли разом вылетели из головы, у «живой» голограммы стояли Вэйлар и его спутница. Эффектный мужчина и ослепительно-красивая женщина в платье цвета заката в пустыне. Миг — и, заметив нас, истинный склонился к брюнетке. Прошептал что-то, после чего они направились в нашу сторону. Настолько решительно, насколько позволял шлейф яркого платья ир்தханессы. То есть медленно, но неотвратно.

— Добрый вечер, Рэйнар, Леона. — Таким голосом хорошо нарезать детали на конвейере, неуловимо раскаленным, как лазерный луч. В темной радужке сверкнули золотисто-рыжие искры. — Не ожидал встретить вас сегодня.

Рука под моими пальцами напряглась, хотя в лице правящий не изменился, демонстрируя прохладную учтивость. Вот только я от нее уже дымиться начинала, как деталька на том конвейере. Непонятно даже, от чьей больше.

— Добрый вечер, Вэйлар. — Низкий голос, еще не рычание, но уже близко. — Не знал, что ты любишь музыку.

Я наблюдала, как в павильоне собирались любители оперы, и чувствовала всей кожей, как растет напряжение.

Любители — чуть поодаль от нас, напряжение — в опасной близости.

Понимала, что просто так разойтись не получится, будущий правящий Зингсприда и правящий Мэйстона не могут не отдать дань приличиям, даже если смотрят друг на друга драконами. Оставалось надеяться, что взглядами дело и ограничится.

А еще очень хотелось верить, что это не из-за меня.

Не может же это быть из-за меня?

Халлоран обещал, что все останется между нами, правда... его обещания всегда были с подтекстом.

— С некоторых пор. Правящий Мэйстона местр Халлоран местрель Карин Меррхен, моя особая гостья из Лархарры. — Взгляд истинного смягчился.

— Рад встрече, Карин. — Рэйнар коснулся губами затянутых в перчатку пальчиков.

Карин улыбнулась. Полные чувственные губы, разрез глаз и смуглая кожа даже без представления Вэйлара выдавали в ней уроженку страны песков. Невысокая, одного роста с истинным, казалось, она излучает тепло. Так же, как и ее голос — низкий, грудной.

— Взаимно, местр Халлоран.

Иртханесса повернулась ко мне, одарив ослепительной улыбкой.

Согласно правилам этикета иртханов подошедший представлял сначала старшего по иерархии, затем своих гостей, после чего наступала очередь старшего представить свою спутницу.

— Карин, счастлив представить эссу Леону Ладэ.

Вэйлар едва коснулся моей руки, чтобы поднести к губам. Меня полоснуло от досады так отчетливо, словно я сама вдохнула это чувство полной грудью, а Рэйнар тем временем продолжил:

— Будущую первую леди Мэйстона.

Рука Вэйлара дрогнула, и мы оба залипли, позабыв об этикете. Он — склонив голову к моей ладони. Я — как стояла во время обмена любезностями, с такой легкой улыбкой а-ля первая леди Мэйстона. Хотя с меня, наверное, картину можно было писать «Абсурд в процессе зарождения». По крайней мере, именно так я себя чувствовала. Прийти в себя заставил голос истинного, он отпустил мою руку и выпрямился.

— Поздравляю вас. Был рад встрече.

Прозвучало это сухо. Невероятно сухо. Чересчур даже для церемонной учтивости, которой придерживаются на светских приемах. Даже Карин взглянула на него с удивлением, и в ее слегка расширившихся глазах я прочла отражение своих мыслей. Тем не менее в интонации иртханессы

замешательство никак не отразилось.

— Рада была познакомиться. Местр Халлоран. Эсса Ладэ.

— Взаимно, Карин. — Отозвался Халлоран. — Вэйлар.

Я даже умудрилась сказать что-то вежливое, хотя в этот момент от слов Рэйнара у меня ум за разум зашел. Мы распрощались так же спонтанно, как и встретились. Я смотрела на удаляющуюся пару, на тянувшийся по полу шлейф, напоминающий след от ликера в экзотическом коктейле, пока он не затерялся среди обилия шелка и атласа. Только после этого повернулась к Рэйнару и негромко спросила:

— Что?

По крайней мере, мне хотелось, чтобы это получилось негромко.

Я очень на это надеюсь, потому что внутри полыхал не огонь драконицы, а, по меньшей мере, звезда размером с солнышко.

Рэйнар не изменился в лице, только глаза вспыхнули ответным огнем.

— Ты не ослышалась, Леона. Именно поэтому я настоял, чтобы ты приняла мое предложение.

— Какое именно? — уточнила я. — Твое предложение, которое ты мне сейчас так оригинально сделал? Или на нем ты еще только собираешься настаивать? Не подумай, мне просто хочется сразу уточнить, что именно меня ждет в обозримом будущем, и не проснусь ли я однажды от звонка оператора, который дружелюбно сообщит, что мои новые документы уже готовы.

Зрачок ирлхана на долю секунды вытянулся в вертикаль.

— Предложение посетить Зингсприд. — Он увлек меня за собой к 3D-экспозиции. — Что касается прочего, это всего лишь вопрос времени.

— Ага, — сказала я, разглядывая голограмму, на которой старинные декорации еще собирались перед постановкой вручную. — То есть до того, как в моей «родословной» появится штампик «пригодна для совместной жизни и воспроизводства потомства», я могу спать спокойно?

Сейчас мне жизненно необходимо было сосредоточиться на чем угодно, кроме случившегося, поэтому я обратила взор на следующую картину. На ней декорации уже были собраны, и первая Зингспридская Артомелла с непривычно ярким гримом прощалась с Регхартом. К слову сказать, вот уж кого я точно не назвала бы слабаком. Этот мужчина не побоялся бросить вызов ее брату, который сделал все, чтобы уничтожить сестру.

— Ты так это видишь? — Рэйнар не повысил голоса, но рычание все-таки вырвалось из груди, а на скулах заиграли желваки. — Повинностью? Наказанием?

— Наказание — это не мой профиль, — заметила я. — И повинность тоже.

Пожала плечами и перешла к следующей картине. Новая эпоха и новая Артомелла, плачущая у ложа умирающего отца. Убийц подослал ее брат, когда понял, что может лишиться власти, потому что сестра собирается замуж. Артомеллу обожал народ, а Регхарт был немногим слабее его по силе. Правитель склонялся к тому, чтобы собрать Совет и передать власть дочери и ее мужу, потому что сын с каждым годом все больше его разочаровывал. Последней каплей стало избиение невестки, свидетелем которого невольно стал правящий.

— Наказание — это всегда ответственность двоих.

— Угу. Только наказанный на выходе почему-то всегда один. А помимо ответственности есть еще много факторов. Таких, например, как простые человеческие чувства. Которые иногда нужно принимать в расчет. Ну так, по вторникам, четвергам и пятницам.

— Простые человеческие чувства в мире иртыханов — слишком опасная игра. Этим мы отличаемся от людей. Наши законы защищают не только людей от нас, но и нас от людей. В мире, где равновесие очень легко нарушить, его соблюдение ложится на сильнейшего. Я правящий, Леона.

Раскатистый рык и хлопанье крыльев оповестили о том, что скоро начнется второе действие, поэтому я ускорила шаг. Сюжеты из «Артомеллы» сменялись один за другим, выставка действительно была прекрасна, но надолго я перед ними не задерживалась. Замерла только перед стендом — роскошной панорамной фотограммой, на которой было представлено первое выступление Шайны.

— Я называю тебя своей. Сегодня. Сейчас. Перед всеми этими людьми. — Низкий голос, рычащие нотки. Халлоран остановился за моей спиной так близко, что я чувствовала его всей кожей, всем сердцем, даже спящим огнем. Ощущала, как дурацкий запертый огонь рвется к нему, несмотря ни на что, сбивая дыхание и учащая мой пульс. От желания податься назад, чтобы почувствовать на своих плечах его руки, отделяло только сознание того, где мы находимся. — В мире иртыханов это большая честь.

Последнее заявление отрезвило похлеще ледяного душа. Желание податься назад сменилось готовностью как следует треснуть его по голове да хоть вот этой старинной вазой, стоявшей в нише. Чтобы осознал, насколько я ценю оказанную мне большую честь.

А Халлоран решил не останавливаться на достигнутом и добил:

— По нашим законам ты уже моя. И этого не отменить никому.
Че-го?

— Для кого это большая честь? — уточнила на всякий случай.

— Для твоей семьи.

А-а-а...бзац!

— Моя семья меня знать не хочет. Не наплевать ли мне, что для них большая честь?

— Ты ир்தханесса. Мы не разделяем себя и свою семью, когда говорим о чести.

— То есть моя честь зависит от них или их честь от меня? Или сейчас ты оказал честь всему нашему роду до пятого колена доир்தханских времен? Прости, я что-то запуталась.

— Это не шутки, Леона. За ошибки правящего отвечает весь его род. За ошибки любого из нас отвечает весь наш род, точно так же весь наш род гордится нашими достижениями.

Глубоко вздохнула. Сложила руки на груди, глядя на Шайну-Артомеллу. Здесь она предстала в момент встречи с драконами, голограммы и живые спецэффекты тогда были еще не того уровня, как сейчас, но смотрелось все равно впечатляюще. С развевающимися волосами, в античном платье с занимающимся от огня подолом, раскинув руки под кружащими хищниками, Шайна была прекрасна. Даже желание треснуть драконище по голове почти прошло. Правда-правда. А то, что рука в сторону вазы дернулась, так это просто непроизвольно получилось.

— Я точно знаю, кто может это отменить, — сообщила доверительно.

За спиной стало совсем тихо: ни ветерка, ни рычания. Рэйнар шагнул вперед, заглянул мне в глаза. Всем своим видом излучая уверенность, как выбравшийся из пещеры дракон, готовый вот-вот взлететь в небо. Только легкий прищур выдавал раздражение.

— О ком ты говоришь?

— О себе. — Я ткнула пальцем в грудь. — О себе, Рэйнар.

Черты его лица на миг заострились, крылья носа дрогнули. Будь у драконища хвост, не завидую я отполированному до блеска мрамору под ногами. К счастью, очередной рев взлетел под своды павильона, где тонкие нити центральной люстры собирались в раскаленный искрящийся шар. Крохотные светильники разбегались от нее по тонким металлическим мостикам, образуя под стеклянной крышей цветок с распахнувшимися в ночи лепестками. Напоминание о том, что скоро начнется второе действие, подтолкнуло публику в сторону зала, поэтому в холле стремительно пустело.

Рэйнар тоже предложил мне руку, и мы направились к лестнице.

В ложу поднялись в молчании, но стоило дверям стать непрозрачными, как надо мной нависла драконоскала. Дабы не уступать, задрала голову, и мы оказались лицом к лицу. Теперь уже зрачок его вытянулся в вертикаль. Алые искры вспарывали радужку, как отблески заходящего солнца небо.

— Ты мне отказываешь, Леона?

— А ты сделал мне предложение?

— Я назвал тебя своей.

— Да! Раз десять. Но назвать своей и сделать предложение — разные вещи. Никогда не задумывался, почему оно так называется? Предложение — это когда ты спрашиваешь, а не когда ставишь перед фактом под прицелами камер!

— В мире иртханов это равнозначно.

Р-р-р! Теперь уже стекло ложи находилось под угрозой. Моего хвоста.

— В моем мире нет!

— Твой мир отныне неразделим с моим. Старший твоего рода не откажет правящему.

— Ну вот на нем и женись! Уверена, вы будете отличной парой!

Последние слова уже напоминали приглушенное рычание, которое захлестнуло более громкое. Я опустилась в кресло так «изящно», что оно подпрыгнуло в высоту. К счастью, в зале уже звучала музыка, в которую вливалось звучное сопрано Эллины Райт. Вместе с ним я словно сама взлетала под самые своды.

Голос дивы возносился ввысь, набирая силу и отражаясь от стен, вплетая чувства в каждый выдох Артомеллы. Голос, так непохожий на голос Шайны... Вдруг отчетливо представила ее, стоящую на этой сцене: заметно ниже Эллины, тонкую и хрупкую, с выразительными темными глазами. На миг даже показалось, что сама стою рядом с ней, что мы поем вместе, в одно дыхание. Льющийся из груди голос, раскинувшийся за спиной город под раскаленным добела небом... и Аррингсхан с отцом Вэйлара в председательской ложе. Не сводящие взгляда с одной-единственной женщины, воспламеняющей зал одним только голосом, не имеющим никакого отношения к магии иртханов.

В моем представлении Аррингсхан выглядел таким, каким я увидела его на юбилее, только моложе, а вот отец Вэйлара почему-то виделся точной копией сына. Картина оказалась настолько яркой, что я даже моргнула, стирая видение. А после невольно бросила взгляд в сторону ложи истинного и Карин.

Они, казалось, были полностью увлечены представлением.

Но почему Вэйлар вел себя... так странно? Ни за что бы не сказала, что этот мужчина и тот солнечный иртыш, с которым мы пили кофе и который кормил Марра булочками — одно и то же лицо. Хотя что я о нем знаю? Мы виделись всего два раза, причем в неформальной обстановке. Что в первом, что во втором случае между нами лежала пропасть, разделявшая нас по положению гораздо больше, чем сейчас. Вот только сегодня это была не пропасть, это была стена.

Неужели и правда все дело в таэрран?

Словно почувствовав меня, Вэйлар повернулся. На миг наши взгляды встретились, и грудь снова обожгло.

Да что же такое со мной творится?

Обдумать это не успела, потому что по телу прокатилась огненная волна. Обжигающая, заставляющая кожу покрыться мурашками и вызывающая желание не то пригнуться к земле, не то расправить крылья и зарычать. Утробно, всей грудью. Обернулась и утонула в драконьих глазах. Что-то внутри неуловимо заискрило, как оголенный провод. Как отражение пламенной ярости.

— Что? — поинтересовалась, приподняв брови. — Если я пришла с тобой, говорить и смотреть дозволяется только на тебя?

— Дозволяется говорить с кем угодно.

— Вот и чудненько.

— Если это не нарушает приличий.

Вот теперь полыхнуло. Потому что ни разу — ни разу за сегодняшний вечер я не сделала и не сказала ничего такого, что могло бы навредить его репутации. Я оделась безупречно и вела себя так же. О том, что мне хотелось разбить об его голову вазу, знала только я. Возможно, именно поэтому мне снова этого захотелось. С удвоенной силой.

Приличия, говорите?

Сейчас я вам покажу приличия!

— Тебя не затруднит пригласить Карин и Вэйлара в нашу ложу в следующем антракте?

Судя по выражению лица, предложение драконицу не понравилось.

Встречаться с Вэйларом я не собиралась, разумеется, просто кто-то сам нарвался.

— Эти антракты такие короткие... — Невинно хлопнула глазами. — Мы же почти ни о чем не успели поговорить! А может быть, лучше вместе сходим в ресторан?

Теперь уже полыхал его взгляд. Не просто полыхал — вихрями огня

разрывал полумрак ложи.

В противовес этому голос прозвучал неестественно спокойно:

— Сегодня после возвращения из оперы придешь ко мне в номер, Леона.

Ага, как же!

— Мм... заманчиво, но нет. — Я накрутила на палец локон, не без удовольствия отмечая, как раскрываются вертикальные зрачки.

— Это не просьба, Леона.

От знакомого прищур захотелось накрыться огнеупорным брезентом и медленно отползти в сторону дверей. И охраны. И вообще ложа показалась какой-то слишком уединенной. Тем не менее отползать я никуда не собиралась, потому что прекрасно знала свои права. И обязанности.

— Приказать это ты мне не можешь.

— Это не приказ. — Зрачки стянулись в едва различимые нити. — Это твое наказание.

ГЛАВА 4

Когда до меня дошло, я искренне пожалела, что под рукой нет ведра со льдом, а заодно и с бутылкой потяжелее. Интересно, как поведет себя кресло, если им запустить в правящего? Его вообще с места над стационарным удерживающим полем можно сдвинуть? Еще немного, и я это проверю, невзирая на наличие толпящейся за дверями службы безопасности. Воспользоваться моим обещанием принять любое наказание за обращение к Вэйлару! Несмотря на то что сам выполнил наше соглашение через задницу набла!

— Ты не посмеешь! — прошипела я, задыхаясь от переполнявших меня чувств.

— Сбавь тон, Леона. — Он сцепил руки на уровне подбородка, глядя на меня сквозь тонкие прорези век. — Или ты хочешь расторгнуть наше соглашение?

— Р-р-р!

Это то, что вырвалось из моей груди, когда я бросилась на него. Мысленно. То есть прозвучало оно вполне реально, а щедро расцарапывала его драконью физиономию и опрокидывала на него сверху ведро за ведром я в своем воображении. Пожалуй, стоило тогда вместо извинений сфотографировать его на телефон и выложить в сеть! Слишком подходящее для него обличье: не дракон он, а скользкий змеевидный ящер! Самый настоящий! Двуногий прямоходящий!

— Значит, жду тебя у себя, — и глазом не моргнул Рэйнар. Он вообще не моргал, как довольный сытый зверь. Расслабленно отвернулся к сцене, словно все, что его интересовало, это история Артомеллы. — Одну. Это займет всю ночь.

Одну?

Всю ночь?

Да он... да он... Он...

Дабы не залепить ему между глаз туфелькой, уставилась на сцену. Второе действие как раз подходило к концу, и Регхарт делал Артомелле предложение. Кстати, вполне себе по-человечески, на краю водопада, встав на одно колено. Это одна из самых красивых сцен в опере, поэтому смотрели ее, затаив дыхание. Обычно и я тоже, но сейчас мне было не до романтики. По залу пробежал легкий ветерок, еще больше погружая в происходящее, я же вцепилась в подлокотники.

— Наслаждайся оперой, Леона. До наказания еще достаточно времени.

Нет, он еще и издевается!

— Наслаждаюсь! — огрызнулась. — Кстати, на всякий случай... предложение делается примерно так, — не удержалась от шпильки.

— Разумеется. Потому что постановка адаптирована для людей.

Р-р-р! Ящер с дикой концентрацией снобизма.

— То есть иртышаны в оперу не ходят?

— О преувеличениях мы уже говорили.

Надо же, моргнул! У, драконоползучее!

Нужно срочно что-нибудь придумать! Вот срочно.

Но, как назло, ничего не приходило в голову, потому что наша с ним договоренность не имела никакого отношения к законам, приказам и прочему. Это действительно был мой выбор: подставить Вэйлара и допустить поединок из-за того, что он мне помог, или же смириться и тащиться в номер. Хорошенький выбор! Мало ему, что я стану «его» на всех телеканалах страны. Ладно, предположим, на этом повороте он меня обыграл, значит, надо найти способ, как обернуть все в свою пользу.

Идея пришла мне в голову неожиданно.

Все, что нужно — это снотворное. Сильнодействующее у нас запретили с десятков лет назад, потому что многие препараты использовали не по назначению, но мне и обычного хватит. Приму его за ужином, и... к моменту «наказания» буду уже в состоянии «среднестатистического валуна», то есть в глубоком ауте. В номер я к нему приду? Приду. Наказание состоится? Состоится! Вот пусть и наслаждается моим бессознательным состоянием сколько угодно.

Идея настолько меня захватила, что я даже подскочила в кресле.

План был идеален... за исключением одного пункта.

Осталось только понять, где мне так быстро раздобыть снотворное. Вытащила из клатча беззвучный телефон и быстренько набрала запрос «ближайшая аптека». Их были десятки, но вот добраться хотя бы до одной представлялось занятием сомнительным, особенно учитывая наличие драконоящера с сопровождением на хвосте. Как вариант, оставался еще пункт оказания первой помощи в здании Зингспридской оперы.

И вот это уже было реальнее.

Стоило мне об этом подумать, как в зале вспыхнул свет.

Рэйнар поднялся со стремительной грацией хищника и предложил мне руку.

— Пойдем. Большой антракт длится два с половиной часа, успеем

спокойно поужинать в ресторане.

Не знаю, что творилось в драконьей голове, но внешне он был спокойным. Зато в моей голове план уже созрел достаточно четко, поэтому, едва приподнявшись, я пошатнулась и ухватилась за руку драконища, с которого невозмутимость как ветром сдуло. Рэйнар подхватил меня крепко, но бережно, пристально вглядываясь в мое лицо.

— Что случилось?

— Голова закружилась, — сказала, выпрямляясь. — Ничего, уже все прошло... Ох...

Стоило нам сделать шаг, как меня вполне «натурально» повело в сторону. Драконище немедленно развернулся и усадил обратно в кресло. Бережно, но с такой прытью, что я едва успела бы сказать: «Вяк!» Спинка откинулась, подчиняясь скользнувшему по панели управления сильным пальцам, а потом меня, можно сказать, уложили. Теперь я могла лицезреть потолок и склонившегося надо мной Рэйнара.

— Ты сегодня вообще что-нибудь ела? — недовольно рыкнул он, нажимая кнопки на панели. — Лучше останемся здесь. Попрошу принести ужин в ложу.

— Нет! — живо встрепелась я. Это совсем не входило в мои планы, точно так же, как на удивление бодро прозвучавший голос. Пришлось немедленно добавлять в него слабину. Немного. Ровно столько, насколько я вообще могла себе позволить. — Я бы очень хотела выйти. Просто давление немного упало. Телепорт, другой климат... и неделя выдалась напряженная. Пусть меня проводит в медпункт кто-нибудь из службы безопасности, а потом я присоединюсь к тебе в ресторане.

Рэйнар снова прищурился. Пару секунд изучал мое бледное (я очень надеялась на это) лицо, потом кивнул, снова что-то набрал на панели и протянул мне свою драконью лапищу.

— Я провожу тебя сам. — Вердикт, который обжалованию не подлежит.

Ну разумеется!

Я чуть было не скрипнула зубами от досады, но если сейчас стану отказываться, только вызову лишние подозрения. Не стоит давать столь серьезному противнику тактическое преимущество. Мало ли что придет ему на ум, пока он будет ждать меня в ресторане, а так делом каким-никаким занят.

На сей раз меня уже не шатало, я легко опиралась на предложенную руку и даже изобразила подобие улыбки, когда мы вышли из ложи. Сейчас здесь было уже поменьше людей, то ли насмотрелись на правящего, то ли

проголодались и поспешили в ресторан, чтобы успеть поесть перед продолжением.

Мы снова спустились по лестнице, прошли через павильон и свернули налево. Если здание оперы напоминало цветок, то коридоры представляли собой прожилки, которые почти незаметны, но в отблесках пламени разгораются яркими нитями. Просторные, оформленные в минималистичном стиле, они привели нас к одной из дверей, на которой красовалась надпись: «Медицинские услуги».

Видимо, Рэйнар успел отправить запрос еще в ложе, потому что за ней нас уже встречал пожилой мужчина в светло-голубом халате. Просторный кабинет напоминал классическую приемную, разве что медицинские сертификаты на стенах говорили о том, что она врачебная.

— Добрый вечер. Местр Халлоран. Прощу. Эсса Ладэ... — Мужчина окинул меня внимательным взглядом и поспешил к дальним дверям. — Пойдемте со мной. Сюда, пожалуйста.

До дверей меня тоже проводили. Только я подумала, что до реализации моей задумки осталась всего пара шагов (буквально), как меня осторожно развернули к себе лицом. Прищур исчез, теперь Рэйнар выглядел сосредоточенным. Он легонько коснулся моей щеки, во взгляде промелькнуло чувство, которое сложно было понять. Разгадать его я не успела, потому что драконище отступил в сторону, пропуская меня вперед и явно намереваясь войти следом.

Ну уж нет, мы так не договаривались! Мне нужно остаться наедине с врачом и рассказать ему, как плохо я переношу телепорты и засыпаю на новом месте. Поэтому сейчас резко остановилась.

— Давление мне могут измерить и без твоего участия, — сказала так, чтобы слышал только он.

Иртхан тоже остановился, его брови взметнулись вверх, чтобы через секунду сойтись на переносице. На долю секунды показалось, что сейчас меня просто втолкнут в кабинет своей мощной фигурой, настолько жестко он на меня смотрел. Но потом все же перевел взгляд на врача и произнес:

— Пришлите мне результаты обследования.

— Конечно, местр Халлоран. — Врач слегка поклонился.

Глядя в удаляющуюся спину Халлорана, едва удержалась от того, чтобы показать ему язык. Дракон опустился на кожаный диван мрачный, как снеговая туча. Только легкое покашливание врача напомнило о том, зачем я здесь, поэтому поспешно скользнула в медицинский блок. Ровные ряды шкафчиков с препаратами стояли отдельно, чуть поодаль, там же располагалась капсула для оказания экстренной медицинской помощи.

Стараясь не сильно коситься в ту сторону, прошла к креслу для обследования.

— Перчатки, браслет и сумочку вот сюда, — указал мужчина на тумбочку, стоявшую рядом. — Позвольте...

Он отрегулировал высоту и спинку под меня, подключил сканер и дополнительные датчики, сомкнул напульсник. После чего опустился в кресло-компьютер, и перед ним тут же высочил виртуальный монитор.

— Начнем с простого, ладонь сюда. Как себя чувствуете? Голова кружится?

— Сейчас уже нет. — Решила, что с медиком переигрывать не стоит. — Возможно, это из-за телепорта...

— Сейчас все узнаем. — Мужчина перевел взгляд на монитор, который передавал данные со сканера под ладонью. — Расслабьте руку, пожалуйста.

Напульсник чуть сдавил запястье и так же быстро отпустил.

— Давление в норме. Я бы предложил полное сканирование в капсуле, но это займет много времени, да и... — Он окинул многозначительным взглядом мою прическу. — Начнем с кардиограммы. Сидите спокойно.

Я быстренько глянула на бедж.

— Эссерд Нерхт, не могли бы вы оказать мне любезность?

Врач оторвался от результатов сканирования, которые на прозрачном мониторе отражались светящимися зеленоватыми диаграммами и численными показателями, складывающимися в таблицы.

— Разумеется, о чем речь?

— Я очень плохо сплю на новом месте. Особенно после телепорта. Не могли бы вы записать на счет моей страховки снотворное?

Тот развел руками.

— Я бы с удовольствием, эсса Ладэ, но у меня его попросту нет.

Как нет? Видимо, удивление настолько отразилось в моих глазах, что врач поспешно продолжил:

— Боюсь, что подобные препараты не предусмотрены ситуациями и спецификой моей работы.

Специфика, чтоб его, работы! Действительно, зачем ему здесь снотворное?

Чтобы во время оперы кто-нибудь захрапел?

Почему я об этом не подумала раньше?

Ну почему, почему, почему? Неужели столько стараний — и все набу под хвост? Сердце заколотилось, как сумасшедшее, а в следующий миг монитор обследования отозвался слабеньким писком. Кардиограмма из

зеленой превратилась в розовую, и врач нахмурился. Показатель пульса стремительно подскочил, цифры тоже изменили цвет. Врач нахмурился, густые, с заметной проседью брови сошлись на переносице.

— Часто беспокоитесь в последнее время, эсса Ладэ?

По пять раз на дню!

Беспокоюсь? Беспокоюсь... Беспокоюсь!

Успокоительное!

Пусть у него нет такого эффекта, как у снотворного, но если использовать сразу несколько пластинок... будет примерно то же самое.

— Случается, — отозвалась я.

Сердце не подвело и продолжало колотиться быстро-быстро, отстаивая последний шанс.

— Гм. — Врач взглянул на монитор. — Хочу проверить некоторые показатели. Не возражаете, если сделаем мгновенный анализ крови?

Да пожалуйста, только успокоительное выдайте!

Кивнула, мужчина тут же поднялся и вернулся уже с анализатором, заправленным реактивами. Дабы не смотреть на то, как в меня втыкают иголки, отвернулась. Стоило автоматическому ободку сомкнуться чуть повыше локтя, принялась сжимать и разжимать руку. Обеззараживающий пластырь с анестетиком легко коснулся кожи, и укола микроскопической иглы, вмонтированной в прибор, я вообще не почувствовала. Все равно не люблю эти штуки. На дворе уже двадцать шестое столетие, а в людей все еще иголками тыкают. Спасибо, хоть не такими длинными и тупыми, как раньше.

Врач вернулся в кресло и подключил анализатор к компьютеру, данные в мгновение ока выскочили на планшет.

— Мне придется пить успокоительное? — поинтересовалась, сгорая от нетерпения.

Не зря же я сюда пришла.

— Пару минут, эсса Ладэ.

Какое-то время мы молчали, я рассматривала нехитрую обстановку медицинского блока, врач дожидался завершения работы анализатора. После чего поднял на меня глаза.

— Что там? — уточнила я.

— С чем связаны ваши потрясения, эсса Ладэ?

Я даже почувствовала, как поднялись мои брови.

— Я имею в виду, есть ли возможность их исключить?

Вам что, жалко для меня успокоительного, что ли?

— Вряд ли, — сказала я. — Я меняю работу, а это, сами понимаете...

Очень серьезно.

Да откуси мне голову дракон, если я вру!

Один Гроу чего стоит.

— Что ж... — Врач свел данные воедино. — Я передам результаты обследования местру Халлорану, а вам советую ограждать себя от волнений.

— Может быть, выпишете мне что-нибудь на ближайшее время?

— Не думаю.

Только не говорите, что успокоительного у вас тоже нет! Ни за что не поверю, что в опере ни у кого не сдавали нервы. Особенно у певцов, например, после встречи с начальством. М-да, не к ужину будь помянута Эвель. Надо по возвращении забрать из Ландстор-Холла вещи и окончательно с ней распрощаться. Эх... как же я без Дрэйка? Учитывая наш ритм жизни, теперь почти не будем видеться. Да и по тамошней публике буду отчаянно скучать — по счастливым лицам и улыбкам, по притоптывающим под столами каблучкам.

На миг так отчаянно захлестнула ностальгия, что даже стало немного грустно. Все-таки, если убрать Эвель, Ландстор-Холл занимает особое место в моем сердце. Надо бы поговорить с Хейдом, хочу рассказать об этом на своей страничке в соцсети и поблагодарить всех, кто приходил меня слушать. Хотя, сдается мне, вернусь домой, тем у нас с агентом и так будет много.

Но, по-моему, сейчас я думаю не о том.

— Почему? — спросила у мужчины, который как раз сводил данные и готовил файл для конвертации.

— У вас завышены гормональные показатели, эсса Ладэ. Ничего страшного, все в норме для женщины, но...

Э-э-э... что значит «в норме для женщины»?

— Я бы не рекомендовал вам принимать какие-либо препараты. — Он отложил планшет в сторону. — Потому что предположительно вы в положении.

Я... что?

— Этого не может быть! — вырвалось у меня.

Не может, потому что я леплю ежемесячные пластинки с того самого дня, как наши отношения с Вальнаром получили закономерное развитие. Он настоял на этом, чтобы не заморачиваться с мужской контрацепцией, да я и не особо возражала. Так действительно проще, не случится никакой внезапности из-за непрочного материала и тому подобного.

— Я говорю только то, что вижу по результатам анализов. — Мужчина

развел руками. — Любой врач на моем месте скажет то же самое. Разумеется, вам нужно пройти полноценное обследование в специализированном медицинском центре...

— Нет! — Я резко выпрямилась, позабыв про датчики, и парочка отскочила от меня, как старинные игрушки на пружинке. — Нет. Я принимаю противозачаточные.

Глаза у врача стали размером с блюдца, он живо бросился ко мне, чтобы отсоединить остальные.

— Ни один препарат не дает стопроцентной гарантии.

— Но вы сказали — предположительно!

— Разумеется, потому что я не могу ничего утверждать без сканирования.

По ощущениям, мои глаза были в точности как у врача, когда я чуть не оторвала проводки. Я силилась принять сказанное, но не могла. Драконенок? То есть ребенок... Невозможно! Не знаю, как чувствует себя зазевавшийся пустынный^[1] во время песчаной бури, но иначе я свое состояние описать не могла. Меня то подбрасывало вверх, за облака, где порывы ветра становились еще сильнее, и обжигало холодом, то низвергало вниз, на раскаленный солнцем песок.

Драконенок от Рэйнара...

Мамочки!

Так, Леона, тихо!

Нужно успокоиться. Только истерики тебе не хватало для полного счастья.

Я потеряла грудь, словно это могло помочь мне дышать спокойнее, взглянула на врача, который с недовольным видом складывал датчики в футляр.

— Простите, — сказала я. — Эта новость... несколько меня обескуражила.

Обескуражила? Серьезно?! Это совсем не то слово, которое первым приходит на ум.

— Понимаю, — сдержанно отозвался он. — Если снова почувствуете себя плохо, незамедлительно обращайтесь за медицинской помощью. Не перенапрягайтесь и избегайте лишних волнений.

Я кивала в ответ на все рекомендации, как электронная игрушка, у которой заклинило микросхему. Избежишь тут, как же. А главное, никуда не сбежишь, в медицинском блоке даже окно — имитация, можно только потыкаться в стену головой. Или побиться, от души так. Не могу я быть в положении, потому что... просто не могу! Особенно сейчас!

— Приводите себя в порядок и можете выходить, а я пока сделаю записи.

Пока врач сводил результаты на планшете, я сползла с кресла. Что-что, а успокоительное мне сейчас точно не помешало бы. На автопилоте натянула перчатки, с какого-то раза каждую, потому что руки дрожали. Застегнула браслет и подхватила сумочку, после чего вышла в приемную. Теперь меня уже тошнило вполне натурально, и голова кружилась тоже. Наверное, я самую малость побледнела, потому что дракон с дивана не встал, а взлетел. Стремительно шагнул ко мне, чтобы подхватить под руку.

— Леона, как ты себя чувствуешь?

— Я беременна. — Тщетно пыталась удержать брови там, где им положено быть, но они неудержимо ползли вверх. — Предположительно.

Зрачок иртехана взметнулся в вертикаль и раскрылся на полную, а я ткнула пальцем себе за спину.

— Он так сказал. И поверь, я тоже от этого не в восторге.

Черные провалы стянулись в две едва различимые точки.

— Вот как, — вкрадчиво произнес Халлоран. — Почему же, позволь спросить?

— Потому что я недавно подписала контракт. У меня впереди репетиции с утра до ночи и первый выход на сцену. Это...

Под стремительно темнеющим взглядом осеклась.

— Помимо карьеры, тебя больше ничего не волнует?

Че-го?

Как-то неожиданно всплыли в памяти бессонные ночи, когда я пыталась сочетать работу в Ландстор-Холле, обучение магии и тренировки перед прослушиванием. Вспомнилось, что он даже не позвонил и не поинтересовался, как прошло прослушивание. С другой стороны, зачем ему, и так все доложат. Как это случилось с Танни.

— Ну прости, что у меня есть мечта, — выдохнула язвительно, — до которой тебе нет никакого дела!

— В отличие от тебя, — теперь в его голосе словно крошился лед, — мне есть дело до всего, что тебя касается.

— О да, вне всяких сомнений. — Меня прорвало, и я уже не могла остановиться. — Поэтому о некоторых событиях нашей совместной жизни ты узнаешь значительно раньше, чем я.

Легкий шорох открывшейся двери заставил иртехана замереть. Сейчас он как никогда напоминал зверя: стремительного и хищного, подобравшегося. Того и гляди пар из ноздрей пойдет, а за спиной раскроются крылья. Проследив его взгляд, обернулась и увидела врача, тот

выглядел неважно: бледненький какой-то и уменьшается на глазах. Впрочем, если не ошибаюсь, он сейчас тоже оказался в положении.

С трудом удержалась от того, чтобы не хихикнуть.

Нервно.

— Местр Халлоран, результаты у вас на почте, — осторожно произнес он. — Я...

— Благодарю, эсстерд Нерхт. — Сейчас голос Рэйнара больше напоминал треск окаменевшей лавы. — Буду благодарен вдвойне, если вы любезно позволите нам закончить разговор.

— Разумеется. — Эсстерд Нерхт склонил голову. — Мой кабинет к вашим услугам.

— Премного обязан.

Стоило двери в медблок закрыться, как иртвак шагнул ко мне вплотную.

— Это наш с тобой первенец, Леона. Наследник династии, будущий правящий. Надеюсь, тебе не стоит объяснять, что это значит?

— Это всего лишь ребенок!

— Он никогда не будет «всего лишь». Выбирая между нашим сыном и твоей карьерой, я выберу его.

Что-о-о?

Не хочет же он сказать, что...

Не может же он запретить мне петь.

Не может, не может, не может! Я так долго к этому шла, роль Люси... Прослушивание, стычка с Гроу, разговор с Хейдом... Небо, я не хочу выбирать!

— Я все равно буду петь!

— Только после его рождения.

— А чего хочу я, ты спросишь? — процедила, задыхаясь от бушующих внутри чувств.

— Ты сейчас не в том состоянии. — Иртвак повернулся к двери, давая понять, что разговор закончен. — Пойдем. Нас ждет ужин.

Он это сейчас серьезно?

— Разумеется! И никогда не была! Считаешь, что можешь постоянно диктовать мне, что я должна? Виновата — на колени! Пришло время — в инкубатор высиживать драконят! Так, да?

Все это выдала на одном дыхании ему в лицо.

Халлоран обернулся, и пламя обрушилось на меня ураганной волной. На миг даже дышать стало нечем.

— Если пожелаешь, будет именно так.

Сердце подскочило к горлу. Будь под рукой что потяжелее, я бы запустила в него, сейчас же оставалось только сжимать кулаки.

— Нет. Не будет. Не будет, Рэйнар. Я не выйду за тебя. Я не стану твоей.

— Желаешь повторить судьбу своей матери?

— Не желаю повторять судьбу твоей!

Лицо его окаменело, мы замерли друг напротив друга. Казалось, в разрываемой дыханием тишине было слышно даже биение наших сердец.

— Наш сын родится Халлораном, Леона, — жестко произнес он. — Кем ты для него станешь, решать только тебе.

От ясности этих слов перед глазами потемнело. Он положил мою ладонь на сгиб локтя, но я даже не сопротивлялась. Не сопротивлялась и когда мы вышли в коридор. Бывает такое состояние, когда очень хочется хлопнуться в обморок, а потом очнуться и понять, что все, что было — глучный кошмар. Но у меня с обмороками всегда была проблема. Подростком я умудрилась напороться во дворе на торчавшую из земли железяку. Даже когда кровь била фонтаном, в обморок шлепнулась моя подружка. А я привела ее в себя, усадила на скамейку и пошла домой за аптечкой.

Ресторан, располагавшийся в верхнем «лепестке», запомнился смазанными образами заполненного публикой зала (даже навскидку было видно, что не осталось ни одного свободного столика), приглушенным светом и панорамными видами Зингсприда. Вышколенный метрдотель встречал нас улыбкой, официант провожал к столику. В отличие от пещеры «Драконьего шипа» здесь все было выполнено из стекла и хрусталя, даже металлические конструкции укутали в чистый как слеза материал. Лиловые вставки на стенах перемежались с черным и серебряным, из украшений — только витые светильники на стенах. Разумеется, мы ужинали в отдельном кабинете, который тут же отсекли от зала раздвижные двери и широкие спины охранников.

К счастью, здесь тоже было панорамное окно во всю стену.

Туда я и смотрела — на рассыпающуюся огнями летнюю ночь. Даже странно осознавать, насколько там жарко, из-за мощных кондиционеров в ресторане было слегка прохладно.

К счастью, во время еды не надо разговаривать.

А во время представления — и подавно. Когда мы вернулись, ложа Вэйлара и Карин пустовала, такой она и осталась до конца оперы. Оставшиеся два действия (они были короче предыдущих, но гораздо насыщеннее по событиям) я думала только о ребенке. Происходящее на

сцене и образы мелькали перед глазами, но не складывались в целостную картину. Несмотря на то что я знала «Артомеллу» наизусть, то и дело ловила себя на ускользающем смысле.

Я не откажусь от своего сына. Ни за что.

От Люси? Нет! Никогда.

Пусть даже будет очень сложно... ничего, и не такое переживали.

Я думала, когда мы спускались по лестнице под перекрестными вспышками камер, когда садилась в машину, когда летела над Зингспридом вдоль побережья, а волны накатывали на песок, стирая контраст между темным и светлым. Правда, все это воспринималось через пелену отстраненности, словно я глотнула жидкого льда и что-то внутри основательно заморозилось. Во флайсе иртвахан молчал, и я тоже. За последние несколько часов мы едва ли перекинулись парой слов, а от улыбок для прессы сводило скулы.

«Шеррамель Стар», без преувеличения роскошный, встречал нас россыпями огней и отполированным мрамором. Суэта вокруг продолжалась до тех пор, пока мы не оказались в коридоре. Таком же роскошном, как и все, что меня в последнее время окружало. Некстати мелькнула мысль, что если Халлоран сейчас заикнется о наказании, я ему врежу, но он почему-то промолчал. Пожелал доброй ночи и удалился, оставив охрану перед моей дверью.

А я вошла в номер.

Первое, что бросилось в глаза, — вещи Танни, валяющиеся в беспорядке, а потом — в проеме раздвижных дверей сама сестрица, сидящая на перилах балкона. На огромной высоте, на фоне ночного Зингсприда. В летней маечке с принтом драконьего цветка и шортах, подтянув колени и обхватив их руками, она нахлобучила наушники и напевала что-то себе под нос. При этом слегка раскачиваясь из стороны в сторону, от чего у меня закружилась голова.

Скинула туфли и, мягко ступая по ковролину, осторожно подошла к балкону. С закрытыми глазами и легкой улыбкой сестра выглядела такой счастливой и светлой, какой я не видела ее уже очень давно.

Прислонившись к двери, смотрела на Танни.

Было ли нам легко, когда отчим ушел?

Нет.

Но мы справились, и сейчас у нас все хорошо.

А будет еще лучше.

Будет, я обещаю!

Не сразу поняла, почему огни Зингсприда расплываются перед

глазами и картинка становится нечеткой. А когда поняла, было уже поздно. Танни повернулась и уставилась на меня. Даже если бы я хотела что-то изменить, уже не могла, предательские слезы хлынули сплошным потоком. В последнее время я вообще напоминала себе неисправную поливочную систему. Вот и сейчас остановиться не получалось, я редела так, будто снова была маленькой девочкой. Разве что на пол не сползла и ножками не сучила.

Сестра вмиг слетела с перил, сдернула наушники и оказалась рядом.

— Эй, ты чего? — Растерянность в ее голосе почему-то сработала катализатором и вызвала новый поток слез.

Наверное, за последние месяцы я выдала пожизненную норму осадков, но даже представить не могла, что на такое способна. Особенно в присутствии Танни.

— Леа... Леа, ну... — Она мялась рядом, а потом неожиданно шагнула ближе и притянула меня к себе.

Зная, как сестра «любит» обнимашки, это был настоящий подвиг.

Я уткнулась носом ей в плечо, продолжая сдавленно всхлипывать. Меня понемногу отпускало, когда Танни неожиданно отстранилась и рванула к дверям. Широко раскрытыми глазами я смотрела на то, как яростно она вбивает ноги в обувь. Так, что один шлепанец едва не лишился пары ремешков.

— Эй... — растерянно произнесла я. — Ты куда?

— Он обидел тебя! — прошипела сестра. — Урою! В драконий навоз укатаю!

И дернула дверь на себя.

— Танни!

— Что?

К счастью, Танни обернулась, это позволило мне выиграть время. Никогда в жизни я так быстро не бегала. Лазерным лучом пролетела сквозь гостиную и холл, развернула сестру лицом к себе и толкнула дверь, закрывая.

— Сейчас будешь говорить, что это не он, да? — Танни прищурилась. — Что я должна вести себя благоразумно? Только почему-то ты не побоялась заставить Мика проскакать голышом по стадиону...

— Поэтому мы поссорились.

— Что?

Пожалуй, не самая своевременная тема для разговора, но раз уж так получилось...

— Это не татуировка, Танни. — Я указала на таэрран. — Это

блокирующая магию роспись. Наказание за то, что я сделала с Миком.

У сестры в прямом смысле отвисла челюсть.

— И ты молчала? Все это время!

— Пойдем на балкон?

Стоило открыть дверь, душная ночь потекла в комнату. Запечатав кондиционированный воздух, шагнула в нее, вдохнула полной грудью и приблизилась к стеклянным перилам. Из-за городских огней в угольном небе почти не было видно звезд, само побережье напоминало чудом спустившуюся с высоты ленту аэромагистрала. Чуть подалась вперед, оттолкнувшись ладонями от перил, — территория отеля раскинулась зелеными островками, с высоты напоминавшими пятнышки на планшете для рисования, между ними вились светящиеся нити дорожек.

Негромко щелкнула дверь.

Танни подошла и остановилась рядом.

— Это из-за меня...

— Нет. Из-за меня. — Повернулась и внимательно посмотрела на нее. — Я не жалею о том, что сделала с Миком, но я использовала магию на человеке. Это запрещено.

Подумала и взобралась на перила. Провернуть это в вечернем платье оказалось несколько сложнее, чем в шортах, но все-таки мне удалось. Рискуя запутаться в юбке, выпрямила ноги и прислонилась к стене. Сидеть на такой высоте над городом, особенно когда повсюду стекло, было страшно и в то же время... Пьянящее ощущение свободы, от которого захватывает дух, рождалось где-то в груди и раскрывалось крыльями за спиной.

Танни последовала моему примеру, подтянула колени к себе и принялась колупать лак на ногтях.

— А я сегодня была на студии, — заявила она наконец. — Еле успела, отстояла длинную очередь. Хорошо, что они по пятницам работают на два часа дольше.

— Понравилось?

— Безумно! — Глаза ее загорелись. — Леа, там создаются такие спецэффекты... Это просто невероятно! Целые города, реальные и фантастические, сражения и драконы, интерьеры... В жизни не сказала бы, что что-то ненастоящее, настолько детали проработаны! Мне до такого еще расти и расти, но...

— Но?

— Мы можем себе это позволить? Я имею в виду... такое дорогое обучение.

Я приподняла брови.

— Почему нет?

— Потому что ты выкладываешься на работе, а я...

— А ты пока учишься. Надеюсь, продолжишь в том же духе, чтобы с экзаменами не возникло проблем.

Танни улыбнулась.

— Кстати, о школе. Я хотела бы вернуться в свою.

Я не свалилась с перил только потому, что очень хотела жить.

— Ты серьезно?

— Серьезнее некуда. Всю неделю об этом думала и... Не хочу я бежать и прятаться, понимаешь? Ни от Броджек, ни от Лодингера с его компашкой. Тем более сейчас, когда ты выдала мне персонального телохранителя.

Покачала головой.

— А остальные?

— А что остальные? — Танни пожала плечами. — Друзей у меня нет, это правда, но голожопый Мик — звезда школы номер один, так что моя скромная персона снова задвинута в тень.

Сестра фыркнула, а я кусала губы, чтобы не расхохотаться. Несколько секунд мне это даже удавалось, потом смех все-таки прорвался, и теперь уже хохотали мы обе как ненормальные. Хохотали до колик в животе, отпуская напряжение последних дней. Уже не помню, когда я так смеялась в последний раз, но сейчас вспоминать и не хотелось. Ничего не хотелось, только вот так сидеть с Танни и болтать обо всем. Она рассказывала про спецэффекты ведущих кинокомпаний, я про Артомеллу. Не знаю, сколько времени прошло, когда глаза начали слипаться; океан на горизонте по-прежнему сливался с небом, а огней меньше не становилось.

— Пора спать, — сказала сестре, заметив, что она тоже начинает клевать носом.

— Правда. — Танни зевнула и, спохватившись, прикрыла рукой рот. — Надо отваливаться, а то завтра проспим полдня. А у меня столько планов...

Еще бы!

— На пляж с утра пойдем?

— Обязательно. Не зря же мы купальниками обзавелись.

Танни спрыгнула с перил. Собиралась уже выйти, но потом все-таки обернулась.

— Леа... спасибо за то, что ты меня терпишь.

— Совсем дурная?

— Совсем. В школе всем скажу, что Лидс — мой парень!

Под рукой не оказалось решительным образом ничего, кроме перчаток. Ими и запустила в сестру, сначала одной, а затем другой, вдогонку полетел браслет. Разумеется, та увернулась, а потом злобно (по ее мнению) хохоча, шлепнула себя по пятой точке и вприпрыжку скрылась за дверью. Раздался легкий щелчок, и я осталась наедине с Зингспридом.

Неожиданно для себя положила руки на живот.

— Прости, — пробормотала еле слышно. — Я сегодня наговорила столько чепухи. Никакой ты не просто ребенок... а самый лучший в мире. Понятно?

Мне очень бы хотелось верить, что в своем номере Рэйнар точно так же стоит на балконе и думает о нашем ребенке. О том, как ему не хватает меня — до дрожи, до сумасшедшего желания, до стиснутых зубов. Когда хочется наплевать на гордость, послать все приличия к наблам. Рывком открыть дверь, просто ввалиться в номер и терзать припухшие от поцелуев губы, сгорая в одном огне.

Наверное, картина была слишком яркой, потому что вернулась в реальность только возле балконной двери.

Прижалась к ней лбом, к идущей от стекла прохладе.

Выдохнула.

Рэйнар сейчас сидит с ноутбуком и смотрит какие-нибудь отчеты. Или говорит по телефону с Норгхаром. А может быть, еще с кем-то. Сумасшедшее желание оказаться рядом, перебить всю обстановку об его голову, наорать, укусить до крови сменилось холодной решимостью.

Он дал мне выбор, и я его сделала.

Я стану матерью, которой мой сын будет гордиться.

Той, к кому он не раз придет за советом. И в переполненный зал.

Визитка Аррингсхана в клатче завалилась под телефон, вот вместе я их и вытащила. Разумеется, звонить в такое время — верх идиотизма, а завтра начинаются выходные, но... Но ничто не мешает мне оставить сообщение и попросить о встрече.

Пальцы почти не дрожали, когда я открывала мессенджер.

И совсем не дрожали, когда нажимала «отправить».

ГЛАВА 5

Вблизи башня Вайовер Грэйс выглядела еще более впечатляющей. Двести этажей стекла и металла, к самой высокой точке сужающихся в иглу. Меня тошнило не то от волнения, не то от голода; проснувшись, я первым делом бросилась проверять сообщения и обнаружила, что мне назначили встречу... на десять утра. Учитывая, что была уже половина девятого, времени осталось только на то, чтобы привести себя в порядок, выпить кофе, даже не почувствовав вкуса, и вылететь из номера.

Сопровождение от меня не отвязалось, но, по крайней мере, не стало останавливать. К счастью для всех, потому что сейчас я была в таком состоянии, когда спорить и препираться со мной чревато, но не пришлось.

Не знаю, от волнения или недосыпа, но безопасники вообще показались мне очень милыми ребятами, даже не задавали лишних вопросов. Вызвали флайс, который, разумеется, тут же поднялся на верхнюю аэромагистраль. Командовала водителем я, чему немало удивилась. Будь у меня побольше времени, непременно бы выяснила, с чем связан такой широкий жест и как скоро Халлорану доложат о том, куда я отправилась. Но времени не было. Вопросы надо решать по мере их возникновения, а такая возможность мне вряд представится еще раз.

Да и не уверена, что на второй раз у меня хватит запала.

Садилась мы в рукав стоянки, накрытой стеклянным куполом. В Зингсприде даже остановки аэроэкспрессов запечатывали в стекло и снабжали кондиционерами, но это при такой жаре неудивительно. Еще в номере, допивая кофе, я высунула нос на балкон и поняла, что сейчас превращусь в гигантскую каплю, которая испарится в считанные секунды. Пока Танни мазалась солнцезащитным кремом, я носилась по комнате, на ходу закручивая волосы в пучок, и выбирала, что надеть на встречу с Председателем. В итоге остановилась на легком платье длиной чуть ниже колен, с пуговицами сверху донизу и закрытыми плечами. Оно единственное из моего гардероба придавало мне относительно деловой вид.

В нем я и проходила через верхние турникеты и металлодетекторы Вайовер Грейс. Стараясь не думать о том, что у меня слегка трясутся колени. Предыдущая встреча с Гердехаром Аррингсханом прошла на удивление непринужденно, но тогда я была просто певицей, которой сильнейший ир்தхан Аронгары решил выразить свое восхищение. Сейчас

же я шла к нему как иртеханесса или вроде того. И вот это «вроде того» слегка нервировало. Так же, как таэрран.

Знает ли Аррингсхан об этом? Знает ли, за что погасили мой огонь?

И как он к этому отнесется?

Вэйлар в разговоре со мной цедил сквозь зубы.

Сердце кольнуло, но я запретила себе думать об истинном. Нечего.

Охраны здесь было столько же, сколько в Лаувайс, а вот интерьер существенно отличался. От панорамных окон отказались то ли из-за яркого солнца, то ли в угоду правящим семьям. По крайней мере, в просторной приемной они были небольшие, расположенные в два яруса. Затемненное стекло, холод белого камня и перегородки металлического балкона над столом секретаря.

Девушка поднялась мне навстречу из-за белоснежной стойки, напоминающей лодку-аттракцион.

— Эсса Ладэ, пойдите со мной.

Пока мы шли к дверям, успела только заметить герб правящей семьи Зингсприда и города соответственно — на непрозрачном черном стекле молния била в горы, над ними парил золотой дракон. Невольно задумалась о том, что Аррингсханы правили столько лет... не просто правили, возглавляли Совет. А спустя несколько месяцев Гердехар уйдет в отставку. Странно представить, что на нем прервется такая сильная династия. Странно и страшно, поскольку того, что пережил он, я бы не пожелала никому.

Секретарь коснулась панели карточкой, пропуская меня, и я шагнула в просторный кабинет. Аррингсхан поднялся навстречу и замер. Если бы не внутренняя сила, столь поразившая меня в день нашей первой встречи, возможно, я бы этого не заметила. Но сейчас уловила его замешательство слишком отчетливо, пусть даже оно длилось секунды. Потом он вышел из-за стола и приблизился, возвышаясь надо мной подобно собственной башне.

— Леона. — Уже почти забыла этот голос: низкий, сильный, как гудящий под окнами «Шеррамел Стар» океан. — Рад вас видеть.

— Местр Аррингсхан. Взаимно.

— Прошу сюда. Здесь нам будет удобнее.

Мы прошли к большому окну. Оно напоминало иллюминатор на космическом корабле из какого-нибудь фантастического блокбастера. Небольшой стол, предназначенный для переговоров, и впрямь был гораздо удобнее, чем тот, что для заседаний.

Аррингсхан отодвинул для меня стул, после чего сам опустился в

кресло.

— Вам очень идет этот цвет, Леона, — отметил он. — Ради чего такие перемены?

— Это для образа. — От волнения я вспотела, даже несмотря на мощную систему климат-контроля, которая, на мой взгляд, именно здесь работала чересчур. К счастью, на голосе волнение никак не отразилось, он звучал как обычно. — Мне предложили роль в рок-опере. В контракте прописан пункт, согласно которому я должна быть в образе не только на сцене.

Аррингсхан улыбнулся, морщины у глаз обозначились четче.

— Значит, вас можно поздравить. Заслуженно. Хотите кофе? Чай?

От поздравления по сердцу разлилось тепло, и снова возникло это странное чувство: он говорил со мной без всякого превосходства. Сила, сосредоточенная в этом ир்தхане, чувствовалась на каком-то подсознательном уровне, но она не стала для него поводом смотреть на кого бы то ни было сверху вниз. И тем более таким поводом не стала таэрран.

— Спасибо, — искренне улыбнулась. — Я только что из отеля.

И просто боюсь поперхнуться, когда начну разговор, но это детали. Утренняя встряска — быстрый ответ Аррингсхана — как-то отвлекла от мысли, что сегодня пресс-служба Халлорана должна была объявить о нашей... в общем, о том, что мы как бы вместе. Надеюсь, что Председатель не откажется меня слушать из-за... гм, предложения.

— О чем вы хотели поговорить, Леона?

Ну вот и все. Отступить больше некуда.

— Я прошу вас стать моим наставником.

Аррингсхан чуть подался вперед. От его сцепленных рук до меня оставалось расстояние на полхвостика Марра. От рук, которые... сейчас мне почему-то отчетливо представились огненные вихри, срывающиеся с сильных пальцев. Почувствовала себя дико: сижу напротив Председателя Совета и представляю, какое у него пламя. Интересно, это вообще прилично? Ну, думать о таком в мире ир்தханов.

— Если не ошибаюсь, у вас уже есть наставник. Вы осознаете, о чем просите?

Наверное, сейчас, как никогда отчетливо.

— Да.

— И по какой же причине вы хотите замены?

— Мне очень сложно совмещать чувства и обучение.

Короткая пауза позволила перевести дух. Пожалуй, сорвавшиеся с

моих губ слова и впрямь были лучшим объяснением.

— Понимаю. Но почему вы решили, что это будет интересно мне?

— У меня сильный огонь, мейстер Аррингсхан. Во время практики в Райгенсфорде на мой зов откликнулся взрослый дракон.

— Призвать дракона и удержать его — разные вещи, Леона. Надеюсь, вы понимаете, о чем я.

Я положила руки на стол, повторяя его позу.

— Вы знаете многих, кому удалось призвать дракона за столь короткий срок? Мне бы очень хотелось раскрыть свою магию. Почувствовать ее, научиться управлять ею и направить в нужное русло. Когда-то я мечтала только об опере. Сейчас в моей жизни появилась новая цель. Я обратилась к вам, потому что хочу быть достойной пламени, которое течет в моей крови.

Под пристальным взглядом голубых глаз перехватило дыхание, на миг замерло сердце. Что-то похожее я чувствовала на юбилее: удар, порыв ураганного ветра, когда ты стоишь на носочках на краю пропасти. Возможно, потому, что от его ответа сейчас зависело слишком многое. Мне кажется, я даже дышать перестала.

— Я возьмусь обучать вас.

Возьмется? Он сказал — возьмется меня обучать?

— Но у меня есть одно условие.

Прежде чем я мысленно сочинила с десятков невыполнимых условий, Аррингсхан продолжил:

— Обещайте, что пригласите меня на премьеру.

Изумленно взглянула на него, на сердце стало тепло. Удивительно тепло. Я ожидала услышать все, что угодно, только не такое.

— Обещаю. — Я улыбнулась. — Обещаю и выполню обещание с радостью.

— Взаимно рад. — Аррингсхан улыбнулся в ответ, и суровые черты его лица на миг смягчились. — Рад, что ваша мечта исполнилась. Не позволяйте никому забрать ее.

Замерла, по спине пробежал холодок.

— О чем вы?

— Вы станете первой иртханессой, которая покорит оперу, — произнес он. — Разумеется, для нашего общества это несколько неожиданно.

Что именно может не понравиться обществу? То, что я пою?

— Но иртханессы ведут свой бизнес, — заметила я.

У той же мейстры Халлоран свой журнал мод, а Шеррамел Трингард

владеет сетью дорогуших отелей. Да я больше чем уверена, что таких примеров десятки, если не сотни!

— Вы совершенно правы. Бизнес.

То есть, будь я владелицей оперного театра, никто мне и слова не скажет. Но выйти на сцену — это все равно что местре Халлоран лично участвовать в показе мод. К слову, ничего плохого в показах мод лично я не видела, но сейчас почувствовала себя очень неуютно. Навскидку в голову действительно не приходило ни одной ир்தханессы, которая бы пела, была актрисой или моделью. По крайней мере, с сильной кровью.

Председатель помолчал и добавил:

— Вы родились и выросли в совершенно другом мире, Леона, и вряд ли представляете, что для высших ир்தханов значит долг и обязательства перед семьей. Судя по тому, что мне известно из ваших слов и со слов Рэйнара Халлорана, ваш род достаточно силен. Вы сами очень сильны. Для них вы станете законной наследницей, а это налагает определенные обязательства.

Получается, моя семья может потребовать, чтобы я отказалась от сцены? Да что там, Рэйнар уже потребовал. Для полного счастья не хватает только того, кто его в этом начинании поддержит. И наверняка сделает это сразу же, как только подтвердится наше родство.

— Обязательства какого рода?

— Замужество. Наследники. Продолжение линии сильной крови.

— А вы? — Посмотрела Аррингсхану в глаза. — Вы бы заставили свою дочь отказаться от того, к чему она шла всю жизнь?

Вопрос вырвался сам собой, и я прикусила язык.

— Простите. Я не хотела.

— Ничего страшного. — Председатель поднялся и протянул мне руку. — У меня нет дочери, Леона. Никогда не было и уже не будет. Но если бы такое случилось, я бы сделал все, чтобы она была счастлива.

От прикосновения вздрогнула, таким горячим было легкое пожатие пальцев. На миг показалось, что сейчас искры полетят, но нет. Аррингсхан только поднес мою руку к губам и коснулся кончиков пальцев.

Почему для него это так важно?

Неужели из-за Шайны?

— Условия обучения обговорим по видеосвязи. Если пожелаете, составим договор. Оставьте визитку секретарю, и я свяжусь с вами в начале недели.

М-да...

Словно почувствовав мое замешательство, Аррингсхан посмотрел мне

в глаза.

— Вы не захватили карточку?

Пришлось признаваться:

— У меня ее нет.

Председатель неожиданно улыбнулся.

— Пойдемте, Леона. Запишу ваш номер.

И хорошо. Не придется позориться перед секретарем.

Вернусь в Мэйстон — обязательно закажу визитки.

Мы направились к длинному столу, я продиктовала номер. В глаза бросилась фоторамка с портретом женщины, ее волосы были теплого золотистого цвета. Заметные морщинки в уголках глаз выдавали возраст, но за счет безупречного макияжа и силы, сквозящей во взгляде голубых глаз с примесью стали (а может быть, из-за упрямо сжатых губ), сложно было сказать, сколько ей на самом деле лет.

— Кто это?

Второй раз за встречу мне захотелось прикусить себе язык.

Да что же меня так несет-то, а?

— Моя сестра, — проследив мой взгляд, произнес Председатель. — Прошу меня извинить, Леона, но через несколько минут я даю интервью для «Зингсприд лайтс».

— Да, конечно. Спасибо, что согласились меня принять, местр Аррингсхан.

— Вы всегда можете на меня рассчитывать.

От удивительной простоты и в то же время глубины этих слов внутри что-то дернулось. Вернулось тепло, а еще уверенность в том, что все у меня получится. Не представляю, делал ли он это в память о Шайне или же нет, но вряд ли представлял себе, как много для меня значит его поддержка. Особенно сейчас.

Я шагала по коридорам на автопилоте, повторяя взглядом бесконечность плитки на полу. Во флайсе меня окончательно накрыло из-за смены часовых поясов — легла я сегодня в то время, когда в Мэйстоне многие уже встают. А поздние пробуждения для меня всегда заканчивались одинаково: безуспешными попытками проснуться с помощью кофе и распевок вплоть до самого выхода на сцену в Ландстор-Холле.

В номер поднималась с одним-единственным желанием быстро переодеться и пойти на пляж. Там можно будет упасть в шезлонг и благополучно проспать до вечера, то есть до момента, когда придется сообщать драконищу, что он мне больше не наставник. Будем надеяться, что я придумаю, как это проверить с минимальными потерями.

С этой мыслью провела карточкой по замку и шагнула в холл, чтобы оказаться... лицом к лицу с Халлораном.

Сложив руки на груди, иртхан пристально смотрел на меня.

— Нам о многом нужно поговорить, Леона.

Похоже, уже не придумаю.

— Я на пляж!

Мимо нас пролетела Танни с бутылкой воды, на ходу помахала рукой и скрылась за дверью.

Нет, это вообще нормально, а? Она что, его впустила? Зачем?

Я повесила сумочку и вопросительно посмотрела на него. Непривычно было видеть Рэйнара в светлых брюках и рубашке поло. Он был каким-то по-особому светлым и неофициальным. Настолько, что я с трудом заставила себя вернуть мысли в нужное русло.

— Пойдем в гостиную. — Иртхан предложил мне руку, но я обошла его по дуге и нырнула в комнату.

Вот и верь после этого людям, то есть охранникам.

Когда доложили? Неужели пока подпирали стены в приемной Аррингсхана?

Рэйнар опустился рядом со мной на диван, но выговаривать ничего почему-то не спешил. Просто смотрел мне в глаза. Смотрел так, что впервые за последние дни я не ощущала себя неудобно. А как чувствовала, честно говоря, и сама понять не могла. Как-то иначе я себе представляла его реакцию на мой визит к Аррингсхану.

— Я разговаривал с врачом.

Готовая уже начать первой, осеклась.

— С нашим семейным врачом. Он тоже иртхан, Леона. Вчера я переслал ему результаты анализов. Ты не беременна.

Моргнула.

— Есть один маркер, на который обычный врач не обратит внимания. Показатель в крови иртханессы. С его помощью можно определить наверняка.

Он замолчал, а я просто не знала, что сказать. Воинственный запал иссяк, желание говорить про Аррингсхана пропало. Сама не знаю почему, на миг стало невыносимо пусто. Это было не похоже ни на что, даже на минуты, когда таэрран заперла мой огонь. Ни на дни, растянувшиеся в неделю, когда я сильно застудила горло и не могла петь и когда врачи говорили, что, возможно, больше уже не смогу.

Опомнилась от того, что пальцы Рэйнара коснулись моих.

— У тебя серьезный гормональный сбой. Обычно такое происходит у

подростков, когда просыпается огонь. В твоём случае это усугубляется тем, что стихийная магия раскрывается стремительно из-за пробуждения во взрослом возрасте.

— Угу, — ответила я.

Убрала пальцы и стала теревить ими ремешок на платье. Наверное, я должна была радоваться, но не получалось.

Наверное, во всем виноваты гормоны.

Да, точно они.

— Леона, посмотри на меня.

На сей раз пальцы коснулись моего подбородка, и я дернулась. Слишком отчетливо вспомнила холодный приказ и тот жест в кабинете за мгновение до того, как магия плеснула с пальцев. В его глазах мелькнуло осознание, и от этого стало особенно дурно. Я вскочила с дивана и указала на дверь:

— Уходи!

Понимала, что еще чуть-чуть, и сорвусь на крик, поэтому глубоко вздохнула.

— Уходи, Рэйнар.

Вместо того чтобы уйти, он поднялся и шагнул ко мне. Я отскочила, налетела на столик и больно ударилась ногой, но меня перехватили за талию и не дали упасть. Почему-то кольцо его рук стало последней каплей, я зарычала, бросилась вперед и от души залепила пощечину. Звук вышел хлестким и сильным, миг — и пальцы Халлорана сомкнулись на запястьях стальными браслетами. Дернулась назад, но поздно: меня перехватили уже основательно, плотно пеленая объятиями.

— Леона...

— Отвали! Убирайся!

Я изогнулась и цапнула драконье плечо прямо через рубашку. Вцепилась ногтями ему в ладони, забилась, но тщетно. Задышалась и дергалась, пока хватало сил, глотала слезы, но он только сильнее прижимал меня к себе. Горьковато-терпкий запах его парфюма, жесткая, словно каменная, грудь и захват, из которого ни вздохнуть, ни вырваться.

У-у-у... Драконище, скалодром чешуйчатый! Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

— Пусти! — просипела в укушенное плечо. — Пусти! Пусти! Пусти!

— И не подумаю.

Ну разумеется!

Меня отволокли к дивану кульком, точнее, отнесли, по-прежнему прижимая к себе, — по крайней мере, кончиками пальцев я чувствовала

пол. Запоздало мелькнула мысль, что надо было отбиваться каблуками (не зря же с утра надевала шпильки), но после драки с драконами туфельками не машут. Оказавшись на диване прижатой к иртхану, я вдруг поняла, что больше не хочу ничего. Ни драться, ни царапаться, ни свободы.

Зато мой желудок решил, что ничего — это крайности.

И жалобно заурчал.

— Есть хочу. — Вышло тонюсенько и сипло, как вирчание новорожденного виара.

Ну и плевать. Мне можно — у меня гормоны, несвоевременный огонь, таэрран и не будет ребенка.

— Уже? — Халлоран слегка отстранился, заглядывая мне в лицо.

Я же упорно на него не смотрела.

— Я не завтракала.

Объятия перестали напоминать борцовский захват. Отняла руки и заметила на его ладонях глубокие лунки от своих ногтей. На моем запястье отпечатался дракон Халлоранов с перстня. Точнее, голова дракона и крылья, больше на перстне не поместилось.

— Хочешь, закажем обед в номер?

— Нет.

Ничего я не хочу. Но он же не отвяжется.

— А чего ты хочешь, Леона?

В изумлении подняла на него взгляд.

Разумеется, получить солнечный удар за две минуты от флайса до дверей отеля мне не грозило, но...

— Хочу на пляж.

— Значит, пойдем обедать на пляж. Если хочешь, можем пригласить Танни.

Предположим, солнечный удар не у меня.

— Желательно, чтобы мы с ней были вдвоем.

Халлоран покачал головой. На щеке горел след от моей ладони, но в прищуре не было ни холода, ни жесткости. Да и руку ломать мне, кажется, не собирались.

Хотя обещали.

— Переодевайся, я пока распоряжусь насчет обеда.

Он поднялся, а я посмотрела дракону в спину и последовала его примеру. По-прежнему чувствовала себя пустой и легкой, как перышко, поэтому полетела в сторону ванной. Упаковалась в купальник, сменила платье на сарафан, а босоножки — на пляжную обувь. Если так можно сказать о двух переплетающихся сверху ремешках и подошве. Нахлобучила

шляпку с огромными полями и солнцезащитные очки.

Все!

Иду обедать и загорать.

А драконы пусть идут пустошью.

Обед нам накрыли в шатре под экранирующим куполом. Систему кондиционирования оборудовали таким образом, чтобы можно было спокойно отдыхать даже под самым палящим солнцем, как сейчас. Время уже шло к полудню, и зингспридское солнце неумолимо раскаляло все, до чего могло дотянуться. Если честно, я с трудом представляла, как днем передвигаются местные — те, у кого нет флайсов. От подземки до первой попавшейся крыши, где можно дышать, не боясь обжечься.

Впрочем, на побережье дышалось намного легче, чем в городе, даже несмотря на влажность. Шум океана за плотно задернутым пологом убаюкивал и настраивал на какой-то совершенно неуместный миролюбивый лад. А может, дело было в том, что рядом Танни. Сестра еще до нашего прихода умудрилась взобраться с ногами в кресло, уставившись в настенную плазменную панель, где шел аналог Мэйстонского шоу про невест. Она уплетала мороженое и фрукты, блюдо с которыми подтянула к себе поближе. Влажные волосы рассыпались по плечам, завиваясь колечками, а сама Танни выглядела посвежевшей и отчаянно довольной.

Халлоран устроился между нами, непривычно расслабленный. Рядом с иртеханом стоял только бокал с коктейлем, зато рядом со мной... Таким обедом можно было накормить голодавшего два дня вальцгарда. Или даже нескольких, судя по количеству еды, которая стояла на столике. Салат, закуски на любой вкус, суп с запеченными гренками и специями, какое-то еще странное блюдо в вытянутой тарелке, занимающее треть столешницы... Подозреваю, кое-кто позаботился о том, чтобы нас не беспокоили, потому что мне даже десерт принесли заранее.

— Что это? — спросила сестра и ткнула ложечкой в сторону моего горячего.

Которое занимало треть стола, да.

К слову, его я еще попробовать не успела, поэтому за меня ответил Халлоран:

— Местный вариант рандисахт. Подается холодным.

Ладно, не горячее. Почему нельзя было заказать что-нибудь попроще?

И вообще, что такое рандисахт?

— Рандисахт? — Танни подтянула к себе стакан с соком.

— Национальное блюдо песков, гордость Лархарры. Запеченное мясо

с овощами и травой эору.

Теперь понятно, почему оно подается холодным, в Лархарре еще жарче, чем в Зингсприде. Но... холодное мясо? Я как раз закончила с супом, поэтому сейчас осторожно ткнула вилочкой во второе. Удивительно, но оно оказалось мягким и сочным, просто таяло на языке то ли благодаря сладковатому соусу, то ли его вымачивали и мариновали дня два.

— А почему оно такое большое? — не унималась Танни.

Я же поймала на себе пристальный взгляд ир txана. Настолько пристальный, что мигом показалось, будто кондиционер сломался. Подняла голову, чтобы наткнуться на знакомый прищур. Несмотря на плотную ткань шатра, солнечный свет все равно пробивался и играл бликами на запотевшем стекле. Кубики льда застыли в янтарно-золотистой жидкости.

— Потому что это блюдо, которое подается на всех собравшихся. Знак особого расположения к гостям, знак мира и приглашение разделить вместе трапезу. Уважение и обещание безопасности — в древности в Лархарре были особенно распространены яды.

Вот теперь я чуть не поперхнулась, благо прожевать кусочек уже успела.

— О! Круто!

Танни тут же сцапала лежавшую рядом с ней вилку и нацелилась на особо крупный лист, в который шустро завернула овощи, мясо и отправила в рот.

— Мм... Вкусно!

Покосилась на сестру, бодро она общается с тем, кого ночью собиралась укатать в драконий навоз.

— Ты же не против, Леона? — Халлоран коснулся лежавших чуть поодаль приборов.

— Нет. — Отодвинула блюдо. — Все равно я уже наелась.

Пока драконище на пару с Танни поедали рандисахт, я сбросила шлепанцы и подтянула под себя ноги. Сестра расспрашивала ир txана о традициях древней Лархарры, ир txан рассказывал о песках. Про войны, гаремы и известную отравительницу на службе одного правящего, имени которой никто не знал и которая стала причиной смерти множества его политических соперников и врагов. Чем дальше, тем больше эта милая беседа раздражала. Просто я надеялась, что Танни будет на моей стороне.

Особенно после всего, что я ей рассказала.

Ладненько.

Чтобы не сболтнуть лишнего, подвинула к себе тарелочку с десертом. К нему полагался зеленый чай, который предусмотрительно подогревался на слабом огоньке. Потянулась за чайничком, но Рэйнар успел раньше, перехватил и тут же наполнил мне чашку.

Прежде чем успела поинтересоваться, по какому поводу он сегодня такой внимательный, взгляд зацепился за эмблему отеля на экране. Ролик сети «Шеррамел» шел без звука (Танни выключила его, когда мы пришли), но он мне оказался не нужен. Хватило и картинки: хозяйка отелей общалась с гостями во время какой-то презентации. Во взгляде сталь, на губах — легкая улыбка, только глаза не улыбаются. Она что-то рассказывала журналисту, а до меня медленно доходило, что я видела эту женщину у Аррингсхана. В смысле ее фотографию на столе.

То есть Шеррамел Трингард...

— Сестра Аррингсхана!

Я не сразу поняла, что сказала это вслух. Осторожно покосилась на ирлхана, но он остался невозмутим.

— Аррингсхана? — переспросила Танни.

— Да. — Халлоран кивнул. — Шеррамел Трингард в девичестве местрель Аррингсхан. Сестра Председателя Совета.

Танни присвистнула, а я снова взглянула на дракона. Спокойного настолько, что мне стало не по себе. До сих пор он ни словом, ни намеком не выдавал своего раздражения по поводу моего визита к Аррингсхану. Не говоря уже о том, что «Шеррамел Стар» все еще стоит, а от меня не осталась горстка пепла, медленно остывающая на кресле среди подушек. Или прямо в холле номера, что вернее.

Если предположить, что Рэйнар об этом не знает...

Нет. Не может же он не знать о том, с кем я встречалась утром.

Или... может?

Мысль прервалась, когда Танни вскочила.

— Все! Я купаться, — и, прежде чем я успела ответить, направилась к выходу.

Что за...

И тут до меня дошло. Кое-кто исчез, когда я пришла в номер. И кое-кто делал то же самое сейчас. Или у меня гормональная паранойя...

Или этот кое-кто делает все, чтобы мы остались наедине.

— Танни! — Поспешно поднялась.

— Что?

— Я с тобой.

— Но...

— Пойдем. — Я подхватила ее под руку и потащила за собой.

Купол походил на легкую пелену, шагнув из которой, сразу оказалась под палящими лучами. К шатру вели выложенные крупным камнем дорожки, на одной из таких и остановилась — достаточно далеко, чтобы нас нельзя было услышать.

— Рассказывай.

— Что? Ты о чем? — Она приподняла брови.

— О ком. Ты впустила его в номер и быстренько сбежала.

— Что, нельзя?

— Лъзя! Вальнара ты оставила под дверью.

— Вальнар — тупорылый набл!

— Танни! — рыкнула. — Я просто хочу понять, что происходит! И почему моя сестра заодно с...

— Ладно! — Она сложила руки на груди. — Я все-таки к нему ходила. Мы поговорили.

— О чем?

— Обо всем. О том, что случилось с Миком. О том, что ты сделала.

— И? — Я все еще не могла успокоиться. — Что он такого сказал, что ты встала на его сторону?

Сестра откинула со лба успевшую подсохнуть прядку.

— Он не знал про видео.

— Что?

Готовая уже выдать все, что думаю по поводу перебежчиков, осеклась.

— С чего ты взяла?

— Потому что, когда я сказала про это видео, — Танни наклонила голову, — он спросил, о каком видео речь. А потом стал очень... злой. Набла с два я кого-то видела в такой ярости, у меня волосы на голове встали дыбом, хотя я в двух метрах от него сидела. Собственно, он спросил, проснулась ли ты и когда придешь. Я сказала когда, а потом он попросил меня подождать в его номере. Конец истории.

Спросил, проснулась ли? Теперь я чувствовала себя еще более странно, чем несколько минут назад. Зачем Халлорану спрашивать, когда я приду, если служба безопасности ему доложила, что сопровождала меня к Аррингсхану? Если он и так все знал? Получается, что нет, не докладывали. И в тот вечер он не знал о видео, которое снял Лодингер. Получается...

Набл его знает, что получается.

— Ты со мной или как?

— Или как. Встретимся в зоне отдыха.

Сестра хмыкнула и пошла к океану, а я решительно направилась к шатру. Перед входом остановилась, чтобы сделать пару глубоких вдохов и унять бешено бьющееся сердце. После чего шагнула в прохладные объятия защитного купола.

— Передумала плавать?

Халлоран по-прежнему сидел за столом и молча смотрел на меня. Я подошла и устроилась в кресле. Чай уже остыл, но я все равно потянулась за чашкой, просто чтобы чем-то занять руки.

— О чем ты хотел поговорить?

— До того как мы подрались? О том, что не хочу больше драться.

— И все?

— Это тезисно.

— Ты действительно не знал про видео с Танни?

— Не знал.

Я залпом глотнула чая. К счастью, он действительно остыл.

— Прогуляемся вдоль побережья? — Халлоран поднялся.

Мне жизненно необходимо было переварить то, что я узнала, поэтому кивнула.

Раскаленный песок расчертили дорожки, выложенные плиткой, в шезлонгах было полно отдыхающих. Зонтики раскрывались тут и там, океан, отражавший солнце, слепил глаза даже через стекла солнцезащитных очков. Но я все равно их стянула, хотела насладиться цветом нежнейшей бирюзы, сливающейся с небом. Волн почти не было, тихий шорох, с которым вода накатывала на песок и отступала, отзывался где-то в самом сердце. Краешек пены, теплой и пушистой, как в джакузи, лизнул ноги.

— Смотри туда. — Рэйнар удивительно мягко развернул меня лицом к воде. — Видишь?

Присмотрелась, ир்தхан указывал на тонкую, едва различимую линию, которая напоминала протянувшуюся по воде серебристую полоску.

— Это грань защитного купола?

— Да. — Он кивнул на смотровые бинокли, установленные на невысокой платформе. — Водные драконы иногда подходят достаточно близко, чтобы их рассмотреть. Чаще всего перед закатом, когда спадает жара.

Я видела водных только в сети. Красивые мощные звери, лапы у них развиты не так сильно, как плавники, а жабры сочетаются с легкими. Крылья больше напоминают паруса для стремительного парения над водой. Их несколько разновидностей, от вполне безобидных до хищных,

чья шкура напоминает металлический панцирь с острыми шипами. Впрочем, насколько я знаю, хищники редко поднимаются с глубины. По крайней мере, так в умных школьных учебниках писали, а как оно на самом деле...

— То есть вечером я смогу их увидеть?

— Возможно.

Кожу слегка пекло, в Мэйстоне никогда не бывает так жарко, даже когда летом столбик термометра подскакивает ввысь, все равно дуют холодные ветра с Гельеры. Только что ты шла в легкой маечке, и вот уже напяливаешь на себя дутик-безрукавку. А вода в Гельере никогда не бывает настолько пронзительно-светлой и манящей.

Я стояла, вдыхая соленый воздух полной грудью, и не могла надыхаться.

— Нравится?

Кивнула.

— Поэтому я привез тебя в Зингсприд.

Внутри что-то тоненько дернулось, как надрыв в еще не затянувшейся ране. Скинула обувь и наклонилась, чтобы поднять шлепанцы, но он успел первым.

Пальцы словно током ударило, сердце забилося чаще.

Не потому, как отозвались во мне его слова. И не потому, что он сейчас был так близко, что моя драконица отчаянно стремилась к нему — дотянуться, вдохнуть, почувствовать. Просто рядом со мной снова был мужчина, с которым я падала в звездное небо, которым дышала, которому пела, а падение... оказалось слишком болезненным. Поэтому я отдернула руку, выпрямилась и быстро пошла вдоль полосы прибоя.

Рэйнар шел рядом. Я понемногу сдвигалась в сторону океана, и Халлоран вместе со мной, из-за чего я оказалась уже по щиколотку в воде. Глянула на его туфли и подумала, что надо бы шагнуть поглубже. Интересно, что он тогда сделает? Будет разуваться, отстанет или рискнет своими идеальными летними ботинками, наполняя их соленой водичкой до краев?

— Я все исправлю, Леона.

— Что именно? — уточнила я. — Снимешь с меня таэрран?

— Нет.

— Нет? — Мне казалось, что все уже в прошлом, но сейчас... Все внутри всколыхнулось с невиданной силой, будто взметнулась океанская волна. — То есть для тебя это ничего не меняет?

— Это ничего не меняет для тебя. Ты подвергла жизнь человека

опасности.

Я остановилась так резко, что взлетели брызги воды.

— То есть Ирргалии можно было подвергать опасности мою жизнь? За это ее тайно выставили из города и поругали целых две минуты, когда никто не видит. А я должна ходить с клеймом преступницы?

— Таэрран — не клеймо. Это знак того, что ты достойно принимаешь наказание за свою ошибку.

— Достойно? — Я задохнулась. — Сказала бы я тебе о достоинстве...

— Ну так скажи. — Ноздри его дернулись, на миг преобразая лицо, делая его хищным. — Скажи, что ты подразумеваешь под достоинством. Ты моя будущая жена и должна отдавать себе в этом отчет.

— Ни-че-го я ни-ко-му не должна! — рыкнула. — Ты не стал меня слушать, швырнул на колени и нацепил эту дрянь. Теперь выясняется, что ты не знал. Серьезно? Ты — и не знал? Ты, кому докладывают о каждом моем шаге!

Он приблизился ко мне вплотную, оказавшись лицом к лицу.

— Мне не докладывают о каждом твоём шаге, Леона.

— Неужели? Поэтому ты уволил Рольгена?

— Рольгена я уволил за некомпетентность. За неподчинение приказам и несоблюдение субординации. Приставленная к тебе охрана оберегает тебя, а не следит за твоими перемещениями. Ты просила меня об этом, и я с тобой согласился. Не исключаю, что в этом была моя ошибка.

— Твоя ошибка? Твоя ошибка в том, что ты даже сейчас не понимаешь, что делаешь не так. — Я сжала кулаки. — Ты обвинил меня в том, что я не пришла к тебе за помощью, но в тот вечер я пришла именно за помощью и именно к тебе. Ты предпочел выслушать Лодингера... ты предпочел поверить ему, поверить на слово...

— Люди Норгхара беседовали с эсстердой Броджек. — Лицо его стало непроницаемым, только глаза снова начинали темнеть. Даже сквозь солнцезащитное стекло я видела, как они меняют цвет. — Она ни словом не обмолвилась ни о видео, ни о том, что ты узнала о случившемся от нее. День в день.

— Чудесно! — Я подняла палец вверх. — Знаешь, с кем еще могли побеседовать люди Норгхара для полноты картины? С очнувшимся голозадым Миком. Тогда у тебя была бы исчерпывающая, а главное, достоверная информация.

— Ты сомневаешься в компетентности моих людей, Леона?

— Я сомневаюсь в их адекватности! Броджек! Рэйнар, она ненавидит Танни, а меня считает шлюхой!

— Ты мне об этом сказала, Леона?

— Что...

— Ты не рассказывала, что у твоей сестры проблемы в школе. Ни разу не говорила о том, насколько они серьезные. У всех трудных подростков бывают проблемы, но ты ни разу не говорила о взаимоотношениях эсстерды Броджек и Танни. О том, что администратор школы ведет себя некомпетентно по отношению к вам.

— А ты... Ты спрашивал? — задохнулась. — Все, что я от тебя слышу с завидной регулярностью — ты моя. Моя, моя, моя. Все, что тебя интересует, ты достаешь по своим каналам, не особо интересуясь, что это может быть мне... больно, неприятно, обидно! О чем я могу тебе рассказать? И почему единственный раз, когда тебе действительно нужно было копнуть чуть глубже, ты этого не сделал?

— Довольно. — В темных глазах полыхнуло пламя. Так ярко, что на миг затмило даже солнце, отзываясь в сердце ударной волной.

— Нет. Не довольно. — Я сложила руки на груди. Говорила быстро, сбиваясь от чувств. — Я не сказала ничего такого. Я не сделала ничего такого, чтобы ты обошелся со мной так жестоко. Ты говоришь, что исправишь все... Думаешь, это можно исправить в одиночку, Рэйнар? Я не соглашалась стать твоей. Я не выйду за тебя. Я не хочу отношений, в которых меня не слышат. Я не хочу отношений, в которых мужчина ставит меня на колени.

— А каких хочешь, Леона? — Казалось, что вместе с рычанием сейчас вырвется огонь и прокатится яростной бурей над пляжем. — Частных свиданий в ложах, в перерывах между действиями?

Смысл сказанного дошел до меня не сразу. А когда дошел, щеки полыхнули, как Лаувайс в ночи.

Эвель?

Ну, разумеется. Она же всегда предупреждает возможные неприятности своевременными звонками. Похоже, в тот же вечер и доложила.

Вот только щеки и грудь жгло не от предательства Эвель.

Стоило немалых усилий расправить плечи и улыбнуться.

— Разумеется, — выдохнула. — Поэтому я не подхожу на роль первой леди Мэйстона. Советую заранее сообщить об этом своей пресс-службе, чтобы не вышло досадного недоразумения. И еще. Через месяц, когда истечет срок таэрран, у меня будет другой наставник.

Рэйнар прищурился, и пламя заплескалось в прорезях глаз.

— Ты знаешь, что это невозможно.

— Возможно. Если обратиться к Верховному правителю. Или к Председателю Совета. Сегодня утром я встречалась с местром Аррингсханом, и он согласился меня обучать.

Я не столько увидела, сколько почувствовала, как каменеет его лицо. Как гаснет пламя и леденеют глаза, в которые так отчаянно хотелось смотреть всю жизнь. Именно поэтому так сложно было сейчас первой отвести взгляд, обойти Рэйнара и пойти дальше.

Внутри словно все затянуло льдом. Одно неверное движение, и он разлетится на острые, как лезвие бритвы, осколки, готовые прошить сердце насквозь. Но внешне я оставалась абсолютно спокойной.

Чем дальше по побережью, тем сильнее становились волны. Зашла чуть поглубже и запрокинула голову, подставляя лицо жаркому солнцу.

И брызгам, солью застывающим на щеках.

По крайней мере, сейчас это были именно брызги.

ГЛАВА 6

Репетиция началась с опоздания. К счастью, не с моего, я в это время разучивала перекинутое на планшет либретто, которое вечером прислал Хейд. Либретто сопровождалось припиской: «Надо поговорить». Я и сама понимала, что надо, но говорить об этом пока была не готова. Поэтому не говорила с Лэм и Танни, поэтому не перезвонила агенту.

На первой репетиции оказалась Тарина, которой отдали партию подруги Люси и которая на удивление спокойно и с пониманием отнеслась к тому, что объявила пресс-служба местра Халлорана. А пресс-служба объявила следующее: «Эсса Ладэ была приглашена на открытие сезона в Зингсприде в знак особого расположения за чудесное выступление на юбилее местры Халлоран».

Остальных эта новость равнодушными не оставила, поэтому сейчас на меня косились певцы (все как один), хореограф, секретарь и ассистентка Гроу. Кто в открытую, кто не очень, проявляя тактичность. Особенно пристально косился Стен, то есть тот, кто будет его петь — Олхарт Юммер, высоченный широкоплечий брюнет с глазами редкого сиреневого цвета.

За его спиной можно было спокойно спрятать нас с Тариной и еще осталось бы место. Он начал карьеру в Мэйстонской опере шесть лет назад с второстепенных партий, потом выступал дублером, а в последние годы пел вместе с Кларин Сиддэрли. Смотрел Юммер на меня с высоты своего двухметрового роста, поэтому пришлось «возвращать» внимание. Не отводила глаз до тех пор, пока он не сделал это первым.

Так-то лучше.

— Не представляю, как буду петь рядом с ним, — шепнула Тарина, заметив наши гляделки.

В принципе, я ее понимала. Шесть лет — это по сравнению с нами звезда того уровня, до которого надо брать высоту с разбега и в прыжке. Впрочем, среди присутствующих было еще одно знакомое лицо. Кармина Ардерли, блондинка, с которой мы спорили о Люси. Ей досталась партия Эллы.

— И скоро он появится? — Баритон Юммера нарушил тишину, царившую в зале.

— Ждем, — невозмутимо сообщила секретарь, та, что встречала нас на прослушивании.

Судя по тому как она это сказала, ждать мы могли от пяти минут до пары часов, поэтому я решила отойти чуть поодаль. Там, где огонь перекрестных взглядов не будет мешать разучиванию партии и постоянно напоминать о случившемся. Я обещала себе, что не стану об этом думать, и у меня почти получалось. В те минуты, когда перед глазами не возникал ледяной взгляд Рэйнара — последний, которым он меня наградил на побережье. Помимо него в памяти почему-то всплывала уменьшающаяся стоянка «Шеррамел Стар» и сам вытягивающийся к небу отель, удаляющийся от набирающего высоту флайса. Вместе с ним исчезало и побережье, где солнечные блики играли на поверхности воды, а ближе к границе защитного купола мелькали треугольники дорогуших яхт.

Водных драконов я так и не увидела, после разговора с Рэйнаром сбежала из отеля и бродила по городу до позднего вечера. Съездила к дому, где родилась и выросла Шайна, прошлась по галерее бутиков, запечатала уши беспроводными наушниками. Посидела в «Эрбери Айс», в котором представлено более двухсот вкусов замороженного крема и где папарацци как-то «поймали» Шайну с отцом. Именно в Зингсприде это кафе открылось самым первым в сети, а теперь стало всего лишь одним из сотен заведений раскрученного бренда. Обычно замороженный крем неизменно возвращал хорошее настроение, но на этот раз я даже вкуса не почувствовала. А вернувшись, узнала, что Халлоран уже в Мэйстоне.

И вот об этом не думать было сложнее всего.

Устроившись в кресле, я приготовилась вникать в роль, когда свет заслонила мощная фигура Юммера.

— Ну привет, Леона. — Низкий и сильный голос, глубокий. Я слышала его в записи, могу только представить, насколько он хорош живую. — Ты же Леона, верно?

— Привет. — Зажала закладку и подняла голову. — Верно.

— Чудесно. Просто хотел сказать, что эта партия должна была достаться Кларин. Надеюсь, мы друг друга поняли.

Я приподняла брови. Юммер смотрел на меня с тем наглым превосходством, когда совершенно не смущает тот факт, что нам предстоит работать вместе.

— Чудесно, — отозвалась эхом. — Просто хочу сказать, что она досталась мне. Надеюсь, мы друг друга поняли.

Юммера перекосило от раздражения, но я уже снова уткнулась в планшет. Чтобы спустя секунду подпрыгнуть от рычания:

— У нас здесь что, детский утренник?

Подозреваю, подпрыгнула не только я, потому что, когда подняла

взгляд, все разве что в линейчку не выстроились. Ну, все, кроме меня и Юммера, мы с ним оказались слишком далеко.

— Мы пришли вовремя, — хмыкнул певец.

Гроу запрыгнул на сцену и медленно, как готовящийся к прыжку хищник, приблизился к нам. На меня не смотрел, словно кресло окружили экранирующим щитом.

— Чтобы трепаться о погоде и состоянии души?

— То есть стоило начинать без вас? — саркастично поинтересовался Юммер.

Гроу заломил бровь, сунул руки в карманы растянутых джинсовых брюк и повернулся к остальным, крутанувшись на пятках. На толстовке его красовалась неприличная надпись с соответствующим жестом татуированной руки — очевидно, ответ Юммеру или всем вокруг. На среднем пальце выступала морда дракона, туловище и лапы, на остальных раскинулись крылья.

— Запомните все, девочки и мальчики, звезды и те, кто только собирается ими стать. Здесь и сейчас, каждую секунду, что вы на этой сцене, вы должны работать. Со мной, без меня — не важно, прыгаю я над вами, курю или отошел посрать. Потому что именно вы будете делать эту постановку, а я буду делать так, чтобы она понравилась зрителям. Но пока что для вас главное, чтобы мне нравилось то, что я вижу. Если мне не понравится, вылетите из постановки. Будете тратить время на невнятную хрень, особенно на тупые вопросы и препирательства — вылетите из постановки. Невзирая на звездность и красоту голоса. Все всё поняли? Поднимаемся — и на сцену.

Юммер побагровел, но Гроу уже ткнул пальцем в сторону сцены, а сам шагнул к помощницам.

— Дерри, притащи кофе. — Полненькая ассистентка тут же вскочила и направилась к дверям. — Сандр, свяжись с Эпстером, он должен был отписаться по декорациям еще вчера.

Я поднялась и направилась за постановщиком, когда в спину ударило еле слышное:

— На этой премьере ты тоже оказалась из-за особого расположения?

И с этим мне придется целоваться?

— Впечатления из личного опыта? — уточнила я, когда Юммер со мной поравнялся.

Яростью от него плеснуло знатно, но я уже вышла на сцену к остальным. Массовка неуверенно растекалась по сцене под командные заявления Гроу. Знакомство Люси и Стена происходит на презентации его

нового проекта, где она присутствует в качестве помощницы фотографа. Пока что роль массовки исполняли собравшиеся певцы основного состава. Ассистентка едва успела сунуть в руки постановщику стаканчик с кофе, когда я шагнула вперед.

Этот город... в скоплении огней.
Этот город... был мечтою моей,
И сейчас я стою над ним,
Вдыхая новой жизни разноцветный дым...

Люси живет в пригороде, но влюблена в мегаполис с его бешеным ритмом. Она мечтает стать фотографом, а пока ей приходится работать, чтобы собрать деньги на обучение. Презентация начнется на крыше высотки, которую спроектировал Стен, она смотрит на свою мечту и верит в то, что у нее все обязательно получится. Расставляя оборудование, она уже грезит теми днями, когда сама начнет снимать.

Однажды для всех я раскрою его.
Не блеск и не статус, его самого.
От башен высоких домов
До самых забытых дворов!

Каждый неба кусочек и каждый бульвар,
То, что рвется внутри и горит, как пожар!
Вы придете к нему вслед за мной
В этот город, что станет моею и вашей судьбой...

Не знаю почему, но именно в этот момент на меня нашел ступор. К счастью, я уже закончила, дальше вступал Юммер. Мне оставалось только уронить ему на ногу штатив, что я и сделала очень искренне и от души, пальцы разжались сами собой. Пристальный взгляд Гроу вонзился в меня как лазерный луч. Под ним мгновенно вспыхнула кожа, и огонь прокатился от корней волос до кончиков пальцев, заставляя почувствовать себя обнаженной.

Секундная заминка, и репетиция покатилась дальше.

Гроу устроился в кресле, откуда смотрел на все творящееся перед ним с таким выражением лица, что запросто мог обеспечить всем

присутствующим комплекс неполноценности. В том, что он умеет это делать, я убедилась еще на прослушивании, поэтому на свой счет особо не принимала.

В обед мы разделились на два лагеря: один собрался вокруг Юммера и Кармины, другой — возле нас с Тариной. На этот раз спор вышел по поводу места, где предстоит обедать. Юммер предлагал модный ресторан, потому что он «не обедает во всяких забегаловках», его поддержала Кармина и «семейство Стена», остальные приняли нашу сторону. Сам великий постановщик исчез в неизвестном направлении так же, как его секретарь и ассистент, поэтому мы пошли в ближайшую кофейню «В кругу друзей».

Куда в итоге отправилась вражеская коалиция, не имею ни малейшего представления.

— Когда Джерман Гроу на меня смотрит, у меня мурашки по коже, — призналась Тарина, лихо расправляясь с супом и сэндвичем.

— И не говори. Я чувствую себя бездарной, — хмыкнула Инис Грасс. Она пела партию матери Люси.

— Ты? — У рыженькой певицы округлились глаза.

— Самую малость.

Эта миниатюрная, но удивительно привлекательная светловолосая женщина пела еще с Лизой Барлоу. Воспоминания о Лизе мигом отбросили меня в ресторан-пещеру. В удивительно приятный момент, которому тем вечером я всем сердцем противилась. Должно быть, это отразилось на моем лице, а Инис истолковала замешательство по-своему:

— Не переживай из-за Юммера, детка. — Она коснулась моей руки. — Он тот еще засранец. К тому же безответно влюблен в Кларин, а наша дива им вертит как хочет.

В голосе ее звучали искреннее тепло и внимание.

— Не буду, — честно призналась я.

— Вот и ладненько.

Дальше мы как-то на удивление мило общались и знакомились. Нерхан Мерхел, актер мюзиклов, которому досталась партия Адама (парня, влюбленного в Люси), в общении оказался гораздо приятнее Юммера. Впрочем, как и «главный злодей» Бентри Хиггинс. По сюжету он якобы деловой партнер Стена, а на деле претендует на его место в Совете директоров. Исполнитель же был милейшим человеком, держал пушистую карликовую виару, фотки которой показывал всем и рассказывал о ее хитростях.

Об «особом расположении» никто не вспоминал, неловкость сошла на

нет, пристальных взглядов на себе я больше не чувствовала. Поэтому настроение медленно, но верно ползло вверх. Как-то само собой получилось, что потом все разглядывали фотографию Марра. Среди собравшихся виаров побаивалась только Тарина. Она считала, что клыки и когти больше подходят дикому миру пустошей. Размеры моего виара оценили все. Ну да, он у меня крупный мальчик, даже несмотря на то, что совершенно безобидный. Правда, вчера устроил нам с Танни концерт-выволочку за то, что оставили его одного.

— Интересно, в спецэффекты включают кошку? — поинтересовался Хиггинс.

— Кошку? — переспросила Инис.

— Да, в оригинале у Люси живет кошка. — Я подалась вперед. — Это вымышленное животное. Автор трилогии «Мир без тебя» сама ее придумала.

— Серьезно? — Тарина приподняла брови.

Кивнула.

— Раза в четыре меньше виара, они тоже бывают дикие и домашние. Дикие даже крупнее виаров, а домашним не ставят подчиняющие кристаллы, они не опасны. Судя по описанию, это нечто невообразимое. Но очень милое.

Не представляю, включают ли кошку в шоу, но я бы на это посмотрела. Если такое случится, создатели спецэффектов наверняка сделают зверя ну очень достоверным.

— Кошка! — прыснула Тарина. — Придумают же!

— Фантазия некоторых еще и не на такое способна, — заметил Нерхан и допил кофе, после чего с сожалением глянул на часы. — Похоже, нам пора закругляться.

Неудивительно, что на репетицию мы вернулись в чудесном расположении духа. В отличие от другой команды, которой за обедом, видимо, принесли сок лица без подсластителя.

Дальше снова пели до мушек перед глазами, по десять раз переделывая то, что не нравится гению. Гроу командовал, литрами хлебал кофе и изредка выходил покурить (ну или еще куда-нибудь). За время передышек едва удавалось перевести дух, а когда мы возвращались к отработке сцен, становилось не до размышлений о чем бы то ни было.

Или о ком бы то ни было, что меня целиком и полностью устраивало.

Волевым и единоличным решением Гроу было постановлено начать еще одну сцену — когда Люси осознает, что влюблена в Стена. Это один из переломных моментов в ее жизни, поэтому я выложилась на полную. Под

конец пела на дыхании, которое рвалось из груди вслед за словами песни:

Я не знаю, сколько минует времен.
Я не знаю, то выдумка или же сон...
Но теперь только с ним наяву
Я живу, я живу... я живу!

Пусть знакомы мы с ним не очень давно.
Для меня теперь важно только одно:
Я не вижу себя с другим.
Я дышу, я живу... только им!

Замолчала, возвращаясь в реальность, и только сейчас заметила, что на меня смотрят все. В том числе и Гроу, который переместился к сцене, облокотился на нее, второй рукой подперев подбородок. И эта рука сейчас медленно повернулась, уткнув большой палец в пол.

К щекам прилила кровь.

— Что не так? — поинтересовалась я.

— Все, — хмыкнул он. — В твоём исполнении «Первое чувство» — это полная лажа.

Ну, знаете ли...

Я продержалась все утро... Нет, не так. Я продержалась почти два дня, шаг за шагом остужая эмоции, погружая себя в подобие чувственной спячки вовсе не для того, чтобы одним ударом этот великий постановщик словно выбил сцену у меня из-под ног. И не только сцену, но и равновесие, в котором мне было на удивление хорошо.

— Обоснуйте, — сказала я, спокойно глядя ему в лицо.

Кто-то за моей спиной ахнул — кажется, Тарина. Секретарь с ассистенткой ощутимо напряглись. Даже довольная улыбочка Юммера слегка померкла, но на него мне сейчас было плевать. Остался только Гроу, который, даже находясь в партере, умудрялся смотреть на меня сверху вниз.

— Обосновать, говоришь? — Уголки жестких губ дрогнули.

А потом он одним движением оказался на сцене, наверное, я никогда к этому не привыкну. Пластика и грация зверя, он даже ступал бесшумно, как... кошка, про которую мы говорили за обедом. Гроу тем временем приблизился и оказался со мной лицом к лицу.

— Ты пела, чтобы показать мне и всему миру, что ты влюблена. — Он издевательски четко проговаривал слова. — Поверь, это последнее, о чем

думает влюбленная женщина. Она живет своим чувством, она им дышит, но не выставляет его напоказ, как дешевая проститутка задницу без белья. Она верит в то, что чувствует, и уж тем более не считает, что через пару месяцев разойдется с тем, в кого влюблена. После «Первого чувства» зритель должен поверить в то, что у них вот-вот начнется самый охрененный роман столетия, а после твоего исполнения хочется повеситься. Достаточно такого обоснования?

Он смотрел на меня значительно глубже, чем просто в глаза. Сейчас, когда по телу снова прокатилась огненная волна, я почувствовала себя гораздо обнаженнее, чем в самом начале репетиции.

— Более чем, — отчеканила холодно.

— Чудесно. — Гроу хлопнул в ладоши. — Тогда на сегодня закончили.

Он спрыгнул со сцены, а я развернулась и очень медленно, расправив плечи, направилась к дверям. Пусть не думает, что меня это зацепило. И не воображает, что знает обо мне все. Если Гроу считает, что я буду терпеть его закидоны и выслушивать все это лишь потому, что он взял меня в постановку, то он сильно ошибается. Стоило оказаться за дверью, пролетела по коридорам, выдернула из шкафчика сумку. Завернулась в куртку и на полном ходу выскочила в небольшой холл, где столкнулась с Хейдом. Тот резво подхватил меня под локоть и развернул в другую сторону.

— Не туда.

— А куда? — поинтересовалась я.

— Через запасной выход, Звездочка. С охраной я уже договорился, можешь не благодарить.

— За что?

— Снаружи уже ждет парочка журналистов из желтой прессы и один с почти серьезного телеканала. Давно ты проверяла мобильник?

Выругавшись совершенно неподобающим местрель образом, я вытащила телефон. В обед там обнаружилось несколько предложений дать интервью и одно — принять участие в ток-шоу «Откровенно» (их я просто удалила). Сейчас же память забили пропущенные вызовы, голосовые сообщения, а почта ломилась от писем жаждущих со мной пообщаться. Чувство было такое, что все СМИ Мэйстона заняты одной-единственной темой: нашим с Рэйнаром выходом в свет. Ошалев от осознания собственной востребованности, позволила Хейду утащить меня к выходу, предназначенному на случай чрезвычайных ситуаций. Через него нас выпускал суровый охранник размером два на два.

— Значит, так. — Агент остановился и указал в сторону ближайшего

проулка. — Вызывай своих сопровождающих, я вернусь на стоянку за флайсоциклом. Поедем туда, где сможем нормально поговорить.

— Сопровождающих нет.

— Что значит — нет?

— То и значит, — хмыкнула. — Я теперь сама по себе.

По возвращении в Мэйстон меня проводили до дома, но сопровождения под дверью не оказалось. Ни Дыр-Дыра, ни его напарника. Не появились они и утром, не выпрыгнули из кустов, когда я гуляла с Марром по парку. Валентен тоже не звонил, чтобы поинтересоваться, когда и откуда меня забрать.

Хейд нахмурился и потер подбородок.

— Тогда жди. Подгоню транспорт.

Невозмутимости Хейда можно было только позавидовать. Пожала плечами и прислонилась к стене Мэйстонской оперы. Разглядывала кусочек площади, которая отлично просматривалась отсюда. Я почти не чувствовала холода, несмотря на то, что забыла застегнуть до конца куртку, а шарф почти не прикрывал горло: как-то не прельщало меня бегать по улицам, срывая с себя горящие ошметки тряпья.

Долго ждать не пришлось, рычание флайсоцикла, опустившегося рядом со мной, выдернуло из размышлений. Хейд отстегнул шлем и протянул мне.

— А ты?

— Второй не взял, потому что на тебя не рассчитывал. Обойдусь очками.

Лететь над городом на средней магистрали было непривычно. Запах кожи смешивался с морозным воздухом, но холодно по-прежнему не было. Лицо и голову надежно укрывал шлем, а все остальное — широкая спина Хейда. Ветер до меня почти не доставал, потому что я обнимала его за талию и прижималась всем телом. Не будь под нами флайсоцикла, это выглядело бы почти интимно.

На этот раз мы поехали не в «Веалию» и даже не в торговый центр — туда Хейд наведлся только для того, чтобы взять кофе. Не знаю, было ли так задумано изначально, но местом для «нормально поговорить» оказалась крыша одного из жилых домов. Невысокого, этажей под тридцать. Стоило агенту заглушить двигатель, как я спрыгнула на нее и подошла к ограждению. Пристегнула шлем, чтобы даже случайно не смахнуть вниз.

— Почему ты ничего не сказала? — Хейд подошел и облокотился о перила.

— Потому что не знала, о чем говорить. И до сих пор не знаю.

— Все сложно, да? — Мне в руки сунули стаканчик с кофе.

Плотно запечатанный, он даже остыть почти не успел.

— Есть немного.

Мы замолчали. Отсюда, чтобы оценить Мэйстон, нужно было задирать голову. Очень скоро у меня устала шея, поэтому я уткнулась взглядом в белую крышечку. Сквозь glove-летты в ладони потекло тепло, и я поставила стакан на перила. Лишние напоминания об огне мне сейчас ни к чему.

— Как прошел первый день репетиции?

— Гроу сказал, что я отвратительно пою.

— С Гроу такое случается. — Хейд повернулся ко мне, и ветер швырнул ему на лицо несколько прядей.

— На самом деле я пела отвратительно. — Слова вырвались сами собой. — Он сказал правду. Я пела, но не чувствовала то, что пою. Не верила в это. И мне страшно, что завтра будет то же самое. Так страшно, как никогда в жизни, потому что я сейчас в шаге от мечты, которая может исполниться, но... Я ничего не чувствую. Настолько, что даже испугаться толком не могу, потому что, если позволю себе это, позволю и остальное.

Хейд коснулся пальцами моей руки:

— Я жил здесь в детстве. В этом районе. У нас с ребятами была своя группа, мы играли в барах и молодежных забегах. У нас была солистка Андри Вилкерс. Пела она просто потрясно. Мы были поголовно влюблены в нее, в ее голос, в манеру двигаться, даже в то, как она смеется — тихо, с переливами. Никогда больше не слышал такого смеха. Любой самый крутой парень мог быть у ее ног. Но она выбрала меня.

— И сколько вам было? — Я повернулась к нему.

— Шестнадцать. Через полгода она пошла в гримерку к своему кумиру на рок-концерте и сбежала с ним в Балт-Лар-Сити.

Я ткнула его локтем в бок:

— Не мог немного приукрасить? Например, сказать, что вы жили долго и счастливо?

— Тогда бы я сейчас с тобой не говорил. Она ушла, и я бросил группу. Ребята донимали меня еще какое-то время, пытались поддержать, но... Гитару в руки я взял лишь спустя пару лет, и она больше не отзывалась. Струны казались впаянными намертво, я перестал слышать то, что делаю, перестал этим дышать. Музыка не прощает безразличия. — Хейд опустил голову и усмехнулся в сцепленные руки. — Леона, ты из тех людей, которые горят так ярко, что остальным хочется зажмуриться. Не отказывайся от этого, даже если очень страшно. Даже если очень больно,

потому что гораздо больнее будет, когда собственное звучание не отзовется в сердце.

Он помолчал и добавил:

— Прежде чем дракон философии и меланхолии сожрет меня с потрохами, я должен сделать одну важную вещь.

Внимательно посмотрела на него, и Хейд кивнул.

— Нужно дать пояснение на твоей страничке. Для начала предлагаю придерживаться линии с юбилеем. Хочу рассказать о самом выступлении, о том, как ты исполнила арию Артомеллы. Если ты не против, разумеется.

Покачала головой.

— Отлично. Второй вопрос — пресса. Первое правило выживания в жестоком мире шоу-бизнеса: никогда не общайся с журналистами на провокационные темы. Они раскрутят тебя на разговор, прежде чем успеешь вздохнуть, а после извратят твои слова так, что у тебя волосы встанут дыбом. Заодно и у всей Аронгары. Иногда одно слово меняет смысл до неузнаваемости.

— То есть если я все-таки с ними столкнусь, мне нужно делать нейтральное лицо и отвечать «без комментариев»?

— Если ты все-таки с ними столкнешься — беги. — Хейд усмехнулся. — Ну а если серьезно, отправляй всех к первоисточнику и ко мне. С хладнокровным выражением лица говори: «Мне нечего добавить к официальному заявлению пресс-службы мастера Халлорана, на все ваши вопросы ответит мой агент». Я переговорю с другом — с тем, через которого мы познакомились. Устроим тебе официальное интервью, и все отстанут. Ему я доверяю как себе.

— Что бы я без тебя делала? — улыбнулась.

— Помни об этом, когда в следующий раз соберешься что-нибудь утаить.

— Никаких больше тайн.

— Так-то лучше. — Хейд глянул на часы и кивнул: — Допивай кофе, и я отвезу тебя домой. Надеюсь, что не зря тут распинался, и завтра ты поразишь Гроу в самое сердце.

— Куда-куда? — фыркнула.

Хейд отстегнул шлем от ограждения и покатал в руках.

— У гениев тоже есть сердце, Леона. Даже если на первый взгляд кажется, что это не так.

— Тебя там по визору показывают, — с порога заявила Танни. — То есть вас...

Дослушать не успела, бросилась в комнату и увидела Марра, который бежал меня встречать.

— Лапы! — крикнула во весь голос, но было уже поздно. Меня припечатали со счастливого разбега, и я бодро влетела в стену.

Марр смущенно виркнул, а я сползла по стеночке.

— Ой-ой, — сказала Танни, склоняясь надо мной. — Сколько пальцев?

— Два, — отмахнулась от ее руки, потирая затылок и уворачиваясь от чудовища. Марр прыгал рядом так, что полки тряслись, и норовил лизнуть в щеку огненным шершавым языком.

Со вчерашнего дня виар не отходил от меня ни на шаг, вот и сейчас явно не собирался. Пришлось расшнуровывать ботинки, сидя прямо на полу, а потом чесать лобастую голову, которую подсунули под ладонь. Только после этого мне позволили подняться и сопроводили в гостиную, не прекращая попыток потереться чешуйчато-шерстяным боком. Благо хоть сегодня я джинсы надела, а не чулочки.

Сестра сказала правду, по визору показывали нас. Точнее, транслировали запись из Зингсприда: вот мы с Рэйнаром выходим из флайса, вот идем к зданию оперы. Ну ладно, хоть краснеть не пришлось, выглядела я эффектно. Платье идеально облегло фигуру, прическа была выше всяких похвал, и меня было сложно отличить от местрель даже при ближайшем рассмотрении. Зря я наговаривала на улыбку, выглядела она вполне естественной. Рэйнар тоже улыбался (на удивление тепло), и рука его, лежащая поверх моей, казалась обманчиво расслабленной.

Странное это было чувство. Вдвойне странное от того, что мы двигались как единое целое. То ли дело было в мастерской работе оператора, то ли... в чем-то еще. Мы продолжали друг друга в каждом движении, в каждом жесте.

А еще выглядели бесконечно счастливыми.

Глядя на эту пару, я бы в жизни не сказала, что они в ссоре.

То есть что мы в ссоре.

— Сегодня вся Аронгара задается вопросом, кто же такая эсса Леона Ладэ. — Ведущая «Соларс Ван» улыбалась в камеру. — И мы решили приоткрыть вам этот секрет...

Хрум.

Я покосилась на сестру, но она пожала плечами и устроилась на диване, поедая шарики с беконом. Как ни странно, Марр за ними не охотился, наоборот, кружил рядом со мной, то и дело тыкаясь носом в ладонь. Не отрывая взгляда от экрана, устроилась на подлокотнике и

протянула руку. Мне на колени тут же плюхнули морду и принялись блаженно вирчать, изредка фыркая и выпуская дым из ноздрей.

— ...В элитном музыкальном клубе Ландстор-Холл.

М-да, круче Норгхара только журналисты.

— Насколько нам стало известно, певица оставила сцену, на которой работала долгое время, ради участия в новом перспективном проекте.

Камера выхватила фасад Ландстор-Холла, переливающийся огнями.

— Ландстор-Холл. Сердце ярчайших шоу Мэйстона, где ежедневно собирается множество гостей, чтобы отдохнуть после трудового дня и насладиться чарующим волшебством музыки.

Мужчина быстрым шагом приближался к центральному входу.

— К счастью, владелица клуба эсса Эвель Обри согласилась ответить на наши вопросы.

Мне в последнее время так грандиозно везет или все вокруг специально спрашивают тех, кого не надо?

Оператор выхватил крупным планом искрящиеся неонов буквы и перевернутый полумесяц, на котором возлежала девушка в длинном вечернем платье. Этот логотип стал символом Ландстор-Холла еще до Ландсаррского налета, он символизировал певицу и танцовщицу, которая собирала полные залы необычайно яркими и провокационными шоу.

Эвель встречала визионщиков в холле. Выполненный в карминово-желтых тонах он всегда казался мне ярким и теплым. Лестница за спиной начальницы уходила на второй этаж, от света огромной цилиндрической люстры зазубрины выбитых на стенах гор отливали золотым. Как в пустошах на закате.

— Эсса Обри, мы очень рады, что вы нашли время для встречи. Расскажите, пожалуйста, как вы познакомились с эссой Ладэ?

— Леона прислала мне портфолио, а после пришла на прослушивание. Я сразу поняла, что эта девочка очень талантлива.

Танни поперхнулась шариком, а потом откровенно захохотала.

— Можно, я буду звать тебя «талантливая девочка»?

Я запустила в нее диванной подушкой.

— Разумеется, как и многим девочкам с амбициями, ей не доставало опыта...

Сестра подтянула поближе все подушки, до которых я могла дотянуться, и затряслась от смеха. Даже шарики положила на пол.

— Но я решила дать ей шанс. Тем более что при должной поддержке, которую я и более опытные коллеги всегда рады оказать, она могла подняться до небывалых высот. Что и произошло за время нашей

совместной работы в Ландстор-Холле... — На тонких губах Эвель застыла улыбка, глаза сияли.

За какие-то полминуты эфирного времени выяснилось, что девяносто процентов моего успеха принадлежат Эвель и ее терпению, еще с пяток опыту Зетты, которая научила меня всему, что знала сама, и вывела на сцену чуть ли не за руку, оставшиеся пять отмерили мне. Хотя если вспомнить мое первое выступление, выглядело это примерно так: «Это микрофон, сюда петь». Ну ладно, на самом деле Зетта сказала следующее: «Если начнет фонить микрофон, сразу зови Кендра».

— Что вы думаете о выступлении эссы Ладэ на юбилее местры Халлоран?

— Считаю, что для Леоны это был большой шаг, и очень рада, что в свое время помогла ей принять верное решение.

— То есть вы поспособствовали ее продвижению?

— В первую очередь этому поспособствовал малый концертный зал Ландстор-Холла. — Эвель ослепительно улыбнулась. — Ну да. Большая заслуга в этом принадлежит мне.

— Не могли бы вы рассказать, как это произошло?

— Разумеется. Местр Халлоран заинтересовался вокальными данными Леоны...

— Местр Халлоран посещал Ландстор-Холл? — Корреспондент мгновенно отреагировал.

Эвель на мгновение замешкалась.

— Да. Для нас это большая честь.

— Благодарю, эсса Обри. — Журналист повернулся к оператору. — Возможно, в ближайшие дни у нас получится задать несколько вопросов бывшим коллегам эссы Ладэ, а пока мы возвращаемся в студию. Ландстор-Холл, Центральный остров. С вами был Мирг Альгермен, эксклюзивно для «Соларс Ван».

Я щелкнула пультом и поднялась. Только сейчас заметила, что Марр сожрал все шарики. Он лежал так далеко от миски, как только мог, и делал вид, что ни при чем. Когда только успел?

— Круть! — Танни развернулась ко мне, подтянув под себя ноги. — Ты когда-нибудь представляла, что тебя покажут по визору?

Вообще-то представляла. Только немного иначе и по другому поводу. Ладно, Хейд в самом скором времени договорится об интервью. Пока что он собирался переключить внимание на новость о моем участии в загадочном проекте, интриговать до последнего, аккуратно до старта рекламной кампании. По его мнению, это должно немного отвлечь и

сместить акценты. Будем надеяться, что сместит.

— Ужинать будешь? — спросила невпопад.

— Я уже. Сейчас пойду готовиться к тестам.

Приподняла брови.

— У нас зарядили предытоговые проверки. — Танни скривилась. — Теперь вместо одной нервотрепки на зимних экзаменах будет целых две. Контрольный тест и тест-проверка перед ним. По каждому профильному предмету.

Я фыркнула.

— Легче будет на выпускных.

Сестра сунула два пальца в рот, изображая, что ее сейчас стошнит, а потом поднялась.

— Миска! — напомнила.

— Угу.

Если честно, мне самой не особо хотелось есть, поэтому поднялась к себе. Разучивать партию не было смысла, займусь этим на выходных, когда не будет такой голосовой нагрузки. Не знаю, у кого как, но у меня слова запоминались исключительно в звучании. Я могла часа два сидеть над текстом песни и ничего не выучить, однако стоило мне ее пропеть пару раз, и все легко оставалось в памяти.

Стоило вспомнить об отдыхе, сознание заполнили мысли о Рэйнаре. Перед глазами снова вспыхнули кадры из Зингсприда, и сердце болезненно сжалось.

«Сожалею, эсса Ладэ, но местр Халлоран срочно вернулся в Мэйстон», — лицо безопасника не выражало ровным счетом ничего.

Да и мое, наверное, тоже.

«Спасибо за информацию», — сказала я и ушла к себе в номер.

С той минуты больше не думала о том, что оставила на Зингспридском побережье.

И сейчас не стану.

Не стану, я сказала!

Звонок из Зингсприда застал меня, когда я переодевалась в домашние джинсы и прыгала на одной ноге, пытаясь попасть в перекрутившуюся штанину. Благо хоть кофточка на мне уже была, поэтому я плюхнулась в кресло и подъехала к столу впритык, чтобы глазок камеры не показал ничего лишнего. Успела только развернуть ноутбук в сторону окна на панораму Мэйстона и тут же нажала «принять».

Гердехар Аррингсхан звонил из кабинета, в котором проходила наша встреча. Жалюзи были подняты, закатные лучи раскаляли затемненное

стекло. Возможно, поэтому я всей кожей ощутила теплые летние сумерки, которые вот-вот опустятся на город, чтобы смягчить палящее солнце.

— Добрый вечер, Леона. — Председатель чуть подался вперед, и стало понятно, что он сидит за большим столом.

— Добрый вечер, местр Аррингсхан.

— Как прошел первый день репетиции?

Улыбнулась.

— Напряженно, но интересно.

Правда, постановщик у меня — тот еще набл.

Стоило вспомнить о Гроу, как руки зачесались. Не то руки, не то горло, сначала надеть ему на голову ведро, а потом спеть так, чтобы его перекосило от осознания собственной неполноценности. Впрочем, что должно случиться, чтобы Джермана Гроу действительно перекосило, я представляла смутно. Подозреваю, что он родился с мыслью о собственном величии, а вместо первого крика выдал: «Я гений!»

— Уверен, вы со всем справитесь. — Аррингсхан откинулся на спинку кресла, и я обратила внимание, что на месте фоторамки стоят голографические часы в деревянной оправе. Наверняка очень дорогие. — Я думал над программой, по которой нам предстоит заниматься, но мне хотелось бы услышать ваше мнение тоже. С чего вы хотите начать, Леона? Что интересует вас в первую очередь?

Вот тут я немного растерялась, потому что Рэйнар о таком никогда не спрашивал.

— Наверное, стихийная магия. Ментальная тоже привлекает, но мне гораздо интереснее управлять внутренним огнем. Еще мне хотелось бы подробнее изучить традиции, чтобы лучше понять ваш... наш мир.

— Я вас услышал. — Председатель кивнул. — Сейчас юристы готовят договор, который вы в самом скором времени сможете изучить. Пока мы его не подпишем, я не смогу выслать вам материалы или каким-либо образом вас направлять.

— А мы... — помедлила. — Когда мы сможем приступить к обучению?

— К сожалению, не раньше чем после Смены Времен.

Кивнула. А еще очень захотелось отвести взгляд.

— Для меня это ничего не меняет, — неожиданно мягко произнес он. — Я считаю, что вашей сестре очень повезло, Леона, и вам с ней тоже. Ваша сила духа еще пригодится, когда вы окажетесь в разных мирах. Это испытание не из легких.

Прежде чем я успела ответить, он внимательно посмотрел мне в глаза.

— Есть еще кое-что, о чем я хотел бы с вами переговорить.

Вопросительно взглянула на него, и Аррингсхан продолжил:

— Сегодня мне поступил запрос на поединок. Поединок, который состоится из-за вас.

Поединок?

Руки заledenели, и я невольно сложила ладони вместе, не зная, куда их деть. Рэйнар обещал, что история с файлами останется между нами, но... видимо, теперь уже не останется. Потрясение понемногу отступало, на смену пришла горькая детская обида, места для которой во мне уже не должно было остаться.

— Я не знала, — выдохнула тихо.

— Я так и предполагал. Поэтому хотел, чтобы вы узнали об этом от меня, — произнес Аррингсхан. — Раньше других. Равно как и о том, что я одобрил запрос.

— Других? — уточнила машинально.

— Два сильнейших ирлхана собираются выйти на поединок лицом к лицу. Одному из них предстоят выборы, другой принадлежит к роду, который по праву гордится сильной и древней кровью. Разумеется, люди об этом не узнают, но внутренний резонанс будет очень громким.

— И вы не можете это остановить? — вырвалось у меня.

— Обычно запрос отправляется до вызова, но в этой ситуации вызов уже был принят. Это само по себе серьезно. В таком случае я имею право отказать в поединке, только если аргументы не являются достаточно вескими. О сложившейся ситуации я такого сказать не могу. Она зрела уже достаточно давно, и то, во что она вылилась, — закономерный итог.

Закономерный? Они будут драться из-за того, что Вэйлар прислал мне файлы!

— Веские основания — справочник по истории ирлханов? — Я осеклась.

Поймала себя на мысли, что задыхаюсь. Сердце билось рывками.

— О чем вы? — Аррингсхан нахмурился.

— О том, что я всего лишь попросила о помощи! Неужели ради этого стоит проливать кровь?

Ирлхан по-прежнему хмурился.

— Кровь на поединке не проливается. Это ментальная силовая схватка, которая определяет сильнейшего.

— Но ведь ментальные дуэли запрещены!

Что-что, а это я помню точно.

— Ментальная дуэль, Леола, и ментальная силовая схватка (чаще ее

называют поединком силы) кардинально отличаются друг от друга. Дуэлями баловались вальцгарды по поводу и без, поэтому они были запрещены. Поединок иртханов считается крайней мерой разрешения серьезной ситуации. Если в древности они были обычным делом, то сейчас сопровождаются множеством формальностей, в том числе официальным обращением ко мне. Я единолично принимаю решение о возможности поединка или запрете, если сочту его неправомерным. Поединок возможен в трех случаях: если проверяют уровень равных по силе иртханов, если превышены полномочия на чужой территории, и в случае, если задета честь. Никаких других причин быть не может.

— И под какой пункт попадает помощь с обучением чужой ученице? — выдохнула я.

— Помощь с обучением чужой ученице — это превышение полномочий на чужой территории, — хмыкнул Аррингсхан. — Не представляю, о чем вы говорите, и не стану уточнять, поскольку к делу это отношения не имеет. Сейчас речь идет о последнем пункте. Запрос на поединок поступил из-за ситуации, которая серьезно всколыхнула наше общество. Рэйнар Халлоран и Деверик Шахррейн не сошлись во мнениях по поводу пребывания местрель Стоунвилл в Мэйстоне. Из-за ее поступка по отношению к вам.

Что?

— То есть?

— Местр Халлоран отказался снять запрет по поводу въезда местрель Стоунвилл в Мэйстон до официальной помолвки.

Наверное, я слишком выразительно моргала в глазок камеры, потому что Председатель продолжил:

— Все разрешится в ближайшее время, а до того советую вам быть очень осторожной со словами, Леона. Особенно учитывая повышенное внимание к вашей персоне.

— Разумеется. — Голос почему-то сел. — Спасибо, местр Аррингсхан.

Иртхан кивнул, и мы попрощались. Стоило мне отключить видеосвязь, как я взъерошила волосы. Взвизгнула, когда Марр ткнулся носом в голую ногу, и запустила пальцы теперь уже в раскрывшуюся цветочком виарью шерсть. Только сейчас поняла, что не спросила у Аррингсхана, когда состоится поединок и как он проходит.

Но... Рэйнар и Шахррейн?

Рэйнар отказался пустить Ирргалию в Мэйстон после ее великолепного бла-бла-бла на всю страну?

Ы, как сказала бы Танни.

Чтобы немного собраться с мыслями и прийти в себя, покаталась по комнате туда-сюда. Пока не получалось, вдобавок еще и Марр скакал за мной, норовя наступить когтистой лапой на ногу. В итоге я подъехала к столу и открыла файлы с законами. Не с первой попытки, но все-таки нашла описание поединка силы.

В прошлом он проходил где придется. В современности — на специальной арене, расположенной под зданием Совета Правления в мегаполисе пострадавшей стороны. Это действительно был ментальный бой до первой пробитой защиты. Приказы отдавать воспрещалось и считалось жесточайшим нарушением правил. Ограничивалось все одним ментальным ударом, достигшим цели, но от такого удара проигравший потом приходил в себя неделю.

Я поймала себя на том, что вцепилась ногтями в колени, и продолжила читать.

Действительно, в наши дни для такого серьезного поединка было всего три причины. Правда, каждая расписывалась на несколько страниц в неимоверном количестве пунктов. Видимо, на случай, если возникнет спорная ситуация. У меня даже в глазах зарябило, пришлось отодвинуться и надавить пальцами на веки, и только спустя пару минут вернуться к чтению.

Получалось, что защищать честь мог любой мужчина. Женщины, естественно, к поединкам не допускались. Перелистнула страницу, ниже шла оговорка, что, если женщина или ребенок лишены поддержки своего рода, выступить их защитником может любой, кто возьмет на себя смелость. На мужчин это правило не распространялось.

Перечитала несколько раз.

А потом задумчиво уставилась в потолок.

Ирргалия пока не относилась к роду Шахррейнов и защиты рода точно не была лишена.

По всему получалось, что вызов все-таки бросил Рэйнар.

Из-за меня.

ГЛАВА 7

Сюрприз поджидал на стоянке. Едва шагнула из лифта, как ко мне бросилась репортер в темно-синем костюме. За ней на всех парах летел оператор, камера которого нацелилась прямо на меня.

— Эсса Ладэ, добрый день! Меня зовут Илен Хаймер, «Мэйстон Хот», канал номер один в городе. Всего несколько слов для наших зрителей!

Канал «номер один» специализировался на рейтинговых шоу и сплетнях, которые собирали по всему Мэйстону. Помня заветы Хейда, я покачала головой и просто ускорила шаг. Сейчас мне бы очень пригодился Дыр-Дыр или даже парочка безопасников, которые сопровождали меня в Зингсприде. Чтобы профессионально оттеснить журналистку, которая намеков явно не понимала. Она забежала вперед и решительно преградила мне путь. Не успею я остановиться, влетела бы в нее на полном ходу.

— Эсса Ладэ! Правда ли, что вы с местром Халлораном познакомились в Ландстор-Холле? Как это произошло? Он приходил на ваши выступления? Часто?

Стоит отдать им должное, они с оператором действовали на удивление слаженно, протиснуться между ними не представлялось никакой возможности.

— Без комментариев.

— Вы встречались где-нибудь еще? Что вас связывает на самом деле?

— Илен, я не даю комментариев, — повторила спокойно. — Все интересующие вас вопросы вы можете задать моему агенту. Сейчас я опаздываю на работу, поэтому прошу меня извинить.

— Мы могли бы встретиться после. Над чем вы сейчас работаете? Вы оставили Ландстор-Холл из-за денег?

— У меня нет времени. — Я попыталась пройти, но она снова шагнула мне наперерез.

— По какой причине вы отказываетесь разговаривать? Вам есть что скрывать?

Вот тут мое терпение лопнуло. Я расправила плечи и посмотрела на нее сверху вниз. Несмотря на то что мы были одного роста.

— Вы вторгаетесь в мою личную жизнь и личное пространство, — отчеканила холодно. — Немедленно уйдите с дороги.

Треугольное личико журналистки исказилось, тем не менее она махнула рукой оператору. В спину мне ударил продолжительный

комментарий, вслушиваться в который я не стала. С трудом сдерживалась, чтобы не ускорить шаг и не сорваться на бег. Несмотря на всю мою публичность, с журналистами я имела дело лишь однажды, когда Эвель захотела засветить меня в кадре в передаче про Ландстор-Холл. Было это на пару минут, и моя роль ограничилась словами о том, как чудесно я чувствую себя на малой сцене.

Журналистский флайс с эмблемой телеканала (раздуваемый ветром огонь в белом кружке) застыл за перегородкой, занимая сразу два места на временной парковке. К счастью, места для заказных флайсов были самыми дальними, и вряд ли ожидающий меня водитель заметил, с кем общались визионщики. По крайней мере, мне очень хотелось на это надеяться. Телефон пикинул, через приложение оповещая о близости транспорта, и я огляделась. Неприметный серо-голубой флайс с логотипом компании, услугами которой я всегда пользовалась, стоял чуть поодаль. Быстро зашагала к нему.

— Доброе утро, эсса. Куда летим?

Сердце все еще бешено колотилось, но уже понемногу замедляло темп.

— Доброе утро. Мэйстонская опера.

— За-ме-ча-тель-но! — Он коснулся панели управления, бросил на меня взгляд в зеркало заднего вида и залип.

М-да.

Меня теперь что, все в лицо узнавать будут?

Водитель откровенно пялился, пока мы направлялись к воздушному рукаву. Я же включила планшет и углубилась в изучение партии. Правда, сосредоточиться не получалось никак. Строчки скользили перед глазами и отказывались укладываться в голове. Выспаться мне сегодня удалось относительно, потому что сначала я полночи читала про Шахррейна, а потом ворочалась с боку на бок.

Противником он оказался серьезным. Род Шахррейнов был достаточно древним и однажды уже претендовал на то, чтобы возглавить город, но на выборах с большим перевесом победил дед Халлорана. Внешне Деверик ничем не напоминал своего отца, высокий и атлетически сложен. Многие женщины назвали бы его красавцем, но, на мой взгляд, был слишком слащав. Чересчур пухлые для мужчины губы и взгляд, однозначно выражающий превосходство над всеми, кто на него взирает. Если его предок смотрел на избирателей так же, то вряд ли ему стоило рассчитывать на их голоса.

Райгенсфорд Шахррейны возглавляли не просто так: когда последний

из рода основателя умер, не оставив наследников, по завещанию земли и Академия отошли именно им. В прошлом предок Шахррейна сочетался браком с Эгринерией Райгенсфорд, и это стало одним из самых известных слияний сильнейших родов в Аронгаре. Насколько я поняла из интервью, статей и прочего, Шахррейн решительно настроен на победу. Не знаю, проходил ли в прошлом поединок силы, но в этот раз... он состоится так или иначе. Пусть даже причина у него другая, от исхода схватки зависит очень и очень многое.

Я закусила губу, глядя на свое отражение в погасшем планшете.

За вчерашнюю ночь несколько раз открывала телефонную книжку и смотрела на знакомый номер. Сама не знаю, зачем это делала, я и так помнила его до последней цифры.

— Пробка серьезная, — сообщил водитель, возвращая меня в реальность. — Если хотите, попробую уйти на обводную, но можем встать и там.

Глянула в окно — изгибающаяся вереница флайсов протянулась разноцветной лентой в кайме аэромагистральной. За последнее время я настолько отвыкла от утренних пробок, что как-то об этом не подумала. Повезло или нет, но вчера нам удалось проскочить нормально, зато сегодня мы зависли основательно. Если в ближайшие минуты не сдвинемся с места, можем серьезно опоздать.

— Поднимайтесь на верхнюю, — сказала я, протягивая водителю документы. — Я заплачу разовый налог.

До ближайшего рукава мы добирались минут десять, и ровно столько же понадобилось, чтобы домчаться до Мэйстонской оперы по верхней аэромагистральной. За это время мне пришлось еще несколько писем, одно из женского журнала, другое с просьбой принять участие в ток-шоу «Огни Мэйстона» и от каких-то изданий, о которых я даже не слышала. Я переслала их Хейду, а потом удалила из папки, когда мы пошли на снижение. В здание оперы влетела, на ходу выворачиваясь из куртки и прикладывая документы к турникету.

Под распевку нам, основному составу, отвели две общие гримерные как раз напротив шкафчиков для вещей. В просторной комнате зеркала располагались друг напротив друга, создавая бесконечно уменьшающиеся коридоры. Отполированные полы были натерты до блеска, на диванчики для отдыха в художественном беспорядке свалили сумки. Сейчас в гримерной звучали разные голоса, как в зоосаде с виарами, собранными со всего мира. Оставалось только порадоваться, что я потратила сорок минут на сонное моргание в зеркало ванной и распевалась дома.

— Привет! — на бегу шепнула Тарине и остальным.

В ответ рыженькая помахала мне, а Инис улыбнулась, не прерывая своего занятия.

Певицы из лагеря Стена сделали вид, что меня не заметили, только Кармина хмыкнула.

— Явилась наша звездочка, — проворковала она. Видимо, уже распелась, потому что сейчас изучала себя в зеркале, а сладости в ее голосе хватило бы, чтобы слепить двух драконов намертво. — Уверена, что у тебя получится затмить нынешний успех? Известнее ты уже вряд ли станешь.

— Если ты уже сейчас так интересуешься моей жизнью, боюсь представить, что будет после премьеры. — Я очаровательно улыбнулась.

Кармина скривилась, но ответить не успела, у меня завибрировал мобильный. Вытащила телефон из сумки и с трудом удержалась, чтобы не повторить гримасу Кармины — звонила Броджек. Видимо, решила утрясти последние формальности, потому что теперь моя подпись на документах не требовалась. Танни сказала, что с возвращением все решит сама, и, вспоминая советы Лэм, я возражать не стала.

— Слушаю. — Вышла в коридор и плотно прикрыла дверь в гримерную.

— Доброе утро. Эсса Ладэ?

Я немного зависла, потому что из динамика донесся мужской голос. Даже еще раз взглянула на экран, но звонок действительно был от Мильмены Броджек. То есть из школы.

— Эсса Ладэ? — повторили чуть громче.

— Да, это я.

— Меня зовут Гемир Рагсон, со вчерашнего дня я исполняю обязанности директора школы, где учится ваша сестра Танна Ладэ.

Исполняет обязанности?

— Я бы хотел встретиться и переговорить с вами по поводу неприятной ситуации, которая недавно была. По закону Мэйстона ваша сестра уже совершеннолетняя, но мне все равно не хотелось бы оставлять это без внимания.

Поскольку я молчала, повисла неловкая пауза. За это время я успела придумать два варианта, в одном из которых директрису сожрал дракон, а в другом — совесть. Оба выходили чересчур фантастическими.

— Простите, эссерд Рагсон... я не совсем поняла. А что случилось с Мильменой Броджек?

— Эссерда Броджек уволена. — Мужчина помолчал и добавил: —

Сможете сегодня подъехать в школу?

К счастью, за время, что он говорил, я уже немного пришла в себя.

— Я сейчас очень поздно заканчиваю. Не раньше восьми.

— Я тоже, — донеслось из динамика. — Если сумеете приехать к девяти, я вас дождусь.

Прикинула, во сколько мы закончили вчера, и кивнула.

— Хорошо.

— Договорились. До встречи, эсса Ладэ.

— До встречи.

Я нажала отбой как раз в тот момент, когда в коридор выплыла Кармина с подругами. Заметив меня, она гордо передернула плечиками и направилась в сторону сцены. Я же вернулась в гримерку, пытаюсь переварить новость об увольнении Броджек.

Директриса уволена.

А Танни мне даже ничего не сказала. Кстати... почему она мне ничего не сказала?

— Леона! — Рыженькая как раз закончила распеваться и рылась в сумке. — О! Вот!

С видом победительницы извлекла заколку.

— Пойдем?

— Пойдем, — согласилась я, убирая телефон и вытаскивая планшет.

Но словам Рагсона выходило, что он исполняет обязанности директора с понедельника. Но когда мы с Броджек разговаривали на прошлой неделе, чемоданного настроения не было заметно ни по ее лицу, ни в кабинете, куда обычно стаскивают всякие коробки и пакеты для переезда. Вела она себя более чем уверенно, да еще и приложила все силы, чтобы оставить Танни в школе до конца года. И если отбросить фантастическую версию с совестью, остается одно.

То есть один.

Дракон, который обещал все исправить.

— Кармина интересовалась твоей татуировкой, — шепнула Тарина, когда мы шли по коридору. — Спрашивала, не знаю ли я, в каком салоне ты ее делала, и кто мастер.

Я чуть не подавилась воздухом. Просто слишком отчетливо представила, как Кармина звонит Рэйнару и спрашивает, сколько стоит таэрран. Ну а что? По меньшей мере, это было бы оригинально. Да и вообще, стану известной и введу в Аронгаре новую моду. У Лэм в салоне как раз отличный тату-мастер, можно с ним договориться и получать процент с прибыли.

К счастью, дальше моя резвая мысль убежать не успела, мы пришли.

На этот раз Гроу приехал вовремя. Сидел в кресле прямо по центру и зевал во всю композиторскую пасть, нисколько не смущаясь ни нас, ни ассистенток. Судя по всему, вставать рано он не привык, потому что на подставке снова дымился кофе, аромат которого ощущался на сцене.

— Поем с того, на чем остановились вчера, — скомандовал он, потирая пальцами веки. — Полетели!

Я шагнула вперед, пожалуй, слишком поспешно. Поэтому не заметила удачно выставленной подножки Юммера и пролетела до самого края сцены. На ногах удержалась, но пробежала мелкими шажками, как только что расправившая крылышки виари.

— Засранец, — прошипела Инис, когда я выпрямилась.

Меня все еще слегка потряхивало, кувыркнуться вниз головой с высоты сцены — то еще удовольствие. Яростно оглянулась на Юммера, и тот с ехидной улыбочкой отвесил мне чересчур глубокий поклон. Разве что лбом о сцену не стукнулся.

— Мэйстонский цирк в другом районе, — сообщил Гроу, лениво подавшись вперед. — Если кто-то желает попробовать себя на этом поприще, с удовольствием предоставляю ему такую возможность и свободу от обязательств по контракту.

Выглядел он обманчиво расслабленным, но почему-то, глядя ему в глаза, сложно было воспринимать последние слова как шутку. Вот и Юммер пробормотал нечто относительно цензурное, скривился и развел руками. Гроу откинулся на спинку кресла и махнул рукой:

— Ладэ, твой выход.

Глядя на Оллхарта Юммера, представлять перед собой Стена — мужчину, которым Люси очарована, в которого отчаянно влюблена, было решительно невозможно. Несмотря на смазливую физиономию и пронзительный цвет глаз, которым могли бы позавидовать зингуарские медарины, от этого типа меня воротило так, что мало не покажется.

Чтоб его!

Почему никто не говорил, что Стен окажется таким наблорылым? Понятно, что он и по первоисточнику не идеал, но чтобы настолько?

Сосредоточилась, глядя в текст, а потом закрыла глаза.

Сердце билось часто-часто. Сейчас мне казалось, что прошла целая вечность с той минуты, когда Рэйнар произнес: «Спой для меня, Леона». И мой голос заполнил салон флайса, без распевки пытаюсь взять привычную высоту.

Вечность или мгновение? С той минуты как я последний раз тонула в

глубине потемневших глаз. Я не могла гореть, но горела. Словно запертый огонь каким-то чудом освободился и теперь обжигал меня изнутри. Обжигал так, что молчать не было сил.

Его взгляд, как небес отражение темных,
Но когда я смотрю в бесконечную их глубину,
Мне светло, словно днем, как от кострищ огромных...
Я держусь за реальность, но падаю в них и тону.
Я тону... я тону, я тону, я... тону.
Только в нем бесконечно тону...

Я была Люси. Снова стояла на вершине небоскреба, глядя на раскинувшуюся перед глазами мечту, влюбленная в Стена, и признавалась в этом себе и всем.

Лишь когда последнее слово затихло под сводами зала, вернулась в реальность.

Ощущение дежавю было слишком ярким, на меня опять смотрели все. Разве что Гроу по-прежнему сидел на своем месте.

Прищурившись.

Глядя на меня.

Или правильнее будет сказать — в меня?

В самое сердце или даже глубже.

— Вот это уже на что-то похоже, — изрек свой вердикт гений. — Продолжаем.

Последнее прозвучало как щелчок пальцами, прерывая странное оцепенение.

На что-то похоже? На что-то?

— Вы когда-нибудь бываете довольны? — поинтересовалась я, сложив руки на груди.

Тишина в зале повисла такая, что, казалось, было слышно, как дымится кофе. Тарина побледнела еще сильнее, настолько, что свойственная всем рыженьким белая кожа стала почти прозрачной.

— Хочешь знать, как меня полностью удовлетворить, Ладэ? — И без того низкий голос Гроу стал еще более низким и хриплым, больше напоминающим приглушенное рычание. — Тогда продолжай в том же духе. Летим дальше.

Драконоподобное наблище!

Мысленно пожелав ему заработать пожизненную изжогу, я отошла в

сторону, и репетиция понеслась дальше. Вчера мы на удивление живенько «проскочили» сцену знакомства, когда Стен приглашает Люси на выставку известного фотографа, своего друга, а после — ужин на крыше здания. И дальше, после того как Юммер отыграл встречу со своим деловым партнером и недругом, по сюжету Стен приглашает Люси на побережье. Там и происходит их первый поцелуй.

Точнее, не только поцелуй. По сценарию это «не только» предполагалось довести до весьма пикантного момента и прикрыть голографическими декорациями, то есть рассыпавшейся над побережьем звездной ночью и фантастическими видами курорта. Учитывая, что Юммер возбуждал во мне разве что желание как следует отдавить ему ногу, прикрытие было весьма кстати, но я сосредоточилась на образе Люси.

Люси была влюблена в стоявшего перед ней мужчину, она горела им так же, как я горела Рэйнаром. Она дышала им и жила лишь ожиданием новой встречи, которая состоялась.

Декораций пока не было, но я отчетливо представила легкий, колышущий волосы ветерок, соленый запах океана и остывающий после дневной жары воздух. Шум волн отозвался в ушах, и я шагнула в руки Стена, позволяя его губам накрыть мои. Утонула в сладком поцелуе. Пронзительно нежном, возносящем над землей.

Дыхание прервалось, а в следующий миг губу обожгло дикой болью.

Я дернулась и оттолкнула Юммера так, что он отступил на несколько шагов.

— В чем дело? — лениво поинтересовался Гроу.

— В том, что она чокнутая? — Юммер потер якобы ушибленное плечо, хотя ударила я не настолько сильно. — Я просто слегка прикусил губу! Для достоверности.

Он так «постарался», что теперь у меня во рту был металлический привкус. Слезам, навернувшимся на глаза от боли и какой-то детской сиюминутной обиды, воли не дала. Не хватало еще, чтобы Юммер их увидел. Прежде чем шагнула к нему, Гроу уже оказался на сцене. В два шага преодолел разделяющее нас расстояние, развернул лицом к себе и поцеловал. Разомкнул мои губы со свойственным ему напором, удерживая за талию, скользнул языком мне в рот, касаясь кончиком еще не успевшей затянуться ранки.

Дыхание рванулось из губ в губы, словно что-то ударило в грудь со всего размаха и выбило воздух. Я не успела опомниться, даже моргнуть не успела и глаза закрыть — тоже. Пальцы сами сомкнулись на мощных накачанных руках. По телу прокатилась огненная волна, внутри родилось

рычание, и я впиалась в жесткие губы ответной звериной лаской. Свобода оказалась столь неожиданной, что даже хриплый выдох не сумела сдержать. Мы смотрели друг на друга в упор, и темные глаза Гроу потемнели еще сильнее.

— С ней, — постановщик облизнул губы и сложил руки на груди, — все в порядке.

— Вы сами видели, как она меня оттолкнула, — хмыкнул Юммер. — Может, с вами ей больше нравится, я не спорю.

Гроу усмехнулся, но в глазах его появилось что-то неуловимо хищное.

— В следующий раз поцелую тебя, красавчик. И если мне не понравится, как отвечаешь, отправишься в цирк.

Юммер побагровел и открыл было рот, но Гроу уселся прямо на сцене, скрестив ноги, и хлопнул в ладоши.

— Продолжаем.

Больше проблем по ходу репетиции не возникало. С Юммером, потому что Гроу постоянно что-то не нравилось, а бушующую внутри бурю мне удалось унять только после обеда и разговоров на уютные домашние темы с Тариной и остальными. Удалось относительно. Стоило взглянуть на Гроу, сразу бросало в жар. Я слишком отчетливо помнила, как рванулась к нему, отвечая на поцелуй. Как внутри родилось рычание, которое перекрыло его хриплое дыхание. Вот только это меньше всего было похоже на постановку.

Сердце колотилось так, что я дышать могла через раз.

Целовать Гроу?

Да я его видеть лишний раз не хочу, не то что целовать, тем не менее именно это я сегодня сделала.

К счастью, он ко мне больше не приближался. Полностью сосредоточившись на происходящем, запивал сцены и арии кофе, если ему все нравилось, без устали таскал кого-нибудь из труппы по сцене и объяснял (иногда так, что уши вяли), как это должно выглядеть и звучать. Я ловила на себе взгляды, но в них не было и сотой доли затягивающей глубины, как утром. Исключительно профессиональный интерес.

После окончания репетиции Гроу исчез в неизвестном направлении, забыв небрежно брошенную на подлокотник пачку сигарет. Я же отправилась собираться и выяснила, что Мэйстон снова накрыло снегопадом. Таким, что в белой пелене за окном едва можно было различить площадь перед зданием оперы. Пока приводила себя в порядок перед встречей с новым директором, раздумывала, как пройдет разговор. К закидонам и намекам Броджек я уже относительно привыкла, оставалось

надеяться, что временно исполняющий обязанности окажется более адекватным.

— Ладно, я побежала. Ты точно не со мной? — Тарина остановилась у двери и вопросительно посмотрела на меня.

— Точно. На аэроэкспрессе не успею.

— Тогда до завтра!

— До завтра, Ри.

Стоило рыженькой выбежать за дверь, в гримерной стало совсем тихо. Инис забрал муж, а Кармина и остальные ушли еще раньше. Я положила мобильный рядом, чтобы не пропустить уведомление, откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Заказанный флайс задерживался из-за непогоды, похоже, снова придется платить налог за верхнюю аэромагистраль, чтобы успеть на встречу.

Дверь снова открылась.

— Забыла что-то? — спросила, не открывая глаз.

— Да. Тебя.

От неожиданности чуть не свалилась с дивана, потому что Гроу совершенно точно нечего было делать в моей гримерной. Ладно, в нашей гримерной, но сути это не меняло. Он, похоже, придерживался другого мнения, потому что прошел и устроился рядом со мной, бесцеремонно отодвинув сумку.

— Вы что здесь делаете? — спросила, когда ко мне вернулся дар речи.

— Хотел поговорить о том, что произошло утром.

Он подался вперед, и сердце заколотилось в ритме джумбийских барабанов. Я вдруг с ужасом осознала, что мне хочется потянуться к нему, запустить пальцы в длинные темные волосы. Снова задохнуться в поцелуе, пьянея от этих жестких губ с привкусом кофе, сигарет и пренебрежения.

— Утром что-то произошло? — поинтересовалась, решительно отметая картину минутного помешательства. Неприлично как-то вскакивать с места и бежать, хотя пару секунд назад я была очень к этому близка. — Обычный рабочий момент.

Гроу на миг прищурился (у него это получалось не менее опасно, чем у готовящегося напасть зверя), а потом меня захлестнуло волной чужой, незнакомой силы. Забывая дышать, смотрела в его глаза, затопленные зеленью стихии. Сощуренные, собравшие сеточки морщин в уголках. На вертикальную полосу зрачка.

— К работе это не имеет никакого отношения, и мы оба это прекрасно знаем, Ладэ. Потому что сегодня твоя драконица почувствовала во мне пару.

— Гроу — иртхан?

Не сразу поняла, что спросила это вслух.

— Наполовину, и только между нами. За что?

Я не успела отпрянуть, жесткие пальцы коснулись узора таэрран, и от этого прикосновения шею под ним обожгло не менее яростно, чем когда он только на мне защелкнулся. Резко отвела руку Гроу, глядя в горящие зеленую глаза. Теперь становился понятным и его пристальный взгляд в Ландстор-Холле, и узор татуировки, большая часть которой сейчас была скрыта. На смуглой шее виднелась только агрессивно раскрытая чешуя, морду дракона и надломленный цветок поглотили недра толстовки.

— Сводил родовые узоры, — проследив мой взгляд, произнес Гроу.

От его голоса мог бы взорваться небоскреб. Пока же только внутри меня что-то тоненько дергалось. Ладно, не что-то, а моя драконица.

— Не нашел ничего лучше, чем спрятать дракона под драконом?

— Обожаю сорванные цветы. У них аромат ярче.

Так, все. Подхватила сумку и вскочила, но он стремительно поднялся и перехватил меня за запястье.

— Мы не закончили.

— Закончили. Тебя не смущает, что у меня уже есть пара?

Осознав, что сейчас сказала, осеклась.

— Нет. — Он медленно, один за другим, разжал пальцы и сунул руки в карманы, снова оказавшись со мной лицом к лицу. — Какая мне на хрен разница, если ты с ним еще не спала?

Я схватила первое, что попало под руку, то есть стакан с водой, и выплеснула на дымящегося от чувства собственной значимости гения. К величайшему сожалению, вместо того чтобы превратить Гроу в ошипанное наблище, вода собралась на смуглой коже и волосах прозрачными бусинами. Они взмыли в воздух одна за другой, наливаясь на тонкие нити вихрей вокруг его пальцев. Водное ожерелье рванулось ко мне и рассыпалось брызгами в миллиметрах от лица, сквозь которые зеленый огонь в его глазах полыхнул еще ярче.

Да пусть хоть потоп здесь устроит!

Я показала Гроу неприличный жест, развернулась и вылетела из примерной.

Пара! Дранный безногий набл тебе пара.

Чуть не сломала ноготь, открывая шкафчик электронным ключом. Подула на палец, сгребла куртку в охапку и бросилась в холл. Где-то на полпути к дверям мне пришло уведомление, что флайс дожидается меня на верхней стоянке, потому что воздушные рукава на нижних уровнях

закрыты из-за сильного снегопада. Мысленно ругнувшись, направилась к лифтам, заворачиваясь в одежду и на ходу вспоминая, что Рэйнар рассказывал про пары. Слияние пламени указывает на то, что у пары есть все шансы состояться, но если я правильно помню про сочетание огней, то не факт, что это самое слияние вообще состоится.

Я встречалась с Гердехаром Аррингсханом.

С Вэйларом Рингисхарром... ладно, в последний раз Вэйлар вел себя не очень, но и Гроу далек от идеала.

А моя подростковая озабоченная ящерица именно в нем признала достойного самца.

Класс!

Задышавшись от переполнявших меня чувств, пнула ни в чем не повинную стенку как раз в тот момент, когда двери лифта открылись. Шагнула внутрь, ткнула в кнопку верхней парковки и прислонилась к стене, постукивая пальцами по локтям.

Интересно, меня теперь так каждый раз будет штормить, когда она учует кого поперспективнее? У драконов это проходит, когда они выбирают пару.

Гм, у драконов...

В школе мы изучали, что драконицы очень тщательно подходят к выбору партнера, потому что их пара создается на всю жизнь. Редко случается так, что драконица сразу встречает своего дракона, чаще всего заигрывания с претендентами и совместные полеты длятся по два-три месяца, а то и дольше. Но подпустит она к себе одного-единственного, чтобы стать парой, а после заснуть с ним, скрепляя союз. После совместно проведенной ночи между ними устанавливается прочная ментальная связь, и разорвать ее уже невозможно. Друг без друга они тоскуют, а лишившись пары, медленно угасают...

Заснуть с ним?

Я споткнулась на выходе из лифта и чуть не улетела прямо в перекладину турникета. К счастью, двери лифта очень вовремя оказались под рукой, за них и уцепилась, оглушенная собственным предположением. В этом свете последнее заявление Гроу виделось немного под другим углом.

Нет.

Нет-нет-нет.

Не может же быть, что иртыханы тоже должны заснуть вместе, чтобы стать настоящей парой?

Или может?

Оказавшись во флайсе, прикрыла глаза. Я ведь действительно ни разу не засыпала рядом с Рэйнаром. Точнее, мы никогда не спали в одной спальне, и если предположить, что моя догадка верна, то... не засыпали мы именно потому, что после этого стали бы парой.

Как-то слишком фантастически это звучит.

С другой стороны, в иртханах течет кровь драконов, и если представить, что чем сильнее иртхан, тем сильнее в нем зверь... Так, это уже в «Мире драконов» какое-то получается.

А вот избавиться от этой мысли не получалось, пока мы медленно (хотя и значительно быстрее, чем по центральной аэромагистрали) продвигались в сторону школы Танни. И когда я шла знакомыми коридорами к бывшему кабинету Броджек, и даже когда перешагнула порог. В приемной сидела секретарь с очень замученным видом, но стоило ей заметить меня, как она побледнела и выронила диск, который держала в руках.

— Эсса Ладэ! — Мы с ней чуть лбами не столкнулись, когда я наклонилась его поднять. — Не стоило.

Теперь секретарь пошла красными пятнами, и я послушно отступила.

— Мальтия, я договаривалась о встрече...

— Да-да, эстерд Рагсон вас ждет. Проходите.

Я шагнула в знакомый кабинет, непривычно залитый теплым светом настенных бра и верхних светильников. Невысокий седовласый мужчина тут же оторвался от монитора и поднялся мне навстречу.

— Эсса Ладэ, рад познакомиться.

Голос у него оказался еще более приятным, чем по телефону, а судя по усталому сосредоточенному взгляду, смотреть на меня свысока не собирались. Поэтому улыбнулась и протянула руку.

— Взаимно, эстерд Рагсон.

— Прошу. — Он сразу указал мне на кресло рядом со столом, хотя до случая с Лодингером Броджек всегда усаживала меня на диван, как провинившуюся школьницу. — Хотите кофе?

Покачала головой.

— Нет, спасибо большое. О чем именно вы хотели поговорить?

— О том, как помочь вашей сестре скорее вернуться к привычному общению с одноклассниками.

Зная Танни, главное, чтобы одноклассникам не пришлось ни к чему адаптироваться.

— И о том, что ей лучше избегать открытого противостояния с учениками старших классов. Хотя бы первое время, пока не забудется

отчисление Микаса Лодингера.

— Лодингер отчислен? — Я глубоко вздохнула и чуть подалась вперед.

— Разумеется. С одной стороны, для вашей сестры это хорошо, с другой — в школе у него остались друзья, которые этого не одобряют.

— Не одобряют отчисления после того, что он сделал? Боюсь, им придется с этим смириться.

— Понимаете ли, эсса Ладэ... — Рагсон замялся. — Молодежи свойственен максимализм, со временем они многое поймут, но им нужно время, чтобы успокоиться. Дело ведь не столько в отчислении, сколько...

Я внимательно смотрела на него, и Рагсон продолжил:

— Сколько в том, что запись о его поступке занесли в документы. Теперь он не сможет продолжать обучение в другой школе, будет переведен на домашнее. Но даже если он сдаст экзамены на высший балл, с такой записью сложно куда-нибудь поступить.

Последние пять минут я медленно моргала и испытывала горячее желание залить себе кофе прямо в глаза. Возможно, тогда он на меня подействует. Когда я пела в Ландстор-Холле, вставать можно было позже, потому что впереди был целый день. Новый график начался слишком резко, сегодня же просыпалась особенно тяжело — очень рано. Вчера я до глубокой ночи искала подтверждение своей догадки, ну и нашла. В древности совместный сон даже был частью ритуала бракосочетания иртеханов. Ранним утром к молодой паре обязательно заглядывали родители, чтобы убедиться, что они заснули вместе. Только после этого брак считался полностью состоявшимся.

— Леона, пока!

Я моргнула, приходя в себя, и уставилась на Имери, подхватившую с пола линялую сумку на длинной ручке.

— Да она спит еще, — фыркнула Танни.

— Прости, задумалась, — улыбнулась. — Может, все-таки вызовем флайс? Я оплачу.

— Да ну. — Имери смутилась. — Я лучше сама. Гренки с беконом отличные. Спасибо!

Проводив взглядом Тапии и ее подружку, у которой светлые волосы были подстрижены прядями разной длины, а полосатый свитер съезжал с худенького плеча, открывая бретельку лифчика, не сдержалась и зевнула. Имери, которой в школу надо было ехать чуть ли не на другой конец города, ночевала у нас из-за сильного снегопада. Утром он не закончился, разве что стал чуточку слабее. Зимний рассвет едва пробивался через

пелену туч, а я безуспешно пыталась проснуться. Окончательно. Потому что перед выходом хотелось бы еще распеться.

— Тогда до связи.

— Ага. Увидимся в субботу.

Звук захлопнувшейся двери заставил вздрогнуть, зато желание залить кофе в глаза прошло. На кухню влетела Танни, крутанулась на пятках и устроилась рядом со мной, отодвинув третью тарелку со гренками в сторону. Она улыбалась, и хотя за нашу недолгую поездку серьезно загореть не удалось, сестра все равно выглядела посвежевшей и счастливой.

— Рада, что вы помирились, — сказала я.

Вчера, когда я пришла домой, Танни с подругой сидели у нее в комнате, грызли шарики с беконом и кормили ими Марра, за что он особенно любил Имери. Она его никогда не боялась (в отличие от Вальнара), могла даже сунуть шарик ему под нос, чтобы с руки взял.

— Ага. — Танни широко улыбнулась. — Я два дня думала, звонить ей или нет.

Я вот тоже думала. Вчера, после разговора с Рагсоном, и вообще.

Но пока так ничего и не придумала.

— В субботу поеду к ней. Ты же не против?

— Разумеется, нет.

Надеюсь, на выходных Танни помирится с остальными. Эти ребята были ее друзьями долгие годы, и мне бы очень не хотелось, чтобы из-за Мика их компания развалилась. В Имери я не сомневалась, поэтому ее появление у нас даже не стало сюрпризом. А вот мальчишки на такое реагируют резче.

— Здорово! А еще... у меня со следующего понедельника начинаются курсы у Сириана Файта, поэтому я не смогу по вечерам гулять с Марром. Что делать будем?

Раньше Танни об этом даже не вспомнила бы, а сейчас предупредила заранее. Эта мысль пришла одновременно с воспоминанием о подарке. И о встрече с Рэйнаром, когда он приехал поздравить сестру с днем рождения. Как вообще получилось, что его служба безопасности не проверила все? Как вообще получилось... вот так.

И что мне с этим делать?

— Думаю, мы с Марром справимся. — Марр, услышав свое имя, виркнул и задрал голову — может, перепадет что? Когда понял, что нет, плюхнул морду между лап и вздохнул. Очень тяжело. — Танни, я вчера встречалась с Гемиром Рагсоном.

— А, временный директор. — Сестра кивнула и втянула в себя

остатки кофе. — Надеюсь, он им и останется. Классный чувак и общается по-человечески.

Я тоже на это надеюсь. После разговора с ним стало немного спокойнее, он рассказал, что в школе большая часть учеников на стороне Танни, даже если они не решаются заявить об этом вслух. Вокруг Лодингера и его компании собирались стайки жаждущих стать частью «элиты». Общение с «золотыми» мальчиками и девочками было очень престижным, но после той ситуации их популярность слегка пошатнулась. Директор уверял, что, если сестра не станет реагировать на нападки и показывать характер, со временем все забудется.

Со своей стороны Рагсон обещал сделать все возможное, чтобы возвращение Танни прошло как можно легче. И я ему поверила, потому что общался этот мужчина открыто и прямо, без каких-либо полунамеков и снисходительного тона. Видно было, что на своем месте этот человек не для галочки и настроен серьезно. Он даже спросил, стоит ли предложить Танни помощь школьного психолога, но я отказалась. Не хотела, чтобы сестре пришлось переживать эту историю снова, тем более в присутствии постороннего человека. В результате мы сошлись на том, что если такая необходимость возникнет, я обязательно сообщу.

— Почему ты ничего не сказала про увольнение Броджек? И про отчисление Лодингера?

Танни удивленно посмотрела на меня:

— Ты разве не знала?

— А должна была?

— Вы же с ним разговаривали.

Разговаривали, но не о том. Если поток взаимных упреков вообще можно назвать разговором. И вообще, постойте-ка...

— О чем вы говорили в Зингсприде? — спросила, подозрительно прищурившись. — После того, как Рэйнар узнал о видео?

Танни сдвинула брови.

— О том, что со всем этим делать. Он спросил, чего я хочу. Говорил, что я могу подать на Мика в суд, потому что это прямое нарушение моих прав. Я сказала, что не хочу никакого суда, а просто хочу, чтобы все это закончилось. И никогда больше не видеть Лодингера.

Ну... теперь и не увидит. Ни Броджек, ни Лодингера. Не думаю, что Мик настолько идиот, чтобы сунуться к Танни после случившегося. Не знаю, был ли его папаша в курсе видеозаписи, но в том, что от него ему тоже влетело знатно, сомневаться не стоит. Не того он положения человек, чтобы спускать сыночку такие пятна на репутации.

— Ясно, — сказала я.

Что ничего не ясно.

— Мне пора. — Танни поднялась и внимательно посмотрела на меня. — А тебе пора подумать о своих чувствах и о том, чего ты хочешь на самом деле.

— Кто-то слишком умный, да?

Сестра показала мне язык и выбежала с кухни, а я подперла руками подбородок, глядя на падающий за окном снег. Невидимое под пеленой туч солнце уже взошло, и с каждой минутой становилось светлее настолько, насколько позволял клубящийся за окном белый рой, липнувший к окнам. Я повернулась, глядя на шпиль Лаувайс и чувствуя, как внутри меня тоже что-то светлеет. Танни права, а я... Я не представляю, что получится из нашего с Рэйнаром разговора после всего, что было.

Не знаю, но сегодня вечером обязательно это выясню.

— Даже на коммерческой основе девицы вешаются на мужчин не так пошло.

— Вы же сами хотели откровенности! — воскликнула Кармина.

Она интимно прижималась к Юммеру, по сюжету Элла соблазняла Стена.

Безуспешно.

— Откровенности, а не вульгарщины. Шоу «Горячий язычок» хорошо для тех, у кого нет подружки. На сегодня закончили.

Гроу на ходу подхватил сигареты со сцены, махнул рукой и направился к дальним дверям.

Сегодняшний день показался мне бесконечным. Большую часть времени мы прорабатывали общую сцену, в которой Стен приводит Люси на семейное торжество. Именно там она знакомится с его родными, Эллой и с высшим обществом, которое в большинстве своем смотрит на нее свысока, зато герой Хиггинса сразу обращает на нее внимание и пытается сблизиться. Признаюсь, играл он так, что я бы сама ни за что не заподозрила в этом харизматичном мужчине злодея.

По количеству задействованных лиц сцена была чуть ли не самой большой и насыщенной событиями. Мы все выкладывались на полную, но летали по сцене, как шерсть во время драки виаров, потому что Гроу не правилось то одно, то другое. Зато сегодня он больше никого не целовал, и все были счастливы. Не знаю даже, кто больше: Юммер или я. Когда моей руки касался Стен, с ума сходила только Люси, и это меня целиком и полностью устраивало. Равно как и то, что Гроу больше не пытался меня

лапать. Мне хватало пристальных профессиональных взглядов, от которых драконица начинала приглушенно урчать.

Бесстыжее животное!

— Мне кажется или он сегодня не с той ноги встал? — прошептала Тарина, когда мы шли в сторону гримерных.

— Он всегда такой, — буркнула я. — Не выспался, наверное.

— Сильнее, чем обычно, — хмыкнул Хиггинс.

— Сегодня особенно, — подтвердила Инис.

Нерхан промолчал. Среди нас он был самым молчаливым, и я решила к нему присоединиться. Скользящая тема настроения Гроу меня совершенно не касалась. И уж точно она не имела никакого отношения ко мне и к тому, что между нами не произошло вчера. Тем более что доставалось всем поровну. Мы сходили на поздний обед (Гроу отпустил нас, только когда понял, что сейчас наш дружный коллектив начнет складываться упругими штабелями) и вернулись, чтобы продолжать в том же духе до самого вечера.

— Ты сегодня опять на машине? — поинтересовалась Тарина.

— Да, — кивнула, быстро собирая сумку. На этот раз я вызвала флайс заранее.

— Сама не водишь?

— Пока что водить нечего, — фыркнула.

Тарина приподняла брови и улыбнулась.

— Пока что? Собираешься обзавестись?

Подумала и кивнула. Почему бы и нет.

Купить себе флайс — неплохая идея. Лэм, конечно, ругается страшными словами, когда приходится торчать на техосмотре или когда в нем что-то ломается, но для этого есть сервисы. Зато не нужно ждать, пока машина подлетит, в любой момент взяла ключи и куда угодно выдвинулась. Пожалуй, надо серьезно подумать об этом и выделить из бюджета средства. Зря я, что ли, ходила на курсы «антистрах»?

Не успела собраться, как пикинуло уведомление.

Попрощавшись с коллегами, первой вылетела из гримерной и направилась на стоянку.

Водитель включил радио, и сейчас между обещанием усиления порывов ветра, понижения температуры ночью и болтовней диджея звучали красивые мелодии, от которых на душе становилось тепло. Со всех визоров летела реклама ресторанов, зазывающих на праздничную ночь, приглашения в торговые центры за подарками. Закутанный в белую пелену Мэйстон стал зимним и сказочным, словно сошел с праздничных

фотограмм. Снег по-прежнему валил, теперь снова крупными хлопьями, и я вспомнила вечер знакомства с Рэйнаром и чувства, с которыми возвращалась из Ландстор-Холла.

Могла ли я тогда представить, чем все обернется?

И что я буду ехать домой с одной только мыслью о нашем разговоре. Утром решение казалось простым, а сам разговор — далеким. На репетиции задуматься об этом времени не было, но сейчас с каждой минутой руки холодели все больше. Пришлось сцепить пальцы и растирать их, глядя на проносящийся за окнами город. Куда бы мы ни поворачивали, взгляд то и дело притягивался к Лаувайс. Даже когда она скрывалась за громадами бизнес-центров, ее шпиль по-прежнему возвышался над ними. Если же оставалась за спиной или сбоку на очередном повороте, отражалась в стекле или в зеркале заднего вида.

— Скоро украсят, — кивнул водитель в сторону огней аэромагистралей, которые в ближайшие дни и впрямь должны были смениться праздничными. — За Центральным мостом уже иллюминация повсюду, в парке не были еще?

— Нет, — покачала головой.

— Сходите обязательно. Там уже горки поставили и каток заливают. На выходных откроют, наверное. Волшебство!

До Смены Времен и впрямь оставалось всего ничего. Эта ночь станет своеобразной поворотной точкой в истории нашего мира, потому что мы перейдем на новое летоисчисление. Сейчас двадцать шестое столетие со дня Великого перелома, то есть две тысячи пятьсот пятьдесят восьмой год. До появления в мире первого иртхана наша история насчитывала еще семь тысяч триста сорок два года. Не так давно было принято решение убрать разделяющую эпохи черту, поэтому вскоре весь мир шагнет в десяти тысячный год. Готовились к этому с размахом во всех странах, а что будет твориться в праздничную ночь, просто не представляю.

Точно так же, как не представляю, с чего начать разговор, потому что расстались мы не самым лучшим образом.

Ладно, не самым — это еще мягко сказано.

У двери квартиры я чуть не выронила ключи, потому что подрагивали пальцы.

— Марр сожрал наш ужин, — заявила Танни, едва я шагнула в холл.

К слову, самого Марра нигде не было видно.

— Весь кусок?

— А ты сомневаешься в его пожирательной способности?

Я не сомневалась, при желании виары могут сожрать треть своего

веса. Попросила сестру достать мясо из морозильника, чтобы по возвращении приготовить еду сразу на несколько дней, а теперь у меня был обожравшийся виар и пустой холодильник. Даже полуфабрикаты и замороженные сэндвичи закончились, потому что мы все подъели. Обычно выбирались за продуктами в выходные, но на этот раз они прошли в Зингсприде.

— Марр! — рыкнула грозно.

Из комнаты донеслось жалобное вирчание. Потом тихое цоканье, после чего передо мной появился самый раскаявшийся в мире виар. Огромные глаза со слезой смотрели в самое сердце, а взгляд был исполнен такой тоски, что любой мигмом почувствовал бы себя последней сволочью. Три года державшей ни в чем не повинного зверя на голодном пайке и вообще всячески над ним издевавшейся. Если не учитывать, что у этого виара пузо было размером с его башку. А если учитывать, то чувствовать себя жестокой как-то совсем не получалось.

— Завтра на диете, — сообщила приговор.

— Виу...

— Обжалованию не подлежит.

— Я могу сходить в магазин, — сказала Танни. — Заодно выведу его еще раз. Вряд ли он до утра дотерпит.

Еще бы, после такого-то.

— Лучше схожу сама. — Все равно раздеться еще не успела. — Тебе еще к тестам готовиться.

Подхватила поводок и похлопала по ноге.

— Иди сюда.

Марр послушно позволил себя заковать, и мы выскочили в ночь. Точнее, в мягкий и сказочный зимний вечер. В парке было безлюдно и удивительно тихо, разве что кое-кто пыхтел и сопел, пока я не отпустила его побегать. По дальней аллее вышагивал какой-то мужчина, видимо, вышел пройтись перед сном. Мобильный оттягивал карман куртки, а я снова и снова думала о том, с чего начать. И о том, что я сбежала из дома, чтобы не начинать, потому что прогулка с Марром давала небольшую отсрочку.

Рэйнар отозвал охрану, но вызвал Шахррейна на поединок.

Убрал от Танни Броджек и Мика. Не просто убрал, заставил их ответить за все.

Но до сих пор не набрал мой номер.

Должна ли я ему звонить? И что скажу, даже если... даже если что?

Так, все, хватит. Решила — значит, звоню.

Скользнула пальцем по дисплею, поднесла телефон к уху. Мягкий снег поглощал даже звуки шагов, а вот гудки казались оглушающе громкими, только они и перекрывали стук сердца в ушах.

Гудок — удар — вдох.

Выдох. Тишина, звенящая в ушах, и беззвучно кружащийся снег.

Гудок — удар — вдох.

Выдох. Я вдруг поняла, что за все время нашего общения сама набирала его от силы несколько раз. В основном Рэйнар звонил сам.

Гудок — удар — вдох.

Щелчок.

— Привет.

Сложнее всего сказать первое слово, ну вот... я это сделала. Точнее, выдохнула быстро-быстро.

— Здравствуй, Леона.

От голоса — сильного, такого знакомого — все внутри перевернулось. Казалось, я не слышала его вечность, хотя на самом деле четыре дня. Четыре долгих дня. Все слова разом вылетели из головы, а может, и не было их там особо.

— Спасибо, — произнесла я. — За Танни. То есть...

— Не стоит. Я сделал то, что был должен.

— Не должен, — покачала головой, а потом неожиданно произнесла: — Рэйнар, что между нами происходит?

— А между нами что-то происходит, Леона? — донеслось из трубки. Холодное настолько, что даже снежинки на щеках казались теплыми по сравнению с его голосом. — Ты хотела свободы, ты ее получила. На этом все.

Снег продолжал падать, хотя мне показалось, что он замер.

— Все? — уточнила я.

Просто не знала, что еще спросить или сказать.

— Все. Ты хотела еще о чем-то поговорить?

Хотела.

О поединке, хотя и не представляла как.

— Нет.

— В таком случае доброй ночи.

Снег пошел снова. А я посмотрела на погасший дисплей и сунула телефон в карман.

Марр подлетел ко мне с разбега, взметнул фонтанчики снега, шмякнул лапу на ногу, а я посмотрела сквозь деревья. Туда, где над черной гладью залива метель растянула бьющееся на ветру кружево. В сгущающейся белой

пелене огонь Лаувайс полыхал все сильнее.

Четыре дня.

Четыре похожих на вечность дня назад мы расстались на побережье в Зингсприде.

Расстались.

Дикое, страшное слово.

Хейд был прав, музыка не прощает равнодушия. Так же как горящий внутри меня огонь. И я обязательно буду гореть, буду несмотря ни на что. Когда пойму, что это больше не сведет меня с ума.

А пока Люси будет гореть за двоих.

ГЛАВА 8

— А самое паршивое, — заявила я, глядя на коленки Лэм, — что я до сих пор думаю об этом поединке.

Если долго лежать, запрокинув голову, перед глазами начинают плавать звездочки, а комната кажется перевернутой. Не только комната, подруга и Марр торчали рядом с моей кроватью вверх ногами. Ладно, вверх ногами была Лэм, а Марр был вверх спиной, примагниченный к полу.

— Можешь думать о нем сколько угодно. Дай только крем заберу.

— Нет!

Я сцапала пластиковое ведро с замороженным кремом (где осталось чуть меньше половины) и прижала к груди.

— Горло застудишь, — свирепо сказала Лэм.

— Нечестный прием, — вздохнула и отставила крем на пол, из-за чего Марр тут же вскинул голову. Не успел, подруга подхватила ведро и щелкнула крышкой раньше, чем виар опомнился.

— С тобой честные не работают. Последние несколько часов я думаю о том, что распорядительницей на моей свадьбе будет унылое одноклеточное.

— Многоклеточное, — поправила я. — Кстати, по поводу свадьбы. Разрешение на проведение церемонии получено. Ресторан подтвердил бронь, осталось оплатить полностью, и он ваш. Отель тоже забронирован, список гостей переслала в агентство с твоими комментариями. Схему, кто и с кем будет сидеть, они сделают в течение недели. А, вот еще. Программа тоже скоро будет готова, с ведущим встречаемся в следующие выходные. Доверишь мне, или вы с Дрэйком хотите сами с ним пообщаться?

Лэм покачала головой:

— Не переводи тему. Ни один правящий этого не стоит.

— Стоит, — сказала я.

Именно этот стоит.

— Лапонька, это ненормально.

— Что именно?

— Ты не можешь весь день провести в спальне, лежа в пижаме с голубыми дракончиками.

— Не весь. Сейчас еще только пять вечера, и вообще у меня сегодня выходной. Что хочу, то и делаю.

— Я заметила. — Лэм присела на кровать, из-за чего ее коленки

оказались прямо на уровне моего лица.

Если голову повернуть, но голова была тяжелая. Мне вообще гораздо больше нравилось смотреть в потолок, так слезы не вытекали. С вечера среды они были на низком старте, грозя обрушиться ливнем в самый неподходящий момент. Например, когда Люси светится от счастья. Ну ладно, дело не в слезах. На самом деле мне просто хотелось лежать на кровати, ничего не делать и смотреть в потолок. Еще замороженного крема, и чтобы меня не трогали.

В конце недели юрист Аррингсхана прислал мне договор, но я в него так и не заглянула, просто не могла себя заставить. День проходил на сцене, где я выкладывалась, чтобы вечером просто рухнуть в постель, а если не спалось, учила партию Люси. Окна в спальне запечатала жалюзи, а к визору вообще не приближалась. К счастью, шумиха по поводу Зингсприда немного поутихла, поэтому количество писем и звонков медленно, но верно стремилось к нулю.

— Леона!

Лэм рыкнула так, что Марр подскочил на все четыре лапы. Пожалуй, при наличии соответствующей «родословной» ее можно было назначить командиром взвода вальцгардов, но по «родословной» Лэм не проходила.

— А?

— Поднимайся, выведем тебя в люди.

— Отказаться можно? — спросила с надеждой.

— Нет.

Почему я так и подумала?

В душе проторчала с полчаса, а когда вернулась, на кровати уже лежали джинсы и кофточка с v-образным вырезом. Пришлось переодеваться, причесываться и все такое. Из зеркала на меня смотрела очень бледная блондинка с большими глазами. Похоже, Лэм тоже так решила, потому что пинком развернула мое кресло и взялась за макияж. В итоге блондинка стала немножко поярче с оттененными уголками глаз, хорошо покрашенными ресницами и вечерней алой помадой.

Алой, как цвет его пламени.

— Так уже лучше, — заявила подруга, критически оглядев дело рук своих. — Кстати!

Лэм достала из кармана ключи и положила на покрывало.

— Возвращаю.

Дубликат, который ей передавал Валентен, чтобы присматривать за Марром. После того, как я умудрилась посеять ключи неизвестно где, сразу сделала для себя и запасные.

Еще раз посмотрелась в зеркало и поднялась.

Наш флайс вписался в поток на пределе разрешенной скорости, но я даже не пошевелилась.

— Знаешь какой-нибудь хороший бар, где и посидеть, и потанцевать можно? — спросила Лэм, перестраиваясь на нужную полосу и мигая огнями пропустившему нас грузовому флайсу. — Тот, в котором мы тусили вчетвером, недавно закрылся.

— С чего бы? — удивилась я.

— Не представляю. Кажется, у них ребрендинг намечается. Так что?

На ум приходила только «Веалия», но вряд ли у них в субботу будут свободные места. Хотя...

— Минуту.

Мы все равно двигались в центр, поэтому время в запасе было.

Сбросила Хейду сообщение: «Для двух девушек найдется столик в „Веалии“?»

Он позвонил мне вчера и сказал, что его друг сейчас в отъезде, но на следующей неделе вернется, и мы проведем интервью.

«Двух девушек уже ждут. Скажите администратору, что вы от меня». — «Спасибо, Лайт».

Я назвала Лэм адрес, и она включила навигатор. Тот шустренько проложил кратчайший маршрут, спустя минут сорок мы уже были на месте.

— Я вас провожу, — улыбнулась девушка-администратор, когда я назвала фамилию Хейда и на нас надели браслеты.

Оказавшись в зале, поняла, что была права: уютный диско-бар субботним вечером был переполнен. За столиками собрались отдыхающие, приглушенный свет из-под абажуров плескался на бокалах теплыми бликами. На этот раз музыкальный автомат молчал, а из динамиков лилась приглушенная ненавязчивая мелодия, что-то вроде лирической баллады начала века.

— У вас столик на первом этаже. — Администратор произнесла это так, словно извинялась. — К сожалению, вся ВИП-зона на сегодня забронирована.

— Не страшно, — сказала я и подняла голову.

Чтобы наткнуться на пристальный взгляд Гроу.

Он устроился как раз в ВИП-зоне за столиком у стеклянной перегородки. Кресло было развернуто таким образом, чтобы просматривался почти весь первый этаж, а с него прекрасно был виден он. Толстовку сменила темная рубашка, выпущенная поверх джинсовых брюк,

а длинные волосы пребывали в обычном беспорядке.

Ну, супер.

Преследует он меня, что ли? Хотя нет, для преследователя он как минимум пришел раньше.

Первым порывом было развернуться и сказать Лэм, что я передумала. Представив, как это будет смотреться со стороны, мысленно рыкнула, отвела взгляд и пошла вслед за администратором. Наш столик оказался у самой стены, прямо под его взглядом, поэтому я уселась спиной к Гроу, предоставив Лэм возможность рассматривать окружающих и обстановку.

— Та-ак. — Стоило администратору пожелать нам приятного отдыха и отойти, как подруга чуть подалась вперед. — И с кем это ты так многозначительно переглядывалась?

— Ни с кем, — буркнула я.

— Для «ни с кем» он слишком внимательно смотрит на твой затылок.

Мой затылок стал горячим.

— Вот зачем ты это сказала?

— Потому что сегодня первая твоя живая реакция — на этого типа. — Лэм оперлась локтями о столик и сцепила пальцы.

Пришлось признаваться:

— Это мой постановщик.

Лэм оживилась:

— Постановщик? Тот самый? Никогда не общалась с постановщиками!

— Тебе повезло, — ответила я, открывая меню.

— Познакомишь?

— Зачем?

— Как зачем? У меня, может, первый и последний шанс пообщаться с тем, кто творит искусство!

— Ты всегда можешь пообщаться со мной.

Лэм покосилась мне за спину.

А я, почувствовав засаду, обернулась. Рядом с нашим столиком стоял официант.

— Эсса, вас и вашу знакомую приглашают пересесть за столик в ВИП-зоне.

— Благодарю, — очаровательно улыбнулась. — Но нет. Передайте, пожалуйста, что у нас девичник.

Стоило официанту отойти, Лэм скептически хмыкнула.

Я сделала вид, что ничего не замечаю, разглядывая коктейли. Кажется, вот этот был вполне сносным, в него и ткнула. Есть не хотелось

совершенно. После того количества замороженного крема, которое в меня влезло, вряд ли найдется место даже для крохотного сэндвича или салатика. Не говоря уже о чем-то большем.

Лэм кашлянула.

— Что? Тебе помочь выбрать? Вот этот неплохой, — развернула свое меню-планшет к ней.

— Мне кажется или ты забыла что-то рассказать?

— Тебе кажется. — Под пристальным взглядом подруги становилось как-то неуютно.

— Почему ты отказалась?

— Потому что я пришла пообщаться с тобой, а не развлекать свое начальство.

И потому что два предыдущих моих визита в ВИП-зону закончились не очень хорошо.

— А вот твое начальство не против развлечь тебя.

— Давай закроем эту тему! — рыкнула я.

— Ладно, ладно. — Лэм примирительно подняла руки. — Закрыли.

— Вот и чудесно.

— Милое местечко, — произнесла подруга, сделав заказ.

— Да, мне здесь очень нравится.

Если бы не Гроу, вообще было бы супер.

— Дрэйк говорит, в Ландстор-Холле зал полупустой. — Лэм подперла руками подбородок.

— Мне жаль.

Мне, правда, было жаль. Несмотря на наши с Эвель разногласия, несмотря на то, как мы расстались... Мне бы хотелось снова выйти на малую сцену и спеть для гостей. По-хорошему, я ведь даже с ними толком не попрощалась. Хейд, конечно, сделал потрясающее объявление на моей официальной странице, но личная встреча и запись в сети — не одно и то же.

— Скучаешь? — улыбнулась Лэм.

— Да, — не стала скрывать.

Возможно, поэтому я до сих пор не забрала вещи, которые остались в клубе. Конечно, можно было попросить Дрэйка их забрать, но я хотела съездить в Ландстор-Холл сама. Пройти знакомыми коридорами, заглянуть к девочкам из «Огненного шквала». Пусть мы не так много общались, но время, проведенное в стенах Ландстор-Холла, навсегда останется в моем сердце.

— На смену старому всегда приходит что-то новое, — философски

заметила Лэм. — Движение вперед без перемен невозможно.

К нам снова приблизился официант. Помимо двух коктейлей на подносе возвышалась бутылка тоньяса, вазочка со льдом и два бокала.

— Подарок от эссерда из ВИП-зоны, — пояснил мужчина, ловко ставя все на наш столик. — Мне что-нибудь ему передать?

Так, с меня хватит.

— Нет, я сама его поблагодарю.

Официант кивнул.

— Вам открыть тоньяс?

— Пока не надо, спасибо.

Дождалась, пока он отойдет, и потянулась к бутылке.

— Эй, ты что задумала? — Лэм перехватила бутылку раньше, чем я ее цапнула.

— Вернуть, разумеется.

И лично попрошу дарителя оставить меня, то есть нас, в покое.

— С ума сошла? — воскликнула подруга и прижала бутылку к груди. — Это тоньяс пятидесятилетней выдержки. «Баркхари Луайе». Ты знаешь, сколько он стоит?

Я пригляделась, бутылка как бутылка, пузатенькая, разве что пробка в виде дракона, лапы которого якобы держали горлышко. Вот не сильна я в спиртных напитках.

— Дорого?

— Да я за три месяца столько зарабатываю!

Желание вернуть тоньяс стало еще сильнее, но, когда я обернулась, столик Гроу пустовал. Кресло но-прежнему было отодвинуто, в пепельнице лежала дымящаяся сигара, но ни на втором этаже, ни поблизости постановщика не наблюдалось.

М-да.

— Мы обязаны его попробовать! — заявила Лэм, возвращая бутылку на столик, но на всякий случай поставила поближе к себе.

— Даже не знаю...

— Не знает она! Не хочешь открывать — заберу с собой.

В том, что Лэм заберет, можно было не сомневаться. А я вдруг подумала — какого? Ну, действительно, какого? Сегодня суббота, передо мной лучшая в мире подруга и дорогуший тоньяс, а я тут напрягаюсь по поводу и без.

— Открывай! — вздохнула.

— Так-то лучше.

Мы подозвали официанта, который наполнил пузатые бокалы на

коротеньких ножках.

— Принесите еще шоколад и лица, — попросила Лэм. — Э-э-э!

Она перехватила мою руку, когда я уже собиралась запустить себе в бокал льдинку.

— Всему тебя учить надо.

— А что? — удивилась я, возвращая льдинку в форме сердечка в вазочку.

— Так весь вкус перебьешь! Пусть постоит немного.

Ну постоит — так постоит. На всякий случай я еще раз обернулась, но на столике Гроу по-прежнему одиноко дымила сигара.

— За нас! — Лэм подняла бокал с коктейлем. — Прекрасных и неповторимых!

— За нас! — подтвердила я.

Коктейль был красивый: бледно-голубого цвета, со взбитыми сливками, украшенный зонтиком и литтоновыми ягодками. И таким же вкусным, как в первый раз.

— Мм... — подтвердила мои впечатления Лэм. — «Веалия» нравится мне все больше. Откуда ты про нее узнала?

— Ее обожает мой агент.

Вполне вероятно, что Хейд и Гроу подсказал хорошее место, где можно отдохнуть и расслабиться вечером. Хотя кто его знает, этого Гроу. Мне вообще расхотелось думать о мужчинах. Гораздо приятнее просто сидеть в мягком кресле, смаковать вкусняшки и наслаждаться обществом Лэм.

— Когда поедem за платьем?

Подруга передернула плечами.

— Наверное, на следующей неделе.

Платье мечты Лэм мы так и не нашли. Разве что несколько, которые «можно бы, но все-таки не то самое». В свободное время я пролистала кучу каталогов в интернете, но ничего из того, что сбросила подруге, ей тоже не понравилось. В итоге мы договорились еще раз пробежаться по свадебным салонам в следующую субботу. Если так ничего и не найдем, будем примерять и выбирать из того, что есть.

Коктейли за разговором закончились быстро, и, поскольку официант уже принес шоколад и лица, Лэм потянулась к тоньясу. Я последовала ее примеру и ощутила густой терпкий аромат. Он ударил в голову похлеще напитка: орехово-резкий, сильный. На миг даже дыхание перехватило, словно Рэйнар оказался за спиной и положил руки мне на плечи.

В этот момент вдруг отчетливо пришло осознание: мы больше никогда

не увидимся.

Никогда больше меня не коснется жесткая ласка его взгляда.

Никогда больше не обожжет его прикосновениями, словно я дотронулась до живого огня. И уж совершенно точно я не буду больше сходить с ума от поцелуя среди осыпающихся с неба звезд.

Опрокинула напиток в себя и задохнулась, тоньяс обжег горло и теплом побежал по телу.

— Твой постановщик вернулся, — сообщила Лэм, облизывая губы. — И не один...

Я обернулась и увидела, как Гроу поднимается на второй этаж. Девушка, которая шла рядом, положила руку ему на талию, но он ее сбросил. Руку, разумеется, хотя мысль о сброшенной с лестницы девушке пришла как-то некстати. Возможно, все дело было в том, что она тоже оказалась рыжей («везет» мне на рыжих). Или в том, что, едва усевшись за столик, она принялась гладить ногу Гроу своей.

Чудный отсюда обзор, я же говорила!

— Эй! — Лэм щелкнула пальцами. — Я, между прочим, тут.

Я в общем-то тоже.

Повернулась к ней и попробовала тоньяс снова. На сей раз маленьким глоточком, раскатав напиток на языке. Вкус у него оказался такой же сильный, как аромат: насыщенно-ореховый, с цветочными нотками. Наверное, если бы я жила в мире Люси, сравнила бы его с обжигающим солнечным днем в густой, по пояс, траве.

От запаха кружилась голова, и я отставила бокал.

— Что не так? — нахмурилась Лэм.

— Слишком крепкий.

— Слишком крепкий! А я что, должна выглядеть как старая одинокая алкоголичка?

Не выдержала и прыснула:

— Меньше всего ты похожа на одинокую алкоголичку.

— То есть на старую вполне? — Лэм ослепительно улыбнулась.

— Ты как собираешься домой добираться? — поинтересовалась я у подруги.

— Закажу эвакуатор, — отмахнулась она. — Или заплачу за стоянку, а завтра заберу. Мы отдыхаем или как?

Я подумала и... решила, что отдыхаем. Напряжение понемногу отступало, у меня даже получилось расслабиться. Мы говорили обо всем — разве что избегая темы Рэйнара, и, как ни странно, свадьбы. Лэм поддержала мое решение купить флайс и сказала, что они с Дрэйком с

удовольствием присоединятся. Оказывается, знакомый Дрэйка — директор крупного салона. Чтобы не прогадать с выбором, можно было обратиться к нему.

Мы решили разбавить крепость тоньяса и заказали еще коктейли, потом официант предложил какие-то шоты... Ну ладно, шоты предложила я, официант только посоветовал, что можно выбрать. С каждой минутой становилось все веселее, и хотя абажур перед глазами периодически двоился, равно как и зал, это тоже было весело.

— Потанцуем? — Я вскинула голову и обнаружила двух блондинов.

В смысле блондин был один, это я не могла сфокусировать взгляд. Широкоплечий, смазливый, с меня ростом, с бородкой клинышком и в жилете.

— Я не...

— Иди-иди! — Лэм под столом ткнула меня носком ботинка. — Я не обижусь.

Не успела возмущенно фыркнуть, как уже оказалась на ногах, блондин по-мужски сильно подхватил меня за талию и увлек за собой. Сопротивляться, если честно, особо и не хотелось. Если раньше в уютном кресле было спокойно, то сейчас ноги горели от желания двигаться, чтобы вытряхнуть из головы и сердца Рэйнара и все мысли о нем, забыть его запах и прикосновения. От мужчины, кстати, пахло каким-то жутко сладким парфюмом, перебивающим все, что только можно. На ходу бросила быстрый взгляд на второй этаж, но Гроу с рыжей там не было.

Ну вот и отлично!

На выходе из бара блондин подтолкнул меня направо.

— Эй! Танцпол в другой стороне! — Я попыталась упереться каблуками в пол и повернуть, но неожиданно пространство качнулось в сторону, и я поехала вниз. Мой спутник едва успел меня подхватить и вернуть в вертикальное положение. Надо будет сказать Лэм, что в следующий раз берем только шоты или только коктейли. И никакого больше тоньяса! Мы ведь, кажется, его еще не допили?

— Разве в другой?

За нами кто-то вышел в коридор, я заметила только мелькнувшую тень и ткнула в стену, где она только что была.

— Точно! Надо идти по сиреневой стрелочке.

— По какой?

Мы фыркнули одновременно, а потом расхохотались. Стрелочек у меня перед глазами и впрямь было много, но в общем-то я оказалась права. Неоновые линии привели нас на танцпол, где под ухающие в груди басы

народ двигался в едином зажигательном ритме. Все сливались в пеструю мельтешащую толпу, но у самых панорамных окон, пронзаемых лазерными лучами, полыхало живое пламя.

Пара, вокруг которой расступилась толпа, двигалась словно единое целое. Звериная пластика мужчины, ведущего партнершу, как свое продолжение. Ее откровенная, бесстыдная грация, когда она подавалась назад, вжимаясь в него ягодицами и спиной, повторяя каждый изгиб его тела. Они продолжали музыку и начинали ее, задавали настроение на танцполе.

Неприкрытый, яростный, животный секс.

Миг — они оказались лицом к лицу, его руки скользнули по ее бедрам на грани откровенности, а ее ладони по его щекам. Мужчина повернулся, награждая меня звериным взглядом, глаза в глаза. Мгновение узнавания: в затихающих ритмах музыки Гроу привлек женщину к себе, вжимая раскрытыми бедрами в свой пах и прикусывая кожу на ее шее. В алом платье рыжая напоминала угасающий огонь, облизывающий обугленный до черноты камень в тщетной попытке его нагреть. С моих губ сорвалось не то рычание, не то выдох.

По залу пронеслись рукоплескания и свист, утонувшие в музыке.

Собственный вдох показался медленным и хриплым.

— Позер! — почти прокричал мне в ухо блондин.

Я вцепилась в его плечи ногтями, рванула на себя. Задышавшись от бешеного ритма гулко ухающего сердца и дикого, ненормального желания оказаться на месте рыжей, которую Гроу увлек в следующий танец. Он почти трахал ее на этом танцполе, но смотрел на меня, словно мысленно то же самое делал со мной. Я не отпускала его взгляда, в движении сливаясь со своим партнером. Здесь, у самой стены действительно возникало ощущение, что мы танцуем над бездной и разделяет нас пустота.

От меня до него — как стальной, дрожащий под ударами ураганного ветра трос.

Бешеное биение сердца.

Светомузыка отражалась от стен и искрила, будто разорванный провод под напряжением. Но сильнее сыпало искрами разгорающееся в темных глазах зеленое пламя, которое принадлежало только мне.

Дико, охренительно, невозможно: повторять каждое движение друг друга, не имея возможности прикоснуться.

— Шикарно танцуешь, — хрипло выдохнул блондин мне в ухо. — Любишь вести, да?

Вместо ответа я потянула его за волосы, заставляя запрокинуть голову,

обжигая горячим желанием шею. Позволяя музыке себя подхватить, швыряя в бесконечные волны звучания и ритма, — до изнеможения, до сводящего с ума выгорания, за которым не будет ничего. Мне казалось, стоит замедлиться, остановиться, и я просто упаду.

Вдох, разворот, бессмысленно мельтешащие перед глазами фигуры...

Поворот, долгий взгляд, выдох.

Неразбавленная звериная страсть, хлещущая под своды зала.

Хриплое дыхание мужчины, слияние тел, изгибы алого пламени, обтекающего тьму, идущая по нарастающей музыка.

— Детка, ты просто огонь.

Я смотрела на Гроу, глаза в глаза. На то, как его ладонь течет по изгибам тела партнерши.

— А я тебя узнал, — хрипло прошептал блондин. — Ты та певичка, с которой выходил Халлоран.

Имя Рэйнара ударило, как встречный ураган. Несмотря на несущую меня силу, набирающую обороты, хлестнуло наотмашь.

— Чудесно, — выдохнула я. — У тебя хорошая память!

А потом резко оттолкнула его и направилась к выходу с танцпола. Пошатываясь, каким-то чудом огибая движущийся передо мной народ. Подумаешь, на ногу кому-то наступила.

Ой, еще раз...

— Далеко собралась? — Опомнившийся блондин догнал меня почти у двери, схватил за запястье. — Вижу, ты из тех девочек, от которых благодарности не дождешься.

— Ты о чем? — Раздраженно дернулась, но он держал крепко.

— Недостаточно хорош для тебя, да, детка? — прошипели мне в лицо. — Но тоньяс ты все-таки приняла. Теперь придется расплачиваться.

Блондин перехватил меня за талию, дернул на себя. Сладковатый запах его парфюма окутал тошнотворным облаком. Еще не успела понять, что происходит, как горячие ладони легли на ягодицы и сжали почти до боли. Я саданула коленом между ног, но промахнулась и попала ему куда-то в бедро.

— Руки убрал! — прорычала, вонзая ногти ему в ладонь.

— Любишь пожестче? Одобряю!

Краем глаза заметила отделившегося от танцующих мужчину, но прежде чем тот успел приблизиться, блондину прилетело в нос с другой стороны. С размаха и настолько точным ударом, что он едва удержался на ногах, только схватился за лицо. Пальцы Гроу сомкнулись на его плече.

— Она со мной. Вопросы? — Хриплый низкий голос прокатился по

телу волной будоражащей дрожи. Поскольку вопросов не возникло, кроме нечленораздельного бурчания и мотания головой, меня выдернули из музыки в оглушительную тишину коридора.

— Я не с тобой. — Резко отняла руку.

— Неужели?

Одного взгляда в зеленые волны огня хватило, чтобы меня накрыло с головой. Он толкнул меня к стене, вжимая в неон, я зарычала и хрипло застонала в жесткие губы со вкусом сигар и кофе. Кажется, мимо кто-то прошел, но мне уже было все равно. Меня несло от поцелуев-укусов, обжигающих губы, от рваного прерывистого дыхания, от скользящей под пальцами ткани рубашки. Кожа под ней была просто огненной.

Когда его пах вжимался в мои бедра, с губ срывались хриплые стоны.

Мои или его?

Да какая разница!

Сознание выпадало кусками — от снятого браслета до стоянки.

От взметнувшегося ввысь флайса до рук Гроу на панели управления. Меня трясло, и воздух между нами вибрировал от напряжения, сгущавшегося с каждой минутой. Туман перед глазами в странной зеленовато-огненной дымке и вертикаль зрачка, раскрывшегося во всю радужку, вытесняющего цвет стихии.

Холодный шелк покрывал мои горячие губы.

А еще в его квартире были высокие потолки, это я запомнила точно.

В общем-то это было последнее, что я запомнила.

От прикосновений плавилась кожа. Сбивающееся дыхание рвалось из груди, когда пальцы скользили по губам, по шее, лаская впадинку между ключиц. Я дышала этой близостью, я ей жила — даже не представляя, как можно быть столь жестоким и нежным одновременно. Полыхающие алым глаза, распахнутые в самое сердце, браслеты пальцев на запястьях. Сотканная из противоречий чувственность, когда он в меня входил, и я раскрывалась ему навстречу хрипло, на выдохе, выгибаясь от сумасшедшего желания и невозможности коснуться. Только кончиками пальцев рук в его стальном захвате. Только губами губ, когда он позволял.

— Моя. — Горячее дыхание обжигает кожу, а низкий, вибрирующий звериным желанием голос рождает дикое, отчаянное желание подчиниться.

Движения внутри, от которых все сжимается сладко-сладко, сбивающееся дыхание и взметнувшиеся высоко над нами сливающиеся огни. Ласкающие друг друга, вплетающиеся горящими контурами,

прорастающие один в другой. Кажется, я сейчас умру от наполненности, от этой глубины, от резких сильных ударов во мне, от прикосновений горячих губ к груди. Кажется, или я уже умерла, потому что не может быть так неправильно, так бессовестно, так отчаянно хорошо.

Очередное движение — глубокое, сильное — и мир рушится, собираясь заново из сорванного с губ стоны. Его рычания и мощной пульсации внутри. Дрожащих на ресницах слез и имени, которое я готова кричать, стонать, повторять снова и снова:

— Рэйнар!.. — И обрывать на полувздохе, когда жесткие губы скользят по моим.

Ловить его выдохи снова и снова, признавая самую очевидную в мире истину.

— Моя Леона. Моя...

Океан накатывал волнами и отступал, оставляя на песке прозрачный кружевной шлейф. Я слушала отзывающийся в самом сердце гул, не понимая, почему он так стремительно отдаляется. И почему касающиеся моих губы горчат от...

Сигаретного дыма?

Широко распахнула глаза и дернулась назад, увидев прямо перед собой физиономию Гроу. И ладно бы только физиономию, к ней прилагались плечи, расчерченная татуировкой грудь, накачанные руки, пресс и прочая комплектация постановщика.

— Доброе утро, — хрипло произнес он и облизнул губы. — Ты так сладко стонала.

Утро?

Доброе?

Я подскочила на постели и теперь моргала, глядя на него, пытаюсь прийти в себя. Во мне кончился воздух, слова и все прочее, что положено адекватной женщине. Ключевое слово «адекватной», хотя ко мне это явно не относится. Инстинктивно потянула на себя простыню, заворачиваясь в нее до подбородка. Судорожно пыталась вспомнить, что произошло, но помнила только потолки. И губы Гроу на моей шее, когда он... стягивал с меня джинсы.

Я заглянула под простыню, белья на мне тоже не было.

— Какого?..

— Чтобы ничего не натерло, — заявил он, приподнявшись на локте, от чего мышцы прокатились под смуглой кожей, — во сне.

— Мы? — выдохнула я. — Спали? Вместе?

— В моем доме это единственная кровать. Чему ты так удивляешься?

Выдав весь словарный запас девочки из низов, я рухнула на подушки и уставилась в потолок. Мне отчаянно хотелось сдохнуть.

— Завтракать будешь?

— Меня тошнит, — мрачно заявила я.

В надежде, что он отстанет, потому что сейчас я была близка к тому, чтобы закатить самую настоящую истерику. Вопрос только — кому, не себе же самой. За волосы меня сюда никто не тащил. Наверное, это вообще ненормально: желание побиться головой о стену. Ненормально же? Нет, ненормально просыпаться в одной постели с Гроу.

— Если не стошнило до сих пор, уже не стошнит.

Я бы в этом не была настолько уверена, мутило меня знатно. Голова, кстати, не болела, видимо, тоньяс был хороший.

— Со знанием дела говоришь?

— Да. В отличие от тебя.

Он не шевелился, а вот от его присутствия волоски на коже шевелились. Поймала себя на мысли, что мне даже отодвинуться не хочется. Можно подумать, он знает, что я не пила раньше... никогда не пила до вчерашнего вечера так, чтобы...

— Ладэ, между нами ничего не было. Я не трахаюсь с женщинами, если те не в состоянии отличить плюшевого дракона от настоящего. К тому же ты почти сразу отключилась.

Не было?

То есть то, что мы вместе заснули — ничего не значит?

— Ты не могла бы радоваться не так откровенно?

— С чего ты взял, что меня это вообще волнует?

— Если бы не волновало, ты бы не лежала минуту назад с видом, что жизнь кончена.

— Ты знаешь, как выглядит женщина, для которой кончена жизнь?

— Представляю. — Гроу подвинулся ко мне, простыни под нами натянулись. — По сути, такая женщина ничем не отличается от мужчины в этом состоянии, а в зеркало я в свое время насмотрелся до тошноты. Меня волнует всего один вопрос: где, на хрен, была твоя так называемая пара, когда ты напивалась до потери пульса?

Вот теперь меня подбросило на постели.

— Не твое дело! — прорычала я, отшвырнула простыню и вскочила.

В конце концов, что мне там прикрывать. Джинсы и кофточка валялись на кресле вместе с бельем, туда и шагнула.

— Ошибаешься, Ладэ. Мое, — донеслось из-за спины. — Ты выкладываешься на репетициях, сползаешь со сцены в астрале и

напиваешься, как девица, которую перед выпускным бросил парень. Через несколько недель на премьере мне нужна Люси. Огонь до небес, а не истлевший фитилек, который со сцены сдует первым порывом ветра или собственными мыслями о несчастной любви.

Подавила рвущийся с губ яростный смешок.

— Будет тебе Люси! — Застегнула бюстгальтер и, резко обернувшись, посмотрела прямо ему в глаза. — Будет тебе охрененная Люси. Такая, какую захочешь.

— Я хочу твою. — Гроу поднялся одним рывком. В отличие от меня прикрываться он не собирался — ни когда мы лежали, ни сейчас, демонстрируя себя во всей красе и в полной боевой готовности. Поэтому я поспешно влезла в джинсы, резко дернула молнию и выругалась, зацепив кожу. Тем острее стало прикосновение к ладони, когда жесткие пальцы скользнули по моим. — Твою и только твою. Такую, какой ее видишь ты. Но гораздо больше мне нужна ты, Ладэ. Потому что я смотрю на тебя, вместо того чтобы смотреть на сцену. Смотрю и думаю только об одном, как бы завалить тебя и трахать до потери пульса, пока ты не начнешь кричать подо мной. Кричать мое имя так же, как сегодня ты кричала его.

В темных глазах сверкнуло зеленое пламя, он шагнул ко мне вплотную, упираясь напряженным желанием в бедро. Стихийный взгляд скользнул по моему лицу и губам. Они до сих пор горели от его поцелуев, напоминая о затертых событиях прошлой ночи. Я отняла ладонь и сложила руки на груди.

— Не дожدهшься.

— Уверена? — Он не сдвинулся ни на шаг.

— Абсолютно.

— Уверена, что справишься с ней?

— Я — не она, — прошипела ему в лицо.

— Она. — Гроу усмехнулся. — Ты — она больше, чем можешь себе представить. От нее не сбежишь и не спрячешься, Ладэ. Папаша признал меня сразу, как только я появился на свет. Вырастил, научил всему, готовил в достойные преемники. В достойные по его разумению. Поэтому сделал так, чтобы я не смог петь, после чего я послал подальше всю свою семейку, но своего дракона...

Взгляд полыхнул сильнее.

— Его не смог.

Он очертил пальцами мою скулу.

— Вы с ней единое целое. Пока ты сопротивляешься, тебя будет раздирать на части.

Перехватила его запястье и отвела руку в сторону.

— Мне пора.

— И как ты собираешься добираться? — Гроу приподнял бровь, а я огляделась и вспомнила, что в баре остались...

Сумка, мобильный, карточки...

Лэм!

Марр!!!

Нет, Марр, конечно, остался дома, но если вспомнить, что Танни ночевала у Имери, а последний раз мы с ним гуляли в обед... И Лэм! Я же ничего ей не сказала.

Желание побиться головой о стену стало еще сильнее.

— Я тебя отвезу. — Гроу кивнул. — Но черта с два сделаю это раньше, чем ты сделаешь мне кофе.

— Че-го? — офигела я.

— Кофемашина на кухне. Или топай пешком. Я в душ.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и направился к приоткрытой двери. А я в очередной раз вспомнила несколько колоритных слов и пошла искать кухню. По дороге в холле нашла зеркало и решила, что новая дорогая водостойкая тушь — не такое уж бессмысленное приобретение. Тени размазались, а она даже не осыпалась во время сна. Оставалось только надеяться, что смывается она не вместе с ресницами. А вот губы действительно горели, и отнюдь не от номады (ее не осталось).

подавив желание зарычать на себя, двинулась дальше.

Потолки здесь и правда были высокие, во всей квартире. А еще было много картин с изображениями городов. От Зингсприда до Хайрмарга, холодной столицы Ферверна. На выбеленном камне яркие пятна потеков краски под старину, из-за чего небоскребы казались смазанными, как под сильным дождем. Поймала себя на мысли, что залипаю рядом с каждой картиной, и дала себе ментального пинка.

Кофе нарочно переложила, а сливки из холодильника не достала.

Маленькая, но месть.

Одноразовые салфетки обнаружились в ванной, куда я зашла, чтобы немного привести себя в порядок. К сожалению, в той же самой, в которой Гроу принимал душ, она оказалась единственной.

— Надумала присоединиться? — донеслось из-за стекла.

Я сделала вид, что оглохла. Вообще гораздо проще приводить себя в порядок, если представить, что голый полуиртхан, которого твоя озабоченная драконица возомнила потенциальной парой, не существует.

— Как долго ты продержишься, Ладэ? Когда рядом пара, ты каждую

минуту сходишь с ума. Особенно, — голос его даже сквозь бьющую о стены и пол душевой кабины воду стал чуть ниже и более хриплым, — когда твоя пара тебе противится.

— Мы не пара, и никогда ею не будем.

Бросила салфетки в мусор и развернулась, чтобы уйти.

— Это мы еще посмотрим, — донеслось из-за стекла.

Вышла из ванной и громко хлопнула дверью.

Устроилась в кресле, зажимая руки между колен, глядя на кровать, над которой висело дизайнерское бра в форме водопроводной трубы. Продолговатые лампочки на нем смотрелись особенно стильно. Покосилась на лежащий на лоскутном ковре мобильный Гроу и решительно отмела эту мысль.

Нет, говорить с Лэм лучше не по телефону.

Хотя сейчас гораздо больше меня волновало то, что произошло вчера. Точнее, то, что, к счастью, не произошло.

Репетиции каждый день.

Каждый день с утра и до позднего вечера. Под его взглядами. В близости, от которой не сбежать и не скрыться.

А мои четыре тысячи чешуек хотят его четыре тысячи чешуек.^[2]

Нет, с этим определенно надо что-то делать.

Вопрос только в том что.

ГЛАВА 9

Удержать зверя способен только зверь.

Так считали первые иртханы, и в чем-то они были правы. Гроу тоже говорил правду, я перестала быть человеком, когда в моих руках впервые вспыхнул огонь. Зверь становился частью твоего существа с момента пробуждения стихии. Для подростков это был более естественный процесс, связанный с гормональными изменениями, поэтому и протекал он значительно легче. Поначалу звериная суть казалась отдельной частью тебя, но на самом деле личность человека и дракона были неразделимы. Легенды об обороте, о которых говорил драконолог в прямом эфире, оказались не просто легендами. В древности иртханы оборачивались в драконов, используя внутренний резерв сил, необходимый для поддержания магии огня.

Когда люди только вышли на поверхность, обороты были явлением достаточно частым, чтобы совладать с драконами, иртханы оборачивались и уводили зверей за собой, отгоняли от первых городов. На это требовалось море сил, но именно в те времена иртханы обладали невероятно сильной магией.

Пока не начали истреблять драконов.

Когда иртханы осознали, что в неволе и под таэрран зверя не удержать, решили разобраться с угрозой иначе. Они уничтожали драконов одного за другим, освобождая земли для себя и людей. Разумеется, были и недовольные, но они остались в меньшинстве. Тех, кто осмелился выступить против истребления, бросали в темницы и казнили.

Читая об этом, я холодела от осознания того, сколько крови было пролито в те годы. Холодела и с трудом сдерживала слезы.

К счастью, им хватило ума вовремя остановиться.

Возможно, именно потому, что магия иртханов начала стремительно слабеть. Стихия отказывалась подчиняться, а трансформация в дракона полностью стирала личность иртхана. Чаще всего обратного оборота даже не происходило, потому что возвращаться к человеческой ипостаси было некому, использование такого количества сил «выпивало» весь внутренний ресурс, и иртхан погибал.

— Обедать будем? — Танни заглянула в комнату. — А то у меня сейчас желудок сам себя переварит.

Глянула на часы.

- Да, иду.
- Я тогда разогрею.
- Ага.

Я понимала, что надо оторваться от монитора и съесть хотя бы что-нибудь, кроме кефира, выпитого, когда вернулась домой, но на «что-нибудь, кроме» времени не хватило. Сначала я занималась Марром, а потом засела за учебники, чтобы окончательно разобраться в том, что происходит. Ну в общем... разобралась. На свою голову.

Сочетание огней означало, что иртханы могут заключить договорной брак для усиления крови. Становление пары начиналось со слияния огней, которое чувствовалось на инстинктивном уровне. То есть притяжение, которое я испытывала к Гроу, было обусловлено близким совпадением огней и потенциальной возможностью слияния пламени, как произошло у нас с Рэйнаром. Случись нам с Рэйнаром заснуть после первой близости вместе, мы бы проснулись полноценной и нерушимой парой, и в мою сторону никто из иртханов больше бы не посмотрел. «Занятая» драконица уже никогда не ответит ни на чьи ухаживания так же, как и дракон.

Именно поэтому в современном обществе у многих иртханов были разные спальни.

Особенно у правящих, потому что чем сильнее кровь иртхана, тем могущественнее его внутренний зверь, и тем ближе он к тем, кто дал ему силу. После слияния в «сильных» парах решение о совместной спальне считалось ярчайшим символом любви, привязанности и доверия, поскольку после этого связывающие иртханов узы становились нерушимы. Телепатическая связь и неизбежное желание постоянно быть рядом, страсть и нежность, которые со временем не проходили, а только усиливались.

В случае если кто-то из пары умирал, это оборачивалось страшной, изматывающей душу тоской и могло закончиться угасанием. В мире иртханов угасанием называли обратную сторону огненной лихорадки. Пламя иртхана переставало питать его магию, а тело быстро дряхлело. Обычно это происходило постепенно и начиналось ближе к глубокой старости, но в истории было известно несколько случаев угасания, связанных с потерей пары.

Совсем как у драконов.

Глубоко вздохнула и закрыла файлы.

Все равно сегодня в голову ничего не полезет, а если я посижу еще с часок, наш обед можно будет без зазрения совести назвать ужином. Поэтому спустилась вниз, где сестра уже успела накрыть на стол.

- Я помирилась с ребятами, — заявила Танни, уплетая овощи.
- Я рада, — улыбнулась.
- Они были в восторге от голозадного Мика.
- Ты что, им рассказала?
- Ну да. А что такого? — Сестра недоуменно посмотрела на меня.
- Танни!
- Да что такого-то? Они говорят, что ты молодец.

Впору хвататься за голову и рвать на себе волосы. Хотя, если вспомнить все, что со мной за последнее время случилось, волос не напасешься.

— Танни, я же тебя просила! Говорила, что об этом нельзя никому рассказывать!

- Леа, они никому не скажут.
- Ты в этом так уверена?
- Уверена. Они не из тех, кто будет трепать языком.

Я закатила глаза и подцепила на вилку кусочек, на который даже смотреть особо не хотелось. Прожевала и отодвинула тарелку. Судя по всему, организм еще переваривал тоньяс, ну и... не сказала бы, что я вот прям совсем молодец. Силе, которую я обрушила на Мика, он сопротивляться не мог. Если бы рядом с ним вовремя не оказалось иртехана, все могло бы закончиться гораздо печальнее. Для всех.

Наверное, не случись всего этого, я бы никогда себе в этом не призналась. Равно как и в том, что Рэйнар был прав. Не с точки зрения сердца, а как правящий. Хотя в мире иртеханов сердцу вообще не особо есть место. Пока ты подчиняешься законам, светскому этикету и разуму, пока ты держишь все под контролем, твоя жизнь напоминает упорядоченное движение по верхней аэромагистральной: высокие скорости, бешеный ритм, конечная цель. Как только отклоняешься — столкновение, авария и...

Взрыв.

- Завтра идешь на курсы? — Решила сменить тему.
- Да. Леа, слушай... ты же не против, если я буду отмечать Смену Времен с Имери и остальными?
- А должна быть против?
- Ну не знаю... У тебя же тоже есть планы? — Танни хитро улыбнулась.
- Ну...

В прошлый раз я отмечала с Вальнаром, Лэм и Дрэйком. В ресторанчике, который бронировали задолго до праздника. Перед Сменой Времен надо было суетиться за полгода, если не раньше. Судя по тому что

разговора об этом у нас до сих пор не было, Лэм и Дрэйк решили побыть вдвоем. И я их прекрасно понимала, в Аронгаре есть такая примета, что если отмечаешь переход из года в год с кем-то вдвоем, то будешь с ним неразлучен. Самое то, что нужно перед свадьбой.

К слову, с Лэм пересечься не удалось. Подруга с утра уехала на работу, а по телефону мы едва перекинулись парой фраз. Оказывается, Гроу попросил передать ей, что мы уезжаем, а заодно оплатил счет нашего столика. Оставленные на попечение подруги вещи я сегодня забирала у невыспавшегося Дрэйка. Настолько невыспавшегося и хмурого после ночной смены, что мне совесть не позволила о чем-то его расспрашивать.

— Да ладно! — Сестра подмигнула. — Мне ты можешь рассказать все. Все-все-все, да.

Танни я пока не рассказывала, что у нас с Рэйнаром «на этом все».

Что со мной не так, если даже сейчас он меня не оставляет? Почему так больно, почему так мучительно больно? Почему, стоит мне вспомнить его дыхание на своей коже, его прикосновения, его взгляд — все это мешается в такой сумасшедший коктейль, который грозит свести с ума раньше, чем я скажу «ик».

— Пока не знаю, — напустила на себя загадочный вид, и сестра только рукой махнула и фыркнула.

— Все с тобой ясно.

Правда?

Хотя... со мной действительно все ясно. Танни уйдет к друзьям, мы с Марром останемся вдвоем, будем грызть гирлянды и запивать веоланским. А потом на пару запевать под фейерверки.

«Будешь подпевать?» — мысленно спросила виара.

— Виу?

Марр заглянул мне в глаза.

Нет, никакого веоланского, только гирлянды. Хватит с меня тоньяса на всю жизнь.

После обеда сгрузила посуду в машинку и отправилась выгулять Марра. Обычно в такое время я с ним не гуляла, но ему как минимум полагалась моральная компенсация за вчерашнее. Поэтому в парке мы здорово порезвились в хрустящем от легкого морозца снегу, позолоченном холодным закатным солнцем. Попрыгали за деревьями и скамейками, побегали по дорожкам — благо зимой здесь почти нет людей. Вот сейчас, как ни странно, мне захотелось есть по-настоящему, а не баловства ради. Поэтому домой я спешила во всю мочь.

Чтобы, едва приложив ключ к замку, наткнуться на Танни,

выскочившую в холл.

— Ты же готовиться к тестам собиралась?

— У нас гости, — сообщила сестра заговорщицким шепотом.

Заинтригованная, не раздеваясь, я заглянула в гостиную.

И замерла.

Потому что на диване, прямая, как Лаувайс, сидела Аргастель Лиция Халлоран.

С таким царственным видом, словно я не к себе домой вернулась, а каким-то чудом перенеслась в Скай Стрим, перед этим запросив аудиенции. Сказать, что я очелуела — значит, ничего не сказать. Наверное, если бы в гостиной обнаружился Рэйнар на коленях и с букетом цветов, я бы и то удивилась меньше.

— Добрый вечер, Леона. — Молчание она нарушила первой.

— Добрый вечер. — Я прошла в комнату и вспомнила, что забыла снять куртку.

Заодно и ботинки, но это к делу не относится.

— Где мы можем поговорить наедине?

— Здесь. Танни, забереешь Марра? — попросила сестру, на ходу выворачиваясь из куртки и стягивая шарф.

— Да, конечно. — Танни похлопала по ноге. — Марр, пойдем.

Но Марр решил, что никуда не пойдет, плюхнулся на попу и уставился на Аргастель большими глазами (крайняя степень внимания и любопытства в исполнении виара). Примерно такие же, думаю, были и у меня, но я решительно прошла к дивану и устроилась рядом с ней, бросив куртку на соседнее кресло. В конце концов, я дома, а не в гостях.

— Хотите кофе? — спросила, чтобы поддержать разговор.

— Нет, благодарю. Я не пью кофе по вечерам.

Местра Халлоран окинула меня взглядом, понять который было сложно. Дождалась, пока наверху щелкнула дверь, и только после этого произнесла:

— Что происходит между тобой и моим сыном?

Да уж, прямолинейность наше все.

— Какое вам вообще до этого дело? — поинтересовалась я в тон ей прохладно и жестко. — Мне кажется или вы действительно не горели желанием видеть меня рядом с Рэйнаром?

— Не кажется. — Идеальные брови дрогнули, будто собираясь сойтись на переносице. — И сейчас не горю, но от моего сына зависит судьба целого города.

— Не совсем понимаю, как я связана с судьбой целого города.

Ноздри ее чуть шевельнулись, выдавая раздражение.

— Ты присылаешь в мой фонд платья и драгоценности, на которые можно купить пару таких квартир, как эта. — Она обвела взглядом гостиную. — Рэйнар собирался сделать тебе предложение, а вместо этого объявил о благодарности. Последнюю неделю в Лаувайс все сливаются с интерьером и мечтают только о том, чтобы рабочий день побыстрее закончился. И ты станешь меня уверять, что никак с этим не связана?

Отлично! У нас что, вся Аронгара в курсе, что произошло в Зингсприде? По-хорошему, стоило попросить ее уйти, но что-то мне подсказывало, что Аргастель не сдвинется с места, пока не получит то, за чем пришла. Поэтому нужно как можно скорее ей это дать и попрощаться.

— С чего вы вообще взяли, что он собирался сделать мне предложение? — ядовито осведомилась я.

— С чего? — Местра Халлоран удивленно посмотрела на меня. — Возможно, потому что ты первая женщина, которую он привел в Скай Стрим и представил нам. А может быть, потому, что даже не потрудился пригласить Ирргалию для разговора наедине или что-то объяснить. Просто выставил ее из города в присутствии меня и Энтара, нисколько не заботясь о ее чувствах. Я первый раз в жизни видела сына в такой ярости.

Вот сейчас от местры Халлоран полыхнуло гневом, но мой как-то слегка угас. Нет, до Ирргалии мне не было никакого дела, но чувства матери Рэйнара можно было понять. Зная о ее отношении к местрель Стоунвилл, достаточно сложно ожидать, что после такого выпада со стороны сына меня примут с распростертыми объятиями. Особенно зная, что я стала причиной подобной вспышки, и не понимая почему.

— Но я пришла поговорить о другом. — Аргастель бросила на Марра, который незаметно переместился поближе, снисходительный взгляд и вернулась ко мне. — О твоём запросе Гердехару Аррингсхану.

— А об этом вы откуда знаете? — поинтересовалась я.

Местра Халлоран наклонила голову и улыбнулась.

— Быть первой леди, Леона, или матерью правящего, — это не только привилегии и публичные мероприятия, но еще и ответственность. Ответственность женщины, находящейся рядом с тем, кто взял на себя обязанность защищать всех нас. И интересоваться жизнью дорогих тебе мужчин гораздо больше, чем своей. — Она внимательно посмотрела на меня. — Врагов у моего сына хватает так же, как в свое время хватало мужу. Тогда мне не достало мудрости стать Листерну надежной опорой, но сына я не подведу.

Да, как-то не вязались эти слова с образом женщины, привыкшей

прятаться за статусом семьи, во всем полагаться на него и на свою безупречную репутацию. Но еще больше они не вязались с равнодушием женщины, заиклившей только на своем положении или Энтаре. В ее словах читалось больше чувства, чем в самом откровенном признании, сквозь которое становилось понятно: за Рэйнара она тоже свернет шеи всем, до кого дотянется. Мне даже не по себе стало от такой откровенности, но показывать свое замешательство ей я не собиралась.

— Я все равно решительно не понимаю, как это связано со мной.

— Все ты понимаешь. — Она повысила голос. — Сейчас, когда вот-вот состоятся выборы, твой отказ от наставничества равносителен признанию его поражения.

— Верховный Правитель имеет право выбрать меня в качестве ученицы, если моя сила кажется ему перспективной.

— Ты пришла к нему сама, а это разные вещи. Думаешь, об этом не узнают?

— Нет, если я...

— Если, — передразнила она. — Если бы ты хорошенько подумала, то поняла бы, что под такой серьезной заменой всегда лежит серьезное основание. Которое, так или иначе, скажется на репутации моего сына.

— Ваш сын не думал о моей репутации, когда надевал на меня таэрран за полчаса до выступления, когда тащил в оперу, чтобы показать его всем.

— Мой муж надел на меня таэрран за день до благотворительного вечера. Просто за то, что я осмелилась ему прилюдно возразить, поставить его слова под сомнение. — В светлых глазах мелькнула искорка боли. Мелькнула — и погасла. Местра Халлоран подняла руку, предупреждая мои возражения. — Я просила его подождать всего один день, но он отказал. Единственное, о чем я сейчас сожалею, так это о том, что мне не хватило сил его простить. Пока мы не отдалились друг от друга настолько, что стало уже все равно.

Судя по тому, как прозвучали последние слова, не простила. До сих пор.

Я с трудом удержала руку, чтобы не потереть грудь: волной приглушенной тоски полоснуло наотмашь.

— Что касается выхода в оперу, Рэйнар не мог поступить иначе. После того как объявил тебя своей и надел таэрран... Если бы он отказался от выхода, он бы отказался от тебя. На глазах у всех. Если ты этого не понимаешь, ты либо слишком глупа, либо слишком заиклива на себе.

Ну, знаете ли!

— Если заикливость на себе означает самоуважение, — вскинулась

я, — то да, я заиклена на себе.

Знала бы она, что Рэйнар от меня отказался, не сидела бы тут сейчас с умным видом. Но говорить об этом с ней хотелось меньше всего.

— Самоуважение не должно отрицать здравый смысл. Своим поведением ты даешь противникам Рэйнара оружие против него. И наверняка даже не подозреваешь о предстоящем поединке.

М-да. Это не женщина, это дракон в юбке.

Не удивлюсь, если она уже знает, что мои любимые трусики голубого цвета с кружевами и капелькой-вырезом сзади. И почему-то я уже не так уверена, что Рэйнар пошел в отца.

— О поединке я знаю.

— Вот как. — Она достала из сумочки телефон и что-то быстро набрала на дисплее. — И, разумеется, знаешь, из-за чего он состоится?

А вот с причиной было не очень понятно. Но никто же мне не мешает прикинуться табуреткой?

— Из-за отказа разрешить местрель Стоунвилл въезд в Мэйстон.

— Оригинальную тебе озвучили причину. Деверик Шахррейн бросил моему сыну в лицо, что тот отказывается пустить свою невесту в город из-за «шлюхи, с которой тот один раз вышел в оперу».

Я моргнула. То есть тот факт, что поединок из-за меня, уже мало-мальски уложился в моей голове, но чтобы... так? Ладони сначала вспотели, потом заledenели, а сердце забилося с такой силой, что я при всем желании не смогла бы ничего ответить.

— Видит небо, я этого не хотела, Леона. Но ты стала слабостью моего сына, и эту слабость его враги будут всячески использовать. Так же, как это сделал Шахррейн. Я и предположить не могла, что он на такое осмелится, но Деверик спровоцировал эту ситуацию, а значит, рассчитывает на победу. Надеюсь, ты понимаешь, что это значит.

Она пригладила идеальную юбку-карандаш и поднялась.

— Зачем вы все это мне говорите? — Я поднялась следом и успела только перехватить Марра, который почти ткнулся носом в царственные коленки.

Мысленно рыкнула на него, глаза в глаза, и Марр виновато поплелся за диван.

— Ты вступилась за Энтара, — произнесла она, когда мы направились в холл. — Ты не похожа на тех девиц, которые вешались на моего сына, и ты не играешь за его спиной. А значит, сумеешь сделать правильные выводы по поводу обучения и Председателя.

Я покачала головой.

— Местр Аррингсхан не станет использовать эту ситуацию против Рэйнара.

— Ты так уверена? — Аргастель хмыкнула, снимая с плечиков пальто.

— Да. Ему я доверяю.

— И тебя не смущает то, что он отклонил запрос моего сына на расследование?

— Что? — опешила я.

— Гердехар Аррингсхан отклонил запрос на расследование в Рагране. — Глаза местры Халлоран стали еще холоднее.

— Вы лжете! — вырвалось у меня.

— Зачем мне это? — поинтересовалась она. — Как ты сама сказала, я не горю желанием видеть тебя рядом с Рэйнаром. Чем дальше ты будешь от него, тем лучше.

Она застегнула пальто и шагнула вперед, но я уперлась рукой в дверь, не позволяя Аргастель выйти за порог.

— Когда состоится поединок?

— В эту субботу. — Местра Халлоран бросила на меня многозначительный взгляд, но я не двинулась с места.

— Я смогу присутствовать?

— Помимо правящих и Председателя на поединке имеют право присутствовать только близкие родственники. — Она изящно отодвинула мою ладонь в сторону и вышла за дверь. — Или те, кто ими станет в самом скором времени.

Я думала, она не обернется, но Аргастель обернулась. Под мелодичный звук открывающегося лифта.

— Подумай об этом, Леона. Время еще есть.

Я закрыла дверь и вернулась в комнату.

Подумать действительно было над чем. Если верить местре Халлоран, Шахррейн использовал мое имя, чтобы спровоцировать поединок. Особенно беспокоили ее слова по поводу уверенности в своих силах. Но почему он настолько не сомневается в победе? И почему, если Рэйнар действительно от меня отказался, он просто не надел на Шахррейна таэрран? Ведь это гораздо проще, и ему не нужно ничего доказывать Совету и остальным. Сила крови Халлоранов не подвергается сомнениям.

От всех этих мыслей голова шла кругом, поэтому я переоделась и отправилась вытаскивать из-за дивана виноватого Марра. Диван у нас стоял в центре комнаты, особых усилий для этого прилагать не требовалось. Виар лежал, сунув голову между лап, с самыми грустными глазами, которые только можно себе представить. Достаточно было просто

заглянуть сверху.

— Выходи!

— Виу!

— Вот тебе и виу. Нечего приставать к незнакомым местрам.

Виар, понурившись, вышел и уселся рядом, а я забралась на диван с ногами и принялась чесать его за ухом. Не следовало бы слова местры Халлоран безоговорочно принимать на веру, но все же... Если она говорит правду, и Аррингсхан отказал в поисках моей семьи, то я вообще ничего не понимаю. Глянула на часы — время еще детское, а в Зингсприде и того меньше.

Позвонить и спросить напрямик?

— Бу! — Мы с Марром подскочили одновременно.

Обернувшись, оказалась лицом к лицу с ухмыляющейся Танни.

— Зачем она приходила? — беззастенчиво поинтересовалась сестра.

И почему я совсем не удивлена?

— Это личное.

— Сказать, что он тебя любит, да?

Я чуть с дивана не свалилась — благо сидела прочно, да еще и Марр колени подпирал.

— Не за этим.

— А зачем?

— Уроки уже сделала?

— Не хочешь говорить — пожалуйста. — Танни надулась и развернулась, чтобы уйти.

— Эй! — Я перехватила сестру за руку. — С чего ты взяла, что он меня любит?

Танни фыркнула.

— Да это же видно на расстоянии до Стайн Рейкс без бинокля. Любому, кроме тебя.

Стайн Рейкс — Зингспридский щит, отгораживающий побережье от открытого океана, на который мы любовались с Рэйнаром. Тонкая серебристая линия, едва заметным контуром скользящая по воде.

И его голос, будто скользкий по коже невесомым прикосновением: «Нравится?»

Как же дико, до одури я соскучилась по этому голосу. А прикосновения пальцев почти физически ощутила на своих плечах.

— Я могу идти? — Сестра покосилась на мои пальцы.

— Ой! Прости.

Танни только головой покачала и пошла на кухню.

А я, чтобы избавиться от наваждения, — к себе продумывать стратегию разговора с Аррингсханом. Чтобы лучше думалось, детально изучила документы, но там не обнаружилось никаких спорных вопросов. Все предельно ясно даже для ученика младших классов. Разумеется, говорить Председателю про визит местры Халлоран я не собиралась, а значит, остается только Рэйнар.

Набрала номер и придвинулась ближе к столу, глядя в глазок камеры.

— Леона? — Аррингсхан ответил на удивление быстро. — Добрый вечер.

Разговор застал его в кабинете, очевидно, на этот раз дома. Здесь было значительно светлее, затемненные стекла сменили плотные жалюзи — судя по всему, опущенные до самого пола. Да и сам Председатель выглядел не столь официально: верхние пуговицы на рубашке расстегнуты, галстука нет, взгляд тяжелый и очень холодный.

— Добрый день, местр Аррингсхан. Вам сейчас удобно разговаривать?

— Вполне. — Он внимательно посмотрел на меня. — У вас возникли вопросы по договору?

— Нет, с договором все в порядке, — покачала головой. — Речь пойдет о другом.

— О чем же?

Мне вдруг отчаянно, дико захотелось, чтобы сказанное местрой Халлоран оказалось неправдой. Наверное, никогда раньше я так не ждала опровержения чужих слов.

— Вы действительно отказали в запросе на расследование? — тихо спросила я.

Аррингсхан нахмурился.

— Могу я спросить, откуда вам стало об этом известно?

Значит, правда. Но... почему?

— От местра Халлорана.

— Сожалею, что вы узнали об этом не от меня, Леона.

А я-то как сожалею.

— Я не затрагивал эту тему, поскольку считал, что мы с вами должны лучше узнать друг друга. Все-таки это деликатное и достаточно личное дело. Я действительно отказал местру Халлорану в расследовании, и на то есть серьезная причина. — Председатель помолчал и добавил: — Выборы.

— Выборы?

Вот теперь я окончательно растерялась.

— Именно так, Леона. — Он потер переносицу и внимательно посмотрел на меня. — Сейчас, на пороге выборов в Мэйстоне, это очень

рискованно. Я уверен, что местр Халлоран руководствуется самыми искренними намерениями, но именно они могут обернуться против него, как уже случилось из-за местрель Стоунвилл.

Что-то похожее говорила Аргастель.

— Не все, но многие в этой ситуации приняли сторону ее отца, а местру Халлорану нужны их голоса и поддержка. Особенно сейчас, когда я собираюсь предложить его кандидатуру на замену себе.

Что?

Кажется, я спросила это вслух, потому что Аррингсхан едва уловимо улыбнулся.

— После Смены Времен я собираюсь внести кандидатуру Рэйнара Халлорана на рассмотрение в качестве Председателя Совета и соперника Бергмана Стоунвилла. Несмотря на его возраст, по силе он не уступает главе Флангстона. Династия Халлоранов продержалась в правлении достаточно долго и зарекомендовала себя с самой лучшей стороны.

Поскольку сказать мне было особо нечего, оставалось только хлопать глазами.

— Надеюсь, теперь вы меня понимаете. — Аррингсхан смотрел не то на меня, не то сквозь, находясь где-то очень далеко. — Вы горите сценой, Леона, а мы — драконами. Драконами и защитой известного нам всем мира. В каком-то смысле это наша жизнь от первого до последнего вздоха. В случае поражения он возненавидит все, что этому поспособствовало. В первую очередь себя. Возможно, не сразу, когда пройдут годы, но...

Председатель замолчал.

— Я не знала, — выдохнула я в затянувшуюся паузу.

Аррингсхан кивнул.

— После отставки я рассчитываю взять поиски ваших родителей на себя, но мне бы очень не хотелось продолжать этот разговор по видеосвязи. Что скажете, если мы поговорим, когда я буду в Мэйстоне? В субботу.

Аррингсхан хочет заняться поисками моей семьи?

Потрясенная, кивнула.

— Рад, что мы друг друга слышали. Удачной недели, Леона.

— Удачной недели, местр Аррингсхан.

Отключившись, оттолкнулась ногами от пола и подъехала к окну, глядя на Лаувайс. Знал ли Рэйнар о том, что Председатель собирается выдвинуть его на свое место? О том, что Мэйстон вот-вот получит шанс стать столицей Аронгары? Но даже если и нет... Получается, Рэйнар действительно хотел быть со мной. Хотел настолько сильно, что поставил под сомнение свой авторитет в Совете. Насколько, что рисковал всем —

креслом правящего, положением семьи, чтобы назвать меня своей. И в субботу будет рисковать снова, потому что, даже невзирая на исход поединка, он состоится из-за меня.

А я... Готова ли я рискнуть вместе с ним?

Ради нас.

— А ты что думаешь, Леона?

— Она не с нами.

Смех за столиком окончательно выдернул из собственных мыслей, возвращая в реальность. Инис смотрела на меня, а я решительно не представляла, о чем они говорили и что я должна по этому поводу думать. Потому что подумать за последние сутки успела о многом. В частности, об отношениях между родителями Рэйнара. Получается, что в их ссоре тоже была виновата таэрран. Размолвка, которая растянулась на долгие годы, перешла в холодную отстраненность и в итоге привела к появлению другой женщины. Не представляю, что должен был по этому поводу чувствовать Рэйнар. А когда надевал таэрран на меня? Да и испытывал ли он вообще что-то? Я слишком хорошо помнила холодный взгляд, вонзающийся в сердце, и приказ, который за ним последовал.

— Да она сегодня весь день такая, — заметила Инис. — Только Люси ее и спасает.

— Мы говорили о Гроу, — пояснила Тарина, подперев руками подбородок. — Хиггинс сказал, что он сегодня добрый, потому что у него наконец появилась женщина.

Я поперхнулась кофе и закашлялась. К счастью, этого никто не заметил, потому что все расхохотались.

— Нет, я серьезно. — Хиггинс развел руками. — Прошлую неделю я думал, что попал в самый страшный кошмар, а сегодня меня даже не критикуют...

— Подожди, — фыркнула Тарина. — Еще только понедельник и первая половина репетиции. Может, он еще не проснулся?

— В прошлый раз он тоже не особо проснулся, но уже хотелось повеситься.

Над столиком снова прокатился смех. Инис покачала головой, вытирая слезы, выступившие на глазах.

— Не представляю, девочки и мальчики, что нам здесь подмешивают в еду, но у меня раньше никогда не было такого веселого коллектива.

— Просто компания хорошая, — заметил Хиггинс.

— Ну, это само собой!

Как-то так повелось, что с первого дня мы собирались на обед в этой кофейне, и нам здесь очень нравилось. Самое то, чтобы набраться сил перед очередными закидонами Гроу. Как ни странно, сегодня он действительно вел себя вполне сносно: не гонял ни нас, ни ассистенток, кофе пил в умеренных количествах, а покурить выходил от силы раза два. Зато на меня смотрел так, что Люси в моем лице забывала про Стена-Юммера, приходилось постоянно себя одергивать.

— Ладно, глядишь, и доживем до предпоказа. — Инис махнула рукой. — А то я уже начинала дни считать и месяц казался бесконечным.

Что уж говорить обо мне. Первый зимний месяц (и последний в этом году) — самый длинный, в нем семь с половиной недель. Пережить бы их и не свихнуться, пока мои четыре тысячи чешуек бьют хвостом с намерением продолжить брачные игры.

— Со следующей недели начнем повторный прогон? — поинтересовалась Тарина.

— Да, кажется, Гроу говорил, что так. Значит, на этой уже отыграем все. — Инис вздохнула.

— А если не успеем?

— Выходных не будет, — в своем непробиваемом стиле заявил Мерхел, чем вызвал сдвленный смешок. — У тебя в контракте это прописано.

Тарина глянула за мое плечо и замерла. Не сразу поняла, что не только она, все последовали ее примеру. Противно скрежетнул стул, за моей спиной охнули, справа донеслось:

— Звук!

Обернулась, чтобы наткнуться на взволнованное лицо ведущей «Соларс Ван» как раз в тот момент, когда кто-то из официантов включил звук.

— ...Выпускной экзамен в «Драконьем Круге». Насколько нам стало известно, несчастный случай произошел на заключительном испытании. Ректор Райгенсфорда местр Нергермах Шахррейн сообщил, что это первый случай за все время его работы, что сейчас проводится расследование, результаты которого станут известны уже сегодня. Как нам всем известно, призыв дракона — обязательное испытание для иртхана правящей семьи, с которым...

Я перестала вслушиваться в ее лопотание, потому что до меня вдруг дошел смысл застывшей в углу визора картинки: фотограмма Энтаря Халлорана. Широкая улыбка, взъерошенные светлые волосы, стильная красно-коричневая с золотом форма студента Райгенсфорда.

— ...Не справился с драконом и сейчас находится в Центральной больнице Мэйстона в очень тяжелом состоянии. Лучшие врачи борются за его жизнь, но прогнозы пока неутешительны...

Мне вдруг стало нечем дышать. Я зачем-то поднялась, но тут же села обратно. Первой на меня обратила внимание Тарина, у которой расширились глаза.

— Леона, тебе плохо?

— Нет, — автоматически ответила я.

— Выпей воды. — Тарина насильно сунула мне стакан в руки, теперь уже я поймала на себе встревоженный взгляд Хиггинса. Именно он меня и подстегнул, я вскочила снова и бросилась из кафе.

— Куртка!

Холодный воздух ударил в лицо, отрезвил, как раз в этот момент следом выскочил Мерхел, накидывая мне на плечи забытую на стуле куртку. Я не знала, что делать и куда бежать, знала только, что в такой момент должна быть там, рядом с ним. Рядом с Рэйнаром. Должна, но не могу.

Осознание этого ударило второй волной, выбивая воздух из легких.

В лицо меня знают все журналисты и половина жителей Мэйстона. Если к Рэйнару мне удалось попасть незамеченной, то сейчас я даже не смогу приблизиться к больнице, чтобы об этом не раззвонили на весь город.

Там, куда я могла пройти как его невеста, мне — девушке с «особой благодарностью» вход закрыт.

— Леона? — Мерхел заглянул мне в лицо, и я подняла на него глаза. Ожидала увидеть осуждение, снисходительное понимание, но наткнулась на внимательный взгляд. — Я могу чем-то помочь?

Покачала головой и только сейчас вспомнила, что забыла оплатить счет.

— Пойдем, я заплачу...

— Ты сейчас заплачешь, — заметил он. — Я закрыл твой обед, перекинешь потом по чеку на карту.

— Спасибо, — пробормотала сдавленно.

Энтар... Энтар пострадал на выпускном экзамене. Но как же так?

Он, конечно, слабее брата, но в нем кровь Халлоранов. Разве мог он не справиться с драконом?

— Ужас, ну и холодина! — Из кафе вышли остальные, Тарина зябко поежилась.

Я замедлилась, пропуская коллег вперед и набирая номер Рэйнара.

Пожалуйста, пусть он ответит.

Пожалуйста, пусть с Энтаром все будет хорошо.

Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Перед глазами стояли длинные больничные коридоры и я, летящая по ним к маме.

При мысли о том, что сейчас должен чувствовать Рэйнар, все внутри сжалось.

Тишина вместо привычных гудков оборвалась автоответчиком и предложением записать голосовое сообщение, но я нажала отбой.

Почему Рэйнар выключил телефон?

Как мне попасть к нему?

На ум приходила только местра Халлоран. Пусть наши с ней отношения далеки от дружеских, но она приезжала ко мне, и наш разговор был достаточно откровенным. Если Аргастель согласится помочь и сама проведет меня в больницу, это будет выглядеть вполне в рамках приличий. Появиться рядом с матерью Рэйнара или рядом с ним — не одно и то же. А когда поднимемся на этаж, будет уже не важно. Наверняка подход к палате оцепили, никаких лишних глаз и ушей.

Я догнала остальных и коснулась руки Тарины:

— Передашь Гроу, что я скоро вернусь? Час, максимум полтора.

— Но...

— Пожалуйста. Речь идет о моей семье.

— Что-то с сестрой? — У нее расширились глаза.

— Потом, ладно?

Она поколебалась, но все-таки кивнула:

— Хорошо.

Остановка аэроэкспресса здесь за углом, три станции — и я на месте. К больнице воздушная линия подходит и того ближе. Я бежала так, что начала задыхаться, холодный воздух обжигал легкие и забирался под кофту. Нырнула в лифт, открыла поисковик и вышла на сайт Благотворительного фонда. Личного телефона Аргастель там, разумеется, не было, зато был телефон приемной. На автопилоте вытащила карточку перед турникетом, из-за чего куртка поехала вниз (оказывается, я забыла ее застегнуть). Еле успела подхватить, больно ударилась бедром об угол, но не остановилась, наоборот, ускорила шаг.

Длинное полотно аэроперрона протянулось вдоль здания. Можно было зайти в крытый зал ожидания, где работали тепловые пушки, но там слишком много людей. Поэтому осталась на улице, нажала «вызов» и поднесла мобильный к уху. Долго ждать не пришлось.

— Добрый день, меня зовут Ринэй. Благотворительный фонд «Открытое сердце». Чем могу помочь? — У секретаря был высокий и очень звонкий голос.

— Добрый день. — Сердце колотилось как сумасшедшее, поэтому стоило немалых усилий не сорваться вслед за ним и не начать глотать слова. — Мне нужно срочно переговорить с местрой Халлоран.

— Боюсь, в настоящий момент это невозможно.

— Знаю, но... Меня зовут эсса Леона Ладэ, пожалуйста, уточните у нее, сможет ли она уделить мне пару минут. Это очень важно.

— Простите, эсса Ладэ, — в голосе секретаря прорезались стальные нотки, — но это невозможно. Оставьте свой номер телефона и уточните вопрос, по которому хотите переговорить с местрой Халлоран. Я свяжусь с вами чуть позже.

— Нет, это важно именно сейчас, я...

— Сожалею, — холодно повторила секретарь. — Пожалуйста, оставьте свои данные или перезвоните.

В сердцах отключилась и шагнула в раскрывшиеся двери, точнее, меня туда внесло потоком, хлынувшим с перрона. Вцепилась в поручни, чтобы не уволокло в середину вагона, зажала мобильный в свободной руке. Взгляд уткнулся в женщину в красном пальто с неестественно пышной прической. Запоздало мелькнула картинка-воспоминание о стеллаже в гримерной, где на подставках для париков было полно «причесок» для самых разных образов. Сейчас бы одна из них пришлась как нельзя кстати, но что толку теперь...

Норгхар!

Из лифта я вылетела прямо напротив больницы, на противоположной стороне улицы. Журналистов вокруг собралось море, если не сказать больше. Даже через широченную улицу было видно переполненную флайсами визионщиков запасную стоянку. Чтобы узнать телефон главы безопасности правящего, пришлось звонить в Лаувайс. К счастью, секретарь Норгхара оказалась более лояльна, особенно когда услышала мое имя. И даже предложила нас соединить.

Я считала гудки и радостно выдохнула, когда в трубке раздался щелчок.

— Ферн Норгхар...

— Эсса Ладэ, сейчас не самое удобное время.

— Знаю, — выдохнула я. — Но мне нужно встретиться с местром Халлораном. Это срочно и очень важно. Я у больницы, вы сможете мне помочь?

— Где именно?

Огляделась. Оказывается, я прилично отбежала от входа на станцию, пока искала информацию и звонила.

— Трейтон-стрит, на углу с Рогентри-авеню.

— Оставайтесь там.

— Хорошо.

Зажала мобильный между ладонями и принялась мерить шагами площадку. Сердце колотилось, но уже не так бешено. Сунула улитки наушников в уши и включила «Соларс Ван».

— ...Новых данных о состоянии местра Энтара Халлорана пока не поступало. Разумеется, в приемный покой никого не пускают, но нам обещают сообщить, как только что-нибудь станет известно.

В нетерпении постукивала пальцами по предплечьям, дыхание вырывалось изо рта облачками пара. Я бы прошла до центрального входа, но не была уверена, что нужно именно туда. Точнее, была уверена, что не туда. Кажется, в прошлый раз меня выводили как раз с этой стороны, с видом на Гельеру? Или нет? Наверное, нет, потому что там был выход на стоянку медицинских флайсов и...

— Эсса Ладэ.

Я подпрыгнула и обернулась.

Сопровождающий Норгхара безопасник остановился чуть поодаль, начальник службы безопасности возвышался надо мной подобно ледяному изваянию. Я уже почти забыла, какой холодный у него взгляд.

— Куда нам...

И голос под стать, как хруст зимнего снега.

— Никуда. Все, что вы хотели сказать местру Халлорану, вы можете передать мне.

— Это личное.

— Насколько я знаю, вас больше ничего не связывает.

От такого заявления я слегка опешила.

— Не думаю, что вас это касается.

Ледяные глаза скользнули по моему лицу.

— Меня касается все. О чем вы хотели переговорить с местром Халлораном?

— Я приехала его поддержать, — выдохнула, сунув озябшие руки под мышки. — Проведите меня к нему, мне очень нужно с ним поговорить! Именно сейчас, когда Энтар...

— Местр Халлоран сейчас находится на месте происшествия, в «Драконьем Круге».

От неожиданности моргнула. Почему Норгхар не поехал с ним? Он же возглавляет его службу безопасности. Рэйнар отправил его защищать брата?

— Я могу дождаться его в больнице.

— Неизвестно, когда он вернется. К тому же ваше присутствие здесь нежелательно.

К щекам прилила кровь.

— Хотите, чтобы я ушла? — спросила холодно.

— Именно, эсса Ладэ. Вас проводить до станции или найдете дорогу сами?

До этого стоявший неподвижно безопасник шагнул к нам.

— Сама найду! — огрызнулась я.

Развернулась и пошла к входу, ускоряя шаг. Внутри все переворачивалось, от осознания собственного бессилия и невозможности что-либо изменить захотелось пнуть лифт. Ну и что мне теперь остается? Только ждать, когда вернется Рэйнар, и смотреть новости.

Но как их смотреть, если нужно возвращаться на репетицию?

Пока добиралась, ничего нового не услышала. В здание оперы влетела, на ходу выдергивая наушники. Сунула их в карман, затолкала куртку в шкафчик и сразу бросилась в зал. Сильный голос Юммера услышала еще на подходе, тихо вышла на сцену и остановилась в стороне.

— Ладэ! — Издевательский голос Гроу прервал арию, Юммер поперхнулся и замолчал. — Спасибо, что почтила нас своим присутствием.

Я перехватила взгляд Тарины, та сделала зверские глаза и провела пальцем по горлу.

— Простите. Мне нужно было срочно уйти, у меня серьезно...

— Тебе нужно было как минимум спросить разрешения у меня. — Сунув руки в карманы, он приблизился ко мне и остановился лицом к лицу. — Лично.

— Знаю, но у меня не было времени. Я прошу прощения и обещаю, что такое больше не повторится.

— Сдались мне твои извинения. — Я увидела, как дернулись его зрачки. Едва уловимо, но яростью обожгло наотмашь. Звериной, от которой в низкий хрипловатый голос ворвался едва уловимый рык. — Я не собираюсь рисковать постановкой только потому, что у кого-то что-то «серьезно». Поняла?

На нас смотрели все, и я с трудом удержалась от того, чтобы не зарычать в ответ.

— Более чем.

— Чудесно. Тогда собирайся и вали.

— Что? — тихо спросила я.

— Собирайся и вали. — Гроу процедил это чуть ли не по слогам, качнулся с пяток на носки и подался ко мне вплотную. — Ты уволена.

— За что? — выдохнула я. — За то, что ушла на час? Или за то, что ушла, не спросив тебя?

Он прищурился, чтобы скрыть вытянувшиеся зрачки.

— Будешь и дальше тратить мое время?

— Ты сам тратишь свое время непонятно на что. — Почему-то дышать было трудно. — Я не подвела ни тебя, ни их. — Кивнула на коллег, которые застыли на месте как изваяния. — Не опоздала ни на одну репетицию. Не запорола генеральную, не сбежала с проработки ключевой сцены. Час времени, о котором я тебя предупредила, пусть даже не лично. Час времени, который для тебя ничего не решает.

И для меня ничего не решил.

Говорить становилось все сложнее, поэтому я сунула руки в карманы джинсов, отзеркаливая его позу. Просто держаться было не за что. Больше всего на свете я хотела петь на этой сцене. Я горела Люси не меньше, чем он. Этим миром, ее жизнью, ее историей, ее чувствами. Я готова была здесь ночевать, и даже когда из меня вытряхнуло все чувства, я шла в этот зал, чтобы стать ею. Но, видимо, у всего есть предел.

И у меня он только что наступил.

— Уволена? — сказала я. — О'кей.

Своим уходом я тоже никого не подвожу. У Гроу уйма времени, чтобы позвонить Кларин Сиддэрли и рассказать, какую ошибку он совершил, доверившись мне, а у нее — чтобы выучить роль. Уверена, что дива побегит, теряя туфельки. Ну ладно, может, пару дней поломается для вида и попросит гонорар в два раза больше, но так ему и надо. Зато Юммер будет счастлив, и климат в коллективе станет гораздо теплее. Сейчас я жалела только о том, что у меня нет такой же клевой толстовки, как у Гроу, потому что показать ему неприличный жест хотелось до невозможности.

За его «свободна» на прослушивании.

За его записочку в Ландстор-Холле.

И за все остальное для полного счастья.

— Спасибо, — сказала, повернувшись к остальным. — Было здорово петь вместе с вами. Пусть даже недолго.

Слезы наворачивались на глаза. Приеду домой — можно и порыдать. Когда никто не видит, но только не сейчас. Сейчас я улыбалась перепуганной Тарине и ошеломленной Инис, хмурому Хиггинсу и

задумчивому Мерхелу, и даже Юммеру с компанией, которые выглядели слегка очешуевшими. В общем-то самое сложное было пройти до двери и закрыть ее за собой.

В коридоре стало проще, наверное, потому что первый шаг остался за спиной.

На автопилоте дошла до шкафчиков, вытащила вещи. Проверила телефон, убедившись, что Рэйнар так и не появился в сети. За дверью гримерной стало еще проще: по крайней мере, мне уже не грозило уподобиться одному из искусственных водопадов Зингсприда, которые считаются одной из самых известных достопримечательностей столицы. Успела только раскрыть сумку, когда за спиной щелкнул замок.

— Все в порядке, — сказала остановившейся рядом Инис. — Правда.

— Правда? — уточнила она.

— Ага.

— Ну и какая из меня мать, если я в это поверю?

Мы посмотрели друг на друга, и я улыбнулась: этих секунд хватило, чтобы осознать, насколько Люси повезло с мамой. А мне с коллегой, потому что, когда Инис меня обняла, в горле встал ком, а на сердце — чуточку легче. Но долго нам так постоять не дали, в следующую минуту снова раздался щелчок, и в гримерную вошел Мерхел.

— Если что, я могу в коридоре подождать, — сказал он.

Инис улыбнулась и махнула рукой — заходи.

Тем более что следом за ним просочились бледная до прозрачности, но очень решительная Тарина и Хиггинс.

Я судорожно вздохнула, чувствуя, как в груди разливается тепло.

— Спасибо, что пришли, но... сейчас лучше не нарываться. Правда.

— А нам без разницы, — сказала Инис. — Мы тоже уходим.

Что?

— С ума сошли? — ахнула я.

— Не хочу оказаться в такой же ситуации. — Она развела руками.

— Мне неохота с Кларин играть. — Тарина пожала плечами. —

Говорят, она редкостная стерва.

— Редкостная, — подтвердила Инис.

— А я вообще себя в роли злодея не вижу. — Хиггинс ухмыльнулся. —

Только недавно это понял.

— Недавно?

— Ага. Пять минут назад. — Он посмотрел на Мерхела.

— А меня обещали убить, если я не уйду за компанию, — невозмутимо заявил тот.

Не знаю, то ли общий градус напряжения зашкаливал, то ли у меня сдали нервы, но я сдавленно пискнула. Сорвавшийся с губ смешок перекрыл очередной щелчок открывшейся двери, к которой мы все повернулись одновременно.

— Вышли все, — прорычал Гроу. — Кроме тебя, Ладэ.

Я благодарно улыбнулась Инис, которая легко коснулась моей руки, и остальным. Их поддержка придавала сил и уверенности, поэтому, стоило двери за коллегами закрыться, развернулась к сумке и принялась запихивать туда вещи. По сути, их было не так и много. Сюда я почти ничего не успела привезти, платья не нужны, гримироваться перед репетициями не надо.

Подхватила куртку и шагнула к двери, но Гроу запечатал ее собой.

— Я сказал тебе задержаться.

— Ты забыл добавить «пожалуйста».

В его глазах плеснуло зеленое пламя.

— Нарываешься?

— На что? На повторное увольнение?

Ноздри его шевельнулись.

— Не сильно это тебя расстроило.

— Сильно, — сказала я. — Не представляешь насколько. Но это не значит, что я позволю вытирать о себя ноги. Ты упрекал меня в том, что я могу запороть партию, потому что напиваюсь и ставлю личную жизнь выше сцены. Но я перешагнула через то, что случилось, и иду дальше. А как насчет тебя?

Попыталась обойти, но он резко перехватил меня за запястье.

— Перешагнула? — Он ухмыльнулся. — Поэтому ты сбежала с репетиции?

— Я просила Тарину тебе сообщить! — Дернула руку, вырываясь. — И мы оба прекрасно знаем, что этот несчастный час репетиции ни при чем. Но я никогда и ничего тебе не обещала. Больше того, сразу сказала, что отношения между нами невозможны.

Полыхающий зеленью взгляд стал хищным. Исходящая от него сила провоцировала, будоражила, бурлила, вспарывая пространство невидимыми волнами напряжения. Стоило немалых усилий остаться на месте и спокойно выдержать его взгляд.

Не знаю, сколько мы пялились друг на друга, пока он наконец произнес:

— Ты можешь вернуться.

— Это было извинение?

— Я не извиняюсь, Ладэ. Извинение значит, что я в чем-то виноват и что-то тебе должен.

— Неужели? — Сложила руки на груди. — А я думала, извинение значит, что ты сожалеешь о случившемся и готов это признать.

— Можешь думать все, что тебе угодно. Будь на твоём месте любая другая, я бы уже её трахнул и забыл.

— А это, очевидно, комплимент. Так вот, я не любая другая, Гроу. Я хочу быть твоей Люси, но я не буду твоей. Ты готов это принять?

— И откуда ты только взялась? В шоу-бизнесе с такими принципами.

— От мамы с папой. — Перекинула сумку на другое плечо. — И я не собираюсь идти на поводу у своей звериной сути, потому что я прежде всего человек.

— А может, потому, что тебе нравится это? — Пальцы откровенно очертили таэрран. — Нравится ходить в ошейнике? Открою тебе секрет, Ладэ, для мира иртханов ты всегда будешь недостаточно хороша, тебе всегда придется что-то доказывать. Именно потому, что чистой кровью тебя родители обделили, требования к тебе будут раз в десять жестче, чем к любой породистой девице.

К щекам прилила кровь.

— Это сойдет, — ответила я, чувствуя, как внутри все искрит, словно провод разорвался и бьет о стены. — А ты как был наблищем, так и останешься. Дай пройти!

С силой пихнула его в сторону, но пальцы успели только скользнуть по дверной ручке, меня перехватили и толкнули к стене.

— Ладэ... Леона! — Собственное имя, его хриплый голос — и по телу взметнулись искры, особенно когда запястья по-звериному быстро вжали в прохладный шелк над головой.

Ящерица внутри утробно рыкнула, я рванулась, но тщетно.

— Пусти! — прошипела ему в лицо. — Пусти, я сказала!

— Ты права! — прорычал он мне в губы. Пальцы скользнули по шее, под волосами, не позволяя отстраниться. Горячее дыхание обожгло щеку, коснулось ключиц, и кожа мгновенно покрылась мурашками. — Права. Я сорвался. Не должен был, но у меня крышу рядом с тобой сносит. Ты хоть представляешь, каково это? Каково было спать рядом и не иметь возможности прикоснуться? Когда ты сонная, такая горячая, выгибалась под покрывалом? Каково было целовать и слышать его имя? Каково знать, что ты сбежала к нему? Я даже подумать не мог, что меня так накроет. Никогда, ни разу за всю жизнь... Твою ж...

Рука Гроу разжалась, чтобы с шумом врезаться в стену. От хриплого

судорожного выдоха изнутри рванулся такой же, я перевела взгляд на его запястье, закованное в браслет часов. Под холодным металлом одуряюще билась жилка. Билась так же, как на смуглой жилистой шее. В такт моему сердцу, вплетая между ударами странную, дикую страсть пополам с тоской.

— Оставайся, — хрипло произнес он и облизнул пересохшие губы. — Ты — моя Люси. Другой мне не надо.

Хлопнула дверь, а я стояла и смотрела на прыгающую перед глазами точку. Вместе с ней прыгали комната и сердце в груди.

До той минуты, пока в примерную не заглянула Тарина. Взволнованная и растерянная.

— Гроу сказал, что ты остаешься. Это правда? Будем петь дальше?

— Будем, — сказала я.

И отлепилась от стенки.

ГЛАВА 10

Энтар Халлоран будет жить.

Эта новость лилась со всех Мэйстонских визорканалов, занимала большую часть эфирного времени. А я впервые за последние часы смогла вздохнуть спокойно.

«...Состояние по-прежнему остается тяжелым, но угроза для жизни миновала. Энтар Халлоран погружен в искусственную кому в гибернационной капсуле, пока что это все, что нам удалось узнать. Напомним, что сегодня студент Райгенсфорда, младший наследник правящей династии сдавал выпускной экзамен в „Драконьем Круге“, где и произошел несчастный случай...»

— Расследование, которое было проведено со всей тщательностью, не выявило никаких отклонений в стандартной процедуре. — Ректор встречал журналистов в своем кабинете в Райгенсфорде. — Выпускные испытания проводятся под моим непосредственным контролем, строжайше соблюдаются все правила техники безопасности. Перед испытанием проводится обязательный медицинский осмотр студента, который подтверждает, что он физически и психически готов к встрече с драконом. Все показатели Энтара Халлорана были в норме, это подтверждает медицинский отчет.

— Но с чем же тогда связано нападение?

— Как бы мне ни хотелось найти оправдание случившемуся, мы вынуждены констатировать, что Энтар Халлоран просто не справился. Это спровоцировало сильнейший ментальный удар и стихийную атаку дракона. К сожалению, вынужден заявить, что на повторное испытание студент допущен не будет. По крайней мере, в ближайший год.

Я отвлеклась на проносящиеся за окнами виды Мэйстона. Смотрела на город и думала. В слова Шахррейна верилось слабо, хотя его постная физиономия с налетом суровости должна была сразу и навсегда уверить всех в искреннем сожалении по поводу случившегося. Но меня не убедила, равно как и в том, что Энтар «просто не справился». Ну не представляю я, как Халлоран, хоть и младший, может не суметь удержать дракона. Не представляю — и все.

— Я бы хотел сказать спасибо преподавателю, благодаря которому удалось избежать трагедии...

На экране возник портрет немолодого иртхана с суровыми складками

у губ. Дальше началась болтовня по поводу его опыта, и я раздраженно выдернула наушники. Помогло не сильно, потому что из приемника водителя неслось примерно то же самое: «...Насколько нам стало известно, мейстер Халлоран так и не появился в больнице. С чем это связано, пока сказать сложно. Правящий недавно вернулся в Лаувайс, его флайс опустился на верхнюю стоянку в сопровождении службы безопасности, но поговорить с ним пока не удалось».

Рэйнар действительно совсем недавно вернулся в город, мне пришло сообщение о том, что абонент появился в сети немногим более часа назад.

«Наследников редко видели вместе, но в сложившейся ситуации это выглядит странно. Не найти времени, чтобы приехать к родному брату? Мейстера Халлоран от комментариев отказалась. Неудивительно. А мы все пока задаемся вопросом, что же происходит с Халлоранами... и что будет с нами, если правящая кровь не способна удержать дракона...»

— Разумеется, все они отказались, — хмыкнул водитель. — Сказать им нечего, вот и прячутся. Сначала сам налажал, теперь братец...

Он осекся, а я вдруг поймала свой взгляд в зеркале заднего вида, настолько холодный, что проморозить одного водителя до костей труда бы не составило.

— Он жизнью рисковал, чтобы нас защитить, — сказала жестко. — Но у вас, похоже, ума хватает только на то, чтобы тупо повторять за остальными.

Не знаю, что он подумал, мне было наплевать. Как и на то, что он на меня косился. Отвернулась и уставилась в окно, сгорая от желания высказать ему все, что думаю сама. Но все, что думала, было не очень цензурным, а если точно — очень нецензурным. Поэтому всю дорогу до дома в салоне царило напряженное молчание, которое не прерывалось даже бормотанием приемника, водитель его выключил. К счастью.

Прогулка с Марром не приносила облегчения. Я привыкла к тому, что, вышагивая по дорожкам, могу отключиться от всего и просто наслаждаться мгновениями внутренней тишины. В том ритме, который задавала себе сама, особенно в последнее время, это было жизненно необходимо, но сегодня отключиться не получалось.

Я не могла перестать думать о Рэйнаре.

Он так и не перезвонил, но после случившегося с Энтаром ждать ответного звонка, по меньшей мере, глупо. На репетиции расслабиться и подумать обо всем времени не было, зато теперь пришло понимание.

Репетиция...

До меня только сейчас начало доходить, что я сорвалась из мира, о

котором мечтала всю свою жизнь, даже не задумываясь о последствиях, потому что отчаянно хотела быть с ним в эту минуту.

Но нужно ли это ему?

Сейчас уже я не была в этом так уверена.

Слишком жестко мы расстались в Зингсприде. Чересчур резким был его ответ по телефону.

Днем все это не имело значения, но теперь...

Марр неожиданно остановился и встал в стойку. Резко развернулся — так, что поводок сначала натянулся, а потом обернулся вокруг меня, я только чудом успела выкрутиться из «мертвой петли» и не шлепнуться на дорожку. Перехватила кожаную ленту двумя руками, потому что рванул виар достаточно сильно.

— Чудовище! Ты что творишь? — Подняла голову.

И встретила взглядом с Рэйнаром.

Я представляла себе эту встречу как угодно, только не так — в заснеженном парке, где, кроме нас и Марра, больше никого не было.

Сердце забилося часто-часто, в груди стало горячо. Я замерла, потому что понимала, если сделаю шаг — просто сорвусь с места, и далеко не факт, что нетерпеливо приплясывающий Марр меня обгонит.

Рэйнар шагнул ко мне первым.

А я к нему. Недовольное пыхтение у ног сменилось радостным взвирком и хлопаньем крыльев. Виар рванулся вперед, пришлось его придержать и скомандовать:

— Тихо!

Никогда не думала, что расстояние в несколько метров может оказаться настолько большим, а тишина столь оглушающей.

Особенно когда мы застыли друг напротив друга.

Я смотрела в любимое лицо, цепляясь за холод темных глаз в сумерках позднего вечера, жесткий подбородок и резкие губы. Мысленно содрогаясь от невозможности коснуться, повторить изгиб кончиками пальцев. От осознания, насколько пустыми были дни без него, перевернуло, подбросило и стало нечем дышать. Хотелось отпустить поводок и шагнуть к нему. Обнять — руками, всем телом, уткнуться лицом в широкую грудь, судорожно вдыхая родной запах и чувствуя, как сильные руки притягивают меня к себе: властно, яростно, жестко. Но я стояла и просто смотрела ему в глаза, поклясться могу, что даже не изменилась в лице.

Только руки слегка подрагивали.

Но этого не заметно в темноте, правда ведь?

Зато видно, как он смотрел на меня — скользя взглядом по лицу,

впитывая каждую черточку, внешне оставаясь абсолютно бесстрастным.

Если бы я не стояла так же, поверила бы.

Но я знала. Теперь я знала многое, о чем раньше даже не задумывалась.

О чем не задумывалась ни разу, глядя в его глаза.

Только это не главное. А что главное, я не знала.

Все слова, правильные или не очень, нужные или бесполезные, застыли на губах.

— Пройдемся? — Сильный жесткий голос Рэйнара вывел из затянувшейся паузы, и сейчас я была за это отчаянно ему благодарна. Поэтому просто кивнула.

Намотала поводок на руку и тут же отпустила, но Марр не торопился от нас отбегать. То и дело оборачивался, задира морду и смотрел на Рэйнара.

— Как он? — На этот раз первой нарушила молчание я.

— Его вытащили каким-то чудом. — Голос Халлорана стал глухим и далеким, как тогда, когда мы говорили о погибшей драконице. Сейчас он смотрел прямо перед собой, но что видел, я не представляю. Сомневаюсь, что просвет между сплетенными ветвями и темную воду Гельеры. — На полное восстановление уйдет три недели.

По меркам современной медицины, учитывая возможности иртеханов, — срок просто невероятный.

— Что там произошло? — вырвалось у меня.

— Я общался с драконом. Ярость, которая на меня обрушилась, вряд ли связана с неудачей Энтара. Чувство было такое, что дракон не защищался, а нападал.

— Но... почему?

— Не знаю. — Рэйнар покачал головой. — У моего брата куча недостатков, но назвать его жестоким я не могу. Он умел общаться с драконами, и никогда бы намеренно не причинил им зла. Пусть даже неосознанно, когда почувствовал, что теряет контроль. Или мне очень хочется в это верить.

Я все-таки коснулась его руки. Осторожно пальцами пальцев. И даже не вздрогнула, когда почувствовала ответ, он сжал мою руку в своей ладони. Сильно и уверенно. Кончики пальцев, свободные от гловелетты, согрелись тут же. Не просто согрелись — запылали.

— Могли его разозлить намеренно? Заранее?

— Нет.

— Но ведь тогда... после того, как браконьеры уничтожили пару и

гнездо, драконы хотели напасть на город. Может, что-то случилось с его семьей?

— Случись такое, он бы не откликнулся на призыв, в нем не было тоски или боли, только агрессия. Мы перетряхнули все в пределах «Драконьего Круга» и окрестностях, но ничего не нашли. Никакой зацепки, почему это могло произойти.

— Как вообще проходит экзамен в «Драконьем Круге»?

Рэйнар испытующе посмотрел на меня, но я не отвела глаз. Говорить с ним вот так было просто. Значит, так и будем говорить. Пока.

— На выпускное испытание отправляются группами. По три-четыре человека — сильнейшие из студентов с куратором, обязательно в присутствии ректора.

— То есть Шахррейн лично выезжает со студентами? — Я приподняла бровь. — Ты же говорил, что таинство общения со зверем должно происходить наедине.

— В обязательном порядке. На случай, если в «Драконьем Круге» что-то пойдет не так.

Не сильно это Энтару помогло.

— Наедине — только первое общение. Призыв дракона — испытание, на котором возможно все. Никто не станет подвергать опасности сильнейшую кровь Аронгары, и я сейчас не только про наследников правящих. На выпускной экзамен такого уровня выходят единицы. Аристократы, которые его проходят, впоследствии могут возглавить взводы вальцгардов.

Дорожка кончилась вместе с парком, если пройти по заснеженному газону, можно оказаться на пустыре. Вид отсюда открывался шикарный, несмотря на сваленные вдалеке цистерны, в которых бездомные обычно разводят горючее. Правда, зимой они предпочитают трущобы в районах победнее. И подальше от залива, где ветра не продувают до костей.

Мы обогнули парк по кругу и свернули на боковую аллею, тихую и далекую от центральной настолько, насколько это возможно.

— Марр здесь вырос, — неожиданно сказала я. — Когда он только у меня появился, я еще не представляла, как вести себя с виарами, и дико боялась, что он... ну, напрыгнет случайно на какого-нибудь ребенка или просто кого-то напугает. Начиталась историй в сети... А кристалла у него не было, поэтому мы гуляли подальше от обитаемых мест. Рано-рано утром или ближе к ночи.

Рэйнар покачал головой и неожиданно улыбнулся.

— Узнаю твою логику.

— А что не так с моей логикой? — насторожилась.

— Залезть непонятно куда, чтобы наткнуться на какого-нибудь... субъекта. Которому твой виар откусит что-нибудь ценное.

— Это уютная дальняя аллея, — заметила я. — Между прочим, летом здесь можно лежать на скамейке и считать звезды. Романтика. Особенно если фонари не горят.

— И часто они здесь не горят?

— Часто.

Словно подтверждая мои слова, один моргнул и погас, а Рэйнар неожиданно остановился.

— Почему ты приехала?

— А ты?

— Можешь просто ответить на вопрос, Леона?

— Потому что я хотела быть с тобой. Когда...

Не договорила.

Потому что поняла, что говорю не о том. Опять. Это у меня дар такой, что ли?

— Когда?

— Не важно.

— Не важно?

— Его можно убрать.

— Кого?

— Когда, — фыркнула я. И тут же снова стала серьезной: — Твоя очередь отвечать.

— Потому что я хочу быть с тобой.

От искренности этих слов стало нечем дышать.

Сердце сорвалось в пропасть, и я вместе с ним, но падать почему-то было не страшно.

Возможно, потому, что я не падала, а летела.

— Сейчас? — зачем-то уточнила я.

— Сейчас. И всегда.

Он пристально смотрел на меня. Так пристально, что мне захотелось завернуть сердце в фольгу, чтобы всякие его не разглядывали своими насквозь просвечивающими глазами. Выручил Марр, он ткнулся носом мне в джинсы и задрал голову. Рэйнар протянул виару раскрытую ладонь, в которую тот радостно уперся башкой. Молчание затянулось, но я не представляла, с чего начать.

Слишком многое хотелось сказать.

О том, что я отчаянно, дико скучала. О том, как смотрела на

мобильный, перебирая в памяти номер, каждую цифру. О том, как хотела услышать его голос. Не просто услышать — слышать каждый день. Но что дальше? Аррингсхан говорил, что в случае поражения Рэйнар возненавидит себя. А я себя, если откажусь от оперы. Он родился первенцем правящего в мире драконов и власти, я — в стране, куда моя мама сбежала от этого мира. Правящий и полукровка с мечтой о сцене.

С мечтой, которая вот-вот станет реальностью, но в его жизнь не вписывается.

Можно ли совместить несовместимое?

В мире, где наказание любимой женщины в порядке вещей. У родителей Рэйнара были очень теплые отношения, в которых даже находилось место романтике, — вспомнить хотя бы беседку на первую годовщину. Со стороны Аргастель чувства явно были глубокими, иначе я бы не ощутила такой пронзительной тоски, когда она говорила о муже. Тем не менее это не помешало ему надеть на нее таэрран и позволить выйти под вспышки камер. Аргастель не сумела забыть, смогу ли я?

Смогу ли смириться с законами звериного мира, стать его частью и принять это как данность? То, что между любимым мужчиной и мужчиной-правлящим — пропасть, в которую так просто сорваться. То, что он всегда будет сначала правящим и только потом мужем.

Да и... хочет ли он быть моим мужем?

Ведь я ему отказала.

— Леона?

— Мне страшно, Рэйнар, — честно призналась я.

Страшно показать слабость. Страшно раскрывать сердце, когда в него может ворваться ураганный ветер и взметнуть костер до небес. Однажды так уже случилось, и горстка пепла от меня не осталась только по чистой случайности.

— Потому что мне было очень больно, и... я... еле выбралась из этого. Выбралась ли?

— Потому что ты даришь мне крылья, но ты же их обрываешь. Потому что я могу дышать только с тобой, но иногда это все равно, что дышать в жерле вулкана. Я не знаю, смогу ли справиться, если... что-то подобное повторится. Я не местрель и никогда ей не стану. Точнее, никогда не стану такой, как Ирргалия.

— Я очень на это надеюсь.

— И даже такой, как твоя мама. Рэйнар, я учусь, но... я все равно не могу закрываться так, как это делаете вы. Ты и другие иртханы, потому что для меня чувства — это жизнь. Я знаю, что ты с детства учился владеть

собой, а я не смогу петь, если...

Осеклась, но все-таки закончила:

— И я не смогу оставить сцену, даже если весь мир будет против.

Слов не хватало, поэтому я замолчала. И закусила губу, глядя ему в плечо.

До той минуты, пока сильные пальцы легли мне на подбородок, но не сжали, напротив — погладили едва уловимым касанием. Почему-то эта простая ласка отозвалась навернувшимися на глаза слезами. Я судорожно вздохнула и подняла голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Не знаю, как он мог так смотреть. Пожалуй, только он и мог, когда дыхание выбивало из груди — одним ударом, навывлет.

— Леона, ты нужна мне такая, какая есть. Упаси меня небо сделать что-то, что погасит твой огонь. — Голос его стал жестким, и в то же время меня ударило такой болью, что в груди вспыхнуло.

— Но ты говорил...

— Мне тоже было больно, Леона. — Глаза его потемнели еще сильнее, словно ночь пропитывала их своим цветом. — Когда ты сказала, что не хочешь ребенка. Тогда я еле справился с собой, это было похоже на безумие. Рядом с тобой моя выдержка разлетается в пыль. Не говоря уже о том, что происходит, когда ты сопротивляешься. Когда мне сопротивляется твоя драконица. Никогда в жизни я не сходил с ума так, как схожу, когда рядом ты. И еще больше, когда тебя нет. Когда я касаюсь тебя, но еще больше — когда не могу коснуться.

Он убрал руку, и я с трудом удержалась от того, чтобы рвануться за ней.

— Я знаю, что причинил тебе боль. Я не могу изменить того, что произошло в Лаувайс. Того, как это случилось. Могу только просить у тебя прощения. За то, что позволил этому свершиться. За то, что наговорил тебе в Зингсприде. И за то, что не сказал, хотя должен был. Сразу.

— Я тоже много чего наговорила, — пробормотала я. — И я тоже хочу все исправить.

А потом закрыла глаза и шагнула в самые желанные объятия в мире. Горьковато-терпкий запах окутал шлейфом, и дыхание сбилось. Особенно когда меня стиснули еще сильнее, запуская пальцы в волосы, сгребая пряди в горсть и заставляя запрокинуть голову. Внутри полыхнуло, с губ сорвался не то стон, не то рычание. Ветер подхватил его и хриплый выдох Рэйнара, ударивший по сознанию. Я всхлипнула ему в губы, чувствуя, как стынут соленые дорожки на щеках, как его пальцы скользят по коже, повторяя и убирая их. Было в этом что-то судорожно-ненормальное: целоваться

исступленно, как в последний раз, забывая обо всем на свете.

Широко распахнула глаза и поняла, что сделала это зря. Бьющееся в его радужке алое пламя разрезали только алые зрачки, и драконица внутри меня рванулась к нему. Отчаянно, сумасшедше остро, как мгновение назад я сама. От поцелуев горели губы, от замерзших на ветру слез в щеки впивались ледяные иглы, но я снова горела. Никакой огонь не способен подарить это чувство, а вот чувство огонь — вполне.

Я цеплялась за его плечи, скользя пальцами по грубой ткани пальто. Чувствуя, впитывая через одежду каждое яростное прикосновение. Только осознание того, где мы находимся, заставило хрипло вздохнуть и спрятать лицо у него на груди. Под ладонями мощно билось сердце, отдаваясь во мне, задавая ритм.

— Рэйнар, — выдохнула тихо. — Я хочу присутствовать на поединке.

— Где?

Подняла голову, глядя в темнеющий прищур, и поняла, что про поединок мне знать не положено.

Упс.

Ну а что я говорила?

У меня дар.

— Откуда ты знаешь про поединок, Леона?

Рэйнар отстранился и сейчас внимательно смотрел на меня. Пришлось признаваться:

— От местра Аррингсхана.

Взгляд его заledenел, и я сообразила, что эту тему сейчас поднимать не стоило. Но раз уж так случилось...

— Рэйнар, я хотела сменить наставника, потому что рядом с тобой у меня мозги отключаются. Мне нужно думать об учебе, а я думаю о тебе... и о том, что, когда ты смотришь на меня так, как сейчас, я не могу сосредоточиться. Мне все время кажется, что ты в мгновение ока превратишься в дракона и дыхнешь огнем. Понимаешь?

— Хотела? — уточнил он.

Ну, разумеется, нашел, за что зацепиться. Почему из всего, что я сказала, он обратил внимание только на прошедшее время?

— Хотела. Хочу. Не знаю. Пожалуйста, давай не будем говорить об этом сейчас? — Заглянула ему в глаза. — Мне нужно время, чтобы уложить в голове все, что случилось. Хотя бы несколько дней. Я боялась, что ты заставишь меня уйти со сцены, я... Слишком многое тогда произошло.

— Хорошо.

— Хорошо? — неуверенно улыбнулась.

— Это твое решение. — Взгляд его по-прежнему оставался холодным, но вроде как рычать на меня не собирались. — Выбирать тебе.

Рэйнар, который ни на чем не настаивает и не диктует условий, был каким-то... неправильным. Но я все-таки облегченно вздохнула. Слова мистры Халлоран прочно засели в сознании, разговор с Аррингсханом тоже даром не прошел. Мне нужно разобраться во всем и решить, как быть дальше. А главное, понять, что по этому поводу думает Рэйнар.

— Насчет поединка...

— Нет.

— Нет?

— Нет. — Он покачал головой. — Есть вещи, в которые женщине лучше не лезть.

Вот это уже правильный Рэйнар.

— Своей матери ты тоже запретишь присутствовать? Или она не женщина?

— Не сравнивай, Леона.

— Почему? Чем мы отличаемся?

Хотя понятно чем. Происхождением, статусом и... в общем-то мне никто не говорил, что наши отношения вернутся к тому, от чего ушли. По сути, я сама отказалась быть представленной обществу как его будущая жена. Далеко не факт, что он захочет повторить предложение. Но обижаться тут не на кого, кроме себя самой. Да и не время сейчас об этом думать.

— Рэйнар, мне важно быть рядом с тобой в этот момент. В момент, когда ты выйдешь против Шахррейна.

— Тебе там нечего делать.

Я моргнула, как тот фонарь, а потом развернулась и бросилась в сторону центральной аллеи. Да чтобы я... Еще хоть раз... С ним... Заговорила!

Поводок натянулся, и я резко дернула Марра на себя, но наткнулась на руку Халлорана. Рванулась, чуть не лишившись гловелетты, и в этот миг меня притянули к себе. Еще пару минут назад это были самые желанные объятия, но сейчас я хотела только оттоптать ему ногу. Можно обе. Но пока держалась.

— Леона, я не так выразился.

— По-моему, ты выразился предельно ясно. — Уперлась ладонями ему в грудь. — И в прошлый раз по телефону, и сейчас. Все нормально.

Упорно не смотрела на него, разглядывая топчущегося у ног пушисто-чешуйчатого предателя, поводок которого соединил наши руки для полного

счастья.

— Я не хотел, чтобы ты появлялась у больницы.

— Это мне тоже ясно дали понять.

— Мне важно, чтобы ты держалась подальше от Арены и от всех, кто там соберется, потому что тебе опасно находиться рядом со мной. После того как до меня донесли частично достоверную информацию, после того, как архив с данными о твоей матери был поврежден... Слишком много совпадений, которыми били по тебе. Возможно, чтобы проверить, насколько ты мне дорога.

О таком повороте событий я как-то не подумала, поэтому слегка зависла.

— У меня был выбор — запереть тебя в Скай Стрим или объявить, что ты осталась в прошлом.

Только сейчас я осознала, что из сопровождающих у нас лишь тени. И те держались за нами на достаточном расстоянии. Достаточном для чего, я пока не сформулировала. То ли для того, чтобы дать нам возможность поговорить без свидетелей, то ли — успеть среагировать на угрозу. Хотя какая может быть угроза в зимнем парке на Четвертом острове.

И вообще что за бред мне сейчас лезет в голову?

Главное, не начать говорить это вслух.

А я могу! Я много чего могу.

— Так... ты поэтому снял охрану?

Рэйнар ответил не сразу (Марр успел обойти нас по кругу, обернув кожаной змеей, а потом размотать), но когда заговорил, голос его звучал глухо.

— Непонятно, на каком уровне идет утечка.

Я смотрела на него, не в силах поверить в услышанное.

— Норгхар?..

— Ему я доверяю как самому себе. Он мой брат.

Так, Леона, подбери челюсть, она тебе еще пригодится.

Да, вот так. Теперь перестань хлопать глазами, а то взлетишь.

— До сегодняшнего дня об этом знали только Берг и я. У отца был роман с его матерью, северянкой. Впрочем, романом это назвать сложно, он ездил в Хайрмарг в деловую поездку, там с ней и познакомился. Рисса Норгхар была иртеханессой не очень высокого происхождения. Отец ей ничего не обещал, но Рисса думала привязать его к себе с помощью ребенка. И просчиталась. Она умерла, когда Норгхару едва исполнилось двенадцать, родителей Риссы в то время уже не было в живых, поэтому отец забрал его в Мэйстон.

— Вы выросли вместе?

— Он старше меня на десять лет, поэтому дружбы у нас все равно бы не получилось. Тем более что Халлораном отец его не назвал, предложил обучение в Райгенсфорде и выбор: служба безопасности или высшее звание вальцгарда, если потянет. Он бы потянул значительно больше, но выбрал службу безопасности и закрыл отца собой во время покушения в Мэйстон-телепорт. Еле выбрался, а спустя несколько лет возглавил службу безопасности. Ему тогда было немногим больше, чем мне сейчас.

— Покушение?

— Широкий массам о нем ничего не известно. Это было за несколько дней до перевыборов, поэтому панику нагнетать не стали, всех свидетелей заставили подписать документ о неразглашении.

От обилия информации голова шла кругом.

Правящие — они вообще спокойно живут?

Марр потянул поводок, и мы все-таки направились за ним. Не сговариваясь, молча, рука об руку.

— Почему ты не поехал в больницу? — тихо спросила я.

— Потому что не знал, что сказать.

— Журналистам?

— Матери.

Я повернулась к нему, в голосе столько горечи, а лицо по-прежнему бесстрастное. Вот как ему это удается?

— Мне было двадцать девять, когда я сменил отца. Самый молодой правящий Аронгары, по крайней мере, в глазах людей, но возраст не имеет значения, когда звучит фамилия Халлоранов. Я с детства знал, что должен соответствовать, и я был таким. Меня к этому готовили, меня этому учили, я рос с этой мыслью. Я отвечаю за целый город, но не сумел защитить собственного брата.

— Ты не можешь предусмотреть все.

— Могу. И должен.

Покачала головой.

— Все, что ты сейчас должен, — это поехать к матери и сказать, что ты ее любишь.

Он усмехнулся.

— От слов мало пользы, Леона.

— Не так уж и мало, — сказала я. — Если они идут от сердца.

Мы вышли на центральную аллею под яркий свет фонарей, которых здесь было значительно больше. Не знаю, как насчет фамилии, сейчас он и впрямь выглядел старше, а еще невероятно усталым, но по-прежнему

жестким. Сила, исходящая от него, чувствовалась в суровых складках у губ, в резком профиле, даже в задумчивом прищуре и холоде глаз. И я вдруг поняла, что даже если бы он родился вторым наследником, все равно стал бы правящим. Несмотря на возраст, несмотря ни на что.

Просто есть люди, которые рождаются с призванием.

Его призвание — власть. Сила. Драконы.

А что касается остального...

Именно ко мне он приехал. Именно мне рассказал обо всем.

Даже о назревающем вокруг их семьи заговоре.

«Я люблю тебя», — захотелось сказать мне. Но я понимала, что сейчас это только все осложнит. Так же как и вопрос, когда мы увидимся снова. Поэтому просто обняла и коснулась губами губ, чувствуя, как сердце заходится от нежности. А потом сидела на скамейке, подвернув под себя ногу, смотрела, как он уходит, и болтала пушистым помпоном. В другой раз Марр играючи оттяпал бы мне половину шарфа — и моргнуть не успела бы, но сейчас виар тоже смотрел ему вслед и тоскливо вздыхал. А мне дико хотелось к нему присоединиться, но я просто подперла подбородок рукой.

Странные мысли лезли мне в голову.

Странные и страшные.

Например, о том, что браконьерствующему ирлхану может быть выгодно накачать себя кровью драконов, читай силой, под завязку. Потому что близятся выборы. Потому что только так получится подвинуть династию Халлоранов.

И предстоящий поединок будет весьма кстати.

— ...Встреча мейстры Халлоран с сыном вышла очень трогательной. — Светловолосая диктор официально улыбалась в камеру. — О чем они говорили, нам неизвестно, но больницу они покинули вместе.

Кадры, на которых Рэйнар выходил из больницы с Аргастель, действительно заставляли улыбаться, на сердце становилось тепло. Он приобнимал мейстру Халлоран за плечи, провожая к флайсу. Сегодня эти кадры были повсюду с разных ракурсов — в сети, на всех визорканалах, журналисты без устали комментировали воссоединение правящей семьи. Я же не переставала высматривать рядом с ним Норгхара и не могла не думать о нем.

Он стал первенцем Листерна, но Рисса была значительно слабее Аргастель, семья матери Рэйнара считалась одной из самых сильных по крови в Мэйстоне. Возможно, именно поэтому правящий отказался признать его наследником. Потому что из-за крови по материнской линии

он не мог обеспечить достойной защиты городу. В остальном Бергард Норгхар был безупречен.

Вчера я полистала сайт Райгенсфорда, где он числился среди лучших выпускников. За испытание в «Драконьем Круге» — высший балл, блестяще окончил академию, отказался от карьеры вальцгарда в пользу службы безопасности Листерна Халлорана, через несколько лет получил повышение. В молодости он был чем-то неувлимо похож на отца, но с возрастом (возможно, за счет ярких северных кровей) это ушло. Сейчас никто бы и не сказал, что они каким-то образом связаны. Слишком холодной была его внешность, слишком фервернской.

«Я не верю в то, что Энтар мог не справиться, — именно так вчера заявил правящий. — Обстоятельства, при которых произошло нападение дракона, крайне неоднозначные, расследованием я занимаюсь лично». Не представляю, что значили эти слова для местры Халлоран, но думаю, если бы Рэйнар признался ей в любви, как я посоветовала, это не стоило бы и сотой доли того, что он сделал для нее таким заявлением. «...Напомним, что эти слова были сказаны вопреки заявлению ректора Райгенсфорда, который утверждает обратное. Пока мэйстонцы теряются в догадках, что же послужило причиной столь кардинального расхождения во мнениях по поводу случившегося, состояние Энтара Халлорана стабильно улучшается. Сегодня нам сообщили, что он останется в гибернационной капсуле еще несколько дней, мы же можем только ждать и...»

Я снова сунулась на кухню из комнаты и чуть не споткнулась о виара.

— Марр!

— Виу, — напомнил о себе Марр.

— Обойдешься, — строго сказала я, отправляя поднос в духовку.

До возвращения Танни оставалось минут сорок — этого времени как раз хватит, чтобы еда приготовилась. И вообще, надо будет спросить у Мэлз, может, у нее есть знакомая, которая ищет работу и возьмется готовить. Потому что в последнее время мы переходим на полуфабрикаты, от которых желудок слипается. А у меня слипаются глаза, когда я готовлю. Как сейчас, например. Невыносимо хотелось плюхнуться куда-нибудь с электронной книгой или пойти спать, но лечь, пока сестра не вернулась... непривычно как-то.

Да и поговорить про курсы Сириана Файта хотелось бы (ура, я наконец запомнила, как зовут этого суперизвестного парня, занимающегося 3D-дизайном). Вчера, глядя в сверкающие от счастья глаза сестры, я мысленно несколько раз обняла Рэйнара. За все, что он для нее сделал. Несмотря на то что мы почти не обсуждали ее будущую

профессию, видно было, что Танни по-настоящему ожила. Мы немного поговорили об Энтаре и разошлись по комнатам, но сегодня я хотела как следует обо всем ее расспросить.

Поставила духовку на таймер и поманила за собой Марра, который ткнулся носом в жаропрочное стекло. Нос чудовища стеклу не грозил, стекло носу тоже, а вот поскрести по духовому шкафу лапой в попытке достать жаркое виар мог. Так и сделал однажды, оставив на ручке выразительные бороздки, за которые я (на бегу и спросонья) по утрам цеплялась чулками до тех пор, пока мастер не заменил дверцу.

Выпуск новостей на «Соларс Ван» закончился, я зевнула и, подогнув под себя ноги, устроилась на диване. Спать хотелось невероятно. Поцелкала пультом, переключаясь между ток-шоу, сериалами и фильмами, пока не наткнулась на «Ронгари». Один из немногих каналов, вещающих на всю Аронгару. Флангстонский.

«...Сегодня местрель Стоунвилл, долго молчавшая после своего последнего заявления, наконец-то дала интервью. Она согласилась принять журналистов после того, как ее отец Бергман Стоунвилл открыто заявил прессе, что его дочери официально запретили въезд в Мэйстон».

С меня мигом слетел весь сон, и я вцепилась в пульт, как будто кто-то у меня его отнимал.

«Эта новость всколыхнула всю Аронгару не менее, чем трагедия в Мэйстоне. Местр Стоунвилл выражает сожаление, что вынужден донести эту информацию именно сейчас, но: „Я устал от нападков, которым постоянно подвергается моя дочь. В сложившейся ситуации мой долг как отца заявить, что Ирргалия всем сердцем привязана к Мэйстону, но не имеет возможности туда вернуться“. — Именно так заявил правящий».

Далее кадр сменился, и на экране возникла Ирргалия. Никакого блеска, скромное серебристо-серое платье, огненные волосы стянуты в хвост, взгляд спокойный, прохладный, но глаза слегка покрасневшие. Поклясться могу, она перед интервью с полчаса нюхала горчанку, чтобы изобразить такую физиономию.

«Я действительно не могу вернуться в Мэйстон. — Голос ее звучал с таким низким надрывом, что я сама почти поверила. — Не могу даже лишний раз увидеть мужчину, с которым нам предстоит обручиться и связать наши сердца». — «Вы сейчас говорите о Деверике Шахррейне?» — «Да, именно о нем. Он сделал мне предложение, в скором времени должна была состояться наша помолвка». — «Но в прошлый раз вы гостили в Мэйстоне в Скай Стрим. Ходили слухи, что вас и местра Халлорана связывает предварительная договоренность о заключении брака...» —

«Это были всего лишь слухи. Моя единственная связь с семьей Халлоранов — местра Халлоран. Искренне сожалею, что ей как матери пришлось пережить такое потрясение, и невероятно рада, что все обошлось. С Аргастель мы до определенного момента были в замечательных отношениях». — «Позвольте полюбопытствовать, что же их разладило?» — «Не что. А кто. — Ирргалия подняла голову и посмотрела прямо на меня. — Одна особа, которую я имела смелость поставить на место». — «Вы расскажете нам, что именно произошло?» — «Мне очень неприятно это вспоминать... — Она опустила глаза. — После волнения драконов в Мэйстоне я приехала в больницу с дружеским визитом и наткнулась на нее. Эта... женщина вела себя неподобающе. Она хамила, огрызалась и настаивала на встрече с местром Халлораном, всячески заявляя на него свои права...»

— Ларрка! — вырвалось у меня.

Я не запустила в визор пульт только потому, что с силой сжимала его в руке.

«О ком вы сейчас говорите?»

Вот теперь она точно смотрела на меня. Ненавидящим взглядом, странно, что от него не расплавились оптоволокно и сверхмощные вышки.

«Не так давно ее имя уже было у всех на слуху. Эсса Леона Ладэ».

Редакция «Файнинг Ньюс» занимала пять этажей в офисно-деловом центре. Судя по высоте, на которую нас вознес лифт, аренда обходилась им в серьезную сумму.

— Волнуешься? — Хейд приобнял меня за плечи.

— Немного.

— Не переживай, Грэнс отличный парень.

Я подавилась смехом. По какой-то иронии его друга-журналиста звали так же, как идиота, из-за которого чуть не пострадал Марр. Впрочем, Грэнс — одно из самых распространенных имен в Аронгаре. Есть имена, мода на которые приходит и уходит, а вот Грэнсы были, есть и будут.

— Я не переживаю.

— По тебе заметно. — Хейд улыбнулся, но тут же стал серьезным. — Считай это испытанием перед выходом на большую сцену. Когда становишься известной, любой может сказать о тебе все что угодно. А ты должна улыбаться и делать вид, что тебя это совершенно не касается.

— Вот так?

— Небо! — Агент прикрыл глаза ладонью. — Никогда больше так не делай.

- Ты сам сказал улыбаться.
- Но не так, будто ты хочешь меня сожрать.
- Тебя не хочу.
- И на том спасибо.

За время работы в Ландстор-Холле я относительно привыкла к тому, что мне иногда писали всякие пакости, но после «трогательного» заявления Ирргалии узнала о себе столько нового, что комментарии на моей официальной странице пришлось закрыть. На почту посыпались предложения прокомментировать ее заявление, мобильный пришлось перевести на виброрежим. Надеюсь, она откусила себе язык за то, что невольно поспособствовала росту моей популярности, а лично мне хотелось откусить ей голову.

Из-за Рэйнара.

Потому что били именно по нему.

- Правда ли, что вы запретили местрель Стоунвилл въезд в город?
- Да, это так.

Я сидела, подтянув к себе колени, и жевала беконные шарики, почти не чувствуя вкуса. Дикое это ощущение — следить за жизнью дорогого тебе мужчины через экран визора, но ничего другого мне не оставалось.

— Можете рассказать, с чем именно это связано?

— С тем, что местрель Стоунвилл пренебрегла моим гостеприимством.

— Каким образом?

— Пусть это останется между нами. Впрочем, если местрель Стоунвилл пожелает обнародовать причину своего отъезда, возражать я не стану.

В том, что местрель Стоунвилл скорее удавится, чем решит заявить о своей подлости, я не сомневалась, но желание откусить ей голову меньше не становилось. Жаль, что оборот мне не светит, с удовольствием бы дыкнула на нее огнем и посмотрела, упадет ли она картинно в обморок, следуя созданному образу. Или, подобрав свои дорожные юбки, будет улепетывать так, что за ней соурскому бегуну не угнаться.

Ларрка элитная.

Грэнс встречал нас у кабинета — светловолосый, улыбчивый, чуть выше Хейда.

— Лайт, Леона...

Рукопожатие у него оказалось крепким и приятным, от широкой

улыбки вокруг серых глаз собрались лучики морщин, и стало тепло. Журналист коснулся замка карточкой, открывая дверь и пропуская нас вперед. Ряды рабочих ячеек, отделенных друг от друга матовым стеклом, приглушенный свет над одной в центре и чуть поодаль; вырваться на интервью получилось только после репетиции, большинство коллег Грэна уже разошлись по домам.

— Вот здесь я и работаю.

— В те редкие часы, когда он здесь появляется.

Грэнс фыркнул.

— Ты на работе вообще не появляешься.

— Потому что я работаю на себя, и в этом мое счастье.

— С тобой все было понятно вот с таких пор. — Журналист коснулся своего колена. Хейд попытался ткнуть его локтем в бок, но тот увернулся.

— Вы с детства знакомы?

— Жили в одном доме, — сообщил агент. — Грэнс постоянно таскал у меня видеоигры и никогда не возвращал.

— А он сломал мои 3D-очки.

Не выдержала и усмехнулась.

— Прости, Леона, рядом с ним я веду себя как придурок.

— Потому что ты и есть придурок, — беззлобно фыркнул Хейд.

Грэнс покачал головой, а мы как раз подошли к ближайшей ячейке, над которой горел свет.

— Леона, это Варри, Варри, это Леона. — Журналист нырнул за стекло, совершенно панибратски наклонился к столу миловидной девушки в безразмерном свитере и очках, чмокнул ее в макушку.

— Отвали! — Она беззлобно толкнула его в грудь и обернулась. — Привет.

— Привет. — Я улыбнулась.

Ответной улыбки не последовало.

— Варри меня с некоторых пор не любит, — заявил Грэнс. — Очень-очень не любит.

Журналистка закатила глаза и снова уткнулась в ноутбук.

— Что вы не поделили? — спросила я, когда мы отошли.

— Юбилей.

— Юбилей?

— Ага. Варри должна была делать тот репортаж из «Драконьего шипа».

— Юбилей местры Халлоран?

— Именно. — Грэнс отпихнул ногой коробку, валявшуюся рядом с его

рабочим местом, и подтянул стул из соседней ячейки. — Предварительная договоренность была за пару месяцев, остается несколько дней, начальство вызывает к себе и говорит: «Поедешь ты, личная просьба Халлорана». У меня завал, статью сдавать к вечеру, несколько проектов горят... В общем, весело и отказаться нельзя. Садись. Смотри, акцент лучше сделать на участии в новом проекте, поэтому начнем с твоей мечты. Расскажешь про оперу, про то, как и где училась...

Он говорил все то же самое, что мы обсуждали с Хейдом.

А я думала только о том, что услышала.

О том, что Рэйнар лично настоял, чтобы репортаж делал Грэнс. И о том, что Грэнс с Хейдом друзья с детства.

Карикатура называлась «Рыжая прищка и дракон», о чем гласила надпись под рисунком. Изображал он Ирргалию, ноги которой торчали из пасти дракона. В последние дни Танны рисовала ее с неиссякаемой фантазией (когда приходила из школы, перед курсами) и крепила мини-планшет для записок на холодильник. Название грызуна размером с морду виара, которых с избытком водилось в трущобах современных мегаполисов, Ирргалии тоже присвоила сестра. В пустошах этих зверюшек жрали наблы (виары прищек не ели из-за специфического отпугивающего запаха, а наблам было пофиг). В городах их есть было некому, поэтому изредка проводились зачистки, которые в общем-то всерьез проблему не решали.

— Ну, что скажешь? — поинтересовалась у Марра.

— Виу.

— Это да или нет?

Марр ткнул носом в ногу, я потрепала его по голове и убрала вылизанную до блеска миску.

— Пойдем гулять, чудовище.

Да или нет, ответить себе могла только я сама.

Местр Аррингсхан назначил встречу на вечер субботы, и до нее мне нужно принять окончательное решение.

После вчерашнего интервью, которое сегодня вышло в «Файнинг Ньюс», а Хейд забрал на мою страницу, я не переставая думала о Рэйнаре. До заявления Грэнса агент был даже не в курсе, что его друга отправили на репортаж почти в последний момент. По всему выходило, что именно Рэйнар поспособствовал моему знакомству с Хейдом. Ненавязчиво сделал возможной нашу с ним встречу.

Помог мне стать на шаг ближе к мечте.

Помог так, что никто бы об этом и не узнал, если бы я сразу

согласилась стать его женой.

Помог, не унижая своими рекомендациями. По сути, если бы Грэнса не зацепило мое исполнение, он бы Хейду ничего не сказал.

И это не давало покоя.

А еще отсутствие возможности даже пожелать удачи перед поединком. К счастью, сегодня утром Энтар пришел в себя, медики сочли, что восстановительный процесс завершен благополучно. О выздоровлении Халлорана-младшего и его возвращении в Скай Стрим сообщили по «Соларс Ван», и у меня отлегло от сердца. Потому что на Арену Рэйнар шагнет, зная, что с братом все в порядке.

Вот только перестать думать о поединке я все равно не могла.

Немного отвлечься получилось на репетиции, сегодня мы пели «Яд» и «Свободу» — одни из самых сложных в исполнении арий, невероятно сильных по эмоциям. Как по мне, сильнее были только «Мир без тебя» и сцена похищения Люси, но до них мы еще не добрались. Гроу оказался милостив и сказал, что разберемся с ними после выходных, потому что прогон таких сцен подряд лучше не делать.

— Вррр!

— Тише, чудовище. Не здесь.

Зимний пятничный вечер мэйстонцы предпочитали проводить в кино, клубах или у визоров, поэтому, едва мы отошли от центральных ворот, я отпустила Марра побегать. По-хорошему, «выбешиваться» ему надо раза в два больше, но где бы еще найти на это время. Мы свернули с основной аллеи на привычный маршрут, и виар неожиданно рванул вперед. Я же вскинула голову и чуть не поседела: на скамейке прямо по курсу виднелась крохотная детская фигурка.

Откуда здесь ребенок? Один! В такое время!

— Марр! Стой!

Поздно, виар подлетел к скамейке и ткнул носом прямо в коленки. Никогда в жизни я так быстро не бегала, но когда подскочила к ним, увидела, что мальчишка лет пяти-шести даже не думает орать и пугаться. Напротив, запустил перчатки в шерсть и треплет Марра по голове, а тот урчит и фыркает, заглядывая ребенку в глаза.

— Привет, — сказала я, остановившись рядом.

— Привет. — Он насупился и убрал руки.

В свете фонаря на щеках блеснули дорожки от слез, нос красный, а шапочка с помпоном съехала набок. Как он здесь вообще оказался?

— Ты с родителями?

— Нет. Я уже взрослый.

Ну конечно, взрослый.

Мальчик недоверчиво посмотрел на меня, но потом понял, что ругаться не собираюсь.

— Можно? — кивнул на Марра.

— Можно, — ответила я, и он снова принялся чесать виара между ушей.

Тот не сопротивлялся, видимо, почувствовал настроение и побежал поддержать. Осторожно, чтобы не спугнуть, опустилась на скамейку, подогнув под себя ногу. Все-таки сидеть зимой на улице — сомнительное удовольствие, даже если ты завернут в сто девяносто одежек. Одет ребенок, кстати, был нормально: в новенький теплый дутик, ботинки тоже хорошие. Да и живет, наверное, здесь поблизости.

— Как его зовут?

— Марр, — улыбнулась.

— Карн.

— Леона.

— Рад познакомиться, Леона. — Мне на полном серьезе протянули руку, и я ее пожала.

— Взаимно. Ты почему один?

— Я из дома ушел. — Карн нахмурился.

Ну супер. Родители, судя по всему, с ног сбились.

— Почему?

— Потому что у мамы теперь есть Эрл и ей не до меня.

— Эрл?

— Да. — Карн скривился. — Орущее бесполезное нечто!

Он шмыгнул носом и вытер его рукавом.

— У меня тоже есть сестра, — сказала, пряча улыбку.

— Она тоже постоянно орет?

Плотно сжала губы.

— Иногда.

— Ты ее тоже не любишь?

— Очень люблю.

Мальчишка насупился и сунул руки в карманы.

— А кого из вас мама любит больше?

— Мама не может любить кого-то больше или меньше, Карн. Она просто любит каждого ребенка так сильно, что словами не передать.

— Почему?

— Потому что сердце мамы самое большое в мире и там хватит места на всех. Просто если кто-то совсем маленький, с ним приходится

проводить больше времени.

Карн опять шмыгнул носом.

— Замерз?

— Угу.

— Давай позвоним твоей маме и...

— Я телефон потерял.

Вздыхнула. И что с ним делать? В полицию вести?

— Знаешь, как до дома дойти?

— Да.

Уже лучше.

— Через северные ворота, а потом пару кварталов до «Раффера».

— В высотке рядом с гипермаркетом живете?

— Угу.

Поднялась и протянула мальчику руку.

— Ну, пойдем. Проводим тебя.

Он колебался, но все-таки доверил мне ладошку.

— Марр! — хлопнула по ноге, и виар тут же подлетел, сделал большие глаза. — Я с тобой дома поговорю!

Карн хихикнул, пока я пристегивала поводок.

— А что он сделал?

— Команды не слушался, когда я позвала.

— Я не испугался. Совсем-совсем, правда. Не надо его наказывать. —

Мальчик запрокинул голову и посмотрел мне в глаза.

— Не буду, — улыбнулась.

К северным воротам выводила аллея, где мы говорили с Рэйнаром и куда каждый день забирались с Марром во время прогулок. Карн уже начинал кашлять, поэтому я немного ускорила шаг, тем не менее подстраиваясь под шаг ребенка. Аллею нужно было пройти до конца, а потом повернуть направо на тропинку между деревьями. Мы почти дошли до поворота, когда Марр остановился как вкопанный и зарычал. Шерсть на загривке встала дыбом.

— Эй, ларрка!

Я дернулась, обернувшись на голос.

Микас Лодингер вышел из-за деревьев из темноты, рядом с ним угрожающими тенями выросли виары.

— Думала, я про тебя забыл? Упс.

Лодингер разжал руки, и две кожаные плети упали на снег. Угрожающее рычание перешло в оскалы, виары подобрались. Карн вздрогнул, испуганно попятился, я же сильнее вцепилась в поводок,

чувствуя, как все внутри холодеет.

— Марр, тихо. Мик, давай поговорим. Ты же видишь, со мной ребенок.

— Поговорим, тварь?! — прошипел он. — Теперь ты хочешь поговорить? Ты мне жизнь сломала, ты в курсе?

Щелчок пальцев Лодингера, ухмылка на его лице слились со звериным рычанием и коротким яростным:

— Взять!

На мне таэрран.

Кричать бесполезно.

Это последнее, что мелькнуло в сознании перед тем, как виары бросились к нам.

Марр кинулся вперед, и я разжала пальцы, буду держать — только хуже сделаю. Запустила мобильником прямо в низкий лоб летящего на него черного виара. Попала, со смачным звуком тот втемяшился ему между глаз, а Марр вцепился зверю в загривок. Виар взвыл и рванулся в воздух, ударил лапами, целясь Марру в морду.

— Под скамейку! — крикнула Карну — любому виару нужно пространство для маневра, там он его не достанет — и со всей дури врезала в нос прыгнувшего на нас рыжего зверя.

Сжатым кулаком, до боли в костяшках и визга, полоснувшего по сознанию.

Рычание, вой, скрежет когтей. Марр с черным сплелись в клубок.

Рыжий потряс головой и пригнулся, пластом расстелился по земле. Подобрался.

Оттолкнулся и прыгнул, мощные крылья вспороли воздух. Обернулась к скамейке, но Кари застыл с открытым ртом, не двигаясь с места.

Прямо на пути стремительно пикирующего зверя.

Я бросилась к ребенку, закрывая собой. Последнее, что запомнила — оскаленную пасть и блестящие в свете фонарей когти. Удар сбил с ног, швырнул на дорожку, вышибая из груди воздух.

Но вместо вспарывающей тело боли услышала безэмоциональное:

— Замри, — и следом: — Назад. Отпусти. Ты — сюда. Стой.

Меня резко подняли на ноги, и я оказалась лицом к лицу с мужчиной.

Отдаленно знакомым... или не очень отдаленно.

— Эсса Ладэ! Эсса Ладэ, смотрите на меня.

Тихий голос ударил в сознание, я дернулась и посмотрела мужчине в глаза.

— Все хорошо.

Подчиняясь голосу, кивнула.

— Цел, парень?

— У... уг-гу... — Снизу донесся всхлип.

— Что-то болит?

— Н-нет... — Карн шевельнулся.

Только сейчас поняла, что все еще прижимаю мальчика к себе, прикрывая ему голову.

— Отпустите ребенка.

Я отпустила, но Карн уцепился за меня. Пальчики сжались на моей куртке с такой силой, что нас все равно пришлось вместе вести к скамейке. Только сейчас я поняла, кто передо мной. Дыр-Дыр или как там его. Взгляд потянулся к Марру, замершему в двух метрах, шерсть на загривке по-прежнему стояла дыбом, но его... держал приказ? Так же как бойцовских виаров. Чуть поодаль застыл Лодингер.

— Марр! — вырвалось у меня.

— С ним все в порядке. — Безэмоциональный голос мужчины выбил из меня чувства. Накатило странное спокойствие, руки и ноги налились тяжестью.

Мальчик все-таки разревелся, уткнувшись лицом мне в куртку, а я снова прижала его к себе. Дальнейшее помнила смутно. Кажется, Дыр-Дыр кому-то звонил, потом я сидела в медицинском флайсе, где меня спрашивали, что болит, а что нет. Обрабатывали содранные костяшки и стесанные тыльные стороны ладоней (гловелетты не спасли, когда упала на землю). Потом мне что-то вкололи, пожилой парамедик кому-то говорил, что он не ветеринар, а чуть позже приехала полиция.

— Капитан Тергран, первый взвод, — донеслось до меня, и я подняла голову.

Полицейский вытянулся в струнку, а я подалась вперед.

Капитан.

Первый взвод.

Вальцгард.

Рэйнар сказал, что убрал охрану, но оставил вальцгарда.

Почему?

Мысль мелькнула — и пропала.

— Эсса Ладэ. — Мне протянули руку. — Пойдемте.

Голос Дыр-Дыра заставил опомниться, я понемногу приходила в себя. То ли действовало лекарство, то ли меня «отпустило», но тело начала бить крупная дрожь, справиться с которой я заставила себя двумя глубокими вздохами. Наклонилась к прихрамывающему Марру, и голова

закружилась, вальцгард едва успел меня подхватить.

— Успокойтесь, пожалуйста. В управлении его осмотрит ветеринар.

В управление нас доставили быстро, Марра и впрямь увели — так же, как и виаров Мика. На Лодингера старалась не смотреть, слишком велико было искушение врезать ему по физиономии. Не так, как виару, — раза в два сильнее, чтобы пластику носа пришлось делать, чтобы стереть с этой смазливой физиономии хамоватую уверенность хозяина мира. Развалившись на стуле, он глазел на меня с гадкой ухмылочкой, которая не исчезла даже от неприязненного тона полицейского:

— Сядьте ровно.

Тот и не подумал пошевелиться.

— В чем меня обвиняют... лейтенант?

— Вы подозреваетесь в нападении на женщину и ребенка.

— Серьезно? Да я просто не смог их удержать. Вы в курсе, что ее тварь без кристалла? Он первый взбрыкнул, вы когда-нибудь пробовали справиться с двумя виарами?

— Он врет! — Тоненький голосок Карна разорвал тишину. — Он сказал «взять», и тогда...

— Да ладно! — Мик сделал большие глаза. — Вы еще скажите, что будете записывать показания пацана, который чуть не обделался. Или обделался? Вы ему штанишки проверяли?

— Рот закрой, — холодно припечатал вальцгард.

И Мик действительно закрыл, потому что даже на меня подействовало. Несмотря на то что губы были плотно сжаты.

— Капитан Тергран. — Полицейский заметно нервничал. — Я понимаю, вы на службе. Но и я тоже. Позвольте мне вести допрос.

Допрос... я неожиданно фыркнула. Дыр-Дыр, судя по всему, был недостаточно близко, чтобы услышать, с чего все началось, перепуганный ребенок не в счет. У Марра действительно нет кристалла, а бойцовские виары могли среагировать на него. Поэтому мое слово против слова Мика, как уже было однажды. Сосредоточиться на этих мыслях не получилось, потому что полицейский обратился к Лодингеру:

— Что вы делали в парке на Четвертом острове?

— Гулял.

— Ваш дом находится в другом районе.

— А у меня приятные воспоминания об этом месте.

— Какие именно?

— Первая... — Мик облизнул губы и ухмыльнулся, глядя мне в глаза. — Любовь.

Я бы вскочила, но руки Дыр-Дыра легли на плечи стальными арматурами под тяжестью бетонных плит.

— Эсса Ладэ, расскажите, как все произошло. — Полицейский взглянул на меня.

Я начала рассказывать, когда в комнату заглянула стройная женщина в форме.

— Гэрр, там мать малыша прибежала. Требуется отдать ей ребенка.

— Забирай. — Полицейский махнул рукой, но тут из коридора донеслось жесткое:

— Где мой сын?

Женщину решительно отстранили, если не сказать смели, и в кабинет вошли двое. Отца Лодингера я узнала сразу, сходство было налицо. Буквально. Губы пренебрежительно кривились, а взгляд свысока скользнул по всем присутствующим грязным мазком, задержался на Мике. Вслед за Лодингером-старшим зашел, а точнее, просочился высокий сутулый мужчина с дипломатом. Очевидно, адвокат.

— Эссерд Лодингер... — Лейтенант поднялся. — Здесь...

— Мик больше не скажет ни единого слова, — жестко перебил его тот. — Особенно в присутствии... этих. Немедленно пригласите сюда своего начальника.

— Пошел вон.

Это прозвучало так неожиданно, что замерли все. В кабинете повисла звенящая тишина, только лейтенант судорожно вздохнул.

А я обернулась и встретилась взглядом с Рэйнаром.

Мне доводилось видеть его всяким, но таким — впервые. Зелень глаз посветлела до металлического блеска, скулы обозначились четче. Сейчас даже взгляд стоявшего за его спиной Норгхара казался теплее.

— Вы не имеете права так со мной разговаривать. — Голос Лодингера сел и стал похож на шипение. — Я далеко не последний человек в городе и требую достойного отношения к себе и к своему сыну!

— Достойно я буду разговаривать с теми, кто этого достоин. — Рэйнар шагнул ко мне.

На миг глаза его потеплели, но только на миг. Скользнули по моему лицу, по плечам, словно проверяя, все ли в порядке. А потом задержались на забинтованных руках.

И холод вернулся. Такой, от которого даже внутри все заledenело.

— Эсса Ладэ, что произошло в парке?

— Микас Лодингер натравил на нас виаров. — Удивительно, как спокойно прозвучал мой голос. — На меня и на этого малыша.

— Потрясающе! — ядовито произнес Лодингер. — Мы теперь будем опираться на слова женщины, которая изначально предвзято относится к моему сыну?

— Мне достаточно слов эссы Ладэ.

Лицо папаша Мика побагровело, будто его душил жесткий воротник.

— Я этого так не оставлю!

Рэйнар взглянул на него, и Баррет Лодингер на глазах у всех стал чуточку ниже.

— Сержант, посторонних убрать из допросной. — Он говорил с женщиной-полицейским, но смотрел на мужчину, цвет лица которого становился белым, как и у Мика. — Капитан Тергран, проводите эссу Ладэ в комнату ожидания и позаботьтесь о том, чтобы виара привели к ней.

Сержант направилась было к Лодингеру, но тот смерил ее уничижительным взглядом и вышел. Тогда она протянула руку Карну, который сидел с открытым ртом. Мальчик нехотя спрыгнул со стула, не переставая глазеть на Рэйнара. Не успели мы оказаться в коридоре, как к нам бросилась женщина: волосы заколоты кое-как, куртка распахнута, под ней выцветшие джинсы и линялая кофточка.

— Карн!

Она опустила рядом с ним на корточки, вглядываясь в лицо, а потом подхватила сына на руки, порывисто прижимая к себе.

— Я чуть с ума не сошла!

— Мам...

— Замолчи! — прикрикнула она.

— Но, мам! Это же настоящее приключение! А там настоящий правящий!

Кажется, меньше всего на свете мать Карна сейчас интересовал настоящий правящий, а сдвинутые брови однозначно говорили о том, что она думает о настоящих приключениях. Наградив меня яростным взглядом, женщина крепче прижала сына к себе, после чего развернулась и зашагала по коридору. Я успела только улыбнуться Карну, который помахал мне на прощанье.

В комнате ожидания было гораздо уютнее: все те же официально-казенные стены, зато диванчики мягкие. По дороге нам попался кофейный аппарат, но кофе мне сейчас не хотелось. А вот когда улыбчивая ветеринар привела Марра, я сползла прямо к нему на пол и обняла. Осторожно, чтобы не задеть забинтованную лапу и повязку на месте поврежденных чешуек над лопатками, которую он даже не пытался снять.

— На раны нанесла регенератор, вколола антибиотик и

обезболивающее, — пояснила женщина, улыбаясь. — Сегодня будет немного вялый, завтра с утра придет в норму.

Марр вздохнул и положил морду мне на плечо.

— Не волнуйтесь. Наши и не с такими ранениями в два счета поправляются.

Невольно улыбнулась.

— Спасибо. Много их у вас?

— Девять только в штате.

В полиции виаров использовали в рейдах как поисковых, а еще для обнаружения раннарской травы и рэгста.

— И все при отделении?

— Да. Мы не закрепляем их за сотрудниками, чтобы не привязывались.

— Почему?

— Потому что личностный фактор.

Ветеринар вышла, а я села на диванчик. Марр вздохнул и лег рядом.

Дыр-Дыр, то есть капитан Тергран застыл у дверей, а я теперь при всем желании не могла смотреть на него как раньше. Да и он поглядывал на меня немного иначе: не так, словно долго и с упоением жевал пригоршню незрелых литтоновых ягод. Внимательно. Пристально. Но не свысока.

— Спасибо, что успели, — сказала я.

— Это моя работа.

— Все равно спасибо. Я рада, что вы вернулись.

Лицо его не дрогнуло, но все-таки намек на улыбку появился.

В глазах.

— Пожалуйста. Я и не уходил.

То есть... охрану мне вернули не после нашего разговора и даже не после случая в «Драконьем Круге»? Или ее вообще не убирали? Эта мысль не успела оформиться, потому что вошел Рэйнар.

— Капитан, дадите показания и на сегодня можете быть свободны.

Тергран тут же покинул комнату, а я вросла в диванчик. Зрачок Халлорана вытянулся в вертикаль, взгляд стал темным и тяжелым.

— Будешь на меня орать — буду кидаться стаканчиками! — предупредила я и кивнула на кулер, помня про случай с пчелами.

Тогда мне умудрились читать мораль, хотя покусали, между прочим, меня.

Сегодня, к счастью, не покусали, но могли.

Воспоминание о когтях-лезвиях было настолько ярким, что голова

закружилась.

— Даже не думал.

— А о чем думал?

— О том, что мог тебя потерять.

Голова закружилась еще сильнее. То ли от того, что комната неожиданно стала очень маленькой и тесной, то ли от созвучия этих слов с глухим биением сердца.

Прежде чем успела ответить, он шагнул вперед. Ну это мне так показалось, потому что меня в один миг схватили и прижали к груди. Вот так просто, молча обнимая, закрывая от всего мира, даже от Марра, который шумно вздохнул. Стоило опустить взгляд на виара, поджавшего раненую лапу, как меня затрясло. Так, что дыхания не хватало. Я содрогалась в сильных руках, кусая губы, чтобы не начать всхлипывать, а перед глазами мелькали картинки — оскаленная пасть, летящий на меня зверь, расширенные глаза Карна.

— Тише. Тише. — Голос негромкий, но такой сильный.

Рэйнар коснулся пальцами моего подбородка, очертил контур губ.

— Моя отважная Леона.

Не знаю, от чего меня перемякнуло — то ли от слова «моя», то ли от нежности в глазах, которые не так давно были холоднее самого стилого льда.

— Я не отважная, — пробормотала я. — Рэйнар, я... думала, что умру. Точнее, не думала... я вообще ничего не успела подумать...

А еще у меня сейчас трясутся коленки, поэтому, если ты меня отпустишь, я упаду.

Но ни за что в этом не признаюсь.

— Тем не менее мальчика ты спасла. — Кажется, меня не собирались отпускать.

— Не я. Дыр... Тергран.

— Именно ты. Ты закрыла его собой.

— Он... — Я вздохнула, потому что воздуха все еще не хватало. — Он остановил виара.

— Но ты не знала, что он его остановит.

Пальцы скользнули на мою шею, погладили — легко, едва уловимо. Инстинктивно дернулась под этим прикосновением, а взгляд Рэйнара полыхнул алым. Шелковой лентой по коже скользнуло тепло, обжигающая вязь таэрран отозвалась жалящими иглами пламени, а потом...

Потом в меня хлынул огонь.

Яростный, сильный, знакомый.

И мой плеснулся ему навстречу, отзываясь привычным жаром в ладонях...

Я встретила горящий взгляд, в котором отразилось мое солнечно-рыжее пламя.

И впервые в жизни хлопнулась в обморок.

ГЛАВА 11

Мне в руку ткнулся горячий нос, я ойкнула и открыла глаза.

Та-ак...

Потолки мои, виар тоже, сидящая рядом сестра — тем более. Подогнув под себя ноги, Танни устроилась в кресле, там и заснула. Вмонтированный в стену дальний светильник рассыпал свет, который впитывался в полумрак. Хотя можно было спокойно обойтись и без него: когда жалюзи подняты, городские огни создают отличную иллюминацию. Сама я лежала, укутанная в верхнее покрывало, в кофточке и джинсах. Завернутая по самый подбородок, так, что один нос торчал. Каждая клеточка тела буквально кипела энергией, а еще... огненным теплом.

Таэрран!

Подскочила на кровати, скользнув пальцами по шее, и все вспомнила.

То, как невесомое прикосновение сменилось жаром.

То, как Рэйнар делился со мной силой.

То, как в меня хлынул его огонь.

Ну, знаете ли...

Осторожно, чтобы не разбудить сестру, спустила ноги на пол. Виар снова поднял голову, но я приложила палец к губам. Подтянула сумку, которую Марр случайно запихал под кровать, вытащила мобильный и вышла из комнаты. Мной двигал праведный гнев, а если быть точной, первозданная ярость. И плевать, что сейчас два часа ночи, судя по тому, сколько времени я провела в полицейском участке, не так уж и долго валялась в отключке.

А он...

Он...

Он этим даже не воспользовался!

— Местр Халлоран, я вас ненавижу! — рыкнула я, едва в трубке раздался щелчок, а потом нажала отбой и уставилась на свое отражение в блестящем чайнике.

Лицо казалось круглым, как панкейк, а шея тонюсенькой. Но даже так было отчетливо видно, что таэрран на мне нет. Кожа больше не горела, словно ее обернули раскаленной лентой. Приподнялась на носочки и глянула в стекло шкафчика — от магической росписи и следа не осталось. В прямом смысле. Ни покраснения, ни завитушечки, никаких припухлостей или неприятностей в виде ожогов. Растерянно погладила

кончиками пальцев шеи, вспоминая прикосновения Рэйнара.

Телефон завибрировал, но я решила не отвечать.

И не отвечала пару жужжаний. Потом все-таки взяла трубку.

— Леона, вызов сорвался.

Халлоран стоял в своей спальне с мокрыми после душа волосами. Так близко и в то же время так далеко, на другом конце города.

— Нет, это я сбросила звонок, — сказала и снова нажала отбой.

Правда, потом тут же перезвонила. Выражение лица драконища надо было видеть.

— Ты снял с меня таэрран. Потом поделился силой. А потом просто уехал?

— Леона, я же тебе говорил...

— Ты мне много чего говорил. — Остановиться я уже не могла. — Что я отважная, что ты чуть меня не потерял, потом снял с меня таэрран...

— Ты это уже говорила.

— Знаю!

— Почему ты на кухне?

— Что?

— Почему ты на кухне? — Рэйнар улыбнулся.

— А где я, по твоему, должна быть?

— В спальне. Где я тебя оставил.

Я судорожно вздохнула. Вот, еще и на руках нес, опять. И в одеялко наверняка укутал драконище.

— Ненавижу!

— И это тоже.

— Почему ты снял с меня таэрран?

— Потому что ты спасла ребенка.

— Уехал ты тоже поэтому? — У меня неожиданно задрожали губы. — Тебе в голову не приходило, что я хотела...

Тебя обнять.

— Пожелать тебе удачи? Узнать, что случилось, в конце концов!

— Микас Лодингер сошел с ума.

Готовая продолжать, осеклась.

— Что? Когда?

— На допросе.

— Как?

— Норгхар уверен, что это произошло из-за ментального вмешательства.

— Ментального вмешательства? — похолодела. — Потому что

Тергран ему приказал?

— Капитан Тергран ничего Лодингеру не приказывал. Ментальное вмешательство в сознание человека запрещено, за исключением случая самозащиты или спасения жизни.

— Но он не сбежал.

— Магию при попытке к бегству вальцгард применить не может, а вот физическую силу — вполне, поэтому Лодингеру хватило ума послушаться сразу.

Я прислонилась к столешнице и закусил губу.

— Хочешь сказать, его кто-то подослал?

Рэйнар помолчал, но потом все-таки произнес:

— Лодингер трус. Он не сунулся бы к тебе, если бы за его спиной не стоял кто-то серьезный, и этот кто-то отлично знал, что влезть ему в мозги мы не сможем. Но еще он знал, что Норгхар умеет вести диалог, поэтому подстраховался.

Медленно опустилась на стул.

— Если Берг прав. — Рэйнар отошел к окну, теперь я видела раскинувшуюся за его спиной панораму. — А я уверен, что он прав, приказ ударил по психике Лодингера именно на допросе. У парня не было ни малейшего шанса остаться в своем уме.

Взгляд Рэйнара полыхнул алым, и я вдруг поняла, что правда не было. А еще, что не хотела бы оказаться на месте Мика. Никому такого не пожелаешь.

— Теперь ты понимаешь, Леона? — Он не изменился в лице, только голос стал низким. Глухим. — Тебя спасло только то, что о приставленных к тебе вальцгардах не знали.

Я понимала. Наверное, сейчас, как никогда раньше, вот только для меня это ничего не меняло. Хотя нет, меняло. И многое.

Завтра поединок. Точнее, уже сегодня.

А сегодня... то есть вчера, я должна была умереть.

Как ни странно, эта мысль больше не вызывала страха. Только холодную решимость.

— Рэйнар, я хочу присутствовать на поединке.

— Ты меня вообще слушала? — Зрачки дернулись в вертикаль.

— Слушала, и очень хорошо. Но я хочу быть рядом с тобой на Арене. Потому что для меня это важно, потому что это важно для тебя. Рэйнар, о Тергране все равно уже известно, он официально давал показания. Если ты откажешься меня пригласить, я все равно приду.

— Как?

— Как твоя бывшая невеста.

Знаю, нечестно, но с ним иначе не получается. Поскольку драконище выглядел слегка очешуевшим, решила добить сразу:

— У меня есть свидетели. Кстати, Вэйлар будет на поединке?

— Я уже говорил, что ты играешь с огнем, Леона? — Рэйнар прищурился.

— Раз десять, — хмыкнула я.

И сложила руки на груди.

Его зрачки снова дернулись, только на этот раз по другой причине: из-за моих телодвижений камера мобильного съехала точно в откровенный вырез кофточки. Я быстренько дернула телефон наверх и вопросительно уставилась на вконец обалдевшего дракона.

— Я не боюсь огня, Рэйнар. И прятаться не стану. Ни от кого. Хочу, чтобы все видели, что я с тобой. Хочу, чтобы этому уроду — кем бы он ни был, об этом доложили. Хочу, чтобы он утерся и выкусил. Ясно?

— Леона, это не шутки. Это твоя жизнь.

— А я не шучу, — спокойно встретила его взгляд. — Почему ты не хочешь, чтобы я пришла?

— Потому что не прошу себе, если с тобой что-то случится. — Вот теперь он повысил голос. — Можешь ты это уяснить или нет?

— Ничего со мной не случится.

— Ты в этом настолько уверена?

— Уверена. Потому что ты сможешь меня защитить.

Повисла долгая пауза.

— Давай договоримся так, — все-таки произнес Рэйнар. — Ты подумаешь до утра и мне позвонишь. Подумаешь хорошенько, а не как обычно.

Я уже собиралась сказать ему все, что думаю о некоторых иртамствах, когда он продолжил:

— Если по-прежнему захочешь присутствовать, поедешь со мной на Арену.

— И как ты будешь проверять, серьезно я подумала или как обычно? — не удержалась от шпильки.

Рэйнар снова прищурился.

— По темным кругам под глазами, эсса Ладэ. Доброй ночи.

Прежде чем я успела пожелать ему всего самого наилучшего, он уже отключился.

Показала погасшему дисплею язык и пошла наверх. Не знаю насчет размышлений, мне еще сестру перекладывать из кресла в ее спальню. А

судя по тому, что она сидела рядом со мной, чего не случилось ни разу за всю нашу совместную жизнь, перекладывание может затянуться.

Утром я уронила себе на ногу чайник. К счастью, с холодной водой. Танни покосилась на меня, когда я сквозь сжатые зубы от неожиданной боли зашипела, чтобы не выругаться вслух, и пошла за тряпкой.

— Уверена, что тебе стоит ехать? — поинтересовалась сестра, когда я принялась вытирать лужу.

— Почему нет?

Чайник выжил, только носик слегка покосился. Хорошо, что он металлический.

— Ну не знаю... у тебя водолазка наизнанку надета.

Я посмотрела на рукав и поняла, что действительно наизнанку.

— Я же не в водолазке поеду.

Танни покачала головой.

— Леа, ты перед прослушиванием меньше волновалась.

— Меньше разве?

Сестра покачала головой.

— Ты вообще сегодня спала?

— Ну...

— Понятно. Оставь чайник в покое.

Я решила послушаться и оставила.

Насчет темных кругов под глазами Рэйнар оказался прав. Он вообще во многом был прав, если так подумать. А может, я просто недоспала, и поэтому мне в голову лезет непонятно что.

Пару часов мы проговорили с Танни, после чего все-таки разошлись по комнатам. Точнее, сестра отправилась к себе, а я в душ, в надежде, что потом сразу засну. Надежде было не суждено оправдаться: во-первых, в крови гулял освобожденный огонь, усиленный пламенем Рэйнара, во-вторых, было слишком много мыслей.

Я не могла перестать думать о том, что он мне сказал. И не только.

О том, что осталось в его прошлом — тоже. Рэйнар был подростком, когда на него совершили первое покушение. Мальчишкой, который не имел никакого отношения к власти, кроме разве что перспектив принять полномочия отца через много-много лет. И били тогда не по нему, били по Листерну Халлорану. Жена и сыновья Аррингсхана тоже не могли знать, что с ними произойдет. Просто однажды утром сели во флайс, чтобы больше из него не выйти.

От этого по коже шел мороз.

Потому что, если бы не виар, Рэйнара сейчас не было бы в живых. Потому что страшно представить чувства матери, когда во флайс ударяет лазерный луч, а она знает, что рядом сидят ее дети.

Сейчас особенно отчетливо я понимала, что жене правящего никогда не стать его парой. Просто потому, что он не имеет права так рисковать: это слабость, которую ни один правитель себе позволить не может. Гибель той, с кем связан отчаянно глубоко, поставит под угрозу целый город. А в случае Аррингсхана и всю страну.

— Леа, завтрак!

Я очнулась и посмотрела на сестру. Оказывается, передо мной уже стояла тарелка с дымящимися панкейками: щедро, на вкус Танни, залитыми камартовым фларом. А еще чашечка кофе, аромат которой ударил по сознанию, заставляя моргнуть. Сестра поднялась даже раньше меня (хотя я вскочила, когда едва начало светать) и отправилась готовить. Когда спустилась на кухню, она уже стояла у плиты: несмотря на то, что по выходным Танни чаще всего отсыпалась.

Только не сегодня.

Видимо, из солидарности со мной, потому что я почти не сомкнула глаз. Будильник будильником, но мне все равно казалось, что за ночь драконище придумает что-нибудь еще, чтобы не пустить меня на поединок.

Не придумал. Едва взглянув на меня, сказал, что придет флайс к десяти.

Сам поединок должен был состояться в полдень.

— Вкусно, — сказала я, подцепив кусочек на вилку.

— Спасибо.

— Кофе тоже. — Я сделала глоток от души.

— Врешь, — фыркнула Танни.

— Чуть-чуть.

Мы переглянулись и обменялись улыбками.

— Виу, — добавил Марр и запрокинул голову.

На правах идущего на поправку раненого он сегодня выпрашивал еду совершенно бессовестным образом. То есть постоянно.

Напряжение понемногу начинало отпускать, тем более что до десяти мне нужно было стереть с лица следы бессонной ночи с помощью кофе, душа и макияжа, списаться с ведущим (чтобы перенести встречу), созвониться с Лэм по тому же поводу и придумать, что надеть. Потому что я должна быть безупречна. Потому что никто не должен видеть, что я волнуюсь.

И как я на самом деле волнуюсь.

К счастью, жар в ладонях был отличным показателем, от него и отталкивалась. Стоило огню начать просыпаться, как я вспоминала все методики охлаждения, и чувства отступали на второй план. На первый выходили предельная концентрация, собранность и холодный разум, который сейчас был очень кстати.

— Надень это, — посоветовала Танни.

Обернувшись, сестра вытащила на свет мой единственный деловой костюм. Бледно-голубого цвета, к которому я специально покупала строгую графитовую рубашку с воротничком-стойкой. Надо отдать должное, они подходили идеально. Особенно в сочетании с собранными в прическу-валик волосами, в которой я позволила себе всего одну вольность — легкую волну, надежно зафиксированную лаком.

— Пожелай от меня удачи, — сказала Танни, когда я накинула пальто. Кивнула.

— Обязательно.

Все-таки вчерашнее вливание сил не прошло зря, к моменту выхода я действительно была безупречна. Напоследок окинула себя оценивающим взглядом в зеркале и шагнула за дверь.

Сопровождал меня сегодня другой вальцгард, а встретивший нас на стоянке Валентен улыбнулся.

— Рад встрече, эсса Ладэ.

— Взаимно, Валентен.

Чем дальше становился Четвертый остров и ближе купол Совета Правления, тем сильнее холодели руки. Ладно хоть холодели, главное — не спалить там никого ненароком. Я смутно представляла, кто будет на поединке, но если верить прочитанному — только правящие и семья Рэйнара. Ах да. Еще семья Шахррейнов. Насколько я знаю, у Деверика есть младшая сестра, но она учится в школе. Вряд ли ребенка пригласят на поединок, а вот супруга ректора непременно будет.

Вблизи купол казался огромным. Отражающееся от него солнце слепило глаза так, что хотелось зажмуриться. Никаких изысков в архитектуре здания Совета не было, он действительно напоминал стеклянный пузырь, застывший у подножия высоток. Стоянка, над которой Валентен начал снижаться, располагалась на верхнем уровне, от него к зданию протянулась прозрачная нить перехода.

Рэйнар!

Он стоял у флайса рядом с Норгхаром в окружении сотрудников службы безопасности. Заметив нас, развернулся и направился к машине — как всегда жесткий, резкий, уверенный. Распахнутое пальто и литая сталь

костюма.

Воплощение силы.

— Эсса Ладэ, — протянул он мне руку, чтобы помочь выйти.

Окинул взглядом, в котором смешалось слишком много всего, не предназначенного для остальных. И мне вдруг отчаянно захотелось остаться с ним наедине, чтобы обнять.

Вместо этого я только улыбнулась в ответ:

— Местр Халлоран.

Вложила пальцы в его ладонь и увидела тень улыбки, скользнувшую по губам.

— Местра Халлоран уже приехала? — спросила негромко, когда мы отошли от флайса.

Пожалуй, из всех, кого я могла здесь встретить, больше всего меня беспокоила именно встреча с ней.

— Мама приедет позже.

— А мы почему так рано?

— Мне нужно пройти обследование и подготовиться к поединку.

— Обследование?

— Меня не выпустят на Арену без медицинского заключения о том, что я выдержу ментальный удар без необратимых последствий.

Несмотря на то что мы уже шли по рукаву, моментально стало холоднее. А еще вспомнились мысли, которые меня недавно посещали. О том, что перед выборами очень выгодно усилить себя пусть даже не совсем законным методом.

— Рэйнар, ты уверен в Шахррейне? — спросила я.

Он пристально взглянул на меня.

— В том, что он будет сражаться честно.

— Я уверен в том, что сегодня он ответит за свои слова. — Рэйнар даже шаг не сбавил. — Что касается последнего... Обследование включает в себя проверку на допинг.

Если бы это помогло. Рэгст — тот хоть в крови обнаружить можно, а кровь дракона в крови иртехана — нет. Тест на допинг ее не покажет, достаточно одного вливания, чтобы сила магии возросла надолго. То есть вовсе не обязательно убивать дракона перед поединком, можно позаботиться об этом заранее.

— Ты не думал о том, что смерть дракона — его рук дело?

— Я могу думать все что угодно. — Взгляд его потемнел. — Обвинение в браконьерстве слишком серьезно, чтобы его можно было предъявить на основании личной неприязни, не имея на руках железных

доказательств.

А их нет.

подавила желание обхватить себя руками и уставилась на двери: стеклянные, тонированные, раздвижные, с гербом Халлоранов. Мы приближались к ним с каждым шагом, и с каждым шагом у меня все сильнее крутило живот от страха. Будто мне самой придется выйти на Арену.

— Леона.

Взглянула на него.

— Я приехал раньше не только из-за обследования.

— Почему еще?

— Потому что хотел увидеть тебя.

Вот теперь я остановилась. Мельком уловила явное раздражение в глазах Норгхара, которое тот не сумел скрыть. Но мне было все равно.

— Прости, — сказала тихо.

— За что?

— За это.

Не дожидаясь ответных слов, приподнялась и коснулась губами его губ, вкладывая всю себя в эту короткую ласку. Короче не бывает, на одно дыхание, но достаточно, чтобы почувствовать его ответ. И скользнувшие по талии руки, от прикосновения которых на миг сердце сорвалось на безумный ритм. Хотя казалось, куда уж безумнее.

— Не удержалась, — сказала тихо, когда дыхание вернулось.

Он медленно прищурился, как самый настоящий дракон.

— Никогда за такое не извиняйся, Леона.

Мы шагнули за двери в объятия металлодетекторов и сканирующих устройств. Разумеется, мы через них не шли, но масштабы безопасности впечатляли. Сюда и правда виар не пролетит, да что там виар, даже прицка не проползет.

— Местр Шахррейн уже прибыл, — отрапортовал встречающий нас охранник, пока Рэйнар помогал мне снять пальто. Одежду у него тут же забрал представительный молодой человек, исчезнувший так же бесшумно, как появился. — Он сейчас на обследовании.

— Хорошо.

Хорошо? Ну это как посмотреть.

— Эсса Ладэ, вытяните руку. — Один из охранников шагнул ко мне.

На запястье надели браслет, в точности такой же, как Рэйнару.

— Датчики жизненных показателей, — пояснил он. — Если кому-то станет плохо с сердцем, рядом сразу появится бригада медиков.

Брови неудержимо поползли вверх. Да уж... серьезнее некуда.

— И навигатор по зданию Совета. С ним ты точно не потеряешься.

Мне показали, как пользоваться браслетом, создающим 3D-схему здания и подсказывающим, куда идти. Занятная штука, похожая на современные путеводители по музеям. Даже наушники-капли к ней прилагались.

— Я что, могу пойти куда угодно?

— Разумеется, ты можешь свободно гулять по зданию. Только не бегай слишком быстро.

— Чтобы сопровождающий не заработал инфаркт?

— Сопровождения у тебя не будет, но здесь очень скользкие полы.

Только сейчас поняла, что безопасники с нами не пошли, один Норгхар по-прежнему ледяной статуей маячил за спиной.

— Охрану Совета Правления всегда обеспечивают вальцгарды.

Глянула на лифты, но Рэйнар неожиданно увлек меня в другую сторону. Мы прошли через небольшой коридор, чтобы оказаться под куполом в прямом смысле этого слова. Внутри он казался еще огромнее — за счет формы и льющегося сквозь стекло солнца. Металлические поручни шли по кругу, расширяясь от верхних этажей к нижним. Сейчас купол «спал»: по крайней мере, по пути нам никто не встретился, кроме неподвижно замерших вальцгардов. Внизу по пустынным коридорам гуляло только эхо наших шагов. Иногда отражалось от дверей и переходов, от стеклянных капсул лифтов и возвращалось к нам.

— Здесь всегда так пустынно?

— Ну почему же. Иногда достаточно шумно.

Раз в год. То есть когда в Мэйстоне собирается Совет.

Ну или по всяким внеочередным поводам, как сейчас.

— Смотри. — Рэйнар легко оперся ладонями о прохладный металл.

Проследила его взгляд и замерла, самый нижний уровень представлял собой напольную мозаику, на которой за столом в массивных металлических креслах сидели мужчины. По одежде я даже не сказала бы, какая это эпоха, но в том, что она давным-давно осталась в прошлом, сомневаться не приходилось. Впрочем, внимание привлекали не столько они, сколько ир்தхан, стоявший чуть поодаль. Он был крупнее, солнце скользило по его лицу, и из-за этой игры света черты лица становились хищными, звериными. Менялось не только лицо, в полыхающем вокруг него пламени догорали клочья одежды, сверкала чешуя, за спиной раскинулись крылья, а сквозь ладони прорезались когти.

— Оборот! — вырвалось у меня.

Смотрелось жутковато. И завораживающе.

— Рождение дракона. Так назывался этот ритуал в древности. До того как иртыханы осквернили себя кровью тех, от кого произошли.

Я моргнула.

— Ритуал?

— Ритуал посвящения правителя. Чтобы обрести власть, нужно было совершить оборот и снова стать человеком. Без этого иртыхана не допустили бы к правлению.

Очешуешь. То есть я хотела сказать, с ума сойти.

Рэйнар взглянул на меня, в глазах плясали искры огня.

— Тогда Лаувайс и подобных ей не было, правитель должен был доказать свою состоятельность и способность увести драконов за собой в случае налета.

— Хорошо, что сейчас есть Лаувайс.

Вот теперь Рэйнар улыбнулся.

— Не хочешь, чтобы я превращался в дракона?

— Ты и так драконище еще тот. Куда уж больше.

Мы направились к лифтам.

— Почему Арена располагается под землей?

— Чтобы сильный всплеск магии не вывел из строя электронику. В здании есть аварийная система, а вот в пролетающих мимо флайсах может быть сбой.

Это какой же силы магия должна быть, чтобы выбить управление машин на близлежащих трассах?

— А внизу электроники нет, что ли?

— Есть, но на время поединка она отключается.

— То есть мы будем сидеть в темноте?

— Нет. При свете факелов.

Я покосилась на него — не шутит ли, но нет. Не шутил. Даже не улыбнулся, и мне самой как-то расхотелось улыбаться. Норгхар всегда был с непроницаемым лицом, и вот такой неулыбчивой командой в полном составе мы зашли в лифт и направились вниз.

Вопреки ожиданиям, подземный купол ничем не отличался от верхнего, разве что свет здесь был искусственный, но благодаря ультрасовременным лампам-ромбам даже не скажешь, что это не солнце. Имитация панорамных окон на стенах, прикрытых жалюзи, очевидно, предназначалась для клаустрофобов. А вот нечего на Арену тащиться, если ты боишься закрытых помещений.

На этой мысли я подавила желание глупо хихикнуть и поняла, что мои

нервы на пределе.

Слегка.

— Мне пора, Леона. — Рэйнар остановился, и я последовала его примеру. — Не все здесь будут рады моему присутствию...

Можно подумать, я этого не знаю.

— Но я рад.

На сердце вдруг стало так тепло, как никогда в жизни.

— Удачи, — прошептала одними губами. — И от Танни тоже.

Он ничего не сказал, зато бросил многозначительный взгляд на Норгхара. Закусив губу, я смотрела Рэйнару вслед, пока не почувствовала, будто покрываюсь инеем. Рядом стоял главный безопасник Мэйстона, а чувство такое, что морозильник промышленного масштаба с распахнутыми настежь дверями.

— За что вы так меня не любите, ферн Норгхар? — спросила напрямик.

— Вы переоцениваете свою значимость, эсса Ладэ.

— Серьезно? С самой первой нашей встречи вы хотите превратить меня в ледышку. И превратили бы, доведись вам обернуться белым драконом. Вы дороги Рэйнару, именно поэтому я пытаюсь понять, чем так не угодила лично вам.

Вот теперь его лицо дрогнуло, даже светлые брови на миг дернулись вверх.

— Такие женщины, как вы, создают много неприятностей, эсса Ладэ. Следуйте в зал ожидания и сидите смирно.

И смотреть на твою ледяную физиономию? Нет уж, увольте.

— Рэйнар сказал, что я могу ходить где хочу. Без сопровождения, — намекнула неоднозначно.

Обошла его и направилась к лифтам.

— Куда вы собрались? — ударило мне в спину ледяной плетью.

— Как куда? Создавать неприятности, разумеется.

Если выбирать между вымораживающим до корней волос типом и рассматриванием мозаики и главного зала, с удовольствием выберу второе. Тем более что на месте все равно не усую, а цедить неравномерно замерзающую в кулере водичку мне совсем не улыбалось. Решила обойтись без браслета, в итоге свернула куда-то не туда. Пришлось все-таки включить навигатор, который вежливо сообщил мне в ухо, что я отклонилась от маршрута и сейчас на пути к внешним лифтам в крыле А. К внешним — это, видимо, те, которые на входе? Или нет?

Мне было без разницы, на чем подниматься, поэтому направилась к

ним.

Вальцгардов здесь было раз в десять больше, чем на юбилее местры Халлоран. На каждом шагу.

Панель светилась оранжевой стрелочкой, судя по всему, кто-то спускался, но я все равно потыкала в кнопку на всякий случай — может, соседний лифт окажется на месте. Не оказался. Быстро повернулась к тому, двери которого открылись, и оказалась лицом к лицу с Ирргалией.

Глаза местрель Стоунвилл расширились, а потом лицо исказила гримаска брезгливости.

М-да.

Одну прищку система безопасности все-таки пропустила.

Это все, что я успела подумать перед тем, как обойти ее по дуге, чтобы войти в кабину, если бы не услышала:

— Интересно, с каких пор сюда пускают тех, кого вытаскивают через запасной вход?

Вот не надо ей было напоминать про больницу. Честно — не надо.

Я развернулась, спокойно встретила ее взгляд и поинтересовалась:

— А тех, кого вышвырнули через главный?

В сиреневых глазах зрачок дернулся в вертикаль. Впрочем, она тут же нацепила на себя привычную маску великосветской учтивости.

— Понравился мой подарочек? — поинтересовалась Ирргалия, мило улыбаясь. — С твоей родины.

— Не очень. — Улыбку возвращать не стала. — Когда в следующий раз соберешься что-нибудь дарить, подбирай себе по вкусу и по размеру. Потому что я тебя найду и затолкаю это все в то место, которое наиболее точно отражает твою суть. А после скажу, что так и было.

Лицо ее исказила злоба, теперь даже обкурившийся абстракционист не смог бы назвать эту женщину красивой.

— Думай о том, что и кому говоришь, полукровка, — прошипела она.

— А ты думай о том, что делаешь. Потому что в отличие от тебя я не боюсь отвечать за свои поступки и не прячусь ни за чьей спиной, когда речь заходит об ответственности.

— Когда мой муж станет правящим, я вышвырну тебя из города, дрянь.

— Значит, буду спокойно жить до глубокой старости.

Зрачок Ирргалии взрезал радужку, сквозь него плеснул алый огонь, но я уже шагнула в лифт.

Кто ее вообще сюда пустил? Ей же запрещен въезд в Мэйстон!

Ткнула в кнопку, и только когда раздался щелчок, поняла, что снова поднялась наверх, под самый купол. А еще поняла, что смотрю в глаза

Бергмана Стоунвилла — тяжелый, подавляющий взгляд сиреневых глаз. Открыла рот, чтобы поздороваться, но тут же его закрыла, мгновение узнавания — и я превратилась в пустое место. Для него и стоявшего рядом немолодого иртехана. Увы, в силу некоторых обстоятельств я не успела побольше узнать обо всех правящих Аронгары, поэтому так и осталась в блаженном неведении. Представляться мне не стали.

Ладно, не очень-то и хотелось. Но восполнить пробел в знаниях все-таки не помешает. Надо точно знать, кто смотрит на тебя как на пустое место.

— Невероятно! — Из-за спин правящих я даже не разглядела, что чета Шахррейнов тоже прибыла.

Жена ректора (невysокая, широкая в кости иртеханесса с крашенными в белоснежный цвет волосами) раздула ноздри и глянула на мужа, словно требуя прекратить это вопиющее безобразие, но тот предпочел последовать примеру Стоунвилла.

— Пойдем, дорогая.

Идите, идите. И я пойду.

Та начала хлопать глазами, но потом, видимо, сочла это ниже своего достоинства. Поэтому подняла пухлый подбородок, развернулась ко мне спиной и вместе с мужем исчезла за дверями лифта. Я перехватила нейтральный взгляд вальцгарда (зато теперь поняла, чем нейтральный отличается от показательно безразличного) и пожала плечами.

Теперь, пожалуй, можно вздохнуть спокойно.

Насколько «спокойно» вообще применимо к ситуации с поединком.

С помощью навигатора вышла в залитый солнцем зал, чтобы увидеть шагающих мне навстречу иртеханов. Первый (правлящий Балт-Лар-Сити) только в прошлом году занял пост и часто появлялся на телеканалах, а второй уже успел несколько раз переизбраться.

— Добрый...

Мимо меня прошли, даже не замедлив шаг.

— ...день, — закончила.

Интересно, если бы вместо «добрый день» я бы с дикими глазами крикнула: «Бегите, сейчас рванет!», глядя им за спину, они бы побежали?

Прямо так и подмывало проверить, поэтому быстренько пошла дальше. Не оборачиваясь, легко повторяя пальцами металл, словно пытаюсь поймать ободряющее касание Рэйнара.

Он сказал: «Я рад».

И это главное.

Глупо было рассчитывать, что, увидев меня, Шахррейны и Стоунвиллы

пустятся в пляс от восторга. Я здесь, чтобы поддержать Рэйнара, а не за тем, чтобы на меня обращали внимание.

Остановилась, все-таки с высоты на красоту мозаики смотреть лучше. Помимо нее здесь были еще расставленные по кругу стулья, ровно двенадцать штук, все выполнены под старину. Большое кольцо, обрамляющее изображение, видимо, символизировало стол, за которым собирались правители. Перегнулась через перила, разглядывая витражи с разными драконами под нижним круговым балконом. Из-за двойного стекла свет ложился на мозаику тонкими лепестками, раскрашивая чешую обращающегося в разные цвета.

— Мне здесь тоже очень нравится.

Я не вывалилась с балкона только потому, что хорошо держалась. Местра Халлоран подкралась, как... кошка из «Мир без тебя», бесшумно, на мягких лапках. То есть на мягких набойках. Тьфу ты, о чем я вообще думаю?

— Мм... — произнесла осторожно.

Просто с «добрым днем» у меня не заладилось, а что еще сказать, я не знала.

По сути, мне не было никакого дела до Шахррейнов, Стоунвиллов и остальных, а вот как себя поведет местра Халлоран... С другой стороны, какая мне разница, как она себя поведет.

Вот только разница все-таки была. Почему-то.

Отметила, что привычной ледяной маски нет. Даже той хрупкой, полупрозрачной, что держала между нами дистанцию, несмотря на откровенный разговор. Аргастель облокотилась о поручни, но смотрела она на меня.

— Спасибо, что приехала.

— Пожалуйста.

— И к Энтару тоже. — Прежде чем я успела задать вопрос, Аргастель царственно кивнула. — Секретарь передала, что ты не сумела мне дозвониться, а после Рэйнар рассказал о твоём визите в больницу. Я очень рада, что вы наконец-то нашли общий язык.

Недоверчиво посмотрела на нее. Нет, она и в прошлый раз вела себя странно, но про радость даже не заикнулась. Еще она говорила что-то о том, что не горит желанием видеть меня с Рэйнаром.

— Мне нелегко это признавать, но я была к тебе несправедлива.

Даже не знаю, что меня пугает больше — злые все или добрая Аргастель. Вроде я и так уже сделала все, что она хотела. Точнее, оно само так получилось, но сути это не меняет.

— Я бы хотела, чтобы наши отношения стали немного теплее, — подытожила она.

Значит, еще не все.

— Зачем вам это? — вырвалось у меня.

— Потому что я хочу узнать тебя получше. Пойдем. — Местра Халлоран кивнула в сторону лифтов. — До поединка осталось не так долго, но мы еще успеем поговорить.

Поговорить?

— О чем?

— О предстоящем. На поединке мы будем сидеть вместе, и мне бы очень хотелось, чтобы уже сейчас для всех мы были в дружеских отношениях.

О том, что на поединке буду рядом с Аргастель, меня как-то забыли предупредить.

— Это в твоих же интересах, Леоны, — продолжала она, словно я собиралась сопротивляться. — Пока общество видит в тебе лишь полукровку, а не будущую жену правящего, но рядом со мной...

— Жену? — уточнила я.

Аргастель вскинула тонкие брови.

— Будущую.

— Э-э... местра Халлоран...

— Аргастель.

— Аргастель. Рэйнар не делал мне предложения.

— То есть как?

Выражение лица местры Халлоран однозначно говорило о том, что такой поворот стал для нее полной неожиданностью.

— Ну то есть делал, но я ему отказала, а потом...

— Ты ему — что?

Я остановилась и даже на всякий случай проверила пути отступления. Нет, вряд ли мама правящего будет выкидывать с балкона его будущую жену (по ее словам), но мало ли.

— Вы разве не знаете? — спросила осторожно.

— Я полагала, что вы поссорились.

Ну можно и так сказать.

— Мы действительно серьезно поссорились, — решила смягчить, чтобы не задушить в зародыше желание наладить наши отношения. — А потом у нас не было времени поговорить. И если честно, я не уверена, что он захочет его повторить в ближайшее время.

Неожиданно Аргастель запрокинула голову и рассмеялась. Я даже не

представляла, что она так умеет: негромко, но искренне и заразительно. Присоединяться не спешила, вдруг у мамы-иртханы истерика... или это у нее смех такой, злодейски отвлекающий жертву перед броском.

— Невероятно, — сказала она, отсмеявшись.

Полезла в сумочку, достала платочек и промокнула глаза.

— Что именно?

— Ты — отказала моему сыну!

Мне кажется или мне сейчас опять тонко намекнули на происхождение?

— Ладно. — Местра Халлоран отмахнулась. — Это все равно не имеет ни малейшего значения.

Мы снова двинулись по кругу.

— Думаешь, ты бы здесь оказалась, если бы Рэйнар не собирался на тебе жениться?

Далась ей эта свадьба!

— Мне он, по крайней мере, об этом не говорил.

— Второй раз, — ядовито уточнила местра Халлоран.

Да, с ней надо каждое слово подбирать как на допросе в шпионском боевике.

— Ваш сын всегда отличался прямолинейностью, — ответила в тон ей.

— Как ты сама только что сказала, у вас не было времени поговорить. По многим причинам.

Причин действительно было много, и одна из них — интересное интервью Ирргалии. Кстати, о прицках.

— Местрель Стоунвилл с Шахррейном еще не помолвлены, но она тоже здесь.

У местры Халлоран дернулась бровь.

— Их помолвка — вопрос решенный. Только поэтому местрель Стоунвилл допущена на поединок.

Э-э-э...

— Но личное приглашение правящего...

— Это не бои без правил в закрытом клубе. Сюда нельзя попасть по приглашению.

Поскольку в моей голове сейчас крутилось много всего, я решила, что благоразумнее будет промолчать. Выберу более удачное время, а потом задам Рэйнару логичный вопрос, зачем он снова объявил меня своей невестой, только на этот раз перед всеми правящими. Даже не порычишь и не покусаеть никого, потому что рядом шел образец идеальной матери

правлящего, а навстречу нам — еще один правящий. Его я тоже знала по экранам визоров, он оберегал южный мегаполис Милуонту, со всех сторон окруженную пустошами. Внешне очень приятный мужчина с чуть заметной проседью в светлых волосах.

— Аргастель. — Иртхан остановился перед нами и улыбнулся, едва коснувшись губами кончиков пальцев местры Халлоран.

— Эрран. — Она вернула ему улыбку, но я обратила внимание, что с ней вернулась и маска. — Рада встрече. Позволь представить тебе эссу Ладэ.

— Очень рад.

В мире масок сложно понять, рады ли тебе на самом деле, но руку мне тоже поцеловали и сдержанно улыбнулись в ответ на приветствие. Местра Халлоран бросила на меня быстрый, едва уловимый взгляд, однозначно говоривший: «Свекровь — сила!»

И лучше, чтобы эта сила была на твоей стороне.

— Проводить вас до Арены?

— Спасибо, но мы еще чуть-чуть посекретничаем и спустимся.

Правящий понял намек и удалился, а мы в обход направились к лифтам. Времени оставалось совсем немного, но благодаря разговору с Аргастель я немного отвлеклась.

— Я думала, что местрель Стоунвилл запрещен въезд в город, — заметила, неожиданно вспомнив встречу с рыжей.

— Здание Совета Правления — нейтральная территория. В этих стенах любой наделен высшим уровнем дипломатической неприкосновенности. Во время поединка местрель Стоунвилл может находиться здесь без разрешения моего сына. Здесь, во флайсе, который доставил ее из Мэйстон-телепорт сюда и отвезет обратно. Дольше положенного она в городе не задержится.

Судя по интонациям, местра Халлоран была рада тому, что Ирргалия не останется в Мэйстоне, но думать об этом мне сейчас не хотелось. Мне вообще с трудом думалось о чем-то, кроме предстоящего поединка; чем меньше оставалось времени, тем сильнее желудок сжимался от страха. К счастью, необходимость поддерживать разговор отпала, лифт прибыл вниз, и Аргастель напустила на себя официальный вид.

— Не волнуйся, — заметила она на ходу. — Поединок закончится быстро и не в пользу Шахррейна.

— По мне настолько заметно, что я волнуюсь?

— Очень.

Ну здорово, я еще и спросила это вслух.

— В нашем мире тоже есть место чувствам, Леона, — сказала она неожиданно мягко. — Гораздо более сильным, чем ты можешь себе представить. Просто они предназначены не для всех.

Представить себе я могла многое, но мы уже вошли в зал.

Арена представляла собой полукруг, вросший в отвесную скалу стены. Зона для зрителей напомнила о камерном театре старого образца, в котором мне довелось побывать во время обучения в высшей вокальной школе. Разве что здесь был высоченный сводчатый потолок. Двенадцать предназначенных для правящих мест, из которых пустовали только два, и небольшие ложи для семей. От ощущения нереальности происходящего начинало слегка потряхивать, поэтому момент приветствий я как-то пропустила. И совершенно не обращала внимания на то, кто и как на меня смотрит. Да я, наверное, и не вспомнила бы ни одного направленного на меня взгляда. Вдоль дуги стены вытянулись вальцгарды, каждый рядом с факелом. Еще с десятков факелов были расположены на разных уровнях над Ареной.

Только оказавшись в ложе с местрой Халлоран (куда нам помог подняться Эрран), обратила внимание, что Норгхара поблизости нет. Его вообще не было, он нам даже по пути не попался.

— Разве ферна Норгхара не будет на поединке? — спросила удивленно.

— С чего бы? — Местра Халлоран приподняла бровь, а я закусила губу.

Разумеется, для всех он не имеет к семье Халлоранов никакого отношения, да и правящим не является. Вот так и получается, что родиться сыном правящего — не всегда почетно. Особенно если отец не желает тебя признавать.

Правящие общались между собой, Аргастель холодно взглянула на сидевших напротив Шахррейнов. Жена ректора наградила ее ответным холодом, а при виде меня раздула ноздри и отвернулась. Ирргалия на нас не смотрела, хотя Стоунвилл сдержанно кивнул. Правда, при этом взгляд у него был тяжеленный, как нависающий над балконом выступ. Будь его воля, он бы обрушил его на нас.

Побарабанила пальцами по коленям и снова закусила губу. На сей раз верхнюю.

— Ждем местра Аррингсхана, — заметив это, сухо произнесла Аргастель, но когда повернулась ко мне, голос ее обрел чувства. — Да, Председатель появляется на Арене последним, это традиция.

— Традиция?

— Таким образом он выражает свой нейтралитет всем присутствующим и семьям сражающихся. К тому же ему предстоит вести поединок.

— То есть...

— Он будет следить за его ходом, чтобы не было никаких нарушений. Он же огласит результаты.

— А остальные?

— Остальные подтвердят законность происходящего и убедятся в том, что все было честно.

Кресла были мягкие, но мне все время хотелось вскочить, немалых усилий стоило сохранять самообладание и держать лицо. К счастью, рядом был идеальный пример, и что-то мне подсказывало, что волнуется местра Халлоран не меньше. Особенно после того, что случилось с Энтаром.

Поэтому легко коснулась ее руки и постаралась перевести тему.

— Почему Арена такая небольшая?

Признаться, небольшая она была относительно, но я не представляла, о чем еще спросить. Не о здоровье же Энтара.

— Для ментального поединка не требуется огромное пространство.

— А стихийных не бывает?

— Нет. Их отменили уже давно.

— Но ведь ментальный опаснее!

— Травмоопаснее всегда стихия, зато ментальная магия определяет, кто рожден повелевать драконами. И она не расплавит все, что не окружено жаропрочным стеклом.

Не успела я закончить мысль о том, что стихия никому не расплавит мозги, как в зал вошел Аррингсхан и все поднялись. По залу словно пронесся порыв ветра, хотя это просто так совпало с работой кондиционера. Особенно отчетливо я почувствовала напор воздуха, когда взгляд Председателя задержался на мне. Темнея, как небо перед грозой.

Впрочем, он тут же отвернулся.

— Доброго дня всем. — Я по-прежнему не могла избавиться от ощущения, что голос Аррингсхана рожден из рокота океана. Дождавшись, пока стихнут ответные приветствия, Председатель продолжил: — Сегодня мы собрались здесь, чтобы засвидетельствовать поединок между сильнейшими — местром Рэйнаром Халлораном и местром Девериком Шахррейном. Если кто-то готов назвать причину, по которой он не может состояться, прошу сделать это до начала схватки.

Ответом ему было молчание, Аррингсхан выждал какое-то время и только после этого кивнул. Подчиняясь этому жесту, все опустили на

свои места, по залу пронесся вздох, похожий на шорох. Или шорох, похожий на вздох.

— Прошу всех отключить мобильные телефоны и деактивировать браслеты. Находящихся в зале женщин, не уверенных в своих силах, прошу установить ментальный блок.

А? Что?

Покосилась на Аргастель, выключая браслет.

— Это обычное предупреждение, — одними губами прошептала местра Халлоран. — Во время поединка магия очень сильна. Она направлена на противника, но с непривычки от волны можно упасть в обморок.

А, обморок... Это не страшно. Падали, знаем.

— Вальцгарды, зажечь факелы!

Подчиняясь стихии, в настенных конусах вспыхнуло пламя. Настолько синхронно, что я еле сдержала изумленный вздох. Погас свет, а следом «по этажам» стены над Ареной тоже побежал огонь, вычерчивая из тьмы контур дракона и освещая место поединка. Зал оказался погруженным в полумрак, даже фигуру Председателя скрыла тьма.

Тем сильнее прозвучал его голос:

— Поединок объявляю открытым.

На моих глазах стена шелохнулась, и из потайной двери на Арену шагнул сначала Рэйнар, затем Шахррейн. Вышли и разошлись на разные края, а когда повернулись друг к другу, я ногтями вцепилась в кресло.

— Право первого удара предоставляется Девериду Шахррейну.

Я бы спросила, почему Девериду, но в зале повисла такая тишина, что было слышно, как пылало пламя факелов. Рэйнар выглядел сосредоточенным, рот напоминал тонкую линию, взгляд — прицел. Шахррейн же, напротив, подобрался. Губы растянулись в подобии улыбки, которую тут же стерло напряжение.

— Местр Халлоран, прошу вас выставить щит.

— Щит готов.

Я неотрывно смотрела на него. На мгновение отвлеклась на Аррингсхана, который едва уловимо кивнул, а в следующий миг по залу прокатилась волна такой силы, что желудок подпрыгнул к горлу. Из груди выбило воздух, огонь плеснул по венам, закипая в крови, а сердце пропустило пару ударов. Рэйнар дернулся, и я скорее почувствовала, чем увидела, как вздрогнула местра Халлоран. Сама я дрожать уже не могла, меня сковало по рукам и ногам. Осталось только дыхание. И стук сердца.

— Местр Халлоран, — Аррингсхан выждал время и взглянул на

него. — Ваша очередь. Местр Шахррейн, щит.

Лицо Шахррейна исказила раздраженная гримаса, он расправил плечи, всем своим видом выражая готовность держать удар.

Волна силы вспорола пространство зала, отзываясь алым огнем в глазах моего дракона. На этот раз пронзившая меня мощь отозвалась вспышкой в каждой клеточке тела, а потом накрыла давящей тишиной, словно я с головой ушла под воду. Шахррейн даже не пошевелился, только окинул взглядом собравшихся; по рядам пронесся шепот, среди которого мне удалось уловить «невероятно» и «удержал без усилий».

Аргастель побелела и выпрямилась еще больше, хотя казалось, больше уже некуда. Жена ректора повернулась к супругу, и тот погладил ее по руке. На лице Ирргалии застыла улыбка.

— Местр Халлоран, щит.

Сила Шахррейна снова плеснула в зал, обрушилась яростным шквалом, выбивая дыхание. Особенно когда Рэйнар пошатнулся и отступил назад, чтобы удержаться на ногах. Горло сдавило, казалось, я не могла вдохнуть, по телу прокатился озноб. Удержала себя в кресле каким-то чудом, только ногти сильнее впились в обивку.

— Местр Шахррейн, щит.

Волна, вихрь, удар.

От вдоха до вдоха.

Лицо Шахррейна на миг исказилось от напряжения, но только на миг. Он даже повернулся к залу и развел руки, демонстрируя, что с ним все в порядке. Глаза горели красным, и отражающиеся в нем языки огня подхватывали его цвет. Впрочем, до него мне не было никакого дела, я вглядывалась в лицо Рэйнара. В свете факелов бледность не различить, даже если она есть, а вот черты лица заострились, придавая ему еще больше сходства со зверем. И пламя в глазах разгоралось все ярче, так же, как и у Шахррейна.

— Местр Халлоран.

Мысленно я орала во все горло: «Остановите это!», внешне оставалась неподвижной, неестественно прямой и спокойной. Следующая вспышка полоснула по сознанию наотмашь, заставляя покрыться ледяным потом. Яростная атака Шахррейна плеснула в зал, откуда-то донесся сдавленный вздох. Который перекрыл голос Аррингсхана и ураганный удар Рэйнара.

Шахррейн содрогнулся, и его перекосило от ярости. В следующий миг ментальная магия взметнулась вокруг, круша и ломая все видимые и невидимые барьеры. Я едва успела перевести дух, когда следующая волна накрыла беззвучием, с силой приподняла над землей и швырнула обратно,

выбивая из разума все мысли, кроме одной. Лицо Рэйнара исказила судорога, он снова пошатнулся и упал на одно колено.

Общий вздох эхом прокатился по залу.

— Сядь, — раздался негромкий звенящий шепот, и я не сразу поняла, что он принадлежит Аргастель.

Что я стою, вцепившись в перила так, что пальцы горят от боли, а на губах солоно-металлический привкус. Шахррейн скользнул по мне взглядом, полным презрительного высокомерия и превосходства, после чего отвернулся.

— Садись, Леона, — негромко повторила она, глядя мне в глаза.

Но за железным спокойствием я уловила тщательно сдерживаемый страх, неожиданно остро отозвавшийся во мне самой. Дабы не привлекать к нам еще больше внимания или не вылететь на Арену, медленно опустилась в кресло, не сводя взгляда с Рэйнара. Который медленно поднялся и расправил плечи.

— Местр Шахррейн, потрудитесь объяснить, чем была продиктована двойная атака?

Двойная? Так вот почему я почувствовала сначала одну волну силы, а следом сразу же вторую.

— Разве такое запрещено?

— Нет.

— При всем уважении, местр Аррингсхан, в этом случае я не понимаю вашего вопроса.

— По правилам силовой схватки удар чередуется с защитой.

— Я не нарушал правила. Мы в равных условиях, и если противник в состоянии, он может повторить то же самое.

— У меня нет претензий.

Голос Рэйнара прозвучал так резко и сильно, что все замерли. Он шагнул к Шахррейну, возвращая себе потерянное расстояние. Полыхающий во взгляде огонь делал его еще более хищным, а полностью утонувшие в пламени зрачки — по-настоящему жутким. Никогда раньше он не был настолько похож на зверя, как в эту минуту.

— Местр Халлоран. — Председатель шагнул вперед. — Вы готовы продолжать?

— Да.

— Продолжать? — рыкнул Шахррейн, но получилось с подвыванием. — Он еле держится на ногах! Поединок можно считать завершенным.

— Местр Шахррейн! — Аррингсхан сдвинул брови, а океанский шум

сейчас больше напоминал биение волн о скалы. — Позвольте напомнить, что исход поединка здесь определяю я. И только я решаю, когда он будет завершен.

— Но...

— Ментальный щит вашего противника не был поврежден. Готовьте свой.

Шахррейн обернулся на ложу отца. Волосы прилипли ко лбу, глаза лихорадочно сверкали.

— Местр Аррингсхан, вы же не хотите, чтобы мы остались без правящего? — Теперь уже вскочил ректор.

— Еще одно слово — и вас выведут из зала. — Вот теперь голосом Председателя можно было эти скалы крошить. — Сядьте. Щит!

Я даже не успела вдохнуть, когда по залу прошел ураган, по сравнению с которым идущие в прошлом году из пустошей смерчи, которые несколько дней подряд разбивали вальцгарды на границе города, показались смешными вертушками. Я даже не успела ничего понять, когда Шахррейн дернулся назад, как от лобового удара. Следующая волна, на миг поглотившая звуки сердцебиения и даже напряженный профиль Аргастель (у меня ненадолго потемнело перед глазами), отозвалась чьим-то визгом. Шахррейн осел на Арену, попытался подняться, но тут же без сил рухнул на колени, а потом завалился на бок. Ректор снова вскочил, да что там — на сей раз вскочили все. На месте остались только Председатель и Рэйнар.

— Поединок объявляю завершенным, — негромко произнес Аррингсхан. Он еще не успел договорить, как распахнулись двери и команда медиков бросилась к распростертому на Арене Шахррейну. — Все вы были свидетелями законности и справедливости того, что сегодня произошло. Если кто-то хочет оспорить результаты, можете сделать это сейчас, за пределами этой комнаты претензии не принимаются.

Претензий не было.

Вальцгарды погасили факелы, в зале вспыхнул свет, и я заметила лежащую на руках будущей свекрови Ирргалию. Пожалуй, это было последнее, что я увидела, потому что дальше уже бежала к Рэйнару. Споткнулась, больно ударившись лодыжкой о выступ, и вылетела на Арену. Обняла, прижимаясь всем телом, оплетая руками и чувствуя, как бешено колотится сердце.

Его рука скользнула по моей талии, но без привычного властного напора. Он даже не попытался обнять меня в ответ, только подхватил под локоть. Наверное, не стоило этого делать на глазах у всех... Наверное... Да что теперь думать. Запрокинула голову, глядя ему в глаза.

— Поздравляю, — прошептала еле слышно.

И уже собралась отступить, когда он наклонился ко мне. К самому моему уху.

— Леона.

Что-то в его голосе заставило остановиться. Возможно, потому что в этом голосе тоже не было привычной силы, он больше напоминал глухой сдавленный шепот.

— Рэйнар... — начала было я, но он перебил едва слышно:

— Если... ты меняпустишь, я упаду.

Подхватила его под локоть.

— Тебе нужен врач, — прошептала в ужасе, глядя в расширенные до предела зрачки, в которых пламя не угасало.

— Мне нужно выйти отсюда. Самому. — Его рука скользнула по моей щеке в короткой ласке. — Он не пробил щит, Леона. Это обычное истощение.

Обычное? Тяжесть руки Рэйнара была просто пугающей. И тут я вспомнила разливающееся по телу тепло, хлынувшее в меня огненной рекой, жар его магии, стремительно отступающую усталость и ощущение, что могу летать.

— Научи меня, как поделиться пламенем, — прошептала еле слышно.

— Не сейчас.

— Рэйнар...

Проследила его взгляд, обернулась. К нам как раз приблизились Эрран и Аргастель. Мы шагнули в зал, и я даже не вздрогнула, когда он тяжело оперся о мою руку.

— Поздравляю, сын. — В голосе местры Халлоран звучала гордость.

Рэйнар едва коснулся кончиков ее пальцев.

— Спасибо, мама.

Аргастель окинула нас быстрым взглядом, и губы иртханессы тронула легкая улыбка. Вот никогда не поймешь, что на уме у этой женщины.

— Халлоран, примите мои поздравления, — это уже правящий.

— Благодарю.

За ними потянулись остальные. Нацепила на лицо улыбку, вторую руку положила на его запястье, чтобы со стороны все выглядело так, будто Рэйнар меня поддерживает. Маска в стиле местры Халлоран прочно держалась на лице. Даже под взглядами, которые вонзались в нас один за другим.

Иртханы умеют тщательно скрывать свои чувства, но сейчас в их пристальных взглядах я уловила уважение и признание, адресованные

Рэйнару. Насколько все это было искренним, не чувствовала. Да что там, я себя почти не чувствовала. Едва ли это продолжалось дольше пяти минут, но к концу раскланиваний мне уже хотелось посоветовать всем заткнуться и побыстрее свалить в свои города в правящие кресла.

— Местр Халлоран, благодарю за достойный бой. — Последним к нам приблизился Председатель. — Эсса Ладэ.

Я сдержанно кивнула, и Аррингсхан повернулся к Арене, где Шахррейна устраивали на аэроносилках.

— Местр Шахррейн, желаю скорейшего выздоровления.

Иртехан пробормотал нечто маловразумительное, а вот Бергман Стоунвилл взглянул в нашу сторону с такой ненавистью, что меня замутило. Можно подумать, Рэйнар сражался на поединке не с Шахррейном, а с его дочерью и лично отправил ее в глубокий обморок. Саму Ирргалию только что привели в чувство, сейчас ей помогали подняться парамедик и жена ректора. Разумеется, ни Шахррейны, ни Стоунвиллы к нам не подошли.

И на том спасибо.

Улыбаться им не было ни малейшего желания.

Дорога до флайса показалась бесконечной под взглядами вальцгардов, службы безопасности, Норгхара. Этот вообще не сводил с нас глаз, когда мы шли по рукаву. Стоило оказаться в машине, как Рэйнар тяжело откинулся на сиденье. В дневном свете лицо заливала бледность, глаза ввалились.

Положила ладонь на его руку, пытаюсь почувствовать свой огонь, провести сквозь себя к нему, но Рэйнар тут же перехватил запястье.

— Леона, не вздумай.

— Почему?

— Потому что обмен огнями после магического истощения опасен. Я израсходовал слишком много сил, чтобы восполнить резерв, пламени нужно очень много. В таком состоянии дракон берет верх над человеком, а я не хочу причинить тебе вред. Даже случайно.

Его зрачки по-прежнему держались в вертикали, вокруг плескались алые вихри, и это пугало даже сильнее бледности и темных кругов.

Должно быть, все мысли отражались у меня на лице, потому что Рэйнар все-таки легко сжал мои пальцы.

— Это нормально. Когда возникает угроза, зверь всегда обретает силу. Инстинкт выживания.

— А как... лечится это магическое истощение?

— Отдыхом и сном. Это по сути та же потеря сил, только магическая.

Я уже восстанавливаюсь с каждой минутой. Когда проснусь, вообще буду как заново родившийся дракон.

Он снова замолчал и прикрыл глаза, а я прильнула к нему, обнимая и согревая. Пусть не огнем, а по-человечески, как умею. Под стук сердца и равномерно вздымающуюся под ладонями грудь. Почувствовала, как горячая рука скользнула по моим волосам, а потом раздался щелчок заколки, и пряди защекотали щеку. Рэйнар пропускал их между пальцами, одну за другой.

— Переезжай ко мне, Леона.

Сердце пропустило удар и забилось сильно-сильно. Я смотрела в плещущее через край алое пламя, не в силах отвести глаз.

— Хочу быть с тобой каждую минуту. — Он коснулся тыльной стороной ладони моей щеки. — Каждый миг, когда могу себе позволить. И даже когда не могу.

— Это магическое истощение так действует? — Я потянулась и потрогала его лоб.

Мне просто нужно было что-нибудь сказать, а подходящих слов не нашлось.

— Вряд ли. — Рэйнар улыбнулся, перехватил мою ладонь и поцеловал ее. — Потому что об этом я думал еще до поединка. Подумай и ты.

Мы пошли на снижение, и Рэйнар выпрямился. Нехотя меня отпустил, но пальцы не разомкнул. Когда флайс опустился на верхнюю парковку, он подался ближе и коснулся губами моих губ. Так мягко, что на этот раз дыхание перехватило уже от нежности, вложенной в поцелуй и столь не свойственной этому ненормальному мужчине. Я отвечала, дрожа от желания обнять его и больше никогда не отпускать.

Как он там говорил?

Каждый миг, когда могу себе позволить. И даже когда не могу.

Выход на крышу под ледяным прицелом Норгхара отрезвил. А еще мысли о предстоящей встрече с местром Аррингсханом.

Немного.

Потому что когда домой меня сопровождали Валентен и напарник Терграна, я смотрела на проносящийся за окном город и улыбалась.

ГЛАВА 12

По иронии судьбы встречу Аррингсхан назначил в ресторане башни «Драконий шип». Когда меня проводили в VIP-кабинет, тот самый, где состоялся наш первый разговор, Председатель уже был там. Поднялся мне навстречу, чтобы отодвинуть стул, и я поблагодарила его улыбкой. Официант сразу же подал меню, это был один из немногих ресторанов в городе, который отказался от электронной системы заказов в угоду роскоши и стилизации под старину.

— Рад снова видеть вас, Леона, — негромко произнес ир்தхан, когда мы остались одни.

— Взаимно, — честно призналась я. — Местр Аррингсхан, прежде всего я хочу извиниться.

Председатель вопросительно взглянул на меня, а я... всю дорогу только и делала, что подбирала правильные слова, но их не было. Только осознание того, что я должна сделать. И понимание, что я это все-таки сделаю.

— За то, что не могу принять ваше более чем щедрое предложение о поиске моих родных. И за то, что просила вас о наставничестве.

Взгляд его потемнел, но я не отвела глаз.

В промежутке между встречей и поединком я успела передумать обо всем. В частности, когда сидела на кухне, глядя сквозь бесконечную грядку высоток в сторону дома Рэйнара, перебирая одну мысль за другой. О том, как он сейчас. О том, сколько будет стоить снять квартиру в его районе для Танны, сколько она будет добираться оттуда в школу и не загонит ли Эрри Марра на шкаф. О том, что мне больше всего на свете хочется быть рядом с ним, и, если я приму его предложение, так будет всегда. О том, что он собирался найти моих родителей, и о том, что для меня важно именно это. Важны его чувства и его репутация.

— Понимаю, — произнес Аррингсхан. В его голосе на этот раз шумели льды Северных вод. Взгляд потемнел еще сильнее, словно из глубин поднимался самый страшный дракон нашего мира, подводный фервернский. Они редко выходили на поверхность, но справиться с ними было очень сложно. Единственные драконы, которых не способен удержать приказ и даже мощь, подобная Лаувайс. К счастью, людьми и сушей они не интересовались, а люди не тревожили их холодные океанские владения. — Посмотрите меню, Леона. Нам предстоит долгий разговор.

По сути, я не представляла, о чем нам еще разговаривать, но послушно открыла папку. В конце концов, я пришла к нему сама и сама просила об одолжении. От которого сейчас отказывалась.

— Признаться, я был удивлен, когда увидел вас сегодня на поединке. — Аррингсхан заказал кофе, и я присоединилась к его выбору. Правда, взяла не настолько крепкий и жгучий, как Председатель, мой был со сливками и пенкой. — После всего, о чем мы с вами говорили.

— Не думаю, что мое появление на поединке сыграло существенную роль, — произнесла я с улыбкой. — По крайней мере, для остальных. Важна только победа Рэйнара... местра Халлорана, и, как вы сами заметили, она была достойной.

— Безусловно. — Председатель внимательно посмотрел на меня. — Но, помимо победы, существует еще множество условностей в нашем мире, тонкости которого вам неизвестны.

— Я...

— Мне понятны ваши чувства, Леона, — мягко, но решительно перебил он. — В вашем возрасте еще простительно жить именно ими, не задумываясь о последствиях, которые ваши поступки могут за собой повлечь.

— Какие же? — Я сцепила пальцы на столе.

— Хочу, чтобы вы тоже меня понимали. Местр Халлоран победитель, но сегодня местр Шахррейн показал всем нам, что он достойный противник. Выстоять против правящего несколько раундов и заставить его пошатнуться — это уже серьезный прорыв. Репутация в глазах общества складывается постепенно, но именно так создается имя. Помимо прочего, он заручился поддержкой серьезного рода Стоунвиллов, и брак с сильнейшей алой тоже говорит в его пользу.

— С сильнейшей? — не выдержала я. — Которая упала в обморок во время ментальной атаки?

Аррингсхан прищурился.

— Ирргалия Стоунвилл и Деверик Шахррейн стали парой. В глазах общества это большой плюс, потому что у создавших пару иртеханов всегда рождаются невероятно сильные дети, превосходящие по огню даже родителей.

Чувство было такое, будто меня с размаху приложили мешочком стройматериалов по голове.

— Что?

— Пары сильнейших, — повторил Председатель, — создаются в нашем мире крайне редко и оттого особенно ценны. К тому же

дипломатически неприкосновенны.

То есть теперь запретить Ирргалии находиться в Мэйстоне невозможно.

К счастью, официант принес кофе и позволил мне взять паузу, пока подавал его. А потом я подтянула к себе чашку, пытаюсь собраться с мыслями. Получается, Ирргалия с женихом все-таки нашли способ обойти запрет еще до помолвки. И они заведомо гарантируют обществу достойного наследника с сильной кровью, потенциального правящего.

Молодцы, ничего не скажешь.

Зато теперь становилось понятно, почему Стоунвилл так на нас смотрел.

— Значит, она потеряла сознание из-за Шахррейна?

— Да. Потому что первые дни в паре особенно острые. Свою пару в это время чувствуешь как самого себя.

Угу.

— Теперь вы понимаете, Леона? Местру Халлорану придется очень нелегко. Особенно пока ваше происхождение под большим вопросом и в свете давней истории, которая привела его к серьезной размолвке с отцом.

— Давней истории?

— В молодости у местра Халлорана был роман с обычной девушкой, в ней не было ни капли нашей крови. Все зашло настолько далеко, что спровоцировало конфликт в семье. Он собирался жениться, но особа оказалась сомнительных моральных качеств. Разумеется, здесь сыграли свою роль юность и темперамент, но не сомневаюсь, что эту историю тоже могут поднять.

Моргнула.

Хотела спросить, откуда ему известны столь пикантные подробности, но все, что касается правящих и будущих правящих наверняка проходит через Председателя. К тому же если это конфликт, способный рассорить правящего с наследником. Или же у Рэйнара с той девушкой все действительно было очень серьезно. Настолько, что об этом знали многие. Да, скорее всего, было, если он собирался на ней жениться вопреки воле отца.

И в чем заключалась сомнительность ее моральных качеств? В том, что она была человеком?

— Но тогда я не понимаю, почему вы запретили поиски. Ведь если бы Рэйнар нашел моих родных...

— Поиски ваших родных сейчас действительно ничего не решают, Леона. — Председатель пригубил кофе. — Сколь бы сильна ни была ваша

кровь — не исключая, что в ваших венах действительно отметился яркий огонь, случайно или нет, кто знает — вряд ли ваш род сравнится с родом местрель Стоунвилл. Просто потому, что в семьях правящих и высших аристократов не теряют детей. Не отпускают их в другие страны, особенно с ребенком на руках. Их принимают в семью и воспитывают, кем бы ни являлся отец или мать, либо же внимательно следят за их судьбой, не представляя обществу, но и не отказываясь. Ни в коем случае не остаются в стороне и тем более не позволяют, чтобы их кровные дети росли в нужде. Это уже само по себе говорит о многом. Равно как и то, что вы выросли среди людей.

Разом вспомнилось, как на меня смотрели в Совете Правления, и в общем-то теперь многое встало на свои места. По сравнению с Ирргалией я всегда буду беспородной виари, и даже плевать, что у этой породистой блохи размером с набла. На это все равно будут закрывать глаза, а на мое происхождение — нет.

— Я не стану вас торопить. — Аррингсхан легко коснулся моей руки. — Тем более что время еще есть. Вы представляетесь мне разумной молодой женщиной с чувством собственного достоинства и умением делать правильные выводы, пусть даже и не всегда легкие для себя.

Кофе я отодвинула, потому что напиток начал горчить. Несмотря на сладость, ноткой оттеняющую аромат. Иртхан же, напротив, допил свой и тоже отставил чашку.

— Если все же решите отказаться от нашей договоренности, дайте мне знать. Это останется между нами, и мы, — он чуть подался назад, сухо подводя итог, — просто сделаем вид, что ничего не было.

Не знаю, как насчет Шахррейна, но незыблемость имени Гердехара Аррингсхана держалась на том, что в тридцать восемь он принял у отца пост Председателя и за все годы правления ни разу не ударил в грязь лицом. Вэйлар Аррингсхан отошел от дел, уступив место сыну, а сын не только удержал в руках страну и зубастых правящих, большинство из которых были старше него, но за несколько лет создал себе безукоризненную репутацию жесткого и принципиального Председателя. Одного из самых бескомпромиссных и уважаемых за всю историю Аронгары. Разумеется, у него были мудрость и сила пламени множества поколений Аррингсханов, которые говорили сами за себя, но все-таки большинство заслуг принадлежали именно ему.

Он неоднократно посещал страны, помогая их правителям удерживать драконов и не пустить их в города, принимал непосредственное участие в

ликвидации последствий причиненных ими разрушений, направлял миротворцев и гуманитарную помощь. При его правлении Аронгара по уровню жизни обогнала Ферверн, огромную северную державу, по праву считавшуюся богатейшей страной. С его помощью разрешился назревающий конфликт между двумя соперничающими за превосходство государствами на восточном материке, разделенными Вааханской Бескрайней Пустошью, дипломатические отношения между городами Аронгары наладились, а Совет стал более сплоченным.

Он выходил к людям без телохранителей на празднике Первого Света (который традиционно отмечается летом, знаменует рождение первого иртехана и возможность человечества жить на поверхности), сажал себе на плечи заливающихся смехом детей. Посещал госпитали и больницы в маленьких странах, выражая соболезнования и оказывая помощь пострадавшим после налетов. Лично, материально — и, что особенно ценно, не из бюджета Аронгары. Столица Раграны, где погибла моя мама, не стала исключением, он пробыл там несколько дней.

Оказывается, его жена была родом из Милуонты. Она младшая сестра Эррана Малгери, с которым я познакомилась на поединке. Годы, что они шли рука об руку, Гердехар Аррингсхан называл самыми счастливыми в своей жизни. В день гибели его семьи скорбела вся Аронгара. На снимках церемонии прощания даже лица телохранителей были лишены привычной непроницаемости.

Гердехар Аррингсхан был безупречен и бесконечно одинок.

Но это не отменяло того, что он против наших с Рэйнаром отношений. По мнению Председателя, я катастрофически не подходила на роль жены его преемника.

Осталось только понять, что по этому поводу думает сам преемник. Рэйнар собирался на мне жениться, но знал ли он о том, что Гердехар Аррингсхан хочет выдвинуть его кандидатуру на роль Председателя?

— Ты чего такая мрачная? — Танни ткнула меня в плечо.

— Не мрачная, а задумчивая.

— Когда ты задумчивая, ты сидишь так. — Сестра подперла кулаком щеку и сделала пустые глаза.

— А когда мрачная?

— Так. — Надула щеки и сдвинула брови.

Я подавила желание посмотреться в чайник, который в последнее время с завидной регулярностью попадался мне на глаза. То есть он и раньше попадался, но как-то я на нем внимание не акцентировала:

возможно потому, что чай не очень люблю и почти не пью.

— Так что? — продолжала допытываться Танни.

Хотела бы я знать что. Как только пришла домой, первым делом написала сообщение Рэйнару... хотя вру. Первым делом полезла в сеть, чтобы выяснить, что за девушка осталась в его прошлом. Она оказалась певицей, а история — действительно громкой. Арилин Файр, она же Огненная Арилин, в те годы была на слуху у любителей джаза. Она пела в элитном камерном клубе, закрытом и дорогим, в который ходили, только чтобы услышать ее голос, и который однокурсник Рэйнара забронировал для празднования своего дня рождения. Так они и познакомились.

И, разумеется, она была рыжей!

Ослепительная красotka, предпочитающая огненные цвета как в одежде, так и в оформлении своих выступлений.

Рэйнару тогда едва исполнилось двадцать, она была на два с половиной года старше. Конечно, такого шума, как могла бы наделать появившаяся рядом с правящим любовница, романтическая история его сына не подняла, но все же Мэйстон зацепило основательно. Около года (а именно столько длился их роман), в течение которого Рэйнар неоднократно появлялся с ней, все раскачивалось, как маятник, из стороны в сторону. Заметки о том, что сын правящего влюблен в певицу, то и дело всплывали, но Арилин избегала встреч с репортерами. Рэйнар говорил, что у них все серьезно, пресс-служба Листерна Халлорана отказывалась давать комментарии по поводу этих отношений.

А потом последовало скупое заявление о том, что они расстались.

И все.

— Эй! — Танни подтолкнула меня плечом. — Не спи!

Я-то как раз не спала, а вот Рэйнар может спать долго, если вспомнить, как меня вырубило после юбилея. Откровенно говоря, раньше завтрашнего вечера ответа на сообщение я не ждала. Точнее, звонка. Потому что в сообщении была одна-единственная короткая просьба: «Пожалуйста, позвони, как проснешься. Мне очень нужно с тобой поговорить».

— Скажи, если бы ты узнала, что я хочу переехать к одному... — Решила увести и себя, и ее от этой темы.

— Дракону? — Танни хитро прищурилась и оперлась о столешницу.

Она вообще пребывала в чудесном настроении, и, как выяснилось, не просто так. Сириан Файт предложил ей принять участие в конкурсе на получение гранта из его Фонда на обучение в Зингспридском университете 3D-дизайна и спецэффектов (настолько ему понравились ее работы). Со

своей стороны, он обещал предоставить рекомендации, поэтому сестра в легкой прострации прыгала по квартире и светилась от счастья.

— Иртхану, — призналась я. — Что бы ты сказала?

— Йуху! Я буду жить одна!

— Танни!

Сестра показала язык.

— Я бы сказала, что тебе давно пора это сделать. Совершеннолетней молодежи необходим стимул к самостоятельному взрослению и развитию в профессиональной сфере.

У меня отвисла челюсть. Слегка.

— И давно ты стала такая умная?

— Кому-то в семье надо быть умной, — фыркнула Танни.

Запустила в нее печенкой, зная, что снаряд потерян не будет, даже если сестра увернется. Не ошиблась: она увернулась, а следом клацнули челюсти и раздалось довольное хрумканье.

— Кстати! — Танни хлопнула меня по руке. — Имери нашла работу на Четвертом острове, после Смены Времен выходит. Она может переехать ко мне, я тоже устроюсь на подработку, и мы вместе будем платить аренду.

— Эй-эй-эй! Не так быстро, аренду они будут платить. А учиться кто будет?

— Да у меня времени вагон! Пойду Имери позвоню.

— Танни! Я, между прочим, чисто гипотетически...

— Я тоже чисто гипотетически, — отмахнулась Танни.

Она выбежала из кухни, и, когда наверху хлопнула дверь, я посмотрела на Марра. Он задрал морду и умильно облизнулся, намекая, что печенье ему понравилось. Потом вздохнул и поджал забинтованную лапу.

Вымогатель!

— Вот отвезу тебя к Эрри на перевоспитание — будешь знать! — грозно заявила я.

Марр угрозе не внял, пришлось скормить ему еще пару печенек и подниматься.

Наверное, мне тоже стоит поспать, потому что как-то лихо шатает из стороны в сторону. Завтра будет завтра и будет разговор с Рэйнаром.

А прошлое лучше оставить прошлому.

Арилин Файр.

Огненная Арилин.

Раз виарчик, два виарчик, три виарчик...

Певица. У Рэйнара был роман с певицей.

Не просто роман, он собирался жениться на этой девушке, если верить Аррингсхану.

Примерно так прошел остаток ночи после того, как я проснулась от кошмара. Вынырнула из него, теряя остатки самообладания и обливаясь липким потом. Мне снились виары Лодингера, оскаленные пасти и вырастающие на глазах когти. Вот только на сей раз на поводках их держал отец Мика, ухмыляясь и глядя мне в глаза. Когти полосовали воздух, вспарывая его как густое масло, из ноздрей вырывались клубы пара.

— Ты ответишь за то, что сделала с моим сыном, тварь, — говорил он, а потом разжимал пальцы: — Упс!

Я поворачивалась, чтобы бежать, но врезалась в ледяную стену. Поднимала глаза и видела непроницаемое лицо Норгхара. Он брал меня за горло и медленно сжимал пальцы, от которых по шее и по всему телу бежал вымораживающий узорный иней. Дыхание прерывалось, а губы начальника службы безопасности беззвучно шевелились. Вот только я слышала каждое слово: «Такие женщины, как вы, создают много неприятностей, эсса Ладэ. Но сегодня я это исправлю». Он отбрасывал меня назад, а удар когтей в спину швырял на холодную землю.

На этом месте я и проснулась, лежа на краю кровати, одеяло на полу.

В общем, после такой радости практикующего психиатра неудивительно, что организм отказывался погружаться обратно в картины прекрасных видений.

Мысли об Арилин не давали покоя, почему-то ночью в голову лезет самая что ни на есть неведомая фигня и все умные доводы перед сном (на тему «оставить прошлое в прошлом») теряются. В частности, я не могла выбросить из головы, что Арилин пела, что с ней Рэйнар тоже познакомился в клубе и что у них все было серьезно.

Ключевое слово «было».

Почему?

В итоге к завтраку я выползла вся в своих мыслях, а на вопрос: «Когда переезжаешь?» зыркнула на Танни так, что она чуть не подавилась панкейком и поспешно перевела тему на подарки к Смене Времен. Сама я едва дождалась, когда стрелки на часах сдвинутся до нужной отметки, после чего набрала номер Благотворительного фонда местры Халлоран.

На этот раз дежурный секретарь даже не стала уточнять, по какому вопросу я звоню. Едва услышав мое имя, тут же пообещала соединить. Пока шли гудки, я гадала, хороший это признак или не очень, не рано ли для выходного дня. Заодно и о том, стоит ли заводить с Аргастель разговор о певице. Которых она так не любит. Может, это было не совсем

правильное решение, но другого я не видела. Не Рэйнара же расспрашивать.

— Леона? — Голос местры Халлоран звучал удивленно. — Доброе утро.

— Доброе утро, Аргастель.

Вот и думай теперь, как тактичнее начать разговор. Кстати, почему я не подумала об этом раньше?

— Я бы хотела с вами посоветоваться. Очень надеюсь, что этот разговор останется между нами.

Из трубки донесся легкий смешок, шаги, а потом едва различимый шорох. Судя по всему, местра Халлоран прикрыла дверь. Как выяснилось, я оказалась права: она включила видеосвязь, и я увидела залитую солнечным светом гостиную (очевидно, ее личная) в Скай Стрим. Сама она выглядела как-то слишком по-домашнему и уютно с уложенными, но не убранными наверх волосами. Мягче, что ли. И женственнее.

— Тебе удалось меня заинтриговать.

Ну вот и все. Жмете на красную кнопку или выбываете из игры.

— Вы что-нибудь знаете об отношениях Рэйнара, — набрала в грудь побольше воздуха и выдохнула, — и Арилин Файр?

— Арилин Файр? — Глаза ее заledenели и голос тоже.

— Мне нужно понять, может ли информация о ней навредить Рэйнару. Особенно в связи со мной.

Взгляд местры Халлоран слегка потеплел, но лишь слегка.

— Откуда тебе стало о ней известно?

Поскольку этот разговор недомолвок точно не предполагал, ответила прямо:

— Вчера я встречалась с местром Аррингсханом.

Аргастель покачала головой:

— Старый интриган.

Пожалуй, сейчас я была даже склонна с ней согласиться.

По сути, слова Председателя ничего нового для меня не открыли, разве что в очередной раз указали на мое место в мире иртханов: на краю отвесной скалы в подвешенной на капроновой ниточке люльке. Но дело в том, что я к подобному уже привыкла и замораживаться по поводу мнения Аррингсхана у меня не было ни малейшего желания. В отличие от повода по имени Арилин.

Зачем Председателю потребовалось вспоминать о ней — хороший вопрос.

— Рэйнар был влюблен в эту женщину, — наконец произнесла она. —

Влюблен достаточно серьезно, чтобы сделать ей предложение. Хотя я бы сказала, что он на ней помешался, потому что иначе это сумасбродство не назовешь.

Значит, предложение все-таки было.

— Разумеется, на нашей семье это отразилось не самым лучшим образом. В частности, создавало напряженность между сыном и мужем. К счастью, девица показала свою сущность раньше, чем рассорила их окончательно.

Я затаила дыхание. По сути, местра Халлоран подтвердила все слова Председателя, осталось только понять, в чем выражалась сомнительность моральных качеств Арилин.

— Почему они расстались?

Аргастель передернула плечами. Помолчала, но потом все-таки произнесла:

— Она спуталась с другим мужчиной и моему сыну стало об этом известно.

Вместе с непроницаемостью к Терграну вернулась неприступность. Встречая меня у двери, он сдержанно поздоровался, ничем не выдавая своих эмоций. В Норгхаре и то было больше чувств. А мне сейчас жизненно необходимо было зацепиться хоть за что-то, чтобы начать разговор. В конце концов я решила воспользоваться старой женской хитростью и споткнулась, выходя из лифта.

Тергран мгновенно подхватил меня под руку.

— Осторожнее.

— Спасибо, капитан! — Я добавила в голос проникновенности, выражая искреннюю благодарность.

Вальцгард кивнул, но ничего не ответил.

— Скажите, вы сопровождали меня каждый день после того, как мы вернулись из Зингсприда?

Он кивнул.

— По тому же графику, что и до отъезда? То есть посменно?

— Да.

— А в прошлую субботу меня тоже сопровождали вы?

— Нет, моя смена началась после обеда в воскресенье.

Упс.

Ладно, зайдем с другой стороны.

— Вы и ваш напарник докладываете ферну Норгхару обо всех моих перемещениях? Раз в неделю? Раз в день?

— Эсса Ладэ, о чем вы сейчас пытаетесь меня спросить? — Тергран остановился и нахмурился.

Если выражаться прямо, то спросить я пыталась следующее: неделю назад я в не совсем вменяемом состоянии вышла из клуба под ручку... хотя я смутно помню, как вышла из клуба... в общем, я вышла из клуба с Гроу, села к нему во флайс, а потом исчезла в его квартире до утра. Не то чтобы я не думала, что не смогу все объяснить Рэйнару... Хотя нет, как раз об этом я и думала. Точнее, только об этом и думала после того, как попрощалась с Аргастель.

Если вспомнить, как он отреагировал на мою встречу с Хейдом, общение с Вэйларом по видеосвязи и приватный разговор с Гроу в ложе, вывод напрашивается только один.

Ему ни о чем не известно.

Пока.

— Просто хотела знать, отчитываетесь ли вы ферну Норгхару о выполненной работе.

После истории с Арилин холодность начальника службы безопасности вполне объяснима. Вполне возможно, что он промолчал из-за случившегося с Энтаром или перед поединком, но теперь...

— Ферн Норгхар не имеет к нам ни малейшего отношения. Мы подчиняемся напрямую местру Халлорану как главнокомандующему.

— О...

— Мы ничего ему не докладываем, эсса Ладэ, у нас немного другой профиль. В наши обязанности входит вас оберегать, в чем вы имели возможность убедиться, а не сообщать о подробностях вашей жизни.

Вальцгард сверкнул глазами и указал мне в сторону флайса.

— Нас ждут.

Казалось, он искренне оскорбился в своих чувствах. Настолько, что мне даже стало стыдно, и в то же время я вздохнула с облегчением. Если Норгхар ни о чем не знает, у меня есть все шансы самой поговорить с Рэйнаром и все ему рассказать.

Или не рассказать.

Я глянула на вальцгарда, он вышагивал мрачный, как снеговая туча.

— Капитан, я не хотела вас обидеть. Просто стало интересно, как обеспечивается моя безопасность.

— Вы сомневаетесь в моей компетентности?

Да что же мы обидчивые-то такие.

— Нет, я просто...

— Прощу.

Я села во флайс, а когда туда забрался «снеговик» Тергран, в салоне ощутимо похолодало. Покачала головой и легко коснулась его руки.

— Не обижайтесь. После того, что случилось, я немного волнуюсь. Не каждый день на меня нападают бойцовские виары, понимаете?

Тергран снова окинул меня пристальным взглядом.

— Не беспокойтесь. Подобраться к вам кому бы то ни было удастся только через мой труп.

Сказано это было настолько серьезно, что я окончательно уверилась в отсутствии у вальцгарда чувства юмора и решила оставить эту тему. Тем более я уже узнала все, что мне было нужно, теперь осталось только решить.

Рассказать.

Или не рассказать.

Всю дорогу до дома Лэм посматривала на мобильный, но он не подавал признаков жизни. Даже подруга на сообщение не ответила. Я написала, что уже еду и она может собираться. Только потом вспомнила, что Валентен и верхняя магистраль снова в моем распоряжении, поэтому времени у нас теперь в два, а то и в три раза больше. Ну и хорошо, останется, чтобы выпить кофе и пообщаться на тему... Совет Лэм сейчас будет очень кстати.

Не выпуская из рук телефон, покусывала губы.

И когда шла к дому, и когда поднималась на лифте.

И...

— Свадьбы не будет.

Наверное, это немного не то, что распорядительница хочет услышать от невесты за два часа перед встречей с ведущим церемонии и решающим забегом по салонам в поисках платья. Поскольку Лэм развернулась и ушла на кухню, мне не оставалось ничего другого, как закрыть за собой дверь, выпутаться из куртки, снять обувь и идти следом.

Несмотря на обеденное время, на столе обнаружилась только высокая черная чашка и множество сипроновых^[3] платочков, скомканных и разбросанных по всем поверхностям. Глаза у Лэм были красные, хотя ни разу за все время нашего знакомства я не видела Лэмерти Долливан плачущей. А еще я ни разу в жизни не видела ее без укладки. Даже когда ночевала у нее, она выходила из комнаты со струящимися вдоль лица блестящими гладкими прядями, но сейчас ее волосы напоминали пушистые спиральки.

— Лэм, что случилось?!

— Ничего, — отрезала она и потянулась за чашкой, но я ловко

перехватила ее, заглянула внутрь и поморщилась, этому кофе было даже не два часа.

— Ничего?

Поскольку ответа не последовало, я спрыгнула со стула и отправилась мыть чашку. А заодно варить кофе, потому что подругу срочно нужно приводить в порядок и вытряхивать из ее головы всякие идиотские мысли. Это мне можно идиотские мысли думать, а Лэм не положено, у нее свадьба. Да она вообще образец взвешенных решений и здравомыслия! Что могло произойти со вчерашнего дня между ней и Дрэйком... нет, не так. Что вообще могло случиться между ней и Дрэйком?

— Можешь не стараться, — донеслось ядовитое из-за спины, когда я зарядила кофемашину. — Все равно я с тобой никуда не поеду.

— Почему? — повернулась к ней.

— Потому.

Саркастический тон однозначно говорил о том, что Лэмерти Долливан заняла глухую оборону.

— Лэм, серьезно. Я звонила тебе вчера, и все было в порядке...

— В порядке? — Подруга вихрем взвилась со стула, отчего куча платочков взмыла в воздух, и они закружились, как осенние листья в парке. — Если я не ною и не жалуясь каждые пять минут, как некоторые, это еще не значит, что у меня в жизни все просто отпад!

— По-твоему, я ною и жалуясь?

— По-моему, тебе на меня наплевать!

Лэм рванула к выходу, но когда я попыталась ее перехватить, бросила на меня разъяренный взгляд.

Шлепанье босых пяток по плитке заглушил настил в гостиной. Хлопнула дверь.

А я повернулась и принялась собирать листочки. То есть платочки. Сбросила их все в мусорное ведро, вытащила из настенного шкафчика небольшой поднос и заглянула в холодильник. Полки были пусты, только на центральной посередине стоял жбан с замороженным кремом... точнее, с уже не замороженным, потому что его полагалось хранить в морозилке. Белую жижу с сиреневыми разводами и хрустящими шариками я спустила куда положено, покосилась на окно и вдруг поняла, чего не хватает.

На кухне на одной из декоративных полочек всегда стоял миниатюрный рояль. Эту точную копию инструмента, на котором играл Дрэйк, ему подарил в знак признательности кто-то из завсегдатаев его первого клуба. Именно после этого у него дела пошли в гору, и пианист считал его своего рода талисманом удачи.

Сейчас рояля на полочке не было, значит, и остальных вещей Дрэйка в квартире — тоже.

А я умудрилась это прозевать.

Открыла еще один шкафчик, к счастью, соленые крекеры никуда не делись. Их высыпала в вазочку и водрузила на поднос рядом с кофе. С таким хлипким арсеналом направилась в спальню, толкнула дверь плечом.

— Можно?

С кровати не донеслось ни звука, поэтому я осторожно поставила нехитрый перекус на тумбочку и присела на край постели.

— Лэм, надо поговорить.

— Кому надо?

— Нам. Тебе и мне. — Легко коснулась ее плеча.

— Отвали! — Лэм резко развернулась и шарахнула поднос в сторону, кофе выплеснулся на покрывало, крекеры рассыпались. — Вот только не надо делать вид, что тебе не до чешуи. В последнее время я только и слышу: давай перенесем то, давай перенесем се, у меня то, у меня это, я сегодня не смогу! Странно, что ты вообще явилась, я уже ждала очередного звонка с охренительно уважительной причиной!

Выпрямилась и сложила руки на груди.

— С охренительно уважительной, да. Безумно дорогой мне мужчина вышел на поединок силы из-за меня. Я должна была там присутствовать, понимаешь?

— Понимаю. — Губы Лэм искривились. — Рада за тебя! Потому что безумно дорогой мне мужчина сказал: «Ты такая же, как твоя мамаша!»

Опешила, глядя в полыхающие яростью глаза.

— Из-за того, что, когда безумно дорогой тебе мужчина тебя послал, я утирала тебе сопли! Из-за того, что ты свалила и меня проводили, потому что мне стало хреново.

— Че-го?

Потянулась к ней, но Лэм резко отдернула руку.

— Что слышала! Просто свали, о'кей? Вот прямо сейчас. В ту дверь. Просто. Свали.

Из квартиры вылетела сама не своя, на ходу набирая номер пианиста.

— Ты сейчас где?

— И тебе доброго утра, — донеслось хмурое. — В курсе уже?

— В курсе? — Меня всю трясло. — Да, Дрэйк, я в курсе! В курсе, что ты рушишь все своими руками. Неужели не понимаешь, что Лэм тебе этого не простит?

— Она? Мне? Знаешь, Бри, по-моему, ты лезешь не в свое дело.

В трубке щелкнуло, а я с трудом удержалась, чтобы не запустить телефоном в стену.

К счастью, когда шагнула в лифт, мобильный зазвонил.

— Да! — рыкнула в трубку.

— Э-э-э... Леа. — Танни опешила от такого приема. — Вы еще не вышли?

— А что?

— В смысле визор поблизости есть? Ты только не волнуйся.

С точки зрения психолога самое неудачное начало фразы, которое только можно себе представить (если ты не хочешь, чтобы у собеседника волосы на всех местах встали дыбом).

— Что случилось?

Учитывая, что там фигурировал визор, случиться могла Ирргалия, Шахррейны или...

— Лодингер! — процедила сестра. — Этот дерьможуй вылез на телевидение, чтобы сообщить всем о том, что Мик сошел с ума. Из-за ментального вмешательства, которое... В общем...

Еще до того, как Танни это произнесла, я знала, что она скажет.

— Он обвиняет в этом тебя.

Ничего вразумительного ответить я не успела, потому что двери лифта раскрылись и мы чуть лбами не столкнулись с Терграном.

— Эсса Ладэ, мне приказано отвезти вас к местру Халлорану.

— Леа, ты там? — уточнила Танни.

— Да, минутку.

В сложившихся обстоятельствах спорить и возражать было, по меньшей мере, глупо, поэтому я только кивнула вальцгарду и направилась к флайсу.

— Я здесь. Позвони Рольгену и вызови его. Пусть до моего возвращения будет рядом.

— Зачем?

— Просто сделай как я говорю, хорошо?

— Хорошо.

— Ни с кем не общайся и никак не комментируй происходящее. Даже Имери. Что бы ни произошло.

— Угу.

Наверное, случись это месяц, да ладно, еще две недели назад, со мной бы была истерика, но сейчас я сосредоточенно отдавала распоряжения Танни, параллельно вставляя наушники и подключаясь к «Соларс Ван». На почту посыпались сообщения, в трубке то и дело раздавались еле слышные

сигналы — уведомления о входящих звонках, но я не обращала на них внимания.

«Как же так получилось, что мой сын за нападение на эссу Ладэ оказался в тюрьме и на больничной койке, а она после нападения на него спокойно разгуливает по улицам?»

Эту запись крутили по всем каналам, холеная физиономия Лодингера выражала нескрываемую ярость, ею пестрели все СМИ, сеть кипела от его заявления, и не только сеть. Мэйстон кипел. Провокация была слишком явной, но сейчас мне было не до нее. Я просто хотела увидеть Рэйнара. Хотела услышать, что он думает по этому поводу, потому что мне самой было страшно. Лодингер не просто раскрыл мое происхождение перед всей Аронгарой, своим заявлением он противопоставил иртыханов людям.

И что самое ужасное, это произошло из-за меня.

Как бы дико, безумно, отчаянно мне ни хотелось быть рядом с Рэйнаром, я содрогалась от этой мысли. От мысли, что могу стать той, кто потянет его на дно.

Город, распростершийся под нами, промелькнул смазанной картиной.

Мы снова садились на верхнюю стоянку, где нас уже встречали сотрудники службы безопасности. У двери вальцгард отступил в сторону, и я шагнула в квартиру.

— Эсса Ладэ.

Очередной безопасник указал мне в сторону лестницы.

— Местр Халлоран ждет в кабинете.

Странно, что Рэйнар не встречал меня сам. Вдоль позвоночника пробежал холодок, но я тут же мысленно дала себе пинка и бодро скатилась с лестницы в нужном направлении. Наверное, никогда не привыкну, что в квартиру можно войти со второго этажа... или привыкну, если буду здесь жить. Точнее, когда буду здесь жить.

Из кабинета доносились голоса Рэйнара и Норгхара, поэтому я постучала.

И только потом заглянула. Несмотря на то что кабинет был погружен в полумрак, а плотно закрытые жалюзи отрезали нас от города, темно не было. Не сразу поняла, что дело в голографическом проекторе, луч которого падал на стену за моей спиной.

— Оставь нас, — жестко произнес Рэйнар.

— Пресс-конференция через час.

— Знаю. Успеем.

Я обернулась на Норгхара, прошедшего мимо меня, как мимо высокой табуретки, и замерла. На стене застыл кадр, на котором я на стоянке

откровенно вжималась в Гроу, а он... судя по всему, доставал ключ от флайса, потому что рукой скользнул себе под куртку. Не знаю, почему в глаза впечаталась именно эта деталь, но на нее я продолжала смотреть не отрываясь. Изгиб руки, приподнятая куртка, задний карман линялых джинсов.

— Об этом ты хотела поговорить? — Голос Рэйнара звучал сухо и безжизненно. Настолько мертвым я не слышала его ни разу.

— Нет, — сказала я.

Повернулась и медленно подошла к нему. Медленно, потому что не знала, как смотреть в эти темные провалы глаз, внутри которых была выжженная пустошь. Никогда в жизни он не смотрел на меня как на пустое место. Даже когда мы только познакомились, даже когда меня впервые пригласили к нему в ВИП-ложу в Ландстор-Холле. Наверное, даже в самом страшном кошмаре я не могла представить, что он смотрит на меня так.

И что теперь?

Кричать о том, что ничего не было? О том, что все это выглядит совсем не так, как кажется? Спрашивать, откуда он это взял?

Внутри творилось нечто невообразимое, но слов не было, поэтому я просто коснулась рукой его щеки.

— Тебе придется остаться здесь. — Он перехватил мое запястье и отвел в сторону. — До того, как закончится пресс-конференция.

«Придется» больно резануло слух. Хотя что такое больно? Мне казалось, что меня с размаху швырнули в ледяные воды к фервернским драконам и я вымерзаю изнутри. Только благодаря этому стою на ногах, не кричу, не падаю, не цепляюсь за него из последних сил, наплевав на гордость. Наверное, достаточно было того, что я делала это мысленно. Достаточно, чтобы понять, как мне на самом деле страшно.

Так страшно...

— Я хочу остаться здесь, — сказала тихо. — Об этом я хотела поговорить.

— Сейчас это не имеет значения.

«А потом?» — хотелось закричать мне, но крик застыл в горле. Внутри вообще все застыло. Казалось, стоит выдохнуть — и все вокруг покроется инеем.

Особенно когда он обошел меня и направился к двери.

— Я люблю тебя. — Слова сами сорвались с губ, или я вытолкнула их вместе с сердцем. Вложив все чувства, что были во мне до этого. Все чувства, что были сейчас. Все, что еще могло быть. — Рэйнар.

Он остановился. Мгновения отмеряли мое дыхание до того, как он

обернется.

Но он не обернулся.

Просто вышел и закрыл за собой дверь, и тогда я села на стол. Рука попала на пульт, раздался мягкий щелчок, и кабинет погрузился во тьму, стирая со стены картину, которая до сих пор стояла перед глазами.

А потом вспыхнул яркий свет, и в глаза словно швырнули раскаленного песка.

Хотя, возможно, дело было вовсе не в ярком свете.

Не знаю, сколько бы я просидела на столе, но за дверью раздался скрежет и тихое рычание. Ну да, вот только Эрри мне еще не хватало для полного счастья. Поднялась и вышла в коридор, игнорируя недовольный взгляд голубых глаз на пол-лица. То есть на полморды.

— Чего тебе? — спросила не очень-то приветливо, но мне было не до церемоний.

Тем более с девицей, которая раздраконила мою сумку и сожрала сапог.

— Виуррьк, — ответили и ткнулись в меня носом, задавая направление.

Я подумала и пошла в гостиную, но на повороте мне кинулись под ноги, из-за чего чуть не перелетела через аристократку северных кровей.

— Эрри!

— Врр!

Только сейчас дошло, куда меня ведут. Кажется, Рэйнар забыл ее покормить. И правда, стоило оказаться на кухне, где стояла всего одна миска с водой, Эрри плюхнулась на попу и принялась елозить хвостом по полу, заглядывая мне в глаза. Аристократичность аристократичностью, а когда кушать хочется, приходится забыть о гордости и родословной.

Вот только бы еще знать, где здесь хранятся миски и корм...

— Вви!

Пушистая лапа поскребла ближайший шкафчик, и я ткнула в панель, открывая его. Миска и стратегический запас еды месяца так на два, все в одном месте. Судя по взгляду виари, только благородство не позволяло ей разгрызть упаковку у меня на глазах и приступить к трапезе. Насыпала еды с горкой, поставила миску на подставку. Захлопнула шкафчик и под довольное чавканье устроилась на барном стуле.

Хозяйничать в квартире Рэйнара было особенно странно после случившегося, когда я даже не представляла, что нас ждет дальше. Если, конечно, что-то ждет. Внутренняя заморозка никуда не делась, мысли в голове отказывались выстраиваться в логические цепочки. Лениво, как

облака, в летний день выползающие на раскаленное добела небо, появлялись поодиночке и тут же исчезали.

В минуты, когда тебе хочется лечь и сдохнуть, главное, пережить этот момент, потом становится легче. Усилием воли заставила себя подняться, и тут зажужжал мобильный. Я поставила его на беззвучку, потому что звонки не прекращались ни на минуту. Проще было выключить, но я ждала звонка от Рэйнара, а теперь... Бросила взгляд на дисплей. Сейчас звонил Дрэйк, и желание просто нажать отбой внезапно сменилось решимостью высказать пианисту все, что я о нем думаю.

Без прикрас.

За то, что не поверил Лэм, влюбленной в него по уши. За то, что приложил ее из-за своей ревности. За то, что...

«Из-за того, что ты свалила и меня проводили, потому что мне стало хреново».

В голове словно что-то щелкнуло.

Тергран сказал, что Норгхару они не подчиняются.

Рядом со мной все время были вальцгарды, которые меня оберегали.

Тогда откуда взялись эти снимки?

— Бри, я только что узнал про все это дерьмо. — Голос пианиста звучал еще более хмуро. — Слушай... прости, что я так сорвался, просто...

— Дрэйк, что произошло у вас с Лэм в тот вечер? — безапелляционно перебила его.

— Бри...

— Я не из праздного любопытства спрашиваю! — рыкнула в трубку. — Нам подарили бутылку, и есть большая вероятность, что нас с ней не просто так развезло.

А ведь и правда. Лэм может выпить, но она всегда знает меру. Что касается меня, я вообще не любитель крепких спиртных напитков. Вино — еще куда ни шло, но тоньяс в таких количествах, да еще и шоты с коктейлями следом. Конечно, можно списать на то, что мне было очень дерьмово. Но такое случалось со мной и раньше.

Судя по многозначительному молчанию в трубке, пианист завис.

— Дрэйк! — прорычала я. — Мне тебе рагранских пчел в трусы напихать, чтобы ты заговорил?

— Я возвращался из Ландстор-Холла, — судя по тону, друг до сих пор не мог прийти в себя, — а она у дверей виснет на каком-то хрене, потому что ее ноги не держат. Ну я ему популярно объяснил, куда он может идти. Потом притащил Лэм домой и уложил спать. Точнее, уложил на кровать, а когда вернулся из душа, она уже спала.

Та-ак...

— И она к тебе приставать не пыталась? — поинтересовалась я.

— Пыталась. — Дрэйк, кажется, наконец-то переварил случившееся. — До того как глаза закрыла. Думаешь, что вас опоили?

— Не думаю. Уверена.

— Зачем? — вырвалось у него.

— Из-за меня.

Точнее, из-за Рэйнара. Пазл складывался крайне мерзкий, но он складывался. Арилин. Я. Измена. Слабость Рэйнара к певицам с сомнительной репутацией. Скандал на телевидении, который должен был случиться после пресс-конференции, где...

— Из-за тебя?

— Да. Дрэйк, это не телефонный разговор.

— Угу.

Хотела сказать, что он еще успеет спасти свои отношения, если поедет к Лэм прямо сейчас, но, судя по всему, Дрэйк подумал о том же самом, потому что быстренько попрощался и отключился, а я тут же набрала номер Рэйнара.

Ну ответь. Пожалуйста, ответь.

Пожалуйста.

Я не собиралась оправдываться, мне просто нужно было, чтобы он это знал перед тем, как выйдет на пресс-конференцию. Гудки оборвались тишиной, а следом в трубке едва уловимо щелкнуло, и я вздохнула с облегчением.

— Рэйнар...

— Эсса Ладэ, местр Халлоран готовится к пресс-конференции. — Зимняя стужа в голосе Норгхара стала еще более колючей. — Все звонки в ближайший час будут переадресованы мне.

Вот уж действительно безграничное доверие.

— Могу я переговорить с ним?

— Нет.

Ну, разумеется.

— Тогда прошу вас ему передать, что моей подруге в ту ночь тоже стало очень плохо. После того как нам подарили бутылку тоньяса.

— Это все? — звякнуло ледышкой.

«Все», — хотела сказать я, но вместо этого почему-то спросила:

— Это вы притащили ему снимки?

— Да.

— Зачем? — вырвалось у меня. — Неужели не могли до вечера

подождать?

— Потому что я перехватил информацию, направленную против него. Действительно важную, а не о том, что ваша подруга, как и вы, не знает меры.

От ледяного сарказма даже в горле запершило.

— В свете сложившихся обстоятельств эта информация действительно важная.

— В свете сложившихся обстоятельств я не стану отрывать местра Халлорана от дел из-за ваших попыток оправдаться.

К щекам прилила кровь.

— Станете, — парировала в тон ему. — Буду очень признательна, если вы передадите мои слова немедленно, а когда местр Халлоран вернется, мы с ним об этом переговорим.

Вот теперь в трубке повисла тишина, но меня она не смутила.

Достал!

— Что-то еще? — Теперь уже Норгхар цедил слова.

— Еще я хотела спросить, как получилось, что снимки вы перехватили, а снимающего у клуба — нет.

Не дожидаясь сквозь долгое молчание ответа, нажала отбой и быстрым шагом направилась в гостиную. Может, и не стоило говорить с Норгхаром в таком тоне, намекая на его некомпетентность, но он сам это начал. Чтобы успокоиться, набрала номер ведущего брачной церемонии и попросила перенести встречу на следующие выходные. Судя по философскому спокойствию, с которым тот воспринял новость, я у него такая не первая и не последняя. Точнее, мы.

Теперь оставалось только надеяться, что Лэм с Дрэйком помирятся.

А еще ждать. И смотреть пресс-конференцию.

Плазменная панель в пентхаусе занимала не то что большую часть стены, по-моему, она стеной и была. Без преувеличения. Вот только я забыла, что понятия не имею, где от нее пульт. Логично предположить, что где-то в районе визора на вмонтированной в стену подставке для накопителей.

Вернувшись к дивану, на котором можно было свободно лечь впятером вдоль, поперек и по диагонали, я обнаружила там Эрри. Изыщная виари вытянулась во всю длину аккуратно посередине. Переднюю лапу выставила так, чтобы в облюбованном мной уголке уместиться не получилось. Ну и ладно, зато осталось удобное местечко с подушками, на котором можно вытянуть ноги.

Там и устроилась, включила «Соларс Ван» и вдруг увидела, что от

вспотевших рук пошел дымок — подступивший из-за волнения огонь плеснул в ладони. Пришлось быстренько вспоминать методики охлаждения.

«Сейчас, когда до пресс-конференции местра Халлорана остаются считанные минуты...»

Шлеп.

Дернулась, потому что на меня положили... хвост. Такую длинную пушистую метелку длиной с саму Эрри. Тяжеленькую, надо сказать.

— А не обнаглели ли вы?

Взяла за особо пушистый кончик и сбросила хвост на пол.

«Если иртыханы способны в любой момент вмешаться в наш разум, в разум любого из нас, — темнокожая ведущая развела руками, — может ли человек чувствовать себя в безопасности?.. Логичный вопрос, который возникает у каждого, вопрос, которым мы задаемся с минуты откровенности Баррета Лодингера...» — «Не будем делать преждевременных выводов, — заметил ее коллега. — Уверен, предстоящая пресс-конференция все прояснит». — «Разумеется. Но все же мы не имеем права молчать и закрывать глаза на...»

Коснулась пульта и выключила звук, ток-шоу «Голоса Мэйстона» и знакомые ведущие сейчас не вызывали ничего, кроме глухого раздражения, а слушать про Лодингера не было ни малейшего желания. Покосилась на руку и неожиданно поняла, что отгрызла себе ноготь. Случайно. Дурацкая привычка, от которой я избавилась еще в детстве, вернулась в самый неподходящий момент. А еще внутри стягивалось комом нервное напряжение, заставляя кусать губы. Ладно, лучше губы, чем ногти. Потому что в ближайшие дни выбраться к мастеру маникюра мне не светит.

О чем я вообще думаю?

Шлеп.

Хвост вернулся ко мне на колени, и я покосилась на «спящую» виари.

— Эрри, я тебе что, подставка для хвоста?

Та подняла голову, окинув меня снисходительным взглядом, однозначно говорящим: «Да», — зевнула и повернулась на бок, оставив хвост там, где он был. Я уже задумалась, не спихнуть ли нахалку на пол (Марр у меня себе такого не позволяет), но заставка, собирающаяся разноцветными геометрическими 3D-фигурами в панораму Мэйстона, заставила забыть о воспитании всяких мелкочешуйчатых.

Зал Лаувайс для пресс-конференций даже при всей экстренности был переполнен. Три больших экрана, места для журналистов, среди которых не осталось свободного. Диктор что-то говорила фоном о собравшихся со

всей Аронгары коллегам, но я смотрела только на сцену, на которую вышел Рэйнар. Управляемая камера выхватила его крупным планом: жесткий решительный взгляд, резкие скулы.

Что он сейчас чувствует?

Сейчас, отвечая за всех иртеханов. Перед всей Аронгарой.

Не отрываясь, смотрела на него, пока ведущий вещал об установленном порядке проведения пресс-конференции. Только когда в зале повисла тишина, Рэйнар подался вперед, сцепив руки на столе.

— Прежде чем мы перейдем к вопросам. Ментальное вмешательство, о котором говорил Баррет Лодингер, действительно было.

По залу пронесся едва уловимый возглас. Не возглас — скорее волна коллективного вздоха.

— Оно не имеет никакого отношения к настоящему состоянию Микаса Лодингера. Вмешательство, которое повлекло за собой повреждение его психики, носило совершенно иной характер и связано с нападением на эссу Ладэ, предпринятым и спланированным в неуставленных целях. Со своей стороны обещаю, что расследование по этому делу проходит под моим непосредственным контролем, его результаты будут обнародованы, а виновные понесут суровое наказание.

Я откинулась на диванную подушку и вцепилась в пульт.

— Какое именно? — прозвучал первый вопрос от молодой остролицей журналистки.

— Невозможность использовать магию до конца жизни.

— Вы утверждаете, что вмешательство эссы Ладэ не имеет отношения к психическому состоянию Микаса Лодингера. — Поднялся другой журналист. — Есть медицинские заключения, которые это подтверждают?

— Разумеется. Если вам недостаточно моего слова, вы можете их запросить.

Молодой человек стушевался, но тут же последовал очередной вопрос от женщины с революционно-короткой стрижкой.

— Могут ли последствия ментального вмешательства проявиться позже?

— Если оно выполнено грамотно — нет.

— Вмешательство эссы Ладэ было выполнено грамотно?

Мне захотелось пнуть ее под коленку. Хотя, по сути, она тут ни при чем. Виновата я, которая все это устроила, и Лодингеры — идеальное оружие. Своим поступком я вручила его тому, кто хочет сместить Рэйнара. Так что если кому и надо дать пенделя, то только себе.

— Проверкой последствий вмешательства эссы Ладэ занимались

лучшие специалисты. В том числе иртышане. О результатах мне докладывали лично.

— Почему именно вам? Все было настолько серьезно?

— Потому что я являюсь наставником эссы Ладэ. Я отвечаю за ее обучение и последствия всех поступков, которые влечет за собой использование нашей магии.

Журналистка опустила на свое место, на смену ей пришел немолодой мужчина с залысынами.

— Эсса Ладэ тоже была наказана?

— Да.

— То есть она лишена магии до конца жизни?

— Нет. У нее наказания был срок.

— Какой срок предусмотрен за ментальное вмешательство?

— В зависимости от степени тяжести применение силы в отношении человека наказывается лишением магии на срок от месяца до десяти лет. В особых случаях до конца жизни. Поверьте, желающих это испытать найдется немного.

— Почему? Что несет в себе лишение магии? — поднялась миловидная девушка с беджем «Зингсприд лайтс».

— Помимо невозможности управлять драконами, это наказание весьма тяжелое психологически. Мы рождаемся, наделенные магией. Представьте человека, лишённого возможности говорить, видеть или самостоятельно передвигаться. Примерно то же чувствует лишенный магии иртышан.

— На какое время эсса Ладэ была лишена магии?

— Две недели.

— Две недели? — Следующий вопрос от мужчины в очках. — Две недели лишения магии за вмешательство в психику подростка? При минимуме в месяц?

— Вы сейчас подвергаете сомнениям мою оценку степени тяжести поступка эссы Ладэ?

В гостиной ощутимо похолодало, а в зале воцарилась такая тишина, что было слышно едва уловимое порхание портативной камеры. Журналист как-то резко сел.

— В нашем мире неоправданное вмешательство в сознание человека считается серьезным преступлением и пресекается достаточно строго даже при учете смягчающих обстоятельств. Предупреждая дальнейшее обсуждение этой темы, скажу, что наказание эссы Ладэ было смягчено за то, что она спасла жизнь ребенку.

— Или потому, что она у вас на особом положении?

Глаза Рэйнара потемнели, но поднявшаяся темнокожая журналистка из Балт-Лар-Сити с вызовом посмотрела на него.

— Вы же не станете отрицать, что в случае с эссой Ладэ затронуты ваши личные интересы?

— Мои личные интересы не имеют никакого отношения к случившемуся. Любой иртхан или иртханесса будут отвечать за подобное по всей строгости закона. Впредь попрошу собравшихся не отклоняться от темы.

Вопросы сыпались один за другим, а я не сводила взгляда с лица Рэйнара. Сосредоточенного, собранного, такого родного.

И такого безумно далекого.

Выдохнула, когда пресс-конференция закончилась, а Рэйнар в сопровождении Норгхара покинул зал. Свет приглушили, и пошла заставка. Я чувствовала себя как долька лица под прессом. Сбросила хвост Эрри и пошла попить воды, потому что в ушах подозрительно шумело.

Вода обнаружилась в графине, я уселась на высокий стул и, глядя в одну точку, принялась вертеть стакан на одном месте. Случись Норгхару упустить снимки с Гроу, это вылезло бы в ближайшие часы после завершения пресс-конференции. Девушка, которая едва держится на ногах, выползающая из клуба в обнимку с мужчиной... скорее, даже не в обнимку, а взасоску. Ученица правящего. Певица из Ландстор-Холла с особой благодарностью, сюда же информацию об Арилин до кучи.

Класс!

Повозила по столу мобильный, посмотрела на часы. Желание набрать номер Рэйнара останавливала вероятность снова нарваться на Норгхара и здравый смысл. Даже если он освободился, вряд ли ему сейчас до меня.

Я походила по квартире.

Попыталась читать книгу. Сначала про себя, потом вслух с выражением.

Потом без выражения для тренировки ментальной магии.

Когда начала спотыкаться на словах, решила, что лучше это дело отложить и поднялась в ванную. Из зеркала на меня смотрела бледная и слегка растрепанная девушка с лихорадочно блестящими глазами и губами, как после страстных поцелуев (за время пресс-конференции я их сжевала основательно).

А потом ноги сами принесли меня в спальню к Рэйнару. Туда, где мы впервые были близки. Туда, где наши огни сливались воедино, где мы впервые стали единым целым, где все начиналось...

Где начались мы.

Присела на краешек кровати, откинула покрывало и медленно опустилась на подушку, хранящую его запах — горьковато-ореховый, резкий, сильный, как его пламя. Яростный, как он сам.

Дракон, который сводит меня с ума.

— Я люблю тебя, — повторила еле слышно.

Обняла ее двумя руками и под сгущающиеся сумерки закрыла глаза. На краю сознания мелькнула мысль, что надо позвонить Танни и предупредить, что задерживаюсь, но я от нее отмахнулась. Сейчас полежу минут пять и позвоню.

Правда-правда.

Сама не заметила, как соскользнула в сон, а проснулась от пристального взгляда навывлет.

Распахнула глаза и увидела стоящего надо мной Рэйнара.

ГЛАВА 13

Как проснуться за пару секунд, не прибегая к помощи будильника?

Легко. Заснуть в постели дракона, который считает, что ты ему изменила, и смотрит... у меня даже дыхание прервалось от тяжести его взгляда. Хотя, может, дело было в том, что у меня на груди лежала тяжелая морда Эрри. Глаза которой сейчас стали размером с блюдца.

— Эрри, — тихо произнес Рэйнар.

Виари как ветром сдуло, я даже порыв воздуха ощутила и едва различимый шорох крыльев, а меня обожгло яростью. Огненной, ураганной, страшной, мгновением позже сменившейся холодом.

— Что ты здесь делаешь? — жестко спросил он.

Хлесткое сильное «здесь» ударило наотмашь.

Во мне как-то разом кончились слова. Не сказать чтобы их было много, но они то и дело возникали между строк, когда я пыталась читать. Или когда сидела на кухне, поднималась в эту спальню, вдыхала его запах. Слова о том, что он мне дорог, как он мне дорог — может быть, немного нелепые, наивные, неловкие. Какие есть. Но бессмысленные, потому что он не хочет их слышать. Не поверит. Что бы я сейчас ни сказала — не поверит. Да и надо ли вообще что-то говорить?

— Сплю, — сообщила я.

Ярость, бушевавшая в нем, словно передалась мне. Но я совершенно точно не собиралась ее скрывать.

— Ты же сам сказал, что до окончания пресс-конференции мне придется остаться.

Поднялась и уставилась с прищуром, такого он точно не ожидал.

— Ты поэтому осталась? — Голос его стал низким и каким-то глухим.

— А почему же еще? — приподняла брови. — Кажется, у меня не было выбора. Приказ правящего, все такое.

— Приказ? — прорычал Рэйнар. — Не было выбора?

— Ага. Не хочу больше в таэрран ходить.

— Ты хотела остаться. — В интонации дракона вплетался скрежет когтей по камню. — Уже передумала?

— Ты тоже хотел, чтобы я осталась. — Дышать почему-то стало больно, как и выносить этот взгляд, резавший сердце до крови. — Так что изменилось теперь? Хотелка отвалилась?

В его глазах полыхнуло опасное пламя.

— Не стоит говорить со мной в таком тоне, Леона.

— Да ну? — рыкнула я, чувствуя, что начинаю дымиться. — То есть тебе можно смотреть на меня как на пустое место, можно снисходительно заявлять: «Что ты здесь делаешь?» с видом, будто застал блохастую виари у себя в постели, а мне нет? Может, я и не элитная драконесса для элитных драконят, но так относиться к себе не позволю!

— Зато другим ты позволяешь многое.

Кровь обожгла щеки. Глядя ему в глаза, вскинула руку и выразительно отогнула средний палец.

— Выкуси! — сообщила с выражением. — Драконище!

— Драное? — угрожающе-тихо произнес он.

— Тупое!

Глаза его потемнели, а затем вспыхнули так, что даже Лаувайс слегка померкла за окном, но я уже не могла остановиться.

— Тупое, слепоглухонемое и пылелучеводонепроницаемое! — выдохнула я. — Не признающее ничего, кроме фактов, сводок и заданной программы! У тебя хоть кнопочка есть для перезагрузки или ты просто в спящий режим уходишь?

Меня уже колотило от непролитых слез, от скованной льдом нежности, которая вот-вот превратится в осколки. Держать лицо, Леона. Держать лицо! Но как его держать, когда сердце бьется в сумасшедшем ритме, словно его швырнули в поток сходящей с бешеной скоростью лавы.

— Именно факты, — Рэйнар выделил последнее слово, — способны о многом рассказать. Впрочем, для девочки из низов это нормальное поведение.

Девочка. Из. Низов.

Сказано это было именно с той интонацией, которая запомнилась мне, когда я впервые была у него в кабинете на головокружительной высоте Лаувайс.

С моих рук сорвались два сгусточка пламени и прямой наводкой устремились в него. Рэйнар увернулся.

Шварк!

Элитные жалюзи сыпанулись искрами и занялись... элитно.

— Л-л-л-е-о-н-а! — Никогда не думала, что мое имя можно прорычать. Одно движение — и пламя погасло. За его спиной, но только не в его глазах. Драконище шагнул ко мне, и в этот миг включилась пожарная сигнализация. С потолка хлынуло так, будто мы угодили под проливной дождь в Зингсприде, когда за стеной воды не видно здания через дорогу.

Возможно, именно поэтому не успела отпрянуть, когда Рэйнар перехватил мои запястья и толкнул к ближайшей стене, вжимая в нее собой. Так сильно, жестко и властно, что из груди разом вышел почти весь воздух, а тот, что остался, раскалился, как от близости драконьего дыхания.

От его близости.

Мир сузился до его взгляда и налипших на лоб влажных прядей. Горьковато-резкий запах ударил в самое сердце. Так огненно и больно, что сил это выносить не осталось.

— Пусти! — заорала я не своим голосом, рванулась из стального захвата. — Пусти! Пусти! Пусти!

Неожиданно он разжал руки, и я замолотила кулаками по его груди.

— Ненавижу! — Удар. — Ненавижу! Ненавижу! — Еще и еще! — Ты сказал, что между нами все кончено! В твою дальше некуда продуманную голову не приходило, что мне было плохо? Плохо от того, что я больше никогда тебя не увижу? Плохо без тебя! Так плохо, что я дышать не могла, не могла жить, не могла петь!

Слезы хлынули сплошным потоком, но, к счастью, с меня сейчас и так текло. Сигнализация выключилась, сквозь мокрые ресницы блестела изрядно залитая комната. Рэйнар смотрел мне в глаза — не знаю, что он там искал. Мне больше нечего было ему дать, я уже отдала все, что могла. Всю себя. И отдавала бы снова и снова, но сейчас мне хотелось его забыть. Его и все, что между нами было. Чтобы больше никогда не чувствовать так остро. Так болезненно, иступленно, до искусанных губ и дрожи по телу. Так сладко, так огненно, так безумно... чтобы, когда наши руки разомкнутся, я могла остаться собой. А не голосом без имени и прошлого, не той, кто горит только с ним.

А без него сгорает.

Наверное, мне лучше уйти.

Даже мысль об этом была страшной, более всего страшной своим спокойствием, за которым раскинулась бескрайняя пропасть пустоты. Шагнуть в нее и оставить все позади, так будет правильно, так будет лучше. Ведь мы только и делаем, что выжигаем друг друга дотла.

— Думаешь, мне было хорошо? — рычание ворвалось в разделившую нас тишину. — Думаешь, мне было просто услышать твой отказ? Смириться с тем, что в наставники ты выбрала другого? С тем, что твоих губ касался другой?

Последнее Рэйнар не то выдохнул, не то швырнул мне в лицо.

Я подняла голову и рухнула в его пламя. С высоты Лаувайс или даже больше. Поцелуй опалил губы, в неприкрытую звериную ярость ворвалась

боль, горчащая крепостью алкоголя. Эта боль обрушилась на меня подобно идущей под ураганным ветром десятиметровой волне. Ударила, отозвалась в самой глубине существа, мешая не то что дышать, чувствовать что-либо еще. Я рванулась к нему, отвечая на эту исступленно-звериную ласку. Мокрая одежда липла к телу, но кожа сейчас казалась раскаленной добела.

Под его пальцами.

Под его губами.

В близости, которую можно было прекратить только с биением наших сердец.

— Той ночью, — прошептала, задыхаясь от бегущего по венам огня, от чувств, полыхающих в груди и мешающих мыслить связно. — Ничего не было. Ничего не было, Рэйнар, но та ночь была, и изменить этого я уже не могу. Сейчас самое время решить, сможешь ли ты это принять.

— Принять... — хрипло произнес он, проводя пальцами по моей щеке. Наверное, это можно было бы назвать нежностью, если бы не сумасшедшая сила, плеснувшая через край. Сила объятий и его голоса, царапнувшего своей глубиной. Звонящими выстрелами рвущихся стальных тросов. И рычанием-выдохом-стоном: — Я уже не представляю без тебя жизни, Леона.

И все.

Я все-таки рухнула в пропасть, только в другую.

До краев наполненную им, без оглядки на завтра, вчера или даже сегодня.

— Рэйнар-р-р... — прошептала сдавленно сквозь рваные поцелуи-укусы, в которых уже не осталось ничего человеческого. — Р-рэйнар...

Мне было мало его имени, мало разлетающихся в стороны пуговиц, когда сдирала с него рубашку и когда ставший второй кожей мокрый насквозь свитер отлетел в сторону. Мало одного на двоих дыхания и скольжения ладоней по телу. Прикосновений к груди, безумно чувствительной — когда его губы коснулись напряженного соска, содрогнулась всем телом. Ласки — горячие, жадные, когда он поглаживал языком торчащую вершинку или медленно втягивал ее в себя целиком, плотно обхватывая тонкую кожу, заставляли выгибаться, хватая губами расплескавшийся вокруг нас огненный зной.

Тем холоднее показался воздух, скользкий по пылающей коже, когда Рэйнар подхватил меня на руки и шагнул в ванную.

— Что ты делаешь? — хрипло спросила я.

— Нам нужно в душ, — не менее хрипло ответил он.

По-моему, в душ нам уже не нужно, подумалось мне, но сил возражать

не осталось.

Я горела вся от корней волос и до кончиков пальцев под его руками и сходила с ума от желания. Так ярко и остро, так безудержно горячо, что, когда его ладони накрыли мою грудь, сдавленно застонала.

Подаваясь назад и вжимаясь бедрами в его пах.

Он на мгновение убрал руки, чтобы снова коснуться моей груди скользкими от геля пальцами. Пронзившая тело вспышка была такой яркой, что у меня потемнело перед глазами.

— Ты издеваешься? — выдохнула, чувствуя, как бешено колотится сердце.

— Да.

— Я... — выдохнула через силу, потому что пальцы как раз перекачивали напряженные, до безумия чувствительные соски. — Это запомню...

— Запомнишь, Леона, — прорычал драконище, и от его интонации все волоски на теле встали дыбом. — Это я тебе гарантирую.

Прикосновение к панели — и на нас обрушились струи воды, а его ладонь скользнула ниже.

Мы отражались вдвоем в затемненных дверцах душевой кабины. На сей раз я видела все, что он со мной делает, — видела сквозь мокрые дорожки и капли, сквозь всполохи окутывающего нас огня.

Никогда бы не подумала, что это... так возбуждает.

А вот он явно об этом думал, потому что смотрел прямо мне в глаза. Смотрел, как с губ срывались тихие стоны, вторя движениям его пальцев. Смотрел, когда мы стали единым целым, и я вцепилась руками в ускользающее стекло, откинув голову ему на грудь.

— Моя Леона, — выдохнул он. — Только моя.

Так... знакомо. Так по-собственнически. Так привычно...

И так умопомрачительно ново, что я задохнулась от первого же движения внутри.

Хотела спросить, зачем он включил эту дурацкую воду, но следующий миг выбил из головы остатки мыслей. Внутри полыхнуло, переплетенные пальцы вспыхнули, и больше уже я ни о чем спросить не могла.

Потому что кричала его имя и его же рычала на выдохе.

Наслаждение шло по телу огнем, заставляя содрогаться и подаваться назад.

Сгорая в одном пламени на двоих.

— Ле-о-о-о-на. — Горячее дыхание обожгло шею собственным именем, а в следующий момент его зубы сомкнулись на моей коже и резкое

движение внутри расцвело перед глазами огненным цветком. Я вздрагивала в сильных руках до тех пор, пока Рэйнар не развернул меня лицом к себе, удерживая за талию.

Глаза в глаза, так близко, что дыхание сливается.

Хотя куда уж больше, мы и так стали единым целым.

Давно. Навсегда.

Чувствуя, как бешено колотится сердце, я медленно, умопомрачительно медленно, скользнула грудью по его груди и опустилась вниз.

Подняла глаза, столкнувшись с алой ураганной волной.

Раскрывающийся во всю радужку зрачок, оставляющий только раскаленную кайму.

Удивление пополам с недоверием.

— Это, — хрипло сказала я и облизнула губы. — Запомнишь ты.

Не отводя глаз, коснулась его, медленно втягивая в себя и чувствуя, как сильные пальцы путаются в моих тяжелых от воды прядях. Как пламя то разгорается, то гаснет до такой неведомой тьмы, по сравнению с которой ночь в пустошах кажется средоточием света.

Судорожный вздох дракона отозвался в моей груди.

От хриплых выдохов голова шла кругом, и еще сильнее, когда он замирал от моих движений — мягких и плавных... Сильных и быстрых, когда я плотнее сжимала губы.

Власть — бесстыдная, откровенная, возбуждающая.

Сейчас ритм задавала я, а он отзывался на каждую ласку. Никогда раньше этого не делала, но сейчас, скользя губами по его желанию, чувствовала, как по телу идет дрожь, передающаяся мне от него, от его напряженных бедер и полыхающего над нами пламени. Грудь снова наливалась, соски напряглись до боли. До сумасшедшего желания ощутить его пальцы и прикосновения на чувствительной коже.

Это было безумие, но каждый хриплый выдох отзывался во мне.

Так ярко, словно это он меня ласкал.

— Пла-мя мое... — Низкий голос отозвался сладкой тяжестью в низу живота.

Рычащий стон, мгновением позже сорвавшийся с губ, ударил в сознание, отражаясь в самой глубине моего существа.

Рука сильнее сжалась на моих волосах, и меня пронзило странным, невыносимо-тягучим подступающим наслаждением. Жаром, расходящимся по телу, и бьющими ввысь языками огня. Я даже упустила момент, когда наши пальцы снова переплелись, и как меня подняли наверх, выпивая

странный рваный стон поцелуем.

Поцелуем, наполненным его вкусом.

Мгновение — и он снова оказался во мне, одним коротким быстрым движением, поддерживая под бедра.

Так глубоко и сильно, что перед глазами пошатнулся мир.

Я содрогнулась от пьянящего оргазма, накатывающего и отступающего, снова и снова, по нарастающей, до срывающихся с горящих губ стонов. Пламя полыхнуло над нами с удвоенной силой — сейчас уже я не могла быть уверена, что пляшущие перед глазами слитые воедино языки ненастоящие.

Дымка перед глазами или дым.

Рычание, рвущееся из груди, — мое или драконицы, воедино сливающееся с его.

Вспышка.

И тишина.

Все еще дрожа в его руках от мощной пульсации, эхом отдающейся внутри, увидела огненную ленточку, с шипением растаявшую в воздухе.

Одну.

Другую.

Третью...

Языки пламени кружили над нами, касались бьющих из лейки струй и таяли, наполняя душевую кабину яростным шипением и паром.

В этот момент я поняла, зачем понадобилась вода.

А еще то, что меня больше не держат ноги.

Поэтому я держалась за него, вплетая пальцы в темные мокрые пряди, целуя жесткие губы и сходя с ума от бесконечности этой невероятной близости. Когда он медленно меня освободил, закусил губу. Кажется, мы немного увлеклись, и ходить сегодня... ну, будет немного проблематично. К счастью, ходить не пришлось, потому что меня основательно растерли полотенцем, а потом завернутую в халат вынесли в гостевую спальню. Откинули покрывало и устроились рядом. Говорить у меня не было сил, двигаться тоже, поэтому я просто лежала и смотрела на него. Пламя из его глаз понемногу отступало, но зрачок по-прежнему оставался вертикальным. Смотрелось это дико и невероятно притягательно.

Дракон с зелеными глазами.

Дракон, которого я люблю.

— Драконище, — прошептала хрипло.

— От драконицы слышу.

Вот ни капельки не сомневалась. Если у меня такой же диковатый

взгляд и глаза, в которых отражается только он, то...

— Прости за то, что я тебе наговорила. — Очертила пальцем резкие скулы. — Я действительно хотела остаться.

— Хотела? — Рэйнар приподнял бровь.

— Хочу, — исправилась я.

— Я тоже хочу, чтобы ты осталась. Больше всего на свете.

— Поэтому ты первым делом спросил, что я делаю в твоей спальне?

— Нет. Потому что я слегка растерялся. Когда увидел тебя. Сонную, с припухшими губами. В своей постели.

Рэйнар, чуть надавливая, провел пальцами по моим горящим губам. Эта простая ласка отозвалась внутри таким сумасшедшим шквалом эмоций, что я на миг замерла, оглушенная. А в следующую минуту меня уже ласково поцеловали, но от этого не менее настойчиво и властно, и едва успокоившееся сердце зашлось с новой силой.

Поднимающаяся изнутри волна нежности накрыла с головой, и как-то так само собой получилось, что обжигающий поцелуй перешел в откровенные ласки. На этот раз мы ничего не подожгли, отделавшись сбитыми простынями, моими окончательно искусанными губами и слегка сорванным голосом. Когда меня наконец притянули к себе просто для того, чтобы оплести всем телом, я поняла, что ходить будет проблематично не только сегодня, но и завтра. А может быть, послезавтра и еще пару дней.

Огни, пробивающиеся с улицы, делили комнату на квадраты и ромбы, расчерченные штрихами жалюзи. Там, где он меня касался, разгоралось пламя. Уже не исступленно-страстное, а приносящее умиротворение. Не обжигающее, а согревающее. Оно скользило по коже, вплеталось в волосы и...

— Ой! Что это?

Странная дымка на мгновение окутала сплетение наших рук и тут же исчезла.

— Обмен огнями.

— Обмен? — Повернулась в его руках. — То есть ты... и я тоже... но я же не умею!

— Сейчас это происходит неосознанно. — Он улыбнулся. — После сильного слияния огни тянутся друг к другу и продолжают сливаться. Не так сильно, но именно это ты сейчас чувствуешь.

— То есть у нас с тобой... мм... обмен уже закончился, а у них еще нет?

— Примерно так. — Уголки его губ дрогнули.

Снова прислушалась к себе: ощущение тепла и умопомрачительной,

невероятной наполненности. Поймала себя на мысли, что мне хочется тихонечко урчать, даже в груди заворочалось нечто, очень похожее в продолжение непонятого приступа нежности. А еще почему-то отчаянно хотелось спать, хотя усталости не было. На всякий случай приподнялась на локте и отбросила назад волосы.

— Как себя чувствует Энтар? — спросила негромко.

Лоб его на миг прочертила глубокая складка, которая тут же разгладилась.

— Уже значительно лучше. Похоже, опережает даже прогнозы врачей.

Улыбнулась.

— Он рассказал что-нибудь про дракона? Что-то, что может помочь во всем разобраться?

Рэйнар кивнул.

— Он вышел на экзамен в полной уверенности, что все будет хорошо. Призвал дракона и готовился отдать ему приказ, когда тот напал на него. Без предупреждения, словно в припадке безумия. Мне удалось уловить лишь отголоски его ярости. За всю свою жизнь я видел такое лишь однажды. Не так давно в пустошах, во время волнений. Нападение дракона на невинного — случай из ряда вон выходящий. Два нападения — это уже система.

Значит, все-таки браконьеры?

— Но ты говорил, что если бы он потерял семью, то не откликнулся бы на призыв...

— Да. И это очень странно. — Рэйнар тоже приподнялся и оказался со мной лицом к лицу. — Энтар описал бешенство зверя, почуявшего врага. Для той драконицы мы все были врагами, все люди, все иртханы, которые попадались ей на пути. Но этот после нашего общения ушел в пустоши.

— И что ты собираешься делать дальше?

— Когда Энтар окончательно встанет на ноги, выведу его в пустоши. Лично.

Широко распахнула глаза.

— Хочешь, чтобы он снова...

— Да. Только так можно понять, что произошло на самом деле.

Он поднялся, подхватил с пола упавший халат и надел его.

— К тому же после удачного призыва можно будет оспорить решение Шахррейна. — Он замолчал и пристально посмотрел на меня. — Есть кое-что еще, о чем я хотел поговорить, Леона. Норгхар передал мне твои слова.

По спине прошел холодок, я приподнялась и села на постели. Покрывало поползло вниз, и я тут же подтянула его к себе, влажные

волосы накрыли обнаженные плечи.

— Он сразу же проверил видеозаписи из «Веалии» и вышел на того, кто подарил вам бутылку тоньяса. — Рэйнар отошел к окну, раздвигая ламели жалюзи.

— Его удалось допросить?

— Нет. Этот мужчина исчез, и вряд ли его найдут живым.

Он повернулся ко мне, и я застыла, глядя ему в глаза. Лицо блондина в воспоминаниях было каким-то смазанным, думаю, я не смогла бы его узнать, столкнусь мы на улице. Он был мерзким, но он был жив... до того, как согласился передать мне бутылку. Пошел на это добровольно, или ему, как и Мику, промыли мозги? Пообещали много денег?

— Зачем ты мне это рассказываешь? — тихо спросила я.

— Затем, что я не намерен тобой рисковать. — Рэйнар отпустил жалюзи, и они легко сомкнулись, стирая полосу света. — Поэтому завтра, Леона, ты переедешь в Скай Стрим.

Че-го?

— Ты, Танни и Марр.

Мысли отказывались складываться в целостную картину, а та, что складывалась, представлялась весьма... нелицеприятной. Телепорт — весьма затратное удовольствие и по деньгам, и по ресурсам, особенно частный, пусть даже в личной резиденции правящего. И все же использовать его ради меня и Танни два раза в день пять дней в неделю вполне могли бы. Могли бы, но не станут. Потому что столь частые пространственные перемещения вредны для здоровья, особенно людей. Начинаются головные боли, сердечная аритмия, резко падает давление. Вплоть до того, что можно хлопнуться в обморок прямо в кольцо телепорта. Иртханы, конечно, более выносливые, но даже им противопоказано бегать через телепорт каждый день.

— Рэйнар, у меня репетиции, — сказала я.

Заодно напомнила себе, что стоит держать себя в руках. Мы же можем поговорить нормально. Ведь можем, да?

— Я скоро выйду на сцену Мэйстонской оперы. — От волнения голос все равно срывался. Огляделась, но халата не нашла, поэтому только сильнее сжала покрывало. — Я буду петь, как хотела всю сознательную жизнь. Ты же знаешь об этом, ведь это моя мечта!

— Тебя напоили непонятно чем. На тебя натравили бойцовских виаров и мальчишку, который сейчас с изломанной психикой в клинике, где останется до конца дней своих. — Взгляд его потемнел. — Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось только потому, что ты вбила себе в голову,

будто эта идиотская постановка — твой последний шанс.

— Идиотская? — воскликнула я. — Рэйнар! Это история, которая покорила мир! История любви, которая сводит с ума миллионы, в том числе и меня! Я хочу петь именно ее...

— Леона, вокруг меня творятся страшные вещи. Даже моя семья оказалась под ударом.

— Но ты ведь можешь приставить ко мне вальцгардов... не одного и не двух. До свадьбы моей подруги осталось меньше месяца, мне нужно встречаться с...

— Вальцгарды будут тебя защищать даже ценой жизни, Леона. Но тот, кто это затеял, значительно сильнее. Они нашли способ к тебе подобраться и сделают это снова. Я не могу быть рядом с тобой постоянно. — Он наклонился и заключил мое лицо в свои ладони. — И я не смогу спокойно отвечать за целый город, зная, что ты в опасности. Гораздо проще защитить тебя в Скай Стрим, где ты не будешь постоянно на виду.

— Рэйнар, что я буду там делать?

— Там ты будешь в безопасности.

В безопасности... Не могу же я всю жизнь просидеть в Скай Стрим только потому, что меня однажды пытались убить.

— Я не собираюсь всю жизнь прятаться, Рэйнар! Я хочу выступать!

— Всю жизнь тебе прятаться не придется. Я говорю о мерах повышенной безопасности только на время, пока все это не закончится.

Пока не закончится...

— Тогда мне будет уже все равно. Неужели ты не понимаешь?

— Не драматизируй, Леона. Когда мы разберемся в ситуации, ты вернешься на сцену.

— Я не хочу возвращаться! — выдохнула в отчаянии. Ну как ему объяснить, что для меня значит Люси? — Я не хочу уходить.

— Ты не станешь петь в скандальной постановке Джермана Гроу. — В голосе звенел металл.

Готовая уже продолжать, осеклась.

Значит, все дело в том, что я буду петь в постановке, которая может бросить тень на его репутацию? Или в том, что меня угораздило переночевать у Гроу? А может быть, и в том, и в другом? Готовые сорваться с губ слова я так и не произнесла, взгляд зацепился за халат в ворохе покрывал. Странно, что я его сразу не увидела. Завернулась в теплую мягкую ткань, как в кокон, и поднялась. Коснулась пальцами подбородка, глядя в глаза своему дракону.

— Рэйнар... я хочу быть с тобой, и я хочу петь. Именно сейчас.

Именно ее. Пожалуйста, не заставляй меня выбирать.

— Про выбор ты заговорила сама.

Ну да. Разумеется.

Закусила губу и отступила.

Пожалуй, сейчас мне действительно лучше уйти, чтобы не разрушить все, что было.

И все, что могло бы быть.

— Можно воспользоваться сушкой одежды? — тихо спросила я, и, заметив жесткие складки у губ, добавила: — Пожалуйста, Рэйнар. Мне нужно побыть одной.

Он кивнул — сдержанно, но, хотя лицо его оставалось спокойным, внутри меня словно провернули раскаленный стержень. Так остро, что я задохнулась от нахлынувших чувств.

Его.

Рэйнар этого уже не увидел, потому что вышел из комнаты.

Я еще несколько мгновений стояла неподвижно, а потом пошла собираться.

Несмотря на поздний вечер, я попросила Валентена дать несколько кругов по обводной Мэйстона. Суровый взгляд Терграна однозначно говорил о том, что он думает о моей просьбе, но я сделала вид, будто так и надо. Мне действительно нужно было побыть одной, а побыть одной рядом с Танни после случившегося — нереально, тем более пока я не представляла, что ей сказать. Валентен и Тергран молчали, я же смотрела в окно и думала.

Постановка Гроу действительно достаточно провокационная. В ней есть сцены, которые в исполнении женщины правящего могут истолковать превратно. Да что там, обязательно все извратят, а потом повсюду развешат плакаты с Ирргалией и Шахррейном — образцами высокой морали и трепетной любви.

«Трепетная любовь», к слову, уже отметилась на двух каналах и в сети, где говорилось о том, что местрель Стоунвилл отложила все дела, чтобы побыть с возлюбленным, который оказался в частной клинике на «плановом» осмотре. С видео и фотографий смотрела Ирргалия в белом халате, сидящая у постели Шахррейна, и он — улыбающийся ей и сжимающий ее руку. Выглядел Деверик уже намного лучше, чем вчера после поединка (очевидно, стилисты постарались). И разумеется, не упустил случая прокомментировать интервью Лодингера, подчеркнув, что эта ситуация задевает его не меньше, чем скорбящего отца, и что

случившееся — ответственность всех иртыханов.

Обо мне в сети говорили всякое.

И я не сомневалась, что все это будет использовано против Рэйнара. Точно так же, как история с Арилин. Нельзя не понимать, что перехваченные снимки с Гроу — всего лишь отсрочка. Что будет дальше, можно только догадываться, и будет это в самое ближайшее время.

— Звездочка, это надо просто пережить.

Так после моего рассказа о Лодингерах прокомментировал ситуацию Хейд, и я не могла с ним не согласиться.

— Может, мне бросить петь? — философски поинтересовалась я.

Этот философский настрой не покидал меня с той минуты, как я вышла из квартиры Рэйнара. Мне хотелось верить, что я найду решение, но решение есть только одно, и я прекрасно это знала. Подчиниться разуму, к которому взывал Аррингсхан — оставить Рэйнара, позволить ему жить своей жизнью и строить карьеру. Пережить все, как советует Хейд, петь и забыть о своем происхождении.

— Ты где? — Агент как-то мигом стал серьезным.

— На верхней аэромагистральной на скорости под сто пятьдесят.

— Ты это сейчас серьезно?

— По поводу аэромагистральной или по поводу бросить петь?

— По поводу бросить петь.

— Не знаю, — честно призналась я.

Когда Вальнар поставил меня перед выбором, я отказалась от него, не раздумывая. Просто потому, что не представляла жизни без сцены. Сейчас мысль о том, что мне придется расстаться с Рэйнаром, казалась дикой, сумасшедшей, невыносимой. Если я откажусь от него, я стану Люси — для Гроу, для публики, для всех, кто сходит с ума от истории «Мир без тебя». Я буду Артомеллой, Ильнир или Триаррис, буду влюбляться, гореть, умирать и снова воскресать, но меня самой уже не будет. Я стану сосудом для голоса.

Возможно, прекрасного, если все сложится наилучшим образом.

Но вне сцены пустым.

— Помнишь, о чем мы с тобой говорили? — неожиданно спросил Хейд.

— Когда ты отпаивал меня кофе и рассказывал про свою группу?

— Помнишь, — удовлетворенно заключил он. — Так вот, вспоминай почаще, когда в голову приходят такие мысли.

— А если бы у тебя встал выбор между группой и той девушкой? Быть

с ней или выступать? Что бы ты выбрал?

— Тогда или сейчас?

— А это имеет значение?

— Наверное, нет.

Хейд помолчал, а потом все-таки продолжил:

— У нас все равно ничего бы не получилось, Леона.

— Почему? Вы оба жили музыкой.

— Как раз потому, что только музыка нас и связывала. И если ее убрать, остались бы просто она и я.

У нас с Рэйнаром было, скорее, наоборот. Пусть именно музыка привела нас друг к другу, но сейчас стояла между нами барьером, как Фервернский хребет.

Связывало нас другое — объятия до полыхающей кожи и ссоры до огненного рычания. Сумасшедшая страсть и удивительно хрупкая, как дрожащая на ветру паутина, нежность. Сбивающееся дыхание и шепот, долгие разговоры, которых может быть еще очень много, и падающие в небо звезды.

Боль и прощение.

Так мало времени вместе... И последний взгляд, от которого до сих пор горело огнем внутри.

— Но ты же хоть раз задумывался о том, что могло бы быть, если...

— Нет, — хмыкнул он. — Ни разу.

А я буду думать об этом всю жизнь.

Эта мысль меня пронзила так, что я почувствовала, как зашло сердце. Представила, как могла бы сложиться жизнь Хейда, не уйди его девушка к другому. Возможно, он бы сейчас играл в составе известной группы, гремевшей на всю Аронгару. А может, совмещал бы карьеру агента с выступлениями.

Наверное, у каждого в жизни есть человек, способный разрушить тебя до основания.

Своим уходом.

— Куда теперь? — спросил Валентен, когда я попрощалась с Хейдом.

— Домой.

Кажется, с облегчением вздохнули и капитан, и водитель.

— Леона! А мы тут с Рольгеном в аэрогонки режимся. — Танни вылетела мне навстречу, стоило открыть дверь. — Я его сделала!

Лидс появился в дверях следом за сестрой, и я помахала ему. То ли мы просто давно не виделись, то ли он выглядел еще моложе. Или общение с Танни на него так действует.

— Привет, — сказала я, привычно оттесняя обтирающего меня Марра. — Спасибо, что задержался.

— Ерунда. — Он махнул рукой и потянулся за курткой. — Надеюсь, скоро увидимся.

— Взаимно.

— Лузер, — заявила Танни и сложила руки на груди.

У Рольгена дернулась щека, но он лишь пожелал нам доброй ночи и вышел.

Я закрыла дверь.

— Что это только что было? — поинтересовалась у сестры.

— А что? Он продул.

В другое время, наверное, я бы объяснила. Но сейчас нам предстоял гораздо более серьезный разговор.

— Ты чего на меня так смотришь? — нахмурилась Танни. — Лодингер что-то еще выкинул?

— К счастью, нет, — ответила я. — Как ты смотришь на то, чтобы временно переехать в Скай Стрим?

Невысокая полненькая ассистентка только руками развела, когда я поинтересовалась, где Гроу. Специально приехала пораньше, потому что поговорить с ним хотелось до начала репетиции и наедине, но он в лучших традициях первого дня задерживался.

— Так дайте мне его номер! — в сердцах воскликнула я, когда девушка отказалась звонить и узнавать, когда он будет.

— Он никому не дает свой номер, — сухо отрезала секретарь, наградив меня колючим взглядом.

Круто!

Интересно, и как Гроу лично обо всем предупреждать, если найти его можно только по следам угасающих в ночи фар?

Дабы не сорваться на ни в чем не повинных девушках, развернулась и направилась к выходу. Но не в сторону гримерных, где могла столкнуться с коллегами, а в фойе, откуда для любого зрителя начиналась Мэйстонская опера.

В Зингсприде все было стилизовано под классику, а здесь... за старым фасадом скрывался ультрасовременный интерьер. Дневной свет проникал сквозь изломы окон и каплевидный прозрачный купол. Повсюду крохотные светильники, которые напоминали звезды. Во время представлений они не столько освещают, сколько искрятся в лучах витых спиралей и центральной 3D-люстры в виде спящего дракона. Но главная достопримечательность

театра — стена-водопад. Сейчас это было просто толстое стекло во всю стену у главных лестниц и лифтов. Но когда раскроются двери для публики, хлынет вода, и в лучах подсветки на ней будут «оживать» легендарные исполнители и сцены из постановок.

Я снова буду одной из многих, кто войдет в эти двери через центральный вход.

И уже никогда — через служебный.

Не стоит тешить себя мыслью, что я смогу вернуться через два, три или четыре года. Уйти из постановки за несколько недель до начала репетиции — еще полбеды. Я не была уверена, что смогу петь в четырех стенах, не задохнусь на первом же куплете.

Когда тебя никто не слышит, говорить нет смысла.

А петь — тем более.

— Леона! Вот ты где! — Тарина подлетела ко мне так неожиданно, что я вздрогнула.

Солнечные лучи запутались в рыжих прядях, и те сверкнули медной проволокой.

— Мне секретарь сказала, что ты приехала. — Она сжала мою руку и заглянула в глаза. — Слушай, по поводу вчерашнего... я просто хочу, чтобы ты знала, что для меня ничего не изменилось.

Я улыбнулась.

— Что, даже не спросишь, что произошло?

Она покачала головой.

— Нет. Зачем? Я и так знаю, что ты не могла сделать ничего такого, что о тебе говорят и пишут.

Да, за ночь понаписали еще больше, но к этому я уже относилась как-то удивительно спокойно. Видимо, по сравнению с тем, что мне предстояло, «комплименты» по поводу Лодингера казались чем-то незначительным. Несмотря на заявление Рэйнара, скандал все равно раздули, так что оставалось либо расслабиться и не получать удовольствие, либо рвать на себе волосы. Я предпочла первое.

— Ты поэтому в примерную не идешь? — спросила Тарина, когда мы направились к лестнице.

Я неопределенно пожала плечами.

— Но это же глупо! Думаешь, кто-то из нас тебя осуждает?

— Нет, — сказала я. — Не думаю.

И это была чистейшая правда. Поразительно, но решение отказаться от Люси выбило все мысли из головы, и я не думала о реакции коллег. Только сейчас осознала, как было бы больно, если бы кто-то из них цедил

слова сквозь зубы, как секретарь Гроу, или прятал глаза, как его ассистентка. С опаской и раздражением.

За две недели, что мы были знакомы, Инис, Нерхан и Бентри... люди, которые ради меня готовы были отказаться от постановки и рискнуть своей профессиональной репутацией, стали для меня семьей. На совместных обедах и пойманных во время репетиций улыбках, в переглядываниях и жестах, комментирующих команды Гроу или поведение Юммера, мы удивительно сблизились. Поэтому я действительно не представляла, что кто-то из них от меня отвернется.

Но сегодня я приехала сюда, чтобы отвернуться от них.

И это тоже было больно.

Тарина не догадывалась об истинной причине моего уединения, поэтому только тепло улыбнулась и сжала мою руку.

— Тогда пойдем.

И мы пошли. До репетиции еще оставалось достаточно времени, хватит на то, чтобы все им сказать. Я рассчитывала сначала переговорить с Гроу, но с Гроу не получается, поэтому сначала сообщу им. Не знаю, что они подумают обо мне после этого, но, наверное, так будет лучше. Сомнительная реклама певицы, столкнувшей людей и ирлланцев, вряд ли принесет постановке пользу.

И это была еще одна причина, по которой я собиралась отказаться от Люси.

Пусть лучше ее поет Кларин Сиддэрли. Любимица публики, а не та, кто, по мнению большинства, сломала подростку жизнь.

До гримерной мы дойти не успели, точнее, почти дошли, когда столкнулись с Юммером. Тот остановился, словно в невидимую стену влетел, а потом его лицо исказила презрительная гримаса. Честно, я и в лучшие дни обходила его стороной, сейчас же сделала вид, что его просто не существует. Тарина решила последовать моему примеру, но стоило нам поравняться, как Юммер процедил, словно сплюнул:

— Ну и как ты с этим живешь? Кошмары не мучают?

— Заткнись, придурок, — прошипела Тарина, прежде чем я успела сказать ему, куда он может идти в обнимку со своим мнением. Щеки у нее полыхали от гнева.

Юммер скривился.

— Что, нравится задницу ей лизать? — ухмыльнулся он. — Надеешься выслужиться?

Ладонь обожгло, пощечина вышла звонкой и эхом разлетелась по пустым коридорам. В следующий миг Юммер схватил меня за запястья и

толкнул к стене с такой силой, что из груди выбило воздух, а затылок взорвался болью. Сквозь звон в ушах оглушительно завизжала Тарина, дверь ближайшей гримерки распахнулась. Следом вторая.

— Юммер, хватит! — рявкнула Инис, но он даже на нее не взглянул.

— Так уверена в своей безнаказанности? — прошипел он. — Считаешь, что тебе все сойдет с рук?

Я спокойно взглянула ему в лицо. Смазливая физиономия пошла красными пятнами, его просто перекосило от гнева, и он стал похож на самца прицки. Поразительно, а я ведь когда-то считала этого парня красивым. Когда смотрела на афиши.

— Руки убрал, — сказала просто.

И холодно.

Красные пятна залила бледность, но пальцы он все-таки разжал, особенно когда к нам шагнул Бентри Хиггинс. Расправил плечи и прошипел:

— Подстилка. Правящего.

Тарина ахнула и приложила руку ко рту, Юммер обернулся, открывая мне обзор, и встретился с кулаком Гроу. В прямом смысле: тот впечатался ему в нос с таким смачным хрустом, что даже я вздрогнула. Второй удар пришелся под дых и свалил певца под ноги побледневшей Кармине. Схватившись за залитое кровью лицо, он то ли взвыл, то ли выругался, но из-за невнятного бульканья даже уши не хотелось прикрыть, ничего не было понятно.

— Совсем фдуфел? — захлебываясь, прохрипел он. — Ты мне нос сломал.

— Свободен, Олли. Навсегда. — Гроу развернулся к остальным и поинтересовался: — Еще у кого-то из присутствующих есть с этим проблемы? Самое время сказать об этом сейчас.

Проблем не было.

— Тогда собираем свои потрясенные задницы и выносим их на сцену.

— Ты пожалеешь! — хлюпнул Юммер с пола.

— Уже жалею. — Гроу стряхнул руку. — Платок у кого-нибудь есть?

Платок нашелся у Инис.

— А... кто будет петь Стена? — задала в общем-то логичный вопрос Кармина.

— Я, — хмыкнул Гроу и сунул руки в карманы, одна была перетянута платком. — Еще вопросы?

Вопросов тоже больше не было. Пока все (включая меня) подбирали челюсти, а Юммер себя с пола, Гроу повернулся ко мне.

— Ладэ. О чем ты хотела поговорить?

Хотела сказать, что это лучше обсудить наедине: я больше не смогу петь, и мне очень жаль, что Люси из меня не получится... Но столкнулась взглядом с Инис. С Бентри. С Мерхеллом.

С раскрасневшейся Тариной, которая смотрела на Юммера так, словно не прочь была ему добавить. С Юммером, который открывал и закрывал рот, как бериджар, выброшенный на берег. И только потом — с Гроу. В темных глазах горели зеленые искры и застыл вопрос, адресованный мне.

— Уже ни о чем, — сказала я.

И пошла за остальными в гримерную.

— Леона, ты как? — Инис коснулась моей руки.

Я посмотрела на себя в зеркало, цвет лица у меня сейчас поразительно гармонировал с цветом волос. В смысле почти не отличался от пепельно-платинового.

— Да, — ответила я и стянула куртку.

После моего ответа на меня посмотрели уже внимательнее.

— Воды хочешь?

Я кивнула, и Инис наклонилась к кулеру, наливая холодной в пластиковый стаканчик. Кармина скривилась, вздернула нос и вылетела за дверь, следом за ней выбежали девочки из команды Юммера. Хотя ее, наверное, можно считать расформированной.

Эта мысль заставила сдавленно хихикнуть.

— Пей. — Инис решительно сунула стакан мне в руки. — И не обращай внимания. Они и раньше шипели, призвание у них такое.

Я булькнула, потому что следующий смешок сорвался прямо в воду. Чувствуя, что у меня начинается истерика, допила залпом и сделала несколько глубоких вдохов. Сейчас я, как никогда отчетливо, осознала, что не могу подвести их или не могу подвести Рэйнара. Третьего не дано. А еще, кажется, до меня потихоньку начинало доходить, что петь я теперь буду с Гроу.

И не только петь.

Если меня перетряхнуло от единственного поцелуя, что же дальше-то будет?

И как это воспримет Рэйнар?

— Лео-нааа! — Тарина ткнула меня в плечо. — Вернись к нам!

Я вернулась, тем более что уже пора было идти на репетицию. Для вида порылась в сумке и поднялась.

— Ну что, идем?

На меня как-то странно покосились, но ничего не сказали.

— Уверена, что сможешь петь? — спросила Инис, пока мы шли.

Снова кивнула, хотя вообще ни в чем не была уверена. В ушах звенело, а коридоры перед глазами то расплывались в затуманенные рукава, то снова собирались в четкую картину, резкости которой могла позавидовать самая современная плазменная панель.

— У нас осталось три дня на прогон сцен, до которых мы еще не добрались, и тех, что идут сложнее всего. — Сунув руки в карманы, Гроу раскачивался с носков на пятки. — Со второй половины недели начнем все заново. Если очень повезет (а нам повезет, потому что я обещал содрать с подрядчиков неустойку в размере с их жирные задницы за любой день задержки), со следующей сможем работать на основной сцене в декорациях и со спецэффектами. Еще через неделю предпоказ. Наша премьера открывает сезон после Смены Времен, поэтому готовьтесь к тому, чтобы как следует встряхнуть Мэйстон. Вопросы?

Вопросов не было, а в том, что Мэйстон премьера встряхнет, я не сомневалась. Судя по лицам собравшихся, в этом не сомневался никто.

— Поем «Свободу», — заявил постановщик. — И танцуем.

— Опять «Свободу»? — удивилась Кармина. — Мы же еще «Мир без тебя» не пели и похищение.

— Может, местами поменяемся? — лениво осведомился Гроу.

— Нет, — буркнула та.

— Тогда не отнимай у меня время.

Он прищурился и скользнул по мне взглядом: глубоким и темным, как воды Гельеры, от которого бросило в жар. В ушах шумело все сильнее, я упорно пыталась сосредоточиться, но не очень-то получалось. Что-то внутри рвалось на части, словно я наглotalась фейерверков с зажженными фитилями и запила их шипучкой.

Я не могу выбирать между Рэйнаром и Люси.

Не могу.

Просто не могу.

— Ладэ. Мы все будем очень рады, если ты удостоишь своим высочайшим вниманием нас, а не только свой внутренний мир. — Язвительный голос Гроу выдернул в реальность.

Как ни странно, именно это отрезвило. Я вскинула голову и вернула ему яростный взгляд, в ответ он приподнял брови.

— Свобода быть собой. — Я шагнула к нему.

— Свобода быть с тобой. — Он шагнул ко мне и поднял руку.

От голоса — низкого, хриплого, сильного, как волна, потемнело перед

глазами, но я все-таки повторила его жест, и наши ладони соприкоснулись.

— Свобода выбирать дорогу, по которой ты идешь. — Наши голоса слились воедино и взлетели над сценой, когда мы лицом к лицу пошли по кругу.

— Свобода быть другим...

— Таким, как ты хотел...

Его пальцы обжигали, как если бы я взялась за раскаленную ручку, а голоса продлевали друг друга, вливаясь в эхо сплетающихся слов.

— Таким, каким лишь только ты и видела меня.

— Свобода стать живой, взлететь и рухнуть вниз...

Мы разошлись на длину вытянутых рук, чтобы сойтись одним рывком.

— На руки, что всегда готовы подхватить и удержать.

— К тому, кто верит, что... мы сможем мир создать...

— Мир на двоих, в котором нам не доведется потерять. — Ладонь Гроу легла на мою талию, плотнее притягивая к себе. Его голос отзывался во мне так яростно, что я пела или кричала, а может быть, и то, и другое вместе.

— То, что горит в груди!

— То, что сжигает нас...

— Когда расходимся мы даже на один короткий час.

Он вел в этом танце столь уверенно, что я даже не думала о том, в какую сторону сделать шаг, как бывало с Юммером. Просто повторяла линии Гроу, подчиняясь заданному ритму.

— Или на миг, что я... не чувствую твой взгляд...

— Когда мы просто смотрим друг на друга и молчим...

Его ладони скользнули по моим щекам, легли на плечи, повторили изгиб талии. Щетина под пальцами была обжигающе-колючей, но взгляд зеленеющих глаз пронизывал большее. Глаз, в которых зрачки превращались в иглы.

— Когда тебя со мною нет, я сам себе не рад...

— Когда нас разделяет расставания едкий черный дым.

— Но больше никогда не разомкну я рук, в которых ты моя. Моя и больше ничего...

— ...Не важно все, что до, что после и вокруг. Сейчас хочу я только... только одного.

— Свободы быть собой, свободы быть с тобой. Свободы выбирать дорогу, по которой мы идем, не размыкая рук. Сейчас и навсегда. Одни для всех, но главное — вдвоем! Одни для всех. Но главное... Вдвоем!

Краткое мгновение тишины показалось оглушающим, его взгляд —

единственное, что меня сейчас держало. Поцелуй — пьяный, сумасшедший — выбил из груди песню. Вместо того, чтобы рвануться к нему, я почувствовала поднимающееся из груди яростное рычание. Отшатнулась под потрясенными взглядами, прикованными к нам. Внутри творилось что-то странное, будто я отхлебнула из проснувшегося вулкана.

— Ладэ! — прорычал Гроу. — Ты зеленого цвета.

— Белого, — поправила я, вспомнив отражение.

И потеряла сознание.

ГЛАВА 14

— Еще раз такое выкинешь, Ладэ, я тебя уволю.

Это было первое, что я услышала, когда пришла в себя. Надо мной плавали высокие потолки с яркими светильниками, а рядом что-то еле слышно пицало. Как выяснилось, «что-то» оказалось аппаратурой, подключенной ко мне с помощью датчиков. Отсоединяя их, высокая, плотного телосложения врач ободряюще улыбнулась и осуждающе покосилась в сторону источника голоса. Сил во мне было как-то удивительно мало, поэтому я просто повернула голову.

— Медпункт, Мэйстонская опера. Добро пожаловать, — заявил Гроу.

На сей раз он обхватил себя руками и смотрел на меня с каким-то странным выражением, понять которое я пока не могла.

Медпункт? Мэйстонская опера?

Воспоминание об относительно недавнем визите в медпункт Зингспридской оперы было настолько ярким, что я подскочила.

— Лежать! — рывкнул постановщик так, что теперь подскочила уже врач, а я рухнула обратно. Исключительно потому, что у меня закружилась голова и в глазах мельтешило.

— Вы не могли бы выразить свои мысли в более вежливой форме? — сухо поинтересовалась она.

— Не мог бы. Вы не могли бы оставить нас наедине? Буквально на пять минут.

— У вас сильнейшее переутомление, — подытожила врач. — Сейчас я подготовлю результаты анализов и очень рекомендую вам себя поберечь в ближайшее время.

Ой, нет. Только не начинайте.

— Не мог бы ты не так сильно орать? — спросила я, когда за женщиной закрылась дверь.

— К вам это тоже относится. — Гроу развернулся на каблуках.

— Нет, — сухо прозвучало из-за спины.

Только сейчас я заметила справа от себя какую-то тень, а источник находился за кушеткой, на которой я лежала. Поскольку молчание было ну очень многозначительным, я все-таки снова приподнялась, на сей раз осторожнее, и обнаружила напарника Терграна, который меня сегодня сопровождал.

Ой.

— Ты почему не сказала, что плохо себя чувствуешь? — поинтересовался Гроу как-то очень вкрадчиво.

— Зачем?

— Зачем? Чтобы не валиться в обморок на глазах у всех. Этот прибежал с вытаращенными глазами. — Он кивнул мне за спину.

Честно, этот разговор казался мне несколько... неловким. Сложно общаться с кем бы то ни было, когда за твоей спиной стоит посторонний и все слышит. А вот Гроу, судя по всему, это вообще не смущало, он оперся ладонями о край кушетки и склонился надо мной.

— Рычать тоже было вовсе не обязательно.

Про рычание вспомнилось только то, что Гроу меня поцеловал, а потом в груди поднялась буря. И это, кажется...

Так.

— Как вас зовут? — Снова повернулась к вальцгарду.

Ростом он был с Терграна, светловолосый, с зачесанными назад полудлинными волосами. Темные глаза смотрели жестко.

— Армас Лармернех.

— Армас, оставьте нас, пожалуйста, наедине.

— Нет.

Я приподняла брови.

— На пять минут.

— Даже на две, эсса Ладэ. Я останусь здесь, пока не приедет местр Халлоран.

Мне как-то резко стало нечем дышать.

— Как вы вообще здесь оказались?

— Камеры, — пояснил Гроу. — Он сидел вместе с охранниками и видел все, что с тобой происходит.

— Оставьте нас, — с нажимом повторила я. — Или когда приедет местр Халлоран, я сообщу ему, что, пока меня душили в коридоре, вы сидели перед экранами слежения.

— Вас никто не душил. — Лицо вальцгарда слегка вытянулось.

— Ну это детали. — Я приподняла руки, где на запястьях после захвата Юммера остались следы. — Вы ведь наверняка должны были ходить за мной по пятам, но решили, что можно обойтись камерами?

Вообще-то я была наугад, но вальцгард посмотрел на меня так, словно не прочь был размазать по кушетке.

— Пять минут, — напомнила я.

Он обошел нас так резко, что порыв воздуха швырнул на лицо выбившуюся из хвоста прядь. Которую Гроу не преминул убрать, легко

коснувшись пальцами моего виска. Удивительно, но это прикосновение больше не вызывало ни жара, ни желания отпрянуть, ни прижаться. Драконица предупредила, дракон понял. А я, кажется, поняла этот сквозной взгляд, которым он меня наградил, — гораздо более глубокий, чем может показаться. Слишком много всего в нем был намешано.

— Я собирался предложить тебе стать моей парой, Ладэ. — Он прислонился к спинке кушетки, теперь я могла видеть только плечи и напряженную спину. — Все выходные об этом думал. О том, что окончательно помешался на тебе.

— Где ты учился петь? — спросила тихо.

Моя драконица приняла мой выбор. Но это не отменяло того, как все внутри содрогалось от бьющего в зал голоса Гроу. В зал, в самое сердце и выше — в небо. Он пел не как любитель, не как Юммер и даже не как Кромах партию Регхарда. Он пел так, что мне хотелось плакать.

И жить.

— Частные уроки вокала. Преподаватель подписал договор о неразглашении, так что я с удовольствием был сам для себя, когда никто не слышит. Или на частных вечеринках, когда надирался, но там все бывают в таком состоянии, что вряд ли могут вспомнить не то что песни, но даже с кем переспали.

— Но почему ты никогда...

— Потому что не было тебя.

Что ж, наверное, нам стоило встретиться хотя бы ради этого.

— Ты правда выйдешь на сцену? — спросила я. — Раскроешь свое лицо?

— Давно было пора это сделать.

— А как же твой отец?

— Меня мало беспокоит мнение того, кто пытался меня задушить.

Он повернулся и оказался прямо надо мной.

— Ты будешь только моей Люси, Ладэ.

Я хотела ответить, но не успела; дверь распахнулась, и в кабинет шагнул Рэйнар.

Вы издеваетесь, да?

Гроу оттолкнулся от кушетки обманчиво легко, на первый взгляд просто убрал руку. Хотя это больше напоминало движение подобравшегося зверя, и сгустившееся напряжение я ощутила всей кожей. По телу прошла волна ярости, от которой все волоски на теле встали дыбом, взгляд Рэйнара стремительно темнел.

— Пошел вон, — коротко бросил он, шагнув к нам.

— У себя в Лаувайс будешь командовать. — Гроу ногой подтянул стул на колесиках и оперся на спинку. — С высоты драконьего помета и власти, данной тебе городом Мэйстоном и папочкой.

— В отличие от тебя я не привык бежать от ответственности, Гранхарсен.

— В отличие от меня ты даже врезать за свою женщину не можешь.

— Желаете проверить? — холодно, ну очень холодно поинтересовался Рэйнар.

— С удовольствием. Давно не возил физиономией по ковру никого настолько высокопосаженного.

— Здесь нет. Ковра.

— Какая жалость. Но плитка тоже сойдет.

Алое пламя полыхнуло мгновенно, в лицо мне ударил сильный знойный порыв, напоминающий ветер в пустыне. Стул вылетел из захвата Гроу, ударился о стену, и его глаза захлестнула сумасшедшая зелень, взрезанная вертикальными зрачками. В кабинете ощутимо потеплело градусов так на десять.

— Э... можно вас на минуточку? — Я вскинула руку.

— Не сейчас.

— Нет.

Ответ прозвучал одновременно, один — от Рэйнара, другой от Гроу. Напряжение закручивалось между ними в тугие вихри в прямом смысле, потому что даже воздух сгустился и пошел едва уловимой рябью. Стены шкафчика с лекарствами задрожали, графин с водой на столе тоже.

— Вышли оба.

Кажется, это правда сказала я. По крайней мере, голос точно принадлежал мне, а вот что за существо в меня вселилось, понять было сложно. Именно оно толкнуло в спину, заставляя расправить плечи и сесть на кушетке. Видеть себя я сейчас не могла, но подозревала, что льда в голосе и глазах хватило на весь Ферверн. И даже Аронгаре чуть-чуть досталось, потому что, казалось, в кабинете снова можно было нормально дышать.

— Мне только что было плохо. Очень плохо, но я понимаю, что вам жизненно важно выяснить, кто из вас круче. Поэтому можете возить друг друга чем угодно, где угодно и по чему угодно. Только не здесь.

Рэйнар медленно перевел тяжелый взгляд на меня. Странно, но даже под ним было легче, чем несколько мгновений назад, когда они смотрели друг на друга. Я чувствовала, как усаживается пламя изначальных стихий, продолжая смотреть ему в глаза.

— Благодарю, — сказала я и откинулась на спинку кушетки.

— Жду тебя завтра на репетиции. — Гроу махнул рукой и направился к двери. — Выспавшуюся и отдохнувшую. Сунешься на сцену сегодня — уволю.

Он не остановился и не обернулся, просто вышел, и только тогда Рэйнар шагнул ко мне. На этот раз голос его прозвучал глухо:

— Прости. Я не должен был.

— Не должен. Вот именно. — Мой дрогнул, но я усилием воли вернула его в прежнее состояние, которое помогло продержаться в самом начале. Если тогда помогло, значит, и сейчас сработает. — Не должен был, Рэйнар. Дороже тебя у меня нет никого. Ты мое дыхание и моя жизнь. Когда мы расстаемся, я закрываю глаза и представляю тебя. Я пою для тебя, я не хочу больше представлять, каково это — без тебя. Но там... — Я указала на дверь. — Люди, которые в меня верят. Люди, у которых скоро премьера. И для многих из них она станет прорывом. Там часть моей жизни. Очень важная часть, и если ее убрать, останусь... я, но уже не та, которую ты когда-то знал.

Удивительно, но, несмотря на бушующие внутри эмоции, мне до сих пор удавалось говорить спокойно. Настолько, что я сама поражалась себе.

— Вчера я собиралась уйти, — сказала тихо. — Уже решила. Предупредила Танни о переезде в Скай Стрим и хотела поговорить с тобой сразу после того, как уволюсь. Но сегодня посмотрела им в глаза и поняла, что не могу бросить их, не могу разрушить все, что мы создали вместе. Скажи, эта постановка действительно может тебе помешать? Действительно...

На последнем слове голос все-таки сорвался, а на глаза навернулись слезы. Впрочем, и голос, и слезы я сдержала и отвернулась. На миг. Чтобы скрыть то, что уже давно стало явным. Без слов.

— Может повредить твоей репутации? — твердо закончила я, проглотив ком в горле.

И посмотрела на Рэйнара, ожидая ответа.

Слов не последовало: вместо них меня просто обняли, зарывшись лицом в волосы. Так крепко, что я не могла даже вздохнуть.

— Пламя мое, — выдохнул он. Скользнув горячим дыханием по шее, отчего кожа сразу покрылась мурашками. — Я схожу с ума, когда вижу тебя рядом с другими мужчинами. Ничего не могу с собой поделать, Леона, это выше моих сил.

— Мне не нужны другие, Рэйнар, — сказала тихо. — Только ты. Я твоя, насколько это вообще возможно. Твоя... наверное, с той самой

минуты, когда впервые увидела тебя. Просто я так отчаянно этому сопротивлялась, так отчаянно бежала от этого чувства, что даже моя звериная суть не верила в то, что у нас что-то получится.

— А теперь поверила? — глухо спросил он.

Я слабо улыбнулась и все-таки подняла голову.

— Ты разве не чувствуешь?

Замерла, прислушиваясь к уютному чувству близости, и... с головой окунулась в странный, исходящий от дракона холод. Холод, эхом отозвавшийся во мне.

— Рэйнар, — прошептала взволнованно. — Что случилось?

Он помолчал (не выпуская меня из объятий), но потом все-таки произнес:

— Совет вынес решение о пожизненной таэрран. Для тебя.

У меня пропал голос.

И не только голос, пропало вообще все, включая даже мысли, — на время. Я обхватила себя руками и уставилась в одну точку. Сердце внутри диковато подпрыгивало, в такт рвано выскакивающему по кусочкам осознанию.

Пожизненная таэрран.

Огонь, запертый навсегда.

Никогда больше не почувствовать струящееся сквозь пальцы тепло, не отправить призыв, не услышать отзывающегося на него зверя — могущественного и первозданного, как пламя, как огненное сердце Аронгары, как наш мир.

— Когда? — хрипло выдохнула я.

— Не важно.

— Не важно?

— Я этого не допущу.

Было что-то такое в его голосе, а может быть, в его взгляде — хищное, настолько звериное, даже жестокое, что я вдруг отчетливо поняла: не допустит. Любого сожжет, кто попытается ко мне подойти, причем не уверена, что не в прямом смысле этого слова. Холод, который я почувствовала минутой раньше, предназначался не мне. Им. Всем, кто принял такое решение.

— Рэйнар. — Я коснулась его окаменевшей руки. — Ты хочешь оспорить решение Совета?

— Нет. — Он сжал мои пальцы. — Все, что мне нужно — использовать право последнего слова.

— Право последнего слова?

— Последнее слово правящего, на чьей территории все произошло. Отказываясь принять решение Совета, я беру ответственность за последствия на себя.

— То есть как?

— Случись ситуации с Лодингерами перерасти в серьезный конфликт между иртханами и людьми, таэрран буду носить я.

Мне резко стало нечем дышать.

— Но ты же не сможешь управлять городом.

— До этого не дойдет.

Ноздри его едва уловимо шевельнулись, я же в очередной раз лишилась дара речи.

— Нужно было размазать Лодингера до того, как все это началось. Но уничтожить его тогда можно было только через твою сестру, Леона. Вытряхнуть, вывернуть всю ее жизнь наизнанку, включая то, что Лодингер с ней сделал. Когда мы говорили с Тани в Зингсприде, она держалась отлично, но глаза не спрячешь. И то, что я увидел в них, меня остановило.

Внутри заворочался холод, точь-в-точь такой же, как исходил от него, только на этот раз он принадлежал мне. До сих пор не укладывалось в голове, что это происходит со мной. С нами.

— Когда только успели? — резко поинтересовалась я и пояснила: — Совет.

— Совещание собирали экстренно, — произнес он. — Вчера состоялась видеоконференция.

Вспомнились слова Шахррейна о том, что это — ответственность всех иртханов, и в груди похолодело еще на несколько градусов.

— Стоунвилл постарался?

— Аррингсхан.

Че-го?

— Он внес предложение запереть твой огонь. — Рэйнар говорил жестко, не глядя на меня. — Чтобы люди знали о том, что они защищены. Знали, что иртханы не допустят подобного произвола.

— Из-за того, что случилось с Миком?

— Из-за того, что случилось в школе. Они не ставят под сомнение факт, что Мик сошел с ума по другой причине. Аррингсхан хочет показать всему миру, что мы не злоупотребляем властью. Поддержали его почти единогласно, мы с Эрраном остались в меньшинстве.

Эрран... кажется, тот правящий, который провожал нас с Аргастель в ложу. Эта мысль задержалась ненадолго. Я не могла поверить в то, что местр Аррингсхан, который говорил мне о силе духа и о том, что сестре со

мной так повезло, поднял этот вопрос. Пазл не складывался, но главным сейчас было даже не это.

Главным был Рэйнар. И только Рэйнар.

— Надень таэрран, — сказала, глядя ему в глаза. — Прямо сейчас.

— Нет.

Я резко села на кушетке.

— Ты разве не понимаешь, что именно этого они и добиваются? Чтобы ты подставился из-за меня.

Неожиданно он улыбнулся:

— Понимаю.

— Но я этого не хочу!

— Я сейчас одного не пойму, Леона, — неожиданно серьезно сказал он. — Ты правда думаешь, что я могу это сделать? Лишить тебя пламени?

— Можешь. И сделаешь. Как правитель, ты обязан это сделать. Или ты хочешь подарить город Шахррейну с Ирргалией? За что ты так с мэйстонцами?

Попыталась улыбнуться, но мешали подступающие слезы, которые я старательно сдерживала.

— Так... — Рэйнар подтянул меня к себе, устроив между коленями. — Похоже, кто-то здесь сомневается, что я смогу во всем разобраться.

— Ни на минуту не сомневаюсь, — ответила серьезно. — Но ты все равно идешь против Совета. Против местра Аррингсхана. Вряд ли им это понравится.

— Это я как-нибудь переживу. — Он усмехнулся. — Главное, что мы будем вместе.

Вот теперь слезы все-таки навернулись на глаза.

— Ты знаешь, что местр Аррингсхан хотел предложить твою кандидатуру на пост Председателя? — использовала последний аргумент.

— Неужели? — Рэйнар был удивлен.

— Он говорил, что хочет рекомендовать твою кандидатуру в противовес Стоунвиллу.

— Ты веришь всему, что тебе говорят, Леона?

Я почему-то почувствовала себя маленькой и глупой.

— Ему я верила, — сказала серьезно.

— Меня определенно радует прошедшее время. — Рэйнар провел рукой по моим волосам, пропуская пряди сквозь пальцы. — Аррингсхан всегда поддерживал Стоунвилла.

Сил удивляться этому факту во мне уже не осталось.

— Почему ты мне сразу не сказал?

— Я многое тебе не рассказывал. Но я исправлюсь. Обязательно. — Он внимательно посмотрел на меня.

— Долго же тебе придется исправляться.

Рэйнар прищурился.

— Не бери в голову. — Я обхватила его за талию и уткнулась лицом в грудь. — Ты поэтому хотел меня в Скай Стрим посадить? Из-за решения Совета?

— В том числе. Я не прощу себе, если с тобой что-то случится.

Я подняла голову, чтобы заглянуть в темнеющую зелень глаз.

— Со мной ничего не случится, Рэйнар, — сказала тихо. — Потому что ты меня защитишь. Именно ты, а не Скай Стрим.

На миг зрачки его расширились, чтобы сомкнуться в два едва различимых прокола. Он наклонился, чтобы меня поцеловать, но я приложила палец к его губам.

— Обещай, что никогда больше не назовешь то, что я делаю, идиотским.

Рэйнар замер, но я терпеливо ждала. В конце концов, ему надоест стоять «гордым подъемным краном».

— Обещаю.

— И что никогда больше не будешь ревновать.

— Этого я тебе обещать не могу, — произнес он и сдернул меня с кушетки так резко, что закружилась голова.

Оказавшись впечатанной в широкую грудь, из последних сил уперлась в нее ладонями.

— Тогда обещай, что никогда больше не позволишь ревности встать между нами.

— Если пообещаешь не давать мне повода.

— Без условий никак, конечно, — нахмурилась я.

— Никак, — выдохнул он мне в губы.

— Ладно, куплю огнеупорный костюм и на публике буду появляться только в нем.

— Леона! — Рык был такой, что шкафчики зазвенели.

— Обещаю, — прошептала я.

Не выдержав, сама поднялась на носочки, чтобы коснуться губами жестких и таких желанных губ. Чувствуя, как рушатся последние барьеры, как прерывается дыхание, как сквозь нас течет пламя. Высокое, яростное, чистое.

Одно на двоих.

— Я. Не хочу. В Скай Стрим!

— Танни!

— Я уже шестнадцать лет Танни. И что?

Сестра сложила руки на груди и привалилась к столешнице. Взгляд ее однозначно говорил о том, что просто не будет.

— Я думала, вчера мы все обсудили.

— Вчера мы обсудили, что переезжаем вместе. Серьезно, Леа! Что я там буду делать одна? Целыми днями отмокать в джакузи или проходить курсы хороших манер?

— Последнее тебе бы не помешало.

Танни скорчила рожу и высунула язык.

— Ты сможешь рисовать. И готовиться к поступлению, вместо того чтобы тратить время на непрофилирующие предметы.

Сестра вскинула руку.

— Это. Нечестно!

— Подумай, сколько у тебя будет возможностей. — Кажется, я поняла, чем ее можно зацепить. — Подготовить документы и портфолио для заявки на грант. Слушать музыку на полную громкость...

— Ой ли?

Танни прищурилась.

— Да. Все, как ты любишь, для вдохновения. Там по этажу можно на флайсоцикле кататься, и никто не заметит.

— А Смена Времен?

— Что — Смена Времен?

— Я собиралась отмечать с Имери и остальными! Помнишь?

Мысленно застонала.

— Что плохого, если Смену Времен мы отметим вместе? А на следующий день встретишься с друзьями, как собиралась.

Сестра сложила руки на груди.

— Ты мне одно скажи, Леа: у меня вообще выбор есть?

Я вздохнула.

— Нет.

— Так я и думала.

Танни прошла мимо меня. Судя по звукам, по лестнице она взлетела, прыгая через две ступеньки.

— Виу! — Марр боднул головой мою руку.

— Виу, — подтвердила я и села рядом с ним на пол.

По-хорошему, мне действительно стоило отдохнуть, но было некогда: надо собираться и решать текущие вопросы. С Рэйнаром договорились так,

что Танни переедет в Скай Стрим, а мы с Марром к нему. Сестра будет осваивать школьную программу и сдавать контрольные тесты дистанционно, в выходные дни я смогу ее навещать. Во всяком случае, пока все окончательно не уляжется. По этому поводу мне еще предстояло переговорить с директором, точнее, с исполняющим обязанности, но... Честно говоря, я сама не хотела отправлять Танни в Скай Стрим.

По большому счету она права, здесь вся ее жизнь, даже уроки и школа, от которых временами так хочется отдохнуть. И ее не заменит свободное время и возможность посвятить себя любимому делу, но... Меньше всего мне хотелось, чтобы эта история ее зацепила. Встречающий у школы Рольген — это хорошо. А вот если охрана станет сопровождать Танни по коридорам, как меня, вряд ли ее жизнь можно будет назвать спокойной. Даже во взрослом коллективе на это реагируют неадекватно (некоторые вроде Юммера), что уж говорить о подростках.

Так и ходила я вокруг двух этих «но», пытаюсь разобраться, что перевешивает и как правильно поступить. Оказывается, сделать правильный выбор гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

— Ладно. Пойдем дальше складывать сумки, — вздохнула и поднялась.

Марр потопал за мной, тоже тяжело вздыхая: еды не дали.

— У тебя скоро будет подружка, — сказала ему, когда мы поднимались по лестнице.

— Вррр?

— С характером.

Виар хлопнул крыльями, зацепив перепонкой мои джинсы.

— С очень непростым характером, но думаю, вы поладите. Даже мы с ней нашли общий язык.

То есть меня повысили до подставки для хвоста и прочих конечностей Эрристарны Менгар Лоргхен Третьей.

Лоргхен... Норгхар... Гранхарсен. И почему настоящая фамилия Гроу кажется мне знакомой?

В спальне сейчас царил беспорядок. Примерно такой, как в дни, когда мы только сюда переехали. Остановившись в центре комнаты, неожиданно замерла. Прикрыла глаза, вспоминая, как впервые вошла в квартиру с риелтором.

— Здесь очень светло. — Женщина улыбнулась и подошла к окну. — Прекрасный вид на город, школа неподалеку... к тому же приемлемое соотношение цены и качества. Дешевле такое жилье вы уж точно не

найдете...

Она продолжала говорить, но все это было уже не важно. Я поняла, что влюбилась в эту квартиру с первого дня, как перешагнула порог. В эти высокие потолки и первый этаж с просторным холлом, перетекающим в гостиную, в большую кухню. В лестницу, ведущую на второй этаж, из стекла и металла. Риелтор рассказывала о преимуществах, а я уже представляла, что и куда поставлю. Как уютно здесь будет.

Пусть эта квартира никогда не была моей по-настоящему, но она была...

Нашим с Танни и Марром гнездом, куда хочется возвращаться. Миром, который впервые за долгие годы я могла позволить себе обустроить так, как хочу.

И вот сейчас... сегодня я собирала вещи, чтобы оставить ее навсегда.

— Дурная я, правда? — сказала в шею Марру, шмыгая носом. — Вот совсем дурная.

Виар завирчал и плюхнул лапу мне на колени. И тогда я заревела уже по-настоящему, выбрасывая накопившиеся за последние дни напряжение и страхи. Я плакала до тех пор, пока не начала икать, но, к счастью, свидетелем моего позора был только Марр. Видимо, гормональный фон моей драконицы окончательно дал сбой. Так мы и сидели бы среди сумок, разложенных на кровати и по полу вещей, если бы включенный ноутбук не запиликал, кто-то очень не вовремя решил со мной пообщаться.

Ну очень не вовремя. Упаковки салфеток поблизости не наблюдалось, поэтому я быстро вытерла остатки слез рукавами и замерла, глядя на вызывающий номер.

Звонили из Зингсприда.

Вэйлар Рингисхарр.

Сначала я хотела не отвечать, но потом все-таки подтянула стул и, глубоко вздохнув, нажала «принять вызов».

— Здравствуй, Леола.

Неловкость со встречи в Зингсприде никуда не делась, напротив. Сейчас я ощущала ее намного сильнее.

— Добрый день, местр Рингисхарр.

Он поморщился.

— Мне казалось, мы были на «ты».

— Мне тоже так казалось. — Спокойно встретила его взгляд.

Как ни странно, даже прятать покрасневшие глаза не хотелось, и прятаться тоже. Возможно, дело было в Аррингсхане, который так долго убеждал меня в своей лояльности, а потом предложил запретить пламя на

всю жизнь. Хотя, может быть, мне просто надоело думать о том, кто и почему считает меня недостойной.

— Послушай, это было грубо. Очень грубо с моей стороны. — Истинный вздохнул. — Просто я увидел таэрран и...

— Вы вовсе не обязаны что-либо объяснять.

— Обязан. — В непривычно мягкий для иртхана голос ворвались рычащие нотки. — Извини. Я прошу прощения за то, как вел себя при встрече, и действительно хочу все объяснить. Уделишь мне пару минут?

Вэйлар смотрел на меня очень внимательно из своего кабинета в Зингсприде, ожидая ответа. Пожала плечами, но отказывать не стала.

— В моей семье надевать таэрран было не принято, — огорошили меня первым же заявлением. — Отец считал это дикостью, и я с ним согласен. Поэтому, когда я увидел тебя с ней, пришел в бешенство.

Если честно, представить Вэйлара в бешенстве было еще сложнее, чем иртханов, которые считают таэрран дикостью. То есть я почему-то думала, что в их мире это в порядке вещей. Получается, не для всех?

— Для меня это оказалось слишком, тогда я даже представить не мог, что... — Вэйлар замолчал, будто подбирая слова, но потом все-таки продолжил: — Я только что узнал о решении Совета, Леона, и я хочу предложить тебе свою защиту. И помощь.

С губ сорвался надсадный смешок. Один уже обещал помочь, взамен решил надеть на меня пожизненную таэрран. Сама не подозревала, что во мне может быть столько горечи.

— Как? — уточнила я.

Должно быть, весь скепсис отразился в голосе, потому что Вэйлар нахмурился.

— Отец Карин работает в дипломатическом корпусе. Он поможет вам с сестрой обустроиться в Лархарре и возьмет на себя обеспечение вашей безопасности.

Были бы во мне силы, удивилась бы. А так только сложила руки на груди.

— Предлагаешь политическое убежище, Вэйлар? Но я не преступница. Я уже ответила за свой поступок, и ты был этому свидетель. Ты и все остальные.

Вэйлар нахмурился еще сильнее.

— Я такого не говорил, Леона. Просто предложил тебе выждать время, пока у правящих мозги на место не встанут.

— А если не встанут? — Притихшая боль заворочалась с новой силой. — Если они решили принести меня в жертву, вряд ли что-то

изменится через два-три месяца. Да даже через год. Случись мне сейчас уехать, вернуться я уже не смогу. А я не хочу бежать и прятаться, Вэйлар. Пусть даже от кучки стариков, возомнивших себя правителями мира.

— Леона, ты просто не понимаешь...

— Да нет. Я все отлично понимаю. — Оттолкнулась от стола и поднялась, приблизив лицо к глазку камеры. — И ты понимаешь это не хуже меня. От кого ты, говоришь, узнал о решении Совета?

От такого напора истинный явно опешил, но остановиться я уже не могла.

— Вы же избавитесь от меня так или иначе. Совет, местр Аррингсхан, ты и тебе подобные. Или нацепив таэрран, или вышвырнув из страны. Потому что я бросила вам вызов уже тем, что родилась. Полукровка, способная призвать дракона. Полукровка, которая создает слишком много проблем и может пошатнуть ваш хрупкий мирок с чистой драконьей кровью. Тяжело вам там живется, правда? С такой непосильной ношей?

Глаза Вэйлара расширились, но я уже нажала отбой и резко захлопнула крышку ноутбука. Внутри что-то царапалось, как тщетно пытающийся вырваться из оболочки яйца дракончик, который пока еще слишком слаб. Царапалось ощутимо, и от этого хотелось выть и сжимать ладони так, чтобы ногти впивались в кожу до боли. Я не просила об этом, да что там, я вообще не знала, что во мне течет кровь ирлханов. И не узнала бы, не случись Рэйнару оказаться в Ландстор-Холле. Но теперь я ни за что не откажусь от того, чем наградили меня родители. И пусть мне даже не суждено узнать их имен, я буду достойной их. Мамы и отца, бросившим вызов этим высокомерным снобам и позволившим мне дышать, любить и петь. Однажды я призову дракона в пустошах, и они об этом узнают. Все до единого, начиная с местра Аррингсхана.

От души пнула ни в чем не повинную сумку, она упала, и содержимое рассыпалось по полу.

Достали!

«Вы всегда можете на меня рассчитывать».

«Я хочу предложить тебе свою защиту».

Спасибо, не надо.

— Прости, Марр, — сказала, глядя в янтарные глаза. Впрочем, он, похоже, был не против: подцепил когтем коробочку с леденцами и потянул к себе вроде бы как случайно. Я даже отнимать не стала.

Сгребла все рассыпавшееся, затолкала обратно. Ключи с брелком закатились под кровать, пришлось лезть за ними. Собиралась я быстро, особо не заботясь о том, что большую часть вещей позже придется

отпаривать, чтобы привести в приличный вид. Платья для выступлений сложила на кровать прямо в чехлах, остальное распихала по сумкам. Когда все было упаковано, я направилась к сестре.

Постучала.

— Танни, можно войти?

Тишина.

— Танни?

Приоткрыла дверь, сестра лежала на кровати, рядом валялись наушники и планшет. Она смотрела в потолок, чемоданчик с модным ярким принтом по-прежнему лежал у стены, Танни даже не начинала собираться.

— Тебе помочь?

Сестра пожала плечами.

— Послушай...

— Я поняла, Леа. Сейчас соберусь. — Голос ее звучал бесцветно.

— Танни, в чем дело?

— А ты не понимаешь? — Она села на кровати.

— Нет, — покачала головой.

— Мы сейчас расходимся навсегда. У тебя будет новая жизнь, и это круто. — Танни скомкала в руках свободные домашние штаны. — Круто, правда. Я очень за тебя рада, точнее, за вас. Но мне в этой жизни места нет.

Так...

— Танни, я понимаю, что перемены — это всегда сложно.

Да это даже для меня сложно. Очень.

— Ты помнишь, что я тебе сказала в подземке?

Она усмехнулась.

— Помню. Помню, Леа. Но наивности в тебе, как в новорожденном виаре. Ты всерьез думаешь, что все будет так просто? Они и тебя-то не принимают, что уж говорить обо мне. Для них я всегда буду кем-то вроде Марра или просто девочкой «плюс один». Думаешь, я смогу появляться рядом с тобой на официальных приемах — вроде того юбилея, где ты пела? Разве что в качестве официантки.

Мелодия «Ураганное пламя» ворвалась в тишину, которая повисла между нами.

— Секунду, — сказала я, а Танни горько усмехнулась и развела руками: я же говорила.

Вышла за дверь и привалилась спиной к стене.

— Собрались? — По голосу Рэйнара поняла, что он улыбается. А еще в интонации слышалось нетерпение. Такое родное, жесткое нетерпение:

когда решение принято, исполнение должно состояться безотлагательно.

Удивительно, но стоило услышать его, как на сердце сразу стало тепло.

— У меня тут небольшая... заминка.

— Заминка?

— Танни очень переживает.

Я прошла до конца коридора и включила видеосвязь. Просто очень хотела видеть его лицо.

Он еще в Лаувайс, это я поняла по знакомому интерьеру за спиной. Заглянула в любимые глаза и улыбнулась. Не знаю, что ждет меня дальше, но ради таких мгновений уже стоит бросить вызов обществу ирлландов. Да что там... я бы всему миру бросила вызов, лишь бы быть с ним. И, кажется, уже это делаю.

— Она думает, что мы расстаемся навсегда. Дай мне время, пожалуйста.

— Сколько?

— До завтра.

Рэйнар нахмурился, я уже готовилась услышать возражения: логичные и жесткие, но вместо этого он сказал:

— Я пришлю Терграна.

— Но сегодня же не его смена?

— Дополнительно.

— Хорошо.

Сейчас мне почему-то особенно остро хотелось его обнять. Прижаться к сильной груди и не отпускать уже больше... даже на работу.

— О чем думаешь, Леона?

Я сказала, и взгляд его удивительно потеплел. Наверное, никогда в жизни я не видела его глаза такими солнечными.

— Я это запомню, — мягко отозвался он.

— Запомните, мейстер Халлоран, — ответила я.

Не так уж долго осталось до завтра. Всего одна ночь.

— Я буду скучать.

— Ты сказал это вслух.

— Ты тоже.

Мы попрощались, но я еще несколько минут стояла, прижимая телефон к груди, а потом направилась к Танни.

Когда открыла дверь, сестра сидела у чемодана и складывала вещи. По сравнению с тем, как она это делала, мои сборы можно было назвать идеалом совершенной упаковки: Танни трамбовала все с такой яростью,

что одежду теперь мог спасти только гладильный пресс.

— Первому, кто отправит тебя в официантки, я откушу голову, — сказала я, присаживаясь рядом и расправляя следующую кофточку, чтобы сложить ее по-человечески.

— А второму?

— А второго не будет. Думаешь, кому-то хочется жить с откушенной головой?

— Не хочу тебя расстраивать, но после такого умирают.

— Да ладно?

Танни не выдержала и фыркнула.

— Для этого тебе придется превратиться в дракона. Как твоя Артомелла.

— Артомелла не превращалась в дракона.

— Разве?

— Нет. — Я покачала головой, аккуратно складывая валяющийся на полу комбинезон. — Она просто остановила налет, который спровоцировал ее брат.

— Он что, идиот?

— Ну...

Честно говоря, да. После смерти отца ее брат должен был стать Правителем. По сути, он уже получил все, что хотел, и если бы у него было чуточку больше мозгов, со временем справился бы и с любовью народа к Артомелле, и с нелюбовью к себе любимому. Но он решил, что сестра представляет для него угрозу.

Убийцы Правителя оговаривают Регхарта, и его бросают в темницу, чтобы вскоре казнить. Артомелла в ужасе, но отказывается верить в то, что ее возлюбленный мог так поступить. Она тайком встречается с ним и клянется выяснить, что произошло на самом деле. В тот же вечер к ней приходит жена брата и рассказывает о его коварстве. Говорит, что устала от его деспотизма и жестокости, обещает поддержать ее в доказательстве невиновности Регхарта, но в последний момент усыпляет Артомеллу и передает в руки своего мужа.

Ее тайно вывозят из города, чтобы убить, представив информацию так, будто она была в сговоре с убийцей и хотела скрыться от справедливого наказания. Тем временем ее брат провоцирует налет, чтобы утвердить свою власть. Разумеется, справиться с драконами он не может, и улицы заливают огонь. Регхарт бежит из темницы и успевает спасти Артомеллу до того, как ее «настигнет справедливое возмездие». Она возвращается в горящий город, гасит пламя и уводит драконов за собой,

всех до единого. Жители спасены, но это выпивает все ее силы.

— А правда, что, когда она умерла, ее и Регхарта окружили драконы? — Танни запихнула в чемодан джинсовую юбку и косметичку размером с голову Марра. И когда она успела закупить столько косметики?

— Думаю, правда.

Историю о жене писал Регхарт, но в летописях были и свидетельства горожан. В миг, когда пламя Артомеллы погасло навсегда, их обоих прикрывали драконы. Один за другим они сели рядом с ними и не подпустили воинов ее брата, создав тройное огненное кольцо. Потом, когда все закончилось, жена брата отреклась от него, чтобы спасти свою жизнь, и все-таки рассказала правду о смерти Правителя. Регхарт вызвал брата Артомеллы на поединок и, несмотря на то, что уступал ему по силе, выстоял и победил. Горожане признали его Правителем, после чего он выслал жену убийцы из города, а его самого отправил в пустоши. Что там с ним произошло, история умалчивает, но явно ничего хорошего, ведь он убивал драконов, чтобы вызвать их ярость.

«Она была лучше меня. Я не умею прощать». Так закончил Регхарт историю о своей возлюбленной Аргомелле.

Он правил долго, но больше не женился и наследников не оставил. После него в городе случился передел власти.

Я посмотрела на Танни и коснулась ее руки, а потом порывисто обняла. Прижала к себе, чувствуя, как кончики неровно подстриженных волос щекочут мне щеку.

— Это ненадолго, — сказала я. — Правда.

— Правда? — Она подняла голову и улыбнулась.

— Уже в субботу я снова буду надоедать тебе своим занудством.

— Надоедай, — серьезно ответила Танни.

— И спрашивать, готовишься ли ты к контрольным тестам.

Сестра всерьез задумалась.

— А может, мне их просто поставят, а? Ну, по своим каналам.

Судя по довольному выражению ее лица, у меня глаза на лоб полезли.

— Шучу! — фыркнула она.

— Ты только с местрой Халлоран так не шути, ладно?

— Посмотрим.

Я покачала головой и вернулась к сборам. Управились мы где-то за час, после чего посидели на кухне, где столько раз смеялись, ругались, ссорились и мирились. На кухне, где Танни готовила паршивый кофе, а я делала вид, что он мне нравится.

Марр топтался рядом с нами, был от души накормлен и выгулян — в

парке мы носились как сумасшедшие, перебрасываясь снежками и хохоча. Что по этому поводу думали вальцгарды, осталось загадкой, потому что они тенями вышагивали рядом, не отходя дальше чем на метр.

— Странно так, — сказала Танни, когда я зашла пожелать ей доброй ночи. — Последний раз сплю в этой комнате.

Она уютнее устроилась под одеялом, и у меня перед глазами вдруг пронеслись все наши совместные годы. Квартира попроще с облезлыми стенами и потрескавшейся плиткой. В ней нам было так же тепло, пусть и страшно — временами. Страшно, что не хватит денег заплатить за жилье, что не хватит на еду, на проезд. Но у меня была Танни, и всего хватало. Возможно, если бы я осталась одна, все сложилось бы по-другому. Когда ты одна, можно не думать. Когда рядом тот, кто от тебя зависит, — уже нет.

— Знаешь, главное, не где засыпать. — Заправила волосы за ухо. — Главное, кто рядом с тобой.

— Точно, — заявила сестра. — Куплю себе огромного плюшевого дракона.

Я приподняла брови.

— Ну а что? У тебя-то есть настоящий.

Я запустила в нее валяющейся на полу декоративной подушечкой, и в меня тут же прилетело обратно.

— Спокойной ночи. — Я улыбнулась.

— Спокойной. — Танни улыбнулась в ответ.

Свет погас, а вот улыбка не гасла.

Ворочаясь в кровати, думала о завтрашнем дне. О том, что теперь все будет совсем по-другому. О том, что завтра я буду засыпать в квартире Рэйнара.

С ним?

Или в гостевой спальне?..

На этой мысли я провалилась в сон, чтобы проснуться от какого-то скрежета. Открыла глаза, виар терзал косяк когтистыми лапами, явно намереваясь выйти.

— Марр! — шикнула недовольно. — Если мы съезжаем, это еще не значит, что можно уродовать стены.

Он обернулся, взвиркнул, а потом зарычал. Спросонья даже понять ничего не успела, когда дверь распахнулась.

— Сидеть.

Марр дернулся и замер, подчиняясь приказу, и в спальню шагнул напарник Терграна.

— Замри. — В разум плеснуло жесткой командой и силой

вальцгарда. — А теперь поднимайся. Прокатимся в пустоши.

ГЛАВА 15

Приказ ударил в сознание, а в следующий миг вальцгард уже шагнул ко мне. Шею что-то ужалило, и мир перед глазами пошатнулся, теряя четкость.

— Руку, — последовала очередная команда, и я покорно положила руку ему на локоть. — Не переживай, эффект кратковременный, чтобы ты не наделала глупостей.

Слова доносились как сквозь ватный настил, ноги были слабыми, но каким-то чудом я на них держалась.

— Варганол, — любезно пояснил «телохранитель». — Разработан для мгновенных и очень болезненных заживлений. Чтобы выбывшие из строя вальцгарды быстро туда возвращались. Превосходный препарат, но на время действия препарата ты превращаешься в манекен.

Примерно так я себя и ощущала — куклой с глазами.

— В соседней комнате спит твоя сестра, — напомнил вальцгард. — Так и будет, если мы спокойно выйдем из квартиры. Иди за мной. Молча.

Сестра. Танни.

Я уцепилась за эту мысль, пытаюсь выбраться из пелены лекарственного дурмана и подчиняющего меня приказа. Тщетно. Никогда в жизни я не чувствовала себя настолько беспомощной и слабой, никогда в жизни я настолько себя... не чувствовала. Мы спустились по лестнице, оставив за спиной гостиную и холл, вышли к лифтам. Взгляд зацепился за лежащего у стены Терграна: мертвенно-бледное лицо и растекающаяся из-под тела кровь.

А я ведь так и не узнала его имя.

Мы спустились на лифте и направились к припаркованному поблизости флайсу. Холодно не было, хотя шла я в пижаме и тапочках. Не в силах даже рта раскрыть, чтобы спросить, куда и зачем меня ведут. Дверца флайса поехала вверх, и вальцгард подтолкнул меня к раскрывшейся пасти:

— Залезай!

Покорно шагнула к машине и наклонилась, чтобы наткнуться на ледяной взгляд ферна Норгхара.

— Не скажу, что рад вас видеть, эсса Ладэ.

Тычок в спину вышел сильным настолько, что из груди выбило дыхание. Я едва не завалилась на сиденье, но боли не почувствовала. То ли варганол, то ли потрясение было настолько велико, что я лишь медленно

моргала. Как игрушка, у которой садятся батарейки.

Вальцгард обошел машину и сел на водительское место, дверцы запечатали нас внутри.

— Не переживайте, скоро вы придете в себя. — Начальник службы безопасности скользнул по мне равнодушным взглядом. — Зависит от особенностей организма, но минут пять у нас точно есть. Зная о вашей силе, рисковать лишний раз не хотелось.

— Он... вам... верил, — первые осмысленные слова сорвались с губ.

Пересохших, словно я несколько дней не пила ни капли воды.

— Да, и в этом его проблема. Впрочем, не самая страшная.

Флайс медленно скользнул вверх по воздушному рукаву. Начальник службы безопасности нажал кнопку, и по стеклам потекла рябь тонировки, мгновение спустя отрезавшая нас от мира плотной пеленой.

— Почему? — вырвалось у меня.

— Ради Халлоранов я был готов на все. — Он поправил запонки, хотя они и так сидели безукоризненно. — Я всю жизнь только и делал, что доказывал отцу свою силу. Свою преданность. Я был готов пожертвовать ради него жизнью, и отдал бы ее, не задумываясь. Но когда поймал вместо него лазерный луч и провалялся трое суток в коме, мне в палату прислали медаль и «особую благодарность» от Листерна Халлорана. Трогательно, не так ли?

«Особое расположение», — мелькнуло в голове.

Мне хотелось не то плакать, не то смеяться. Истерично, вздохнув.

— Он не пришел, потому что был слишком занят. Его больше волновало расследование покушения. Именно в те дни я впервые задумался о будущем. Всерьез. Не о будущем Халлоранов, в котором для меня было место только у их ног. О своем, эсса Ладэ. Как считаете, первенцу правящего пристало занимать пост начальника службы безопасности?

Флайс вырвался на верхнюю магистраль столь стремительно, что меня замутило. К горлу подкатила тошнота, а вместе с ней словно резко перекрыли доступ кислорода.

— Побочные эффекты варганолы, — хмыкнул Норгхар. — Кратковременные приступы удушья и тошнота.

Вдохнув долгожданный воздух, закашлялась.

— У него еще был шанс после смерти отца. Признать меня братом, и если не уступить место, то хотя бы поставить с собой на одну ступень. Но он счел это лишним, — последние слова Норгхар процедил с такой злобой, что мне даже сквозь пелену апатии стало не по себе.

Не по себе?

— И тут появляешься ты. Девчонка непонятно с какой кровью, и он не просто тащит тебя в семью. Он хочет найти твоих родителей. Первая леди Мэйстона... беспородная шлюха. Такой ты и останешься.

От внезапной догадки потемнело в глазах.

— Ты... знаешь, кто мои родители? — выдохнула через силу. — Ты солгал про архив.

— Зачем мне лгать? Архив и правда уничтожен. — Он смерил меня презрительным взглядом.

Взглядом, от которого все внутри перевернулось.

Я... снова чувствовала. Слабо, но уже что-то.

Действие варганолол проходит, и Норгхар не должен об этом знать. Привалилась к спинке кресла, делая вид, что пытаюсь судорожно втянуть в себя воздух. Мне нужно выбраться отсюда. Сейчас. Но как мне справиться с двумя иртеханами?

Справлюсь.

Должна.

Ради себя, Рэйнара... Танни, капитана Терграна...

Память о нем ударила так болезненно остро, что на миг я снова почувствовала себя живой. На глаза навернулись слезы, и я ухватилась за это чувство в последней попытке освободиться. По краю скользящего на грани сознания попыталась прощупать приказ, чтобы сбросить его и выстроить ментальный блок. Продираясь сквозь пелену вяжущего сознания тумана, вцепилась в эту боль из последних сил. Боль — огненную, обжигающую, вспоровшую безразличие и холод.

Сквозь лобовое стекло просматривался мигающий пропускными огнями посадочный рукав, в который мы сможем нырнуть. А если не сможем, тогда нарушим правила, и на хвост тут же сядет полиция.

Пора!

— Замри.

Я ударила изо всех сил, вложив в приказ всю холодную ярость. Взгляд Норгхара на миг подернулся дымкой, вальцгард начал поворачиваться, и я скомандовала:

— Садимся. Немедленно.

Он послушно коснулся панели управления.

— Не вздумай. Прямо по магистрали. — Ледяной вихрь ударил сначала по нему, а следом по мне. — Не дыши, тварь.

Под жестким взглядом виски взорвались болью, а после грудь словно сдавило обручем. Грудь, горло... я не дышала. Не делала вдох, потому что он мне приказал. Не дышала, хотя все инстинкты вопили об обратном. Не

знаю, сколько это продолжалось — должно быть, вечность: я царапала ногтями обивку в тщетной попытке глотнуть хоть немного воздуха, в голове билась одна-единственная мысль — я сейчас умру.

— Можешь дышать.

Я рухнула на сиденье, кашляя и жадно глотая воздух. Грудь горела огнем, из глаз текли слезы. Ручьями, но мне было не до них. Меня трясло, голова болела так, будто ее пронзил стальной штырь.

Норгхар дернул меня за подбородок, заставляя повернуться.

— Архив уничтожили по моему приказу. Помимо легкого морального удовлетворения этим я оказал услугу тому, кто с радостью меня поддержит, когда город останется без правящего.

Запрос на расследование отклонен.

Архив уничтожен.

Запрос Аррингсхану.

Услуга?..

Тот, кто поддержит, когда город останется без правящего. Пазл вдруг сложился на удивление просто.

— Ты с ним не справишься, — процедила презрительно, насколько позволяла сотрясающая тело дрожь. — Не дорос еще.

Ледяные глаза Норгхара взрезали расщелины вертикальных зрачков, и вокруг них плеснула снежная ярость.

— Проверим.

Он вытащил из кармана небольшую пластинку и, прежде чем я успела сделать вдох, приложил к ней палец. Иглу Лаувайс замкнуло огненное кольцо, легкий хлопок снаружи заставил флайс слегка подпрыгнуть. На моих глазах сердце Мэйстона полыхнуло еще ярче и брызгами разлетелось над городом.

Казалось, что вместе с моим. Я смотрела на объятую огнем башню, не в силах поверить глазам.

Кровь, боль, смерть...

Дикое, рвущееся из груди рычание.

Ладони полыхнули, я бросилась на Норгхара, но точно влетела в ледяную стену. Он перехватил мои запястья и жестко припечатал:

— Остынь.

Ударил ментально, не жалея сил, перед глазами все поплыло, а потом отшвырнул на сиденье. Над Мэйстоном завывала сирена: надрывно, протяжно, как отражение бьющейся внутри меня боли. Гулкое эхо, несущееся от иглы к игле, скользящее по стальным бокам. Я перехватила взгляд вальцгарда в зеркале заднего вида — расширенные глаза, бледное

лицо, кажется, об этом его забыли предупредить.

— Замри. Молчать. — Очередной приказ мне.

Сквозь оглушительный вой услышала неестественно спокойный голос:

— ...Рэйнар. Где я сейчас нужнее?

Я хотела кричать во весь голос, но не могла выдавить и звука. Боль была такая, что дыхание прерывалось, я даже перестала воспринимать слова, человеческая речь превратилась во что-то странное. Он говорил, но я его не понимала, слышала только интонации. Глухие, спокойные, продирающиеся сквозь бьющееся внутри пламя. Наверное, я сейчас сгорю изнутри.

Рэйнар.

Как вспышка в сознании.

Рэйнар!

— Рэйнар!

Я кричала изо всех сил, срывая легкие, чувствуя, как они горят.

— Я с Норгхаром! Он взорвал Лаувайс!

Мне казалось, что я кричу, на деле же я даже не раскрыла рта. Осознание этого навалилось удушающей тяжестью, как ни странно, с глотком свежего воздуха, показавшегося обжигающе ледяным, особенно под презрительным взглядом ирлхана.

— Ты ненормальный! — выдохнула я. — Что ты наделал?

Сердце по ощущениям превратилось в нарыв.

— Ничего непоправимого. Такого, что не смогу остановить, когда Рэйнара не станет.

— Ты не...

— Сейчас твоя сестренка проснется и обнаружит, что тебя нет. Как думаешь, кому она позвонит?

Танни! Она там совсем одна!

Так, Леона, надо успокоиться. Соберись, немедленно соберись.

Главное, не забывай дышать. Если ты сейчас впадешь в истерику, лучше никому не будет.

— Правящий, бросивший город, или правящий, бросивший свою женщину. Как думаешь, что он выберет?

— Драконы никогда не нападают без причины, — прошептала я. — Городу ничего не угрожает.

— Ну, причин у них предостаточно. Не считая помешанного на силе Шахррейна, балующегося живой кровью, вместе с Лаувайс сейчас взорвалось три гнезда. Они сметут любого, кто встанет на их пути.

Не считая помешанного на силе Шахррейна...

Три гнезда?

Я вдруг осознала, чью боль ощутила во время взрыва. Почему так болит сердце.

— Ублюдок, — выдохнула я, с трудом сдерживая слезы. Слезы скорби, слезы ярости, слезы отчаяния.

Драконы... сколько драконов сейчас погибло?

А сколько погибнет людей? Вальцгардов?

— Ты такой же ублюдок, как Шахррейн.

— Разве? — Норгхар склонился надо мной. — Я не убивал драконов, чтобы прокачать силу. Хотя надо отдать ему должное, этот гаденыш был крайне осторожен, выходил в пустоши только из загородной резиденции папаши. Поймать его удалось на записях с самого дальнего квадрата, куда он уводил все свои жертвы. Туда даже драконы редко заходят. Знаешь, сколько их там было? Четырнадцать. Он тщательно выбирал молодых сильных одиночек... а вот с последним промахнулся и убил пару. Идиот.

Процедил, будто выплюнул.

— И что мы имеем в сухом остатке? Слабака, завалившего экзамен, браконьера, которого ждет смертная казнь. И первенца Листерна Халлорана. Пусть незаконнорожденного, но с чистой кровью. Моя мать тоже была иртеханессой, а это многое значит.

Только тут до меня дошло.

— Энтара тоже ты подставил?

— Шахррейн-старший по моей убедительной просьбе. Он так переживал, когда узнал о маленькой слабости сына, и очень просил, чтобы об этом никому больше не стало известно, поэтому использовал подчиняющий кристалл. Из тех, что ставят виарам, которые превращают их в послушных болванчиков при нажатии кнопки. Драконы очень болезненно реагируют на исходящие от них сигналы. Почти как на раннарскую траву, даже хуже. — Норгхар глянул в окно, мы стремительно приближались к границе города. Цепочку протянувшегося между башнями кордона было видно даже отсюда. — Не представляешь, какое удовольствие — наблюдать за правящими и аристократами со стороны. Они готовы глотки друг другу перегрызть, себе и даже зверью, только чтобы быть сильнейшими. Прикрывают грешки прошлого и настоящего любой ценой.

— Чем ты лучше? — Дышать было больно. — Ты тоже его прикрывал.

— Не прикрывал, а придерживал информацию. Всему свое время. — Норгхар посмотрел на меня с жесткой улыбкой. — И время Шахррейнов скоро закончится. Так же как и время Халлоранов.

— Ферн Норгхар, — негромко произнес вальцгард.

— Что?

— Дракон.

Норгхар нахмурился, вглядываясь в пустоши, меня же на сиденье словно подбросило. В зеркале заднего вида мелькнула огромная тень, которая спустя мгновение накрыла нас целиком. Не только нас, большую часть верхней магистрали вокруг. Размах крыльев ударил воздушной волной, флайс дернулся вниз, а в следующий миг стальные когти сомкнулись на машине. Нас с силой подкинуло ввысь, выше надломленной иглы Лаувайс. Подкинуло и стремительно поволокло в сторону пустоши в зажимах смертоносных когтей.

Вальцгард едва успел ткнуть в панель, активируя водительские ремни. Мы пронеслись над кордоном мимо смотровых башен на такой высоте и скорости, что все внизу казалось просто игрушечным. Вниз ухнули с такой силой, что сердце подскочило к горлу вместе с желудком. Я вцепилась в подлокотники мертвой хваткой, расширенными глазами глядя на приближающуюся землю.

«Нас сейчас размажет», — подумала я.

Но тут огромные крылья распахнулись, и мы удивительно мягко шмякнулись на пересохшую землю. Флайс подскочил, проехал несколько метров и остановился, а следом за нами опустился он. Мощные лапы вспороли каменную крошку, размах крыльев ударил воздушной волной, в стекла полетели камни и пыль. Донесшийся снаружи рык оглушил, заставляя все внутри содрогнуться.

— Следи за девчонкой, пока я разберусь с этой тварью. — Норгхар приложил ладонь к панели управления, открывающей дверцу. — Откуда он только взялся?

Из Мэйстона.

Эта мысль на миг оглушила, но он действительно появился за нами. Не со стороны пустошей.

Завеса медленно оседала, и теперь мы могли хорошо его рассмотреть. Крупный даже для дракона зверь был совсем не похож на Ррайза или его пару. Чешуя отливала сталью, придавая темно-красным пластинам холодный металлический блеск. В разрезавших радужку зрачках клубилась алая мощь, воздух вокруг раскалился и дрожал зыбким маревом.

Я чувствовала исходящие от него ярость и боль, как свои собственные.

А еще я чувствовала биение сердца в груди — мощного, сильного, яростного. Повторяющего мое.

Нет, небо! Нет!

Этого просто не может быть!

Стоило дверце флайса пойти вверх, как я молнией метнулась в выходящего наружу Норгхара. С силой, в ноги, сбивая в угольно-черную пыль. Камни иглами впивались в кожу, но я почти не чувствовала боли. Пламя плеснуло в ладони, и я впечатала их в начальника службы безопасности. Стильный пиджак полыхнул, а в следующий миг и горящую одежду, и меня иртвахан с силой отшвырнул в сторону.

Удар сердца.

Точнее, двух.

Норгхар обернулся к дракону, но недостаточно быстро, удар лапы отбросил его за флайс, словно куклу.

Я даже не пыталась подняться, так и сидела в пыли.

Пока дракон не взглянул на меня и алое пламя не хлестнуло наотмашь.

Алое, сильное, неудержимое.

Родное.

Которое не перепутать ни с каким другим.

— Рэйнар, — сдавленно прошептала я, протягивая к нему руку. — Рэйнар...

Мгновение, удивительно долгое, дракон смотрел на меня, а потом запрокинул голову. Сквозь болезненно-яростный рык из горла вырвалась струя пламени. Оно полыхнуло, освещая излом гор и десятки, если не сотни драконов, идущих к городу. К кордону вальцгардов и направленного в сторону пустошей оружия. Оттолкнувшись от земли, он взмыл ввысь, хлестнув пылью и раскаленным воздухом.

Закашлялась, глядя, как стремительно сокращается расстояние между ним и остальными. Рычание эхом разнеслось над пустошью и отозвалось в моем сердце. Эхом боли, отчаяния, ярости, и ему вторило множество криков. Это были именно крики — надрывные, плачущие, от которых рвалось сердце. Пустошь стонала, хрипела, рычала в звериной скорби, и мне хотелось зажать уши и закрыть глаза, чтобы больше ничего не видеть и не слышать. Ярость и боль были повсюду, они заполняли меня всю, заставляя глотать холодный воздух и кусать губы. До крови, только чтобы не кричать вместе с ними.

Теперь я понимала, что он чувствовал, оказавшись лицом к лицу с драконицей.

Точнее, теперь я это чувствовала, а еще ощущала силу.

Силу неукротимую, невозможную, не подчиняющую, но непререкаемую.

Силу лидера.

Рэйнар врезался в стаю, и драконы разошлись в стороны, пропуская

его, а затем устремились ввысь. Следом за ним в почерневшее обугленное небо, на котором даже звезды померкли. Надрывное рычание неслось следом за ними и обрушивалось на землю, а потом небеса вспыхнули огнем. Алым пламенем, бьющим не из груди, а, казалось, из самых сердец оглушенных болью зверей, изливающих свой бессильный гнев. Огненные вспышки сливались воедино, превращая непроглядную ночь в кровавое зарево. Сколько это продолжалось — не знаю, а потом все неожиданно прекратилось.

Последняя огненная лента безжалостно распорола небо и растаяла.

Сначала наступила тишина. Страшная тишина, которую разорвал один-единственный рык.

Один дракон отделился от стаи, уходя за изломы гор.

И остальные устремились за ним.

На глазах у всех, кто был этому свидетель, включая меня и потрясенных вальцгардов, — драконы возвращались в пустоши. Даже не нарушив границ города.

У меня тряслись руки, залитое слезами лицо обжигал ветер. Колючий, срывающий со щек обрывки сухого дождя, с неба сыпался пепел. Подобно этому пеплу кружились и мысли.

О том, что оборот стирает личность и память. О том, что он требует безумно много энергии. О том, что в древности иртханы возвращались и снова становились собой.

Я смотрела на драконов, пока они не превратились в едва различимые точки.

И вместе с ними дракон, который меня любил.

Если он сейчас уйдет за «Драконий Круг», я его потеряю. Навсегда.

Эта мысль обожгла, как пощечина. Заставила подскочить и броситься к флайсу. Вальцгард шагнул мне наперерез, но я ворвалась в его разум силой, которой никогда раньше в себе не чувствовала.

— С дороги!

Он дернулся, а потом сдавил виски руками, падая в пыль. Я обошла его и нырнула в машину, на миг прикрыла глаза.

Я сумею! У меня все получится. Не зря же я столько мучила инструктора, а он меня.

Коснулась кружка зажигания, но флайс только рыкнул, дернулся и затих.

Нет, пожалуйста, нет! Мне надо туда, к нему!

Прикосновение. Рывок. Тишина.

— Да заводишься же ты, хренова железяка!

В отчаянии ударила в зажигание всей ладонью — полыхающей, огненной — и машина ожила. Заурчал мотор, воздушная подушка подкинула над землей.

Скольжение вдоль. И наверх.

Резко, до предела пройдясь пальцами по панели набора высоты, а затем так же резко, до упора — в скорость. Флайс молнией метнулся за изломы гор, я же не отрываясь смотрела сквозь лобовое стекло в ночь.

Я верну его. Обязательно.

Не знаю как, но я его верну.

Ткнула в навигатор, набирая «Драконий Круг».

— Маршрут не определен, — отозвался равнодушный женский голос.

Действительно, зачем его определять.

От напряжения вскоре заболели глаза: вглядываться в ночь, разрываемую дальним светом флайса, еще сложнее, чем просто в темноту. В конце концов я погасила фары, глядя на раскинувшиеся передо мной землю и горы, залитые холодным светом двух лун. Кажется, в прошлый раз мы с Рэйнаром были именно здесь, хотя могу ошибаться. Тогда мне было не до ландшафта, и уж тем более не до запоминания, где и что расположено. Как-то в голову не приходило, что я сюда вернусь.

А дальше — это куда? Я ведь ни разу не была в пустошах одна, я даже не представляю, где этот «Драконий Круг».

Как мне его найти? И как... он нашел меня?

Мысль ударила молнией.

«Рэйнар! Я с Норгхаром! Он взорвал Лаувайс!»

Разве он мог меня услышать?

Мог. И услышал.

Телепатическая связь возникает после слияния огней, не всегда, но... Значит, я могу позвать его. Снова.

Заглушила мотор прямо над каньоном, прислушалась к своим ощущениям. Чувствуя, как все внутри дрожит от напряжения, закрыла глаза и позвала:

«Рэйнар».

«Рэйнар, пожалуйста, ты мне нужен!»

«Вернись ко мне!»

Сердце бешено колотилось, я стиснула ладони и открыла глаза.

Минута, две, три... Пять.

Ничего.

Я не почувствовала ничего, не услышала хлопанья крыльев, не увидела стремительно вырастающей над зубцами гор точки, которая вот-вот

превратится в дракона. Аккумулятор флайса показывал одну четверть заряда, этого хватит на два-три часа, но что я буду делать потом? От осознания того, что я могу не только его не найти, но и заблудиться так, что уже не выберусь, внутри все похолодело. Искорка пламени испуганно трепыхнулась в груди, но я сжала зубы, глядя сквозь лобовое стекло.

Думай, Леона, думай!

В мыслях перед глазами возник мой дракон: яростный, сильный, одновременно похожий и не похожий на своих братьев. Даже Ррайз был не таким мощным и пугающим...

Ррайз!

«Ты готова, Леона. Мне нужно понять, на что ты способна. Выбирай».

«Выбирать?»

«Найди того, кто захочет тебе помочь. Огнем. И позови».

Картина была настолько четкой: я и Рэйнар, стоящие по ту сторону защитного поля. И чувства, жизнь, огоньки виаров, по которым я нашла Ррайза. Или он меня. Или мы друг друга.

Сейчас это не важно. Сейчас, главное, найти всех драконов, и среди них — его.

А дальше посмотрим.

Прикрыла глаза, позволяя огню в груди разгореться. Разрывая зрительный контакт с реальностью, привязавшей меня к одной-единственной точке пространства. И мир вдруг раскрылся, расширился, раскинулся вокруг меня, бескрайний и тихий. На множество километров вокруг не было ни дыхания, ни биения сердец, ни огня, но сейчас это не имело значения. Я была пламенем, хлынувшим с гор, или ночью, заполнявшей собой все вокруг, передо мной не было никаких преград, я искала отклик, и...

Я его нашла.

Один удар сердца и вспышка в ночи. Первое, сильное пламя.

За ним второе, третье, четвертое, пятое...

Потом я потеряла счет, и они превратились в одно. Единое целое, пульсирующее в ночи, как мировой маяк, свет которого можно рассмотреть даже со спутника.

Драконов было множество, и все они собрались в одном месте. Там, где мне нужно оказаться как можно скорее.

Я облизнула пересохшие губы и снова запустила флайс. Чтобы не потерять ментальную нить, на этот раз на средней скорости двинулась вдоль гряды гор. Глаза уже привыкли к темноте, но я шла не столько по ним, сколько по огню, тянувшему меня все дальше и дальше. Реальность

проносились мимо смазанной пеленой, мелькали залитые стальным светом скалы, темные тени падали на землю, гигантскими клыками вспарывая лунное серебро. Заряд аккумулятора неумолимо таял, таймер отсчитывал минуты.

Десять. Двадцать. Тридцать. Сорок...

По мере того как огни становились ближе, сердце колотилось все быстрее.

Скорее почувствовала, чем осознала проплывающий подо мной «Драконий Круг» — широкое темное пятно между скал. Сразу за ним раскинулась бескрайняя пустошь, посреди которой возвышалась гора. Высоченная, едва ли уступающая «Драконьему шипу», окруженная зубцами гор поменьше, а на них... На них сидели драконы.

Я никогда не видела столько драконов вместе, даже в кино.

Они оплетали скалы, цепляясь когтями за отвесные выступы, сидели на вершинах, распластались у подножия. Чувство было такое, что вся жизнь Мэйстонской пустоши собралась здесь. Возможно, так оно и было, и это было прекрасно. И жутко.

Пылающие руки похолодели, я цеплялась за свой огонь, стараясь не думать о том, что случится... Если я сделаю что-то не так.

Сердце билось еле слышно, а может быть, пропускало удары. Особенно когда в сполохах огней я различила один. Самый яростный, самый сильный, но уже гораздо более далекий, чем там — на границе пустоши. Нить сознания Рэйнара рвалась, и нить, связывающая нас, тоже. Едва я об этом подумала, как драконы начали поворачиваться. Один за другим огненные взгляды будто готовы были расплавить флайс. От бесчисленных, устремленных в мою сторону глаз дыхание прерывалось, а потом я заметила его.

Сплавленный воедино с вершиной, пронзающей небо, он сидел на самом краю.

Приглушенное рычание заставило желудок подскочить к горлу, но я только подвинула пальцами уровень скорости.

Рычание стало громче, теперь оно эхом несло над пустошами, один из драконов взметнулся в воздух и пролетел совсем рядом, предупреждая рассек хвостом воздух. За ним второй, третий, четвертый. Ярость ударила в сознание, предостерегая.

— Пожалуйста, — прошептала я. Скорее сердцем и огнем, чем губами. — Пожалуйста, позвольте мне с ним поговорить.

Я обращалась ни к кому и ко всем, но они слышали. Рычание стало тише, а два дракона просто парили возле флайса, заставляя сердце прыгать,

как мячик.

Вверх-вниз. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

Медленно подвела машину к самой высокой точке и заглушила мотор. На более-менее устойчивом выступе, на котором обманчиво спокойной горой возвышался еще один зверь. Огненный взгляд говорил: «Уходи, мы не хотим тебя видеть», — но дверца уже пошла вверх. Я шагнула в дикий, обжигающий холод под перекрестье звериных взглядов.

Все, что мне сейчас оставалось, — идти на сумасшедшей высоте между ними, позволяя огню в груди разгораться все ярче, каждую секунду ожидая удара лапой или хвостом. Чей-то огненный выдох — и на меня словно разом обрушилась Зингспридская жара. Я не остановилась.

«Рэйнар».

Я звала сердцем. Огнем. Любовью, которая билась во мне, помогая переставлять ватные ноги.

«Рэйнар!»

Дыхание драконов, жар от их тел чуть согревали воздух. Мощные когтистые лапы и сверкающая чешуя. Они следили за мной — кто-то поворачивал головы, кто-то провожал взглядом, но он сидел неподвижно. Замерший, слившийся со скалой, как ее продолжение.

«Рэйнар, пожалуйста! Вернись ко мне!»

Он медленно повернулся. Мощные когти, каждый размером с мою ногу, вспороли камень, оставляя на нем глубокие борозды. Рычание, разорвавшее тишину, отозвалось силой в моей груди. Я дернулась, на миг теряя себя, теряя последнюю связь с этим миром. Пламя взметнулось сквозь меня, и драконы начали срываться с мест один за другим. Они уходили ввысь, направляясь в непроглядную глубь пустошей, куда, казалось, не добирается даже лунный свет.

Он расправил крылья, и я поняла, что он тоже уходит.

Уходит вместе с ними, оставляя мир людей в прошлом.

«Ты сводишь меня с ума, Леона. Ты. Твой голос. Твое пение. Твой сумасшедший огонь, силу которого ты даже представить себе не можешь».

Я живу, я дышу...

Голос дрогнул, слабый без распевки, но я не позволила ему сесть.

Но зачем эта жизнь,

Если в ней не могу я дыханьем коснуться

Твоих глаз, твоих щек,
Твоих губ, твоих рук...
И с тобою заснуть, и с тобою проснуться.

Крылья с силой вспороли воздух, но я шагнула ближе к нему. Выдыхая новые слова, себя и все свои чувства в набирающий силу голос.

Если я не смогу
Каждый вздох, каждый взгляд
Твой ловить и кричать о любви, что меня обжигает!
Ты сказал, что любовь, что любовь — это яд,
Но она все преграды вокруг разрушает.

Так скажи мне, зачем
Этот мир без тебя.
Этот мир, где дыхание прервется...
Где живу, не любя,
Где теряю себя,
Где сгораю в лучах твоего беспощадного солнца.

Закрывает глаза, рванулась огнем к огню. Не просто к огню — к умопомрачительному, бушующему алому пламени.

Так скажи мне, зачем
Ты уходишь сейчас.
У каких берегов ты найдешь свое счастье?
Потому что, родной, если веришь ты в нас,
Если веришь ты в нас хоть отчасти...
Протяни руку мне,
Протяни и скажи
Все, что чувствуешь ты в ритме сердца...
Ну а если же все... это все миражи,
То закрой за собой навсегда эту хрупкую дверцу.
Только мир без тебя
Мне не нужен, поверь.
И ты сам это чувствуешь, знаешь...
Потому что теперь... Потому что теперь

Без меня точно так же сгораешь!
Этот мир без тебя...
Мне не нужен, поверь!

Последнее я выдохнула на пределе сил.

Крылья сомкнулись, дракон смотрел на меня. Дракон, не Рэйнар, он смотрел пристально, неподвижно, через разрез кожистых век. Словно пытаюсь понять, что мне от него нужно.

Струйки дыхания согрели лицо и отбросили назад волосы.

Я всхлипнула, отказываясь верить в то, что все было напрасно. Вздохнула, понимая, что ноги меня не держат, что сейчас я упаду, а он просто уйдет к остальным, и в этот момент в грудь плеснуло дикое пламя. Наши огни схлестнулись и взмыли в небо, на моих глазах чешуя начала раскаляться, словно этот огонь ворвался в каждую пластинку. Алое мерцание рассыпалось в ночь, окутывая нас тысячами искр, крылья дернулись, а вырвавшийся с дыханием рык был очень похож на хриплый человеческий стон.

В тот момент, когда я это осознала, дракон через силу повернул голову.

Я повернулась за ним и успела увидеть Норгхара за лобовым стеклом военного флайса. Орудие выплюнуло огонь, ударивший в Рэйнара, и тогда я закричала, срывая голос в хруст крошащегося камня, вслед рухнувшему вниз дракону. Вниз, прямо на ощерившиеся вершины низких гор.

Полыхнул подергивающийся дымкой алый взгляд вместе с раздирающей тело болью. Гаснущее пламя взметнулось с новой силой, и мир раскололся в ослепительной вспышке. Последней осознанной стала мысль о мельтешащей вдалеке веренице флайсов, а потом я упала в огонь, хлестнувший сквозь меня. Тело прошла страшная судорога. Во мне словно разом лопнули все кости, ломаясь, выворачиваясь, изменяя меня в первородном пламени. Которое я выдохнула вместо крика с рычанием, озаряя пустошь. За спиной раскинулись крылья, и я перестала существовать. Был только Рэйнар, падающий вниз, и я — та, что могла его спасти.

Секунда, которую мое сердце не билось, закончилась.

И я просто шагнула с обрыва. За ним.

Падать было не страшно, потому что я не падала, а летела. Пикировала, вспарывая воздух собой, рывок за рывком, пока когти не сомкнулись на скользкой чешуе моего дракона. Тяжесть дернула вниз на лезвия гор, но я рванулась ввысь. Преодолевая сопротивление воздуха,

уворачиваясь от смертоносного луча, ударившего совсем рядом. Метнулась к земле, осторожно отпустила бесценную ношу, а потом — до предела наверх.

С силой врезаясь в металлический корпус когтями, отбрасывая в сторону на скалы и выдыхая вслед огненную боль и ярость, превращая угрозу в горящий шар. Флайс ударился о камни, вспышка ослепила, под оглушительный грохот взрыва посыпались обломки.

А я полетела вниз, возвращаясь к Рэйнару. Тяжело рухнула в пыль, уткнувшись носом в бок, сходя с ума от запаха крови. И от чего-то еще, что я понять не могла. Воздух раскалился, ночь перестала быть ночью и мерцала, окутывая нас странным горячим облаком. Искрящимся облаком пламени, стремительно теряющим силу. Пламени, из которого уходила жизнь.

Грудь горела от сдвоенной боли, и даже огненное дыхание не могло ее унять.

Шипение влаги на раскаленной чешуе.

Я заплакала. Или закричала.

Ответом мне были крики со всех сторон, крики остальных — они возвращались. Я чувствовала стремительно приближающиеся огни — сильные, родные с одной стороны. И чужие, холодные — с другой. Они застыли чуть поодаль и двигались к нам, но значительно медленнее.

Мелкие. Бесполезные. Жестокие.

Плач перешел в рычание, я раскинула крылья, закрывая его собой.

Легкие раскрывались новой мощью набирающего силу огня.

— Леона.

Мощный голос заставил раздраженно дернуть головой. Он кого-то звал, но мне было все равно, хвост вспорол землю в двух шагах от застывшего напротив огня. Действительно сильного. И он тоже замер, дальше не двинулся, только повторил. Медленно, низко:

— Леона. Ему нужна помощь. Позволь нам ему помочь.

Странное чувство, странное сочетание звуков. Оно ни о чем мне не говорило, только раздражало еще больше. Особенно исходящее от огня тепло и ощущение доверия к тому, кто пришел с той стороны — жестокости и крови. Хлопанье крыльев и крики, остальные парили над нами, тени метались по кругу.

Дрожащий слабеющий огонь за спиной заставил жалобно вскрикнуть. Я обернулась, но его не увидела. Только другого, непонятного, в камнях и пыли. Растерянно ткнулась носом в лежавшего на земле, втянула воздух.

Почему на нем его запах? Почему от него исходит его огонь?

— Леона! Посмотри на меня.

— Вэйлар, это бесполезно.

Резкий, рокочущий голос. Холодный.

Угроза.

Я обернулась и зарычала, и остальные присоединились ко мне.

— Артомелла, Аррингсхан. Мне нужна Артомелла.

— Ты рехнулся?

— Мне нужна Артомелла в исполнении Шайны Анж. Найдите запись. Срочно. По спутнику передайте!

Слишком много суеты. Слишком много непонятного.

Клубок чувств в этих огнях-голосах был такой запутанный, что я с трудом могла справиться с их многоцветьем. Тепло и уверенность. Холод и ярость. Снова тепло... Примирение. Холод, холод, холод. Слишком много угрозы и враждебности. Я выдохнула огонь — пока еще в воздух, и шагнула вперед, угрожающе распластав крылья. К сильному огню, по-прежнему стоявшему рядом.

Уходите! Убирайтесь! Вы несете только зло и несчастье.

Наша общая скорбь кружила над пустошью, но даже она не могла унять боль.

Рвущая сердце боль не давала покоя. Я не могла ему помочь. Не смогла защитить, и теперь он уходит.

Прочь от меня.

От всех нас.

— Леона. Слушай.

Огонь пригнулся к земле, а потом в пыли вспыхнула искра.

Он отступил, и сквозь искру плеснул голос.

Крик или плач. Зов, которому было невозможно противиться. Он уводил за собой, притягивал, заставлял забыть об опасности.

Голос...

Зовущий. Родной.

Мой голос плачет в небе... а сердце рвется болью

Последние минуты... и мир, покрытый смолью.

Я рыкнула и испуганно попятилась. Слишком много чувств будил этот голос.

Года, что время сплавит... растянутся в мгновенья.

Люби и будь любимым... а я прошу прощенья...
За то, что в этом мире... тебя я оставляю...

Перед глазами потемнело, стало нечем дышать. Я забила хвостом, пригнулась к земле, но слова уже хлынули в сознание потоком.
Слова? Которые я понимала?
Тот же голос, зовущий за собой, только песня была другая.

Спит давно город наш,
Только мы и не спим.
Пусть пока двое нас,
Но мы с тобой не грустим.

Скоро год, как вместе мы
Будем с тобой, родная.
Лучший год в жизни моей,
Это я точно знаю.

Гаснет свет в окнах дома,
Который из нашего виден...
Спи спокойно, мой огонек,
Никто тебя не обидит.

Быстро промчится время, и мы
Сможем позвать друзей...
Самых лучших на день рожденья
К маленькой дочке моей.

Тело горело огнем, словно я упала в костер, но еще сильнее пылало сердце. Вокруг полыхала рыжая дымка, слезы впитывались в раскаленный воздух и с шипением таяли, я кричала в голос насколько хватало сил. Кричала так, что не хватало дыхания, падая из огня в холод. В дикий, леденящий холод, в холод и темноту. Которые неожиданно отступили от прикосновения чего-то к пылающей коже, с губ сорвался болезненный стон.

— Тихо, тихо, — раздался чей-то голос совсем рядом. — Тихо. Все будет хорошо.

Порыв ветра скользнул по щекам колючей ладонью, я с трудом раскрыла глаза, в которые словно жидкого пламени плеснули.

Вэйлар осторожно прижимал меня к себе, закутав в свое пальто, и куда-то нес.

Вэйлар?

Память разрезал бьющий в Рэйнара лазерный луч и меркнувший во взгляде дракона свет.

— Нет! — закричала я. — Нет, нет, нет!

Широко распахнула глаза и забилась в тисках-объятиях насколько хватало сил.

— Пусти! — С губ срывались хрипы. — Пусти меня к нему! Отпусти!

— Леона. — Он остановился и внимательно посмотрел на меня. Лицо его расплывалось, как в дыму или тумане: крупные черты, удивительно теплый взгляд. — Он жив. С ним все будет в порядке. Клянусь памятью нашего отца.

Сквозь счастье «он жив» и обещание «с ним все будет в порядке» с трудом пробился смысл его последних слов.

Воздуха по-прежнему не хватало, поэтому я судорожно вздохнула.

И рухнула в темноту.

ГЛАВА 16

Уютное тепло, в котором так приятно согреться, окутывало невесомым покрывалом. К нему я тянулась всем сердцем и всем существом. Падала в него и улыбалась, потому что нельзя иначе, когда настолько тепло.

— Шахррейн заговорил. Рассказывает, что психику Лодингера сломал Норгхар во время допроса, и что изначально это была его идея.

— Ну еще бы. Теперь все будут валить на него.

— Шахррейн это все равно не поможет.

— Рагранский архив восстановлен?

— Да, Норгхар сохранил его для себя. Предполагаю, чтобы подстраховаться и иметь возможность надавить на Аррингсхана.

— Подстраховался он хорошо, разве что оборота не предусмотрел. Как он вообще пережил твой удар?

— У него подготовка вальцгарда и сильная кровь. Сгруппировался, потом Лармернех вколол ему варганол и первичный регенератор, но он все равно еле на ногах держался, когда дотащился до кордона.

— Странно, что его не задержали, в таком-то состоянии.

— О случившемся еще никто не знал, а у него высший уровень доступа. В мое отсутствие его приказ равносителен моему, поэтому управление боевым флайсом Норгхару передали без вопросов.

— Благодаря этому мы вас так быстро нашли. По машине, на которой он вас преследовал.

Голоса ворвались в сознание — то сильные, то глухие, прерывающиеся, искаженные, как на медленной перемотке. Я заворочалась, стремясь избавиться от раздражителя и снова нырнуть в тепло. На миг воцарилась тишина, затем раздались шаги и легкий щелчок.

— Леона.

Удивительно родной голос, зовущий по имени:

— Леона.

Невероятно нежный и такой глубокий, что противиться ему было решительно невозможно. Ему, а еще легкому прикосновению к щеке, невесомому, но полному чувств.

Рэйнар...

Рэйнар!

Воспоминания обрушились волной: взрыв, крошащийся под лапами

дракона камень, его и моя боль. Я подскочила. Точнее, подскочила бы, если бы не наткнулась на кольцо сильных рук.

— Тише, тише. Не так быстро.

Широко распахнув глаза, я смотрела в любимое лицо мужчины, ради которого билось мое сердце. Поверх костюма белый халат с беджем, на резких губах — усталая, но удивительно светлая улыбка. Как отражение моих мыслей. Голова закружилась, и мир вокруг тоже, слегка. Но разве это большая цена за возможность увидеть его снова?

— Рэйнар... — тихо прошептала его имя. Обняла, прижимаясь, вдыхая родной орехово-терпкий запах, глядя в сверкающие стальной зеленью глаза. — Рэйнар, я... я думала, что тебя потеряю... я...

Голоса не хватало, он сбился вместе с дыханием.

— Мне здорово повезло, что я был драконом, когда в меня угодил луч из лазерной пушки.

— Очень смешно. — Губы предательски задрожали.

— Врачи сделали все возможное и невозможное, чтобы вытащить меня как можно скорее. Хотя по большому счету все сделала ты.

Он осторожно и удивительно бережно привлек меня к себе. Наверное, так, как никогда раньше, точно я могла рассыпаться в его руках. Слезы брызнули из глаз, но я не стала этому противиться. Перехватила удивленный взгляд, а в следующий миг щеки коснулись губы. Еще раз. Еще. И еще. Там, где бежали по щекам влажные дорожки, горячее дыхание касалось кожи. Я цеплялась за эти ощущения, за эту короткую близость, просто дышала им, жила им — каждым мгновением прикосновения, каждым вдохом, каждой секундой нежности. Нежность... ей было так мало места в наших отношениях, но сейчас в его руках именно она сводила меня с ума.

Разве можно так любить?

Так отчаянно, сумасшедше... так глубоко, что каждый удар сердца под ладонями отзывается в твоём?

— Все? Больше плакать не будем?

Я замотала головой, и тогда он притянул меня еще ближе. Тепло окутало снова, но на этот раз я точно знала, почему не хочу вырываться. Рэйнар молчал, и я тоже, наверное, могла бы сидеть с ним вот так целую вечность, но реальность понемногу возвращалась. Пиццанием медицинской аппаратуры и тонкими жалюзи, приспособленными на окне палаты. Высокими потолками и бледно-голубыми стенами, мельтешением флайсов и аэроэкспрессов за окном. Залитым ярким зимним солнцем Мэйстоном...

— Танни!

— С ней все хорошо. И с вашим крылатым чудовищем тоже.

— Правда?

— Правда. Еле загнал ее в Скай Стрим, она собиралась поселиться в твоей палате. А до этого спасла жизнь Терграну, когда угнала флайс и отвезла его в больницу. Тебе кто-нибудь говорил, что вы очень похожи?

Радость от осознания, что Тергран жив, сменилась другим чувством.

Танни угнала флайс.

Танни... угнала... флайс?

Нет, я сейчас не могу об этом думать. Нет-нет-нет.

Осторожно выглянула из-за его плеча, Лаувайс выглядела так, словно по ней прошли гигантским лазерным ножом.

— Защита восстановлена. — Чуть отстранившись, Рэйнар проследил мой взгляд. — А вот восстановление Лаувайс займет время.

— Но...

— У меня в распоряжении было два очень продуктивных дня.

— Два дня? Я спала два дня?

— Четыре. Еще два спал я. — Он смотрел на раскромсанный фасад. Издалека высотка выглядела как ощерившаяся металлическими занозами спица, и я накрыла его руку своей.

— Мне очень жаль, — сказала тихо.

— Мне тоже. — Он сжал мои пальцы. — Норгхар готовил это больше года, чтобы устроить накануне выборов. Теракт в Лаувайс от истоковцев, теракт в пустошах тоже с их участием.

Истоковцы? Норгхар связался с истоковцами?

Хотя чему я удивляюсь.

— Не понимаю, — прошептала я. — Но ведь даже если бы ему удалось подвинуть тебя, оставался еще Шахррейн. Тогда он еще не знал о браконьерстве.

— О браконьерстве нет.

— А о чем знал?

— Деверик Шахррейн еще со времен Райгенсфорда баловался рэгстом. — Плечи Рэйнара окаменели. — Обманчивое ощущение накатывающей силы, после такого хочется еще и еще. Первый раз он убил дракона, когда был под наркотиком, а потом уже не мог остановиться. Убивал снова и снова.

Перед глазами потемнело от скорби, звучащей в его словах.

— Рэйнар...

— На сегодня достаточно, Леона. — Он убрал с моего лба упавшую прядку. — У тебя было сильное магическое истощение после оборота. Я

приглашу врача.

Оборот?

Но...

Перед глазами потемнело, картинки замелькали в воспоминаниях, складываясь в узор как калейдоскопные стекла.

Луч, бьющий из флайса, и крик, рвущийся из груди.

Смерть драконов... Боль, обжигающая, раздирающая на части.

Крики. Льющаяся с небес ярость.

Взрыв. Падение. Огни.

Возвращение остальных.

Сейчас я помнила их так же отчетливо, как раскрывающиеся за спиной крылья и огненное дыхание, текущее из груди. Как голос, зовущий назад.

Голос Шайны, которая пела мне колыбельную.

Голос Вэйлара, который...

— Как Вэйлар может быть моим братом?

Слова вырвались сами собой, но Рэйнар ничуть не удивился.

— Хорошо, что ты вспомнила сразу, — произнес он, по-прежнему не выпуская меня из объятий. — Потому что он тоже здесь. И очень хочет с тобой поговорить.

К музыкальной слабости дочери Аррингсхан-старший, отец Гердехара Аррингсхана и Шеррамел, относился снисходительно, о чем потом очень сильно пожалел. Ее роман с учителем музыки был быстрым и стремительным, когда о беременности влюбленной и напуганной девочки стало известно, делать аборт было уже поздно.

Дочь потомственного Председателя и самый обычный человек.

Это был бы скандал столетия.

Шайна Анж родилась в Ферверне, в закрытой частной клинике, куда Шеррамел отправил отец. Новорожденную отдали отцу с подпиской о неразглашении (и откровенным намеком, что держать ее подальше от мира иртеханов в его интересах), а Шеррамел срочно выдали замуж. Поначалу она пыталась воспротивиться воле отца, но постоянное давление и нежелание оказаться один на один с миром (что в случае скандала было ей обещано), дали свои плоды. Она согласилась отказаться от дочери, приняла предложение и забыла обо всем, что осталось в ее прошлом.

Для нее, но не для Зингсприда и не для Шайны.

Шайна вышла на сцену и перевернула мир своим голосом. Не только мир, но и жизнь нашего с Вэйларом отца. И Гердехара Аррингсхана, для

которого появление племянницы в мире ир்தханов означало удар по репутации семьи. Особенно в те годы, когда он только приступил к обязанностям правящего и Председателя.

— Отца убило угасание. — Сидевший рядом Вэйлар смотрел на меня, и я чувствовала себя неловко. Хотя, возможно, неловко чувствовал себя он, и это было взаимно. Зато теперь ясно, почему я так остро чувствовала его в Зингспридской опере.

— Сначала я думал, что это из-за мамы. Считал, что они были парой и когда она умерла, без нее он просто не хотел жить. Только сейчас понимаю, что после ее смерти прошло слишком много времени.

— Ты ее совсем не помнишь? — тихо спросила я.

— Нет. Я был совсем маленьким, когда это случилось. Огненная лихорадка.

Наверное, я должна была что-то сказать, но не знала что. «Мне жаль», — не те слова, которые сюда подойдут. А какие?

Вэйлар-который-кормил-булочками Марра и Вэйлар-который-злой-из-оперы были куда проще и понятнее, чем Вэйлар-мой-брат. Справиться с этим чувством было нелегко, особенно потому, что я не представляла, что с этим делать. А еще потому, что именно Вэйлар вытряс из Аррингсхана правду о моем происхождении. После того как мы с ним поругались, он поехал напрямик к Председателю, чтобы во всем разобраться. Глядя ему в глаза, спросить, почему Аррингсхан собирается надеть на меня пожизненный таэрран.

Узнал. Не только про таэрран.

Со слов Аррингсхана, у Шайны и нашего с Вэйларом отца было чуть больше, чем просто роман — слияние огней, от которого отец решил отказаться. Так же, как и от нее, и от меня. Не знаю, было ли здесь дело в долгих «душещипательных» разговорах с Аррингсханом, который убедил его не разрушать репутацию (свою и его), или в чем-то еще, но Шайна осталась одна и решила уехать.

Чтобы погибнуть при налете в Рагране.

Рассказывая правду Вэйлару, Аррингсхан рассчитывал на его благоразумие, особенно перед грядущими выборами, после которых Рингисхарр должен был занять место правящего. Пятно на репутации, сверкающее ярче, чем Вайовер Грейс, особенно перед отставкой, ему точно было не нужно. Вряд ли Аррингсхан задумывался, что Вэйлар может рискнуть своим положением и раскроет тайну. Потому что все судят по себе.

А Вэйлар выбрал меня.

Об этом рассказал Рэйнар, после того как врачи меня разве что под микроскопом не рассмотрели и не убедились, что со мной все в порядке. Кстати, главным показателем было именно то, что моя память восстановилась сразу и полностью. Оборот действительно стирал личность иртханов, но стирал потому, что у последних оборачивающихся в прошлом не хватало сил на мгновенный обратный. Задержавшись в драконьей ипостаси, они теряли связь с миром и память. Мы же с Рэйнаром сделали то, что в последний раз удавалось иртханам в далекой древности.

Наш оборот всколыхнул множество вопросов в научных кругах и среди людей, легенда перестала быть просто легендой. После раскрытия информации предположений было множество, драконологи в прямом эфире строили теории о том, что сила иртханов возвращается. Сила, позволяющая им оборачиваться в зверя и обратно. Впрочем, до «обратно» еще должно было пройти время, в прошлом иртханы были способны удерживать сознание человека около суток. Рэйнар продержался несколько часов, в моем же случае счет вообще шел на минуты, но это ничего не отменяло.

И, кажется, я действительно этим гордилась.

Гордилась своим мужчиной, который спас город и меня. Случись Норгхару увести меня в пустоши, вряд ли я сейчас лежала бы на этой кровати.

Гордилась собой, потому что именно я сумела его вернуть.

— Думаю, отец действительно сожалел, Леона. Просто уже не мог ничего исправить. Но я могу.

— А хочешь?

Вэйлар удивленно посмотрела на меня, и я пожала плечами.

— Мне не хотелось бы думать, что это только из чувства долга.

— Долги здесь ни при чем, — сказал истинный серьезно, глядя мне в глаза, и грудь обожгло так, что я поняла — правда.

А еще поняла, что действительно хочу попробовать. Хочу, чтобы у меня был брат. Ведь именно он вытащил мое угасающее сознание из пламени драконицы, именно благодаря ему я вспомнила слова колыбельной, которую мне пела мама. Первая мама. Мне, можно сказать, повезло. У меня их было две, и обе любили меня до безумия.

И я тоже... любила.

Поскольку обещала Рэйнару больше не плакать, пришлось задрать голову к потолку. Ненадолго. И сделать вид, что любуюсь встроенными светильниками.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— Спасибо, что согласилась выслушать.

— Глупости не говори, — улыбнулась. — Если бы не ты, я бы сейчас урчала, запертая в ангаре Скай Стрим.

Возле теплых глаз собрались лучистые морщинки.

— Драконы в неволе не живут.

— Скажи это Рэйнару.

Вэйлар поднялся и неуверенно подошел к кровати. Спинку подняли, чтобы я могла сидеть, а вот вставать мне категорически запретили. Наверное, не надо говорить, что «категорически» исходило не от врачей. Поэтому сейчас я просто чуть приподнялась, и Вэйлар шагнул ближе. Мы обнялись неуверенно и немного скупно, но, возможно, так и должно быть. Я чувствовала легкое напряжение, исходящее от него, и могла сказать, что чувствую то же самое.

— Выздоровливай. — Он так же мягко отстранился.

— Да я уже вроде. — Погладила покрывало. — Ты сразу в Зингсприд?

— Да, собственно... я ждал только, пока ты очнешься, чтобы с тобой поговорить.

— Скучать тебе точно было некогда.

— Это правда.

Пока Рэйнар был без сознания, Вэйлар вызвался оберегать город, и Совет утвердил его на время разрешения чрезвычайной ситуации. Теперь, когда правящий вернулся к своим обязанностям, задерживаться здесь брату не имело смысла. Брату... Это осознание мне еще предстояло распробовать. Я посмотрела в его глаза и вдруг отчетливо поняла, что хочу в самом скором времени увидеться с ним снова.

— Ты приедешь на премьеру?

Вот теперь Вэйлар широко улыбнулся.

— Обязательно. Не думала же ты, что я пропущу такое событие?

В той части палаты, где в море цветов от самых разных людей (у меня даже в лучшие времена в Ландстор-Холле такого не было) постоянно добавлялись новые букеты, были и букеты от помирившихся Лэм и Дрэйка с припиской: «Прости идиотов», от Хейда, от коллег с самыми теплыми пожеланиями. Гроу ограничился карточкой: «Жду в понедельник», а подпись к букету снежно-зеленых лари с лепестками, подернутыми бахромой, гласила: «Моей Люси».

— Ты же не любишь музыку.

— С тобой и Карин ее сложно не любить. До сих пор со стыда сгораю, что ей пришлось уйти с «Артомеллы».

Я приподняла бровь.

— Она очень тонко меня чувствует, и когда я разозлился... — Вот теперь Вэйлар выглядел смущенным. — В общем, она предложила просто погулять по городу, потому что у нее разболелась голова. До меня только потом дошло, что все это было из-за меня.

— Любовь — такая штука, да, — фыркнула я и тут же добавила уже мягче: — Жду вас вместе с Карин.

Мы еще раз обнялись на прощанье, и Вэйлар направился к двери. Уже почти вышел, когда я поспешно спросила:

— Как его звали?

Он остановился. Медленно обернулся ко мне.

— Дархарр.

— Я тоже думаю, что он хотел все исправить.

Мгновение, удивительно долгое, мы смотрели друг на друга, а потом Вэйлар вышел.

Дархарр. Почему-то именно это имя не вязалось с волосами цвета вспышки на солнце, а с каким? Пока я даже представить не могла.

Как-нибудь попозже попрошу у Вэйлара фотографии.

Когда буду готова. Когда мы оба будем готовы вместе их посмотреть.

Я не хотела рассматривать официальные снимки в сети, хотела увидеть его другим. Таким, каким его знала Шайна... мама.

Таким, каким она его полюбила.

И может быть (мне очень хотелось в это верить), она все-таки сумела его простить. Пусть даже он простить себя так и не смог.

Шеррамел Аррингсхан влюбилась в учителя музыки и подарила миру мою маму. Шайну Анж, «шелковое сопрано», которое ярко, но так недолго звучало над Зингспридом. Иртханессу-полукровку, чувство вины перед которой сжигало моего отца изнутри.

Вины ли?

Я сидела спиной к двери и смотрела на покореженную Лаувайс. После всего, что узнала, точнее, после разговора с Вэйларом я постоянно думала о родителях. Сильный иртхан, истинный, отказывается от женщины, с которой у него было слияние огней. Только потому, что она полукровка? Из-за того, что боится за свою репутацию или семьи?

Нет, что-то здесь не сходится.

«В моей семье таэрран была не принята. Отец считал это дикостью, и я с ним согласен».

Определенно не сходится.

Если бы Дархарр Рингисхарр был ярым приверженцем традиций, таэрран не вызывала бы в нем негодования. Ни у него, ни у Вэйлара. Да и не мог иртхан, оставивший беременную женщину, вырастить такого сына.

Я потерла пальцами виски, пытаюсь сосредоточиться. Ответ ведь где-то совсем рядом, на поверхности, просто постоянно ускользает. Мы все слишком сосредоточены на том, что произошло в Мэйстоне, а история, оставшаяся в прошлом... кому она сейчас нужна?

Мне.

Мне нужна. А еще Вэйлару, потому что я чувствовала его растерянность: он тоже не понимал, как его... наш отец мог так поступить.

— Леона, ты готова?

Я настолько задумалась, что прозевала появление Рэйнара. Он подошел и остановился рядом со мной, а я закусила губу.

— Скажи, что может заставить сильного иртхана отказаться от женщины, которую он любит?

— Отсутствие любви? — Рэйнар нашел мою руку и сжал пальцы. — Леона, я понимаю, это принять нелегко, но...

— Подожди. — Я повернулась к нему. — Но если бы он ее не любил, откуда взялась угасанию? Это как-то связано с огнями?

Он нахмурился.

— К чему ты клонишь?

— Я просто хочу понять.

— Нет. С огнями это не связано. — Рэйнар смотрел мне в глаза. — Только с чувствами.

С огнями это не связано, значит...

В голове словно что-то щелкнуло, и пазл сложился окончательно.

— У них не было никакого слияния!

Я вскочила так резко, что голова закружилась. Он попытался меня придержать, но я вскинула руку.

— У них не было слияния, Рэйнар! Просто не могло быть. Шайну отдали моему деду, учителю музыки, с единственным условием: он не подпустит ее к миру иртханов. Так бы и случилось, если бы Дархарр Рингисхарр не любил музыку и не увидел ее в «Артомелле». Понимаешь?

— Не совсем.

— У нее не было пробуждения огня! — Я отстранилась. — Рэйнар, ты же сам мне говорил, что это происходит после освоения ментальной магии, постепенно, а спонтанное пробуждение способно спалить дотла. Как случилось бы со мной, только у меня был ты, а у нее? Кто бы спас

Шайну, если бы в ней проснулся огонь?

— Возможно, в эту минуту с ней рядом был твой отец.

— Нет, — сказала я и решительно покачала головой. — Нет.

— Почему ты так уверена?

— Потому что он не мог отказаться от женщины, с которой у него произошло слияние огней! И если честно... не думаю, что он вообще от нее отказывался.

Вот теперь Рэйнар нахмурился по-настоящему.

— Поясни.

— Когда Дархарр встретил Шайну, он уже два года был вдовцом, и у него уже был наследник. Зачем ему отказываться от нее, особенно если он чувствовал силу ее огня, пусть даже и не знал о родстве с Аррингсханами? А вот Аррингсхану сейчас больше всего нужно прикрыть свою задницу. Представляешь, если наружу вылезет вся эта история? Да за его репутацию тэрринга не дадут. Но очень удобно преподнести Вэйлару версию, в которой наш отец предстает, мягко говоря, не в лучшем свете. Разумеется, мы можем рассказать об этом всем, но тогда разрушим и репутацию Рингисхарров.

Рэйнар приподнял брови.

— Ты хоть понимаешь, насколько это серьезное обвинение?

— Я хочу поговорить с Аррингсханом.

— Леона...

— Сейчас. Рэйнар, пожалуйста.

Он продолжал хмуриться, и я легонько коснулась его щеки.

— Пожалуйста, позволь мне с ним поговорить.

Он покачал головой.

— Ты уверена, что справишься с эмоциями?

— А надо ли? — Приподняла брови. — С ними справляться? Дай мне телефон. На вызов с моего Аррингсхан просто не ответит.

Лицо его окаменело, и я уже начала думать, что за мобильный придется побороться, но неожиданно Рэйнар просто протянул его мне.

— Начни разговор с Норгхара, — произнес он. — Он вполне мог такое раскопать, в это Аррингсхан поверит. И еще. Вот это приложение позволяет запустить запись в обход системы связи.

— Ты знаешь, что я тебя люблю? — улыбнулась.

— Тебе придется это доказывать. — В отличие от меня Рэйнар оставался абсолютно серьезным. — Очень долго доказывать. Я буду за дверью.

Не позволив мне ответить, он развернулся и вышел, а я раскрыла

список контактов.

Сейчас мне было как никогда страшно, потому что... оставался один шанс на миллион, что я ошибаюсь. Крохотная вероятность, и тогда игра с Председателем может очень дорого мне обойтись. Но вряд ли это перевесит желание восстановить доброе имя отца. В глазах Вэйлара, в своих собственных, в глазах того, кто мне доверился и сейчас дожидается за дверью.

Глубоко вздохнула, нашла имя Аррингсхана и нажала «вызов».

— Доброго дня, местр Халлоран. — Голос Председателя звучал очень сухо, словно из него выжали остатки эмоций.

— Эсса Ладэ. Или местрель Рингисхарр будет лучше? — Я включила видеосвязь и очаровательно улыбнулась.

Короткая пауза завершилась еще более сухим:

— Рад видеть вас в добром здравии.

Судя по выражению лица Аррингсхана, он был «рад» настолько, что мне полагалось сдохнуть на месте в жутких корчах. Как я вообще могла находить его приятным? Великая сила — пресс-служба и СМИ.

— А я вас нет. — Я прошлась по палате, позволяя ему увидеть, что мы разговариваем наедине. — Шайне вы тоже говорили, что она разрушит его жизнь до основания? Самая обычная женщина, несмываемое пятно на репутации сильного иртехана? Втерлись к ней в доверие, заставили отказаться от моего отца и уехать.

Я ведь тоже думала о том, что могу навредить Рэйнару. Думала всерьез после разговора с Аррингсханом, но... у меня была Танни. А у Шайны отец, которому убедительно намекнули, чтобы держал дочь подальше от иртеханов. Что он мог ей посоветовать?

Эмоции хлынули через край, и я даже не пыталась их сдерживать. Чем естественнее, тем лучше, верно?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — жестко произнес Председатель.

— Неужели? Это ведь вы привезли Эрмину Ладэ с маленьким ребенком в Зингснрид.

Блеф — дело опасное, но выбора у меня не было, особенно теперь. Раньше я думала, что мама поехала в столицу потому, что там проще устроиться, но сейчас все предстало в совершенно ином свете.

Не давая ему опомниться, быстро продолжила:

— Точнее, ее привезли по вашему приказу, когда разыскивали после налета. Ферн Норгхар любитель подстраховаться, а предатели найдутся всегда.

Я подошла к окну.

— А что вы сказали моему отцу? Что Шайна уехала, сбежала от него, что нужно оставить ее в покое? Хотя нет, подождите, скорее всего, вы говорили, что поможете ее найти, ведь в вашем распоряжении такие ресурсы! Искренне сочувствовали его горю, когда простая девчонка с волшебным голосом испугалась ответственности и опасного мира ир்தханов. Он ведь даже не догадывался о том, что Шайна наполовину ир்தханесса, и она — тоже.

Каждое слово звенело от ярости и боли, мне казалось, что еще чуть-чуть, и я выдохну огонь. Прямо так, в человеческом обличье.

— И когда случился налет, вздохнули с облегчением, потому что теперь вашему другу было некого искать. Точнее, было кого, но вы сообщили, что Шайна и ребенок погибли, а Эрмине Ладэ навешали драконьей чешуи на уши о том, что отцу я не нужна. Вы же всегда работаете по одной схеме, правда? На юбилее вы пригласили меня, чтобы выяснить, знаю ли я что-то, чем живу, какие у меня цели. Неужели вы ни разу не задумались о том, что убили их? Лучшего друга и племянницу? Не угасание, не случайный налет в Рагрране, а именно вы!

Я выдохлась и замолчала, Аррингсхан тоже молчал на удивление долго. Я уже начала думать, что все было зря, но потом он все-таки произнес:

— За все, что я тогда сделал, я уже ответил. Сполна. Я потерял семью, эсса Ладэ, считаете это недостаточным искуплением?

— Я сожалею о вашей семье, местр Аррингсхан, — сказала тихо. — Действительно сожалею. Но вам не сочувствую. Вы своими руками погубили всех, кто вам доверял и с кем вы могли бы быть счастливы.

— Не тебе жалеть меня, девочка. — В голос ворвался рокот бушующего океана, который больше не вызывал никаких чувств. Ни страха, ни наивного восхищения, ни-че-го. — И тем более не тебе меня судить.

— Это уж точно.

Выключила запись, открыла мессенджер. Выбрала всех правящих, включая Аррингсхана, поставила в копию Вэйлара и нажала «отправить». Дождалась, пока Председатель откроет сообщение, а после...

Наши взгляды встретились. На один короткий миг.

— Прощайте, местр Аррингсхан, — сказала я.

И нажала отбой.

— Ай!

— Не капризничай.

— Все равно ай, — сказала я.

Теперь я понимала, зачем нужна личная гостиная в Скай Стрим: чтобы лежать на диване, задрать ноги. Положив голову сестре на колени, и чтобы та плела из твоих волос кучу джумбийских косичек (это новое увлечение у нее появилось в те дни, пока я крепко спала в гибернационной капсуле). Как сказала Танни, ей просто нужно было чем-то успокоить нервы.

— Ты мне лучше объясни, как ты додумалась угнать флайс. А главное, откуда ты знаешь, как им управлять?

— Ругаться не будешь?

— Я похожа на ту, кто в состоянии ругаться?

— И запрещать ничего тоже не будешь?

— Зависит от того, что именно ты мне расскажешь.

После приезда в Скай Стрим меня сразу проводили в комнаты. Спустя десять минут сюда влетела запыхавшаяся Танни, следом за ней Марр, и понеслось. В смысле мы наобнимались за всю жизнь, когда моя сестра зажимала свои обнимашки, и еще лет на десять вперед. Марру тоже перепало ласки, шариков с беконом и моей искренней благодарности в виде килограмма вяленого мяса, которое я заказала прямо сюда. Особенно когда выяснилось, что до флайса Терграна дотащил именно он. Кто еще, кроме сестры, мог вспомнить о едových виарах в наше время? Правильно, никто. А она вспомнила. Впрочем, как и о том, что в прошлом виары вытаскивали раненых с поля боя.

— В общем, мы с Имери, — Танни принялась теребить заплетенную косичку, — и с ребятами учились водить, когда никто не видит. У старшего брата Дерна есть флайс, и мы его... заимствовали. Иногда.

— Мм...

— Учились сигналку обходить своими силами с помощью одного чувака через закрытую сеть. Потому что его брат, если двинет, потом не поднимешься.

Ну а что я говорила? Вот такая чудесная у меня сестра.

— Вам в голову не приходило, что вас может поймать полиция?

— Не поймала же, — фыркнула она, а потом добавила совершенно серьезно: — Я когда увидела Марра в ступоре и что тебя нет... Рэйнар не отвечал, а Лаувайс развалилась... меня так никогда не колотило. Я поняла, что сейчас сяду посреди гостиной и буду выть.

— Погоди-ка, но Марр же действительно был в ступоре.

— Ну так... я его тащила в холл под соседскую истерику. Все металась, ломилась к лифтам, чтобы спуститься на нижние уровни,

помогать никто не хотел. Тергран еле-еле шевелил губами, но приказ снять сумел. Правда, потом снова вырубился.

Я прикрыла глаза, представить, что творилось в доме, было несложно. Примерно то же самое творилось в Рагрane в ночь, когда умерла Шайна.

Знала ли Шеррамел о том, что ее дочь погибла? Или на самом деле предпочла забыть обо всем навсегда? Танни была рядом, поэтому я сдерживала себя от желания залезть в справочную за номером деда. Или за номером Шеррамел. Я одновременно хотела с ними поговорить и боялась... сама не знаю чего. Просто боялась.

Возможно, того, что Шеррамел больше Аррингсхан, чем Трингард.

Того, что для потерявшего дочь отца я стану всего лишь болезненным напоминанием из прошлого.

Небо, какая же Шайна была молоденькая. Как мало она жила.

На глаза снова навернулись слезы, и я закусила губу.

— Эй, — сказала сестра, — не кукуйся. У нас же все хорошо.

— Да, — ответила я после паузы. — Все просто чудесно. И ты молодец. Правда.

Танни слегка покраснела.

— Хочу в понедельник вернуться в школу. — Она потерла ладони и принялась опять за плетение косичек. Умявший вяленое мясо Марр блаженно урчал.

— Ты уверена?

— Более чем. Здесь скучно и делать нечего.

— А где ты собираешься жить?

— В нашей квартире, разумеется. Просто замок сменим.

Мои «потерянные» ключи нашлись у Армаса Лармернеха ненавидевшего Халлоранов. Листерн Халлоран в далеком прошлом вышвырнул его отца из администрации города за какие-то махинации. Но поскольку кадры подбирал и проверял Норгхар, этот факт благополучно был скрыт, как и многое другое. Теперь вальцгарда ожидал внутренний суд — точно так же, как Шахрейна.

— Не переживай. Со мной будет Имери. — Танни ткнула меня в плечо.

— После того что ты рассказала про флайс, это определенно обнадеживает.

— Не будь занудой!

— А ты обещаешь, что больше не будешь угонять флайсы.

— Даже чтобы спасти кому-то жизнь?

— Ладно, — согласилась я. — Чтобы спасти жизнь, можно. Но не

чаще раза в год.

Танни неожиданно выпустила косичку, а потом крепко-крепко меня обняла.

— Знаешь, — серьезно сказала она, — я рада, что ты не играешь Артомеллу. Героически умирать даже понарошку — не самая приятная штука. Ну, мне так кажется.

— Не знаю, — улыбнулась. — Не пробовала.

— И не пробуй! Если попробуешь, я буду угонять флайсы в два раза чаще. Нет, в три.

— Не стану. И надеюсь, тебе больше никогда не придется их угонять.

— Ох, Леа... просто представить не могу. Моя сестра — дракон. Драконица!

— Умолкни.

— Не-а. — Она улыбнулась. — Ты была такая красивенькая... Рыженькая. И очень грозная.

Эксклюзив канала «Соларс Ван» мы просмотрели раз десять. Я действительно была рыженькая. Истинная драконица. А когда оборачивалась в себя, вокруг меня стелилось рыжее пламя, напоминающее полупрозрачный огонь. Наверное, это можно было бы назвать красивым, если не знать, что всему этому предшествовало. Я знаю, что эту пресс-конференцию буду пересматривать еще очень долго. Конечно, не потому, что она стала поворотной точкой в нашей с Рэйнаром истории. Не потому, что после нее мне начали присылать букеты совершенно незнакомые люди.

Из-за того, что он сказал. Перед Мэйстоном. Перед всей Аронгарой. Перед всем миром.

— Я мог бы долго говорить о том, как сильно я тебе благодарен, Леона. Но я скажу проще: я тебя люблю.

— Поверить не могу, что Ирргалия на это пошла, — произнесла местра Халлоран, откладывая салфетку.

Выражение ее лица сейчас напоминало то, с каким она впервые вышла меня встречать.

— Тебя еще что-то удивляет? — Энтар усмехнулся и покрутил бокал в руке, рассматривая на свет.

Ему назначили повторное испытание после Смены Времен, причины «провала» были обнародованы, и Шахррейна-старшего сняли очень быстро. Теперь его ожидало внутреннее разбирательство, равно как и его сына. Когда встал вопрос о смертной казни Деверика, в Совете начались серьезные разногласия из-за того, что они с Ирргалией стали парой. Как

выяснилось, парой они были только на словах и на публике.

Местрель Стоунвилл сразу же сбежала к отцу во Флангстон, откуда во всем призналась. Разумеется, со свойственной ей особенностью все представлять: якобы они с Девериком действительно собирались стать парой, и, чтобы его поддержать, она притворилась, что ей стало плохо на поединке. Ирргалия со слезами на глазах возмущалась жестокостью несостоявшегося жениха (правда, недолго). Из-за махинаций дочери тень подозрений падала и на Стоунвилла. Разъяренный, он практически сразу запер ее в личной резиденции.

— Место Председателя ему теперь точно не светит, — усмехнулся Энтар.

— Да, сейчас главный претендент Эрран Малгери, — Аргастель кивнула. — Думаю, его поддержат единогласно.

— Кроме Стоунвилла, — фыркнул Энтар. — Не завидую я Ирргалии.

— Давайте сменим тему, — предложил Рэйнар. — Лично я в последнее время порядком устал слушать о Стоунвиллах и Шахррейнах.

— Тебе все равно придется, — заметила Аргастель. — На слушании как минимум.

— Вот поэтому я и предложил поговорить о приятном.

— И про Аррингсхана тоже. Кстати, расследование уже началось?

— Началось. — Рэйнар накрыл мою руку своей. — Аррингсхан временно отстранен от правления. Сейчас его обязанности исполняет Вэйлар.

Для людей это была просто досрочная отставка, но репутация Аррингсхана в обществе иртханов была разрушена. Сделка с Норгхаром, которую Аррингсхан заключил, чтобы сохранить в тайне мое происхождение, сыграла с ним злую шутку. Разумеется, он не подозревал о готовящемся в Мэйстоне перевороте, но самого факта причастности к нему уже было более чем достаточно. Председатель и его отец приложили все силы, чтобы сохранить безупречную репутацию семьи, сломав при этом не одну судьбу, однако и это им не помогло. Эпоха Аррингсханов подошла к концу. Достаточно бесславному, надо сказать.

Оставшееся время мы обсуждали самые разные темы, избегая политики и случившегося. Аргастель рассказала про самоотверженную работу волонтеров и сотрудников Благотворительного фонда, для которых последние несколько дней были сумасшедшими. Потом планировали праздничную ночь, до которой осталось всего ничего, так что получился вполне милый семейный ужин.

После него местра Халлоран с Энтаром решили задержаться в

столовой, а мы с Танни и Рэйнаром оставили их наедине и направились к лифтам. Правда, втроем пробыли недолго, едва успели подойти к скоростным капсулам, как Танни негромко кашлянула, привлекая внимание.

— Знаете, я, пожалуй, пойду.

И пошла куда-то в сторону от лифтов, а я даже сказать ничего не успела, как меня втолкнули в раскрывшиеся двери.

— Прогуляемся?

— В парк?

— К водопаду. — Рэйнар внимательно посмотрел на меня. — В юности именно там я учился справляться с эмоциями. И со стихийной магией.

Действительно, где лучше справляться с огнем, как не в окружении воды.

— А ты когда-то не умел с ними справляться? — улыбнулась.

— Представь себе.

Я даже переодеваться не стала, просто надела сапожки и набросила пальто. Мы прошли по коридорам, поднялись на стоянку флайсов и взмыли ввысь. К небесам, которые раскинулись над нами бескрайним искрящимся покрывалом. Промчались над мостом, над «парусами» здания телепорта. Машина легко взрезала согревающий энергетический купол, удерживающий тепло над резиденцией, и устремилась к водопаду.

Рэйнар осторожно посадил флайс на крохотном пятачке, где хватило места только для него и для нас двоих.

Он вышел первым и подал мне руку. Немного жутковато было стоять на самом краю бушующей стихии, жутковато, волнующе, но... как же красиво!

— Замерзла? — Рэйнар обнял меня со спины.

— Нет!

Здесь приходилось повышать голос из-за шума водопада. Тонны воды срывались вниз, над пеной клубился пар.

— Под природным бассейном горячие источники. Они разогревают воду, — пояснил он.

Я откинула голову ему на плечо. В ночи Скай Стрим казался парящим над землей из-за нижних этажей, теряющихся в темноте.

Никогда в жизни я не чувствовала себя настолько спокойной. Насколько влюбленной. Насколько... его.

— А купаться там можно?

— Можно.

— Я хочу искупаться там с тобой.

— Искупаемся, — пообещал Рэйнар. А потом развернул меня лицом к себе и встал на одно колено.

— Леона, ты станешь моей женой?

В общем, хорошо, что я стояла не на самом краю, потому что у меня в этот момент дико закружилась голова.

— Мм... — многозначительно сказала я.

Или подумала.

Или все-таки сказала.

Наверное, по умению оригинально сделать предложение Рэйнар переплюнул всех свадебных креативщиков, вместе взятых. Чем дольше я на него смотрела, тем больше становились мои глаза. Примерно до того уровня, пока им было куда увеличиваться и пока не обрела дар речи и связной мысли.

— Ты это сейчас серьезно?

— Серьезнее некуда. — Он раскрыл ладонь, на которой сверкало кольцо.

Изящное колечко с камушком, в гранях которого отражались мы.

И так еще десять раз.

— Я хотел это сделать, когда в первый раз привез тебя в Скай Стрим, — произнес он. — Но не сложилось. Наверное, к счастью, потому что тогда все было бы иначе.

У меня неожиданно сдавило горло.

Артомелла и Регхарт. Он запомнил.

— Ты же говорил, что эта история адаптирована для людей, — севшим голосом прошептала я.

— Я много чего говорил, Леона. — Пристальный взгляд. — Особенно когда сходил с ума от невозможности к тебе прикоснуться. Когда ты смотрела на меня как на врага. Когда улыбалась всем, кроме меня.

Наверное, надо было сказать что-то... соответствующее моменту, но ничего в голову не приходило. А вот всякое разное — вполне.

— Погоди, а когда был второй раз?

— В «Шеррамел Стар». Когда я приглашал тебя в номер.

— Ты... — Я поперхнулась. — Ты вроде как тогда наказать меня хотел! Ну, знаете ли!

— Я же думала... думала, что...

Рэйнар приподнял брови.

— Что ты думала, Леона?

— Ничего! Ты с ума сошел?

— Из-за тебя. Да.

Его пальцы коснулись моей ладони, и я вздрогнула, настолько горячим было это прикосновение.

— Схожу всякий раз, когда смотрю на тебя. Когда целую тебя. С первой минуты, когда увидел тебя на афише, когда впервые услышал твой голос. Сначала в записи, а потом на сцене.

— Ты что, пришел в Ландстор-Холл из-за меня?

— Уж точно не из-за ретроинтерьера. — Он улыбнулся. — И даже не из-за игры Дрэйка Беркинса, хотя играет он потрясающе.

Я задохнулась. Но это все потому, что ветер ударил в лицо и отбросил назад волосы. Сильный ветер. Только из-за него.

— Да, — сказала я и села рядом с ним.

— Что — да?

— Уж точно не согласие с комплиментом по поводу игры Дрэйка Беркинса, — фыркнула я и тут же стала серьезной. — Хотя играет он виртуозно. Да, Рэйнар, я стану твоей женой. Твоей драконицей. Твоей.

Колечко село на палец, как будто было для него создано. А потом Рэйнар поднялся одним рывком и подхватил меня на руки так яростно, как ураган подхватывает пламя. И оно снова взметнулось ввысь, соединяя нас поцелуем, сплетением рук и ощущением безграничного, бесконечного счастья.

Было так безумно сладко целоваться над водопадом на огромной высоте, вплетая пальцы в густые черные волосы, теряясь в этих ощущениях. Так же, как бросать на него упоительно долгие взгляды, пока мы возвращались в Скай Стрим. Так же, как идти по коридорам, едва касаясь друг друга пальцами и чувствуя покалывающие подушечки искры. Так же, как дышать через раз, когда в лифте меня толкнули к стене, снова терзая припухшие губы. На миг даже посетила хулиганская мысль нажать «остановку», но я удержалась. То ли потому, что голод в его глазах был слишком отчетлив, то ли потому, что глазок камеры подмигивал очень дружелюбно. Я представила, как охранники давятся кофе, поспешно отключая монитор, и хихикнула. Прямо ему в губы.

— Это вы сейчас о чем, эсса Ладэ? — хрипло спросил он.

Я приподнялась на носочки, чтобы сказать на ухо. Правда, не удержалась, цапнула за это самое ухо, а в следующий миг лифт остановился. Меня резко развернули лицом к зеркальной стене, припечатав мои запястья над головой, горячая ладонь прошла по бедру, задирая платье. Кажется, у великих драконов мысли сходятся... Если они у них вообще есть в такие моменты. Лично у меня все разом вылетели из головы,

когда горячие пальцы погладили внутреннюю поверхность бедра.

— Ка-а-а-амера-а-а, — выдохнула я, когда ладонь скользнула чуть правее.

— Уже выключена, — прошептал он, касаясь губами моей скулы.

Зубы слегка сомкнулись на мочке, и все тело пронзило диким, будоражаще-яростным предвкушением.

«Когда только успел?» — подумалось мне.

Впрочем, мысль промелькнула, потому что пальцы надавили чуть сильнее, заставляя выгнуться в спине и тянуться за его рукой. В зеркале отражались безумные мы: истинное и алое пламя затопило радужку. Рэйнар стоял чуть поодаль, и я подавалась назад, на всю длину рук, которые он легко удерживал, не позволяя сдвинуться с места. Платье собралось складками на бедрах, а его пальцы продолжали творить всякие непотребства. То скользящими ласкающими движениями поглаживая самую чувствительную точку, то повторяя контур резинки чулок. Смотреть на это не было никаких сил и не смотреть — тоже.

Пламя струилось сквозь меня, текло по рукам, собираясь на кончиках пальцев. Низ живота сводило от подступающего наслаждения, а потом он неожиданно убрал руку. Я едва не застонала от разочарования, которое... было недолгим. Миг — и он подался вперед, позволяя мне ощутить твердость его желания. Несколько исступленно долгих секунд мы смотрели друг другу в глаза через зеркало.

Его вертикальный зрачок раскрылся во всю радужку, оставив лишь раскаленный ободок. Проникновение вышло медленным. Жарким. Глубоким.

Таким же, как мой стон, когда мы снова стали единым целым.

Медленное движение назад, и снова — до той самой точки, когда хочется кричать. Откровенные, долгие прикосновения его пальцев в такт мягкому, текучему ритму.

— Р-р-ррэйнар-ррр, — не то простонала, не то прорычала, когда он снова почти отстранился.

— Будешь еще кусаться? — хрипло поинтересовался он.

Очень хрипло, голосом, рождающимся в груди, дрожащим от нетерпения.

— Буду, — выдохнула в тон ему.

Глубоко, как на последних минутах распевки. Увидела, как полыхнул алый ободок, и подалась назад резко, до предела, кусая горячие губы. Рэйнар зарычал, пламя полыхнуло в груди, и мы рухнули в сильный, яростный ритм. Безумный, рождающий внутри странную сладкую боль

пополам с наслаждением.

Мой мужчина сходит от меня с ума.

Мой мужчина.

Мой... Дракон.

Задыхаясь от ураганных движений, каждое из которых срывало с губ не то рык, не то стон, подавалась назад. Снова и снова.

Снова и снова, до огненной дрожи во всем теле.

До той минуты, когда...

Рэйнар отпустил мои руки.

Отпустил только для того, чтобы скользнуть по панели управления и перехватить снова. Лифт плавно качнулся и пошел наверх, но прежде чем я успела это осознать, горячие ладони накрыли мои пальцы, которыми я цеплялась за стену.

— Сумасшедший! — выдохнула через силу.

— Это мы уже выяснили. — Хриплое рычание обожгло шею.

Возбуждение, дикое и неприличное, накатило с новой силой. Возбуждение от того, что творилось в зеркале, от осознания, что двери вот-вот раскроются. От полной, безоговорочной принадлежности... ему. От наслаждения, накатывающего волнами до предела, когда уже хочется кричать во все горло.

И я закричала, чувствуя, как рассыпаются искры в кабине лифта, а его пульсация внутри отдается в каждую клеточку моего тела, слыша, как хриплый стон Рэйнара сливается с моим. Пламя плеснуло в наши соединенные руки. Настоящее живое пламя, схлестнувшееся воедино и поменявшее цвет на какой-то солнечно-алый. Полыхнуло — и тут же растаяло, подчиняясь власти его магии.

«У нас будут разноцветные дети», — подумала я, глядя на исчезающие искорки.

А потом закусила губу, содрогаясь всем телом от полубезумного наслаждения, падая в его объятия. Дрожащими руками застегивая ему брюки. Двери лифта раскрылись с легким щелчком, Рэйнар едва успел одернуть мне платье и подхватить на руки.

— О-о-ох, — выдохнула я, чувствуя, как внутри все еще сладко сжимается. — Куда мы теперь?

Дурацкий вопрос, тем более что мне было все равно. В этих руках было уютно и думать больше не хотелось ни о чем. На пальцах то и дело рождались вспышки истинного огня, и я рассматривала их с непривычной ленцией.

— А куда ты хочешь?

— Хочу в душ. И спать.
— Значит, пойдём в душ. И спать.
— Не-э-эт, — прошептала я. — С вами я в душ не пойду, местр Халлоран.

— Неужели? — В глазах полыхнуло голодное пламя.
Снова.

Иртханистый дракономаньяк. Вот чем я думала, когда соглашалась на его предложение?

Мысли тоже текли вяло и лениво, но все-таки достаточно осознанно для того, чтобы понять, куда меня принесли. Уж точно не в мои комнаты, эти выглядели иначе. Я, конечно, сейчас не ручаюсь, но... нет. Определенно иначе.

— После душа понесешь меня к себе, — предупредила я, когда меня поставили на ноги. — Я остаюсь только на таких условиях.

— Не понесу.

— Что? — Я решила, что сейчас самое время наступить ему на ногу.

Не успела, правда. Потому что меня огорошили заявлением:

— Не понесу, потому что хочу заснуть с тобой, Леона. Хочу, чтобы мы стали парой.

Мм... парой?

У меня слегка задрожали колени.

— Ты хочешь, чтобы мы стали парой?

— А ты разве не хочешь? — Он внимательно посмотрел на меня.

— Нет.

— Нет? — Взгляд его потемнел.

— Нет, но я тоже хочу с тобой засыпать, — фыркнула я. — И если это означает, что придется стать парой...

В душ я убегала очень быстро. В два прыжка преодолела расстояние до комнаты, а потом лазерным лучом влетела в ванную, но дверь захлопнуть не успела. На меня подло напали со спины, сграбастали в охапку и поволокли в душевую кабину. Где я в очередной раз убедилась, что злить драконов — занятие опасное. Стоило нам оказаться внутри, как кое-кто включил душ, и нас с шипением окутало облачко пара: сверху обрушились струи холодной воды, но холодно не было, кожа Рэйнара просто раскалилась под пальцами. Чувство было такое, что я стою под ледяным дождем рядом с костром, и контраст просто сводил с ума.

— Как ты это делаешь?

— Очень просто, — хмыкнул он, запуская пальцы в тяжелые мокрые пряди.

— А меня научишь?

— Научу, — пообещал он. И добавил: — Если будешь хорошо себя вести.

— А если буду вести себя плохо?

Он с рычанием впился в мои губы, и я в этот миг поняла, что в общем-то не против время от времени побыть плохой девочкой. А главное, что рядом с ним я могу быть любой.

Наверное, в эту ночь все было, как и в тысячи прочих — для других. Только когда Рэйнар нес меня на руках в нашу спальню, мне совсем не хотелось засыпать. Хотелось продлить волшебство, объединившее нас, и уютные мгновения, когда я устроилась у него на плече, глядя на резкий и жесткий профиль.

Если бы в день нашего знакомства мне кто-нибудь сказал, что этот мужчина может быть таким, я бы выразительно покрутила пальцем у виска. Или сходила бы проверить, все ли нормально у меня со слухом — как вариант. Особенно если вспомнить, как оно началось.

— Ты правда считал, что я набиваю себе цену? — спросила, глядя ему в глаза. — Тогда, в подсобке. Когда на тебя упало ведро.

— Ты это никогда не забудешь?

— Не-а. — Почему-то мне отчаянно хотелось дразниться.

— Я тоже.

Не выдержала и рассмеялась, уткнувшись носом ему в плечо.

— Так что? — напомнила про свой вопрос.

— Наверное, мне хотелось в это верить. Потому что ты стала моим наваждением, а для меня это было слишком.

— Из-за Арилин? — Вопрос вырвался сам собой.

Рэйнар пристально на меня посмотрел.

— Нет, Леона. Арилин никогда не была моим наваждением. Так, чтобы сходить с ума и сгорать от невозможности прикоснуться. Настолько, чтобы тянуться за голосом, как за глотком воздуха в раскаленной пустыне.

— Поэтому ты собирался на ней жениться? — спросила я.

И тут же прикусила язык.

— Поверить не могу. — Он улыбнулся.

— Во что? — буркнула.

— Я уже почти забыл, какая у меня ревнивая драконица. — Рэйнар привлек меня к себе. — Такая свободолобивая... и такая ревнивая.

— Вовсе нет, — попыталась выкрутиться. — Просто... мне интересно.

— Просто интересно?

— Да. Просто. И интересно.

Рэйнар помолчал.

— С Арилин меня познакомил Норгхар. Точнее, когда мы познакомились, он с ней встречался.

Я моргнула. Очень выразительно.

— У нас завязался роман. Думаю, это было что-то вроде запретной любви, когда хочешь остановиться, но не можешь, а потом все зашло слишком далеко. Отец начал давить, и чем сильнее он это делал, тем больше меня раздражал. В те годы мне казалось, что если я отступлю, это будет слабость. Ведь это мое решение, моя жизнь. Я сделал Арилин предложение не столько потому, что хотел, сколько ему назло. Она согласилась, а через пару недель переспала с Норгхаром. Я пришел к ней, и видел все своими глазами, Арилин даже не стала оправдываться. Думаю, мы с ней изначально понимали, что у нас ничего не получится, но тогда это здорово меня уязвило.

Слегка очешуевшая от обрушившихся на меня откровений, я даже не нашлась что сказать. Сомневаюсь, что Норгхар переспал с Арилин из любви к ней, скорее, «на благо семьи», чтобы выслужиться. А может, он и познакомил их не случайно, хотел сравнить Рэйнара с отцом, и ему это почти удалось. Если до этого смерть Норгхара не вызывала во мне никаких чувств, то сейчас мне отчетливо захотелось убить его еще раз: он предал не только Рэйнара, но и все, что было ему дорого. Город, людей, драконов... и все ради непомерных амбиций. Точно так же, как в свое время поступила его мать. Сомневаюсь, что она не знала о предстоящем браке Листерна и Аргастель.

— Ну что? Больше не будешь меня ревновать? — Голос Рэйнара ворвался в сознание, разрушая мое холодное оцепенение.

— Буду! — заявила я. — А если дашь повод, вообще голову откушу.

— Неужели? — Рэйнар нахмурился, но было видно, что он доволен.

Насколько вообще может быть доволен Драконище, который заполучил меня в свое полное и безраздельное пользование.

— Ага, — подтвердила не менее довольна.

Поерзала, устраиваясь удобнее, и закрыла глаза. Не одной в постели было... непривычно, но удивительно, невероятно тепло. Потому что рядом мужчина, который обнимает так уверенно, властно и в то же время настолько нежно, что сразу становится понятно — не отдаст никому. Мужчина, который всегда, что бы ни случилось, будет на моей стороне. Мужчина, который ради меня превратился в дракона.

Дракон, которого я буду любить всегда.

Просыпаться не хотелось, в кольце знакомых сильных рук было уютно. Мне хотелось урчать, а еще... я будто была продолжением его, и даже не потому, что мы переплелись руками и ногами. Просто чувство было такое, словно дыхание Рэйнара отзывалось во мне, словно нежность текла от меня к нему и обратно. Не только нежность, наши огни переливались сквозь сцепленные пальцы. Как тогда, когда он делился силой, только сейчас это происходило само собой.

— Доброе утро, самая невероятная женщина во Вселенной.

Я открыла глаза, чтобы наткнуться на его взгляд.

— Доброе утро, драконище.

— Драное?

— Ты это никогда не забудешь? — повторила его же слова.

— Нет. — Рэйнар улыбнулся, а потом неожиданно подтянул к себе и легко поцеловал в губы, отчего урчание внутри стало сильнее. Мне захотелось потереться о его руку, коснуться щекой щеки, а еще куснуть за палец. Это так и должно быть?

— Я тут подумал...

— Мм?

— Надо назначить дату свадьбы.

На мгновение повисла тишина. Я просто очень глубоко задумалась, глядя на колечко. Все это было так странно... очень странно.

— Леона?

— Мне страшно, — неожиданно призналась я.

— Почему? — Рэйнар внимательно посмотрел на меня.

— Раньше я никогда не была первой леди.

— Раньше ты никогда не пела дракону.

Он повторил пальцами разлет моих бровей.

— Как тебе вообще в голову пришло обернуться? — спросила я.

— Не приходило. Я просто услышал твой крик и понял, что иначе не успею.

От того, как это было сказано, перехватило дыхание.

— Ты слышал только крик? Или мысли?

— Только крик, Леона. Ментальная связь больше похожа на эмпатию, это зов, который слышишь сердцем.

Я слегка сжала его пальцы.

— Теперь я смогу позвать тебя даже из Зингсприда?

— А ты собираешься в Зингсприд? — Он приподнял брови.

— Ну... там живет мой брат. Наверное, раз в год мне придется наносить визит вежливости, или как это называется.

Рэйнар неожиданно тепло улыбнулся.

— Уверен, что визиты будут не просто данью вежливости.

— Ты так считаешь?

Он кивнул.

— Как думаешь, Шеррамел знает обо мне?

— Почему бы тебе не спросить у нее самой?

— Я боюсь.

— С этого мы начали разговор, Леона. — Он взял меня за подбородок и заглянул мне в глаза. — Ты никогда никого не боялась. Даже драконов.

— Не боялась. А сейчас...

— Сейчас ты просто растеряна. — Рэйнар привлек меня к себе еще ближе, хотя казалось, ближе уже некуда. — И если честно, я этому не удивлен.

— Думаешь, стоит ей позвонить?

— Стоит. — Он провел рукой по моим волосам. — Если ты этого хочешь.

— Хочу, — прошептала я. — Даже не представляешь как. И деду тоже. Он ведь знал Шайну... знал мою маму как никто другой.

— Тогда набери их и все узнаешь. — Рэйнар достал мобильный.

— Что ты делаешь?

— Даю задание Рольгену. Пока он на испытательном сроке, пусть занимается оперативным поиском информации.

Его голос звучал так уверенно, а слова — так просто, что в этот миг я отчетливо поняла — наберу. Наберу, когда буду готова. Чтобы рассказать о Шайне той, которая потеряла ее, едва увидев после рождения. И тому, кто отпустил ее в другую страну из благих побуждений. Возможно, я обрету деда и бабушку, а может быть, и нет, но это не главное. Главное — он. Главное, что мы вместе.

Связанные огнями, любовью, одним дыханием на двоих. Желанием засыпать и просыпаться вместе, удивительным проникновенным чувством — то яростным и огненным, то нежным, как ласкающее прикосновение. Чувством, сравнить которое мне просто не с чем... да и не надо. Сплетенные, слитые воедино настолько, насколько не способны связать ни одни брачные узы и обручальные росписи, но...

— Что скажешь насчет весны? — тихо спросила я.

И он улыбнулся в ответ.

Из зеркала на меня смотрела девяностодевяти процентная Люси. А то, что осталось от меня — Леоны, не давало подняться со стула. Сидела и

моргала на свое отражение ровно до тех пор, пока дверь в гримерную не открылась и за спиной не возник Гроу собственной персоной. Точнее, Стен, хотя Стен из него вышел... ну очень авторский. Впрочем, Люси из меня тоже. По ходу повторных репетиций мы сократили несколько сцен, добавили импровизации, в итоге получилось то, что получилось. Насколько хорошо, будут решать зрители.

— Коленки трясутся, Ладэ? — поинтересовался он, опираясь руками на спинку стула по обе стороны от меня.

Все-таки что ни говори, а Люси и Стен красивая пара.

— Нет, — соврала я.

— А чего ты тогда такая белая?

— Это грим.

— Хороший грим, — произнес он, склоняясь к самому моему уху и обжигая дыханием шею. — Ты еще не передумала выходить за него?

— Отвали, — шепотом сказала я. — Там весь Мэйстон собрался. И меня сейчас стошнит.

Меня и правда тошнило все утро. Перед выходом я закрылась в ванной под предлогом распевки, и Рэйнару чуть ли не силой пришлось меня оттуда вытаскивать. На премьеру билеты были распроданы в первый день продаж: услышать голос, вернувший правящего, того, кто спас город без единой жертвы, хотели все. Хейд сказал, что впервые в жизни он не старается рекламировать и продвигать своего клиента, наоборот, отбивается от шквала предложений. Впрочем, в рекламу и продвижение заранее вложилась Гроу, а он знал толк в извращениях.

На афише мы стояли на крыше высоты, я была оплетена только шелковой лентой, готовая вот-вот упасть. А удерживал меня он, намотав конец ленты на кулак. Свет падал на меня, профиль Гроу был в затемнении. Когда Рэйнар впервые увидел эту афишу, он пообещал его убить. После премьеры, чтобы моя мечта все-таки осуществилась. Мне пришлось всю ночь убеждать его не делать этого, а утром бежать на репетицию.

Через неделю состоится свадьба Лэм и Дрэйка, у которых сегодня места в первом ряду. Накануне праздника мы с подругой с вытаращенными глазами бегали по магазинам, чтобы найти идеальное платье. Все-таки нашли и с ведущим тоже встретились. А еще я заскочила в Ландстор-Холл, чтобы забрать вещи, и в последний раз спела на сцене, которая познакомила нас с Рэйнаром.

Последние несколько недель выдались напряженными, даже Смена Времен не особо позволила расслабиться. За это время в коротких перерывах между репетициями я дала безумное количество интервью, а

Мэйстонская опера стала самым знаменитым местом в городе. Особенно после того, как мама Карна пришла на телевидение вместе с сыном, чтобы рассказать о случившемся в парке.

Общество иртеханов дружно молчало. То есть что они думали по поводу моего выхода на сцену, я могла представить, но сила огня, оборот и спасение города заткнули фонтан неприязни мегатонной расплавленного металла. Теперь ни один правящий при виде меня глаз не отводил и общался на равных. В частности, когда я давала показания по поводу Норгхара, Шахррейнов и Аррингсхана, пообщаться пришлось со многими.

Кстати, об иртеханском обществе...

— Ты ему так и не сказал? — Чтобы посмотреть Гроу в глаза, достаточно было бросить взгляд в зеркало, но я все-таки развернулась на крутящемся стуле.

И оказалась с ним лицом к лицу.

— Нет. Пусть будет сюрприз.

Фамилию Гранхарсен я вспомнила. Точнее, нашла в сети сразу, как только на это нашлось время. Отец Гроу Вергарр Гранхарсен служил в дипломатическом корпусе. Он был направлен в одно из посольств Аронгары, в Балт-Лар-Сити, где провел более двадцати лет. Потом вернулся в Ферверн, а сейчас баллотировался на место правящего в Бельвенхарте, одном из крупнейших мегаполисов северной державы. Выборы должны были состояться летом, а до того... ему предстояло увидеть сына на сцене.

В общем, да. Это будет сюрприз.

— Мамочки, я сейчас в обморок упаду... Ой. — В примерную заглянула Тарина, но заметив наши с Гроу гляделки, осеклась. — У нас выход через десять минут.

— Знаю, — хором сказали мы.

Тарина взволнованно улыбнулась и нырнула обратно в коридор.

— Значит, десять минут, — произнес он.

— Да.

Я не знала, что еще добавить. Помимо легкой тошноты и головокружения руки и ноги казались налитыми холодным свинцом. Казалось, стоит мне подняться со стула, и я упаду. Спасибо Гроу, он сделал это за меня: просто вздернул и поставил на носочки, обнимая за талию. Резкие нотки холодной мяты ударили в нос, приводя в себя. В последние несколько недель аромат его парфюма стал для меня активатором Люси. Наши драконы утомонились, и это позволяло спокойно выкладываться на репетициях. Если рядом с Гроу вообще может быть спокойно.

Пару мгновений мы молча смотрели друг на друга, а потом он меня отпустил. Мельком бросил взгляд на один из нарядов Люси, который мне предстояло надеть ближе к концу выступления: атласное голубое платье и перчатки. Собственно, это платье Люси надевает на свою первую презентацию, когда открывает выставку фотографий. На нее они приходят вместе со Стеном, который вот-вот станет ее мужем. Гроу смотрел отрешенно, но в этот момент я отчетливо осознала: сколько бы у тебя ни было постановок, каждый раз — как первый. Выходишь ли ты на сцену сам или выходят те, с кем ты репетировал, но это самый дикий, самый пьянящий и будоражащий момент.

Как будто ты стоишь на краю пропасти, делаешь шаг — и раскрываешь свое сердце.

Только публике в зале решать, упадешь ты или воспаришь к небесам.

Потому что сам ты делаешь все от тебя зависящее: горишь, сгораешь и возрождаешься из пепла.

Снова и снова.

— Пойдем? — Я протянула Гроу руку, и мы вместе вышли из примерной.

Прошли по коридорам в сопровождении охраны, с этим условием пришлось смириться, и признаю, что смысла оно лишено не было. Остановились только перед выходом на сцену, где уже дожидались Инис, Мерхел, Хиггинс, Тарина и остальные.

— Аншлаг, — пробормотала рыженькая, сцепив руки.

Несмотря на положительные отзывы после генеральной репетиции, на распроданные билеты, сейчас просто застыли. От декораций и зрителей нас отделял только непрозрачный со стороны зала занавес, нам все было видно, и у меня перехватило дыхание.

Зал был забит до отказа.

Море людей, в котором я отыскала Лэм и Дрэйка. Хейда. Имери и Танни. Вэйлара и Карин в центральной ложе рядом с Аргастель и Энтаром.

И с ним.

Музыка хлынула в зал, и я шагнула на сцену — на крышу небоскреба, с которого начинается история Люси и... моя.

На меня устремились тысячи взглядов, под которыми страшно было не то что петь, даже дышать, но из них я выхватила один. Пристальный, жесткий и в то же время родной.

Мой голос ворвался в музыку, ударяя под своды зала.

Этот город... в скоплении огней.
Этот город был мечтою моей.
И сейчас я стою над ним,
Вдыхая новой жизни разноцветный дым!

Я пела для всех, кто сейчас смотрел на меня. Огонь струился по венам,
и голос набирал силу, все больше приковывая внимание.

Однажды для вас я раскрою его.
Не блеск и не статус, его самого:
От самых высоких домов
До самых забытых дворов.
Каждый неба кусочек и каждый бульвар...
То, что рвется внутри и горит, как пожар...
Вы придете к нему вслед за мной
В тот город, что станет моею и вашей судьбой![\[4\]](#)

Дыхание рвалось из груди вместе с песней, и я пела. Пела о любви и мечте. Пела и улыбалась, горела Люси, глядя в замерший зал. Чувствуя, как легко тянется к ложе мой огонь. Как переплетаются наши огни даже через расстояние.

Зная, что, сколько бы ни прошло времени, что бы ни случилось, я буду петь.

Для всех и только для своего дракона.
Я буду петь для него, пока не иссякнет голос.

notes

Примечания

1

Пустынник — в этом мире опасный дракон.

Считается, что у взрослой особи дракона в среднем четыре тысячи чешуек.

Сипрон — синтетический материал, из которого изготавливают одноразовые косметические и сервировочные принадлежности (платочки, салфетки и т. п.).

В романе использованы стихи Марины Кузиной.